1855
ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА.
ЖИВОПИСЬ
ПАНТЕОНЪ
11.
СЕНТЯБРЬ.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
PATKE. sc.

Оглавление XXIV тома. 1855 г.

Книжка одиннадцатая, ноябрь.

I. Изящная словесность.

1. Заслуженный учитель. Роман Корженевского. Перевод с польского А. Чужбинского. Часть третья. (С. 1-98).

Стихотворения.

1. Свидание. Н. Грекова. (С. 1).
2. Что за чудная ночь! Н. Грекова. (С. 2).
3. Нет, не хочу в тебе искать безумно страсти. Н.Кроля. (С. 3).

II. История и теория искусства.

Записки Барнума. Часть четвертая.(С. 1-38).

Записки Шарлоты Аккерман. О гамбургском театре, в XVIII столетии. Собраны Отто Мюллером. (С. 1-64).

III. Смесь.

1. Лукавый попутал. В. И. Родиславского. (С. 1-8).
2.Заколдованное место. Рассказ Гр. Григоренко. (С. 17-24).
3. Краснокожие. Рассказ из индейской жизни. (С.17-48).
4. Письма из Италии. И. П. Мундта. (С. 49-66).
5. Невысказанная боль. Рассказ В. Негрескула. (С. 67-72).

IV. Современное.

1. **Литература**: Девушка из Ротуруга. Новозеландская сказка. (С. 1-3).

2. Театры, музыка, искусства: Артистический очерк. Статья Шмита. (И. Гайдн). (С. 4-9).

2. **Открытия в науках и промышленности**: Общественное продовольствие, хлебные растения и хлеб. (Из сочинения Пейена). (С. 9-21). Мехика, до завоевания ее испанцами. (С. 21-24). Составные части чая. (С. 25). Самое крошечное из известных ныне животных. (С. 25-27).

3. **Путешествия, сцены и нравы:** Смотр войскам в Китае. (С.27-28). 4.

4. **Мелкие рассказы и повести:** Английские туристы в Террачине.(С.29-36).

5. Анекдоты, замечательные случаи и новости: Завидная старость. (С. 36). – Оригинальное письмо. (С. 36). – Деньщик-повар. (С. 37-39). – Замечательное спасение от ядовитых змей. (С. 39-40). – Уборы древних египтянок. (С. 40-41). – Пальмерстон и два французских писателя. (С. 41-42). – Основание города Буффало. (С. 42).

V. Репертуар русской сцены. № 11.

Племянник из Индии. Комедия в одном действии. Сочинение Я. И. Дементьева. (С. 1-22).

Оглавление XXIV тома. 1855 г.

ОП

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Ѳ. А. Кони.

182266
7078

ТОМЪ XXIV.

НОЯБРЬ. — КНИЖКА ОДИННАДЦАТАЯ.

1855.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 2-го Марта 1856 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

Цензоръ *Н. Елагинъ.*

ТИПОГРАФІЯ ЮЛІУСА ШТАУФА.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА
М. С.
ПОКРОВСКАГО

I.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ

РОМАНЪ

КОРЖЕНЕВСКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

А. ЧУЖБИНСКАГО.

Часть третья.

—

IX.

Прошли наконецъ праздники Рождества Христова и кончился старый годъ, богатый для пана Романа посѣвомъ будущности, и въ которомъ герой нашъ постарѣлъ значительно, если назовемъ старостью не одни годы, но и обиліе впечатлѣній, обогащающихъ мысль, и свѣтъ опытности, подъ вліяніемъ котораго развивается сердце и созрѣваетъ самопознаніе. Заранѣе переѣхалъ панъ Романъ на Подолъ, чтобъ занять квартиру выгоднѣе и быть ближе контрактоваго движенія, долженствовавшаго вскорѣ оживить эту, до-тѣхъ-поръ пустую и молчаливую часть города. Хотѣлось ему также увидѣть церемонію освященія воды на Днѣпрѣ въ день крещенія, торжество величественное, совершаемое митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ соборнѣ съ нѣсколькими епископами, архимандритами и множествомъ священниковъ изъ монастырей и церквей кіевскихъ. При церемоніи

этой обыкновенно присутствуютъ военныя и гражданскія власти. Медленно подвигается торжественная процессія между молчаливыми рядами войскъ, стоящихъ съ открытыми головами, ее окружаютъ десятки тысячъ народа, благоговѣйно вспоминающаго первую минуту крещенія и стоящаго на скованной глубинѣ того-же самаго Днѣпра, съ водою котораго сошелъ на него свѣтъ вѣры и пролилась милость искупленія.

Съ 10-го января по улицамъ Подола началось необыкновенное движеніе и зазвенѣли кольцы краковскихъ хомутовъ, на которыхъ развѣвалась бѣлая, голубая и красная фланель, пестрѣя словно разноцвѣтный макъ. Съ каждымъ днемъ чаще раздавался звукъ бича, хлопавшаго надъ головами добраго пятерика сѣрыхъ, гнѣдой или вороной четверни, и радовалъ сердце домохозяевъ, какъ эхо, возвѣщавшее дукаты. Хлопанье бича вызывало насмѣшливую улыбку на уста русскихъ кучеровъ, предпочитавшихъ свой коротенькій кнутикъ, висящій у нихъ больше для формы, на вытянутой рукѣ и которымъ они изрѣдка и всегда какъ-бы украдкой постегиваютъ лѣнивую или упрямую лошадь. Съ каждымъ днемъ подъ окнами пана Романа болѣе и болѣе проѣзжало то каретъ, поставленныхъ на полозья съ заботливыми матушками и съ дочерьми невѣстами, то красивыхъ зимнихъ экипажей, принадлежавшихъ молодымъ щеголихамъ, то огромныхъ саней, накрытыхъ кожаной кибиткой съ фартухомъ, изъ-за котораго торчали взъерошенные усы шляхтича-капиталиста, сидѣвшаго на мѣшкѣ, полномъ векселей и расписокъ, и державшаго ноги на ларцѣ, набитомъ червонцами и ассигнаціями. Между этими тяжелыми экипажами проносились и легонькія санки мужей, которые, успѣвъ убѣдить женъ остаться дома, одни отправлялись на контракты. Вездѣ на козлахъ виднѣлись усатые кучера въ шинеляхъ съ теплыми воротниками, въ медвѣжьихъ или бараньихъ шапкахъ. Александровская улица кипѣла: шумъ и крики увеличивались, а мѣстное *берегись* и его сокращеніе—гись! уступало пріѣзжему гоу! или энергическому хлопанью бича и выраженію: *посторонись-же бестія*! * Уличный этотъ гамъ и движеніе увеличивали еще

* Польскіе кучера вмѣсто нашего *берегись!* или *правѣй!* кричатъ: a umknij ze big bestyo! Пр. пер.

ряды русскихъ извощиковъ, доставлявшихъ товары изъ Москвы и изъ Петербурга; при чемъ также не послѣднюю роль играли огромныя бродскія брички на колесахъ, облѣпленныхъ снѣгомъ, управляемыя жидомъ. Изъ нихъ выглядывали лисьи шапки, сѣдыя или рыжія бороды ростовщиковъ, а иногда высматривали съ любопытствомъ и надеждами молодая голова съ длинными волосами, и черные усики, и задравшаяся бородка инаго скрипача или фортепьяниста, который изъ Германіи, гдѣ его никто не хотѣлъ слушать, спѣшилъ въ Кіевъ, гдѣ у добрыхъ людей и уши готовы, и корманы полны.

Съ 10-го января приливъ этотъ увеличивается. Больше и больше закипаетъ Подолъ и становится многолюднѣе, а около 22-го достигаетъ высочайшей степени шума, движенія, ѣзды, суеты, хлопанья бичей, клятвъ на разныхъ языкахъ, серьознаго русскаго разговора, крикливой польской сердечной и дѣловой откровенности, жидовскаго и нѣмецкаго бормотанья, турецкаго шепота, горловаго закавказскаго писка, армянскаго носоваго мычанья и татарской жестикуляціи. Послѣ 26-го и 27 волны эти опадаютъ, рѣдѣютъ физіономіи, полныя надеждъ; пріѣзжавшая по дѣламъ шляхта спѣшитъ возвратиться домой; должники уходятъ, купцы медленно начинаютъ укладывать нераспроданные товары, остаются только съ обезкураженными лицами вѣрители, неполучившіе еще капиталовъ, но ожидающіе процентовъ, обѣщанныхъ на честное слово, матушки, не нашедшія зятей, но нетеряющія надежды; щеголихи, ожидающія какого-нибудь запоздалаго бала или проигрывающагося любовника; литераторы, не продавшіе билетовъ на неизданныя сочиненія, а въ-особенности играющая молодежь, которая разъѣзжается очень поздно, почти не спитъ, не хлопочетъ, но за то въ продолженіе этихъ двухъ недѣль проживаетъ нѣсколько лѣтъ жизни и нерѣдко все свое состояніе. Таковъ Подолъ во время контрактовъ. Послѣ 30-го января возвращается онъ къ своей обычной тишинѣ и гробовому молчанію, и снова изрѣдка увидите только санки, везущія или полицейскаго чиновника въ треугольной шляпѣ, или какую-нибудь экономную барыню, отправляющуюся къ Бабаеву запастись чаемъ, сахаромъ, кофе и другими потребностями.

Посмотримъ однакоже, что дѣлается на контрактахъ. Длин-

ная, пологая и мощеная улица, соединяющая Подолъ съ Печерскомъ и Крещатикомъ, ведетъ на большую площадь, именуемую площадью Сампсона. Оттуда во всѣ стороны расходятся ровныя, довольно широкія улицы, застроенныя—ближе къ площади каменными двухъ-этажными домами, а дальше деревянными домиками, одинаковой почти формы и одинаковыхъ размѣровъ. Всѣ ближайшіе къ центру домы не только наняты, но даже набиты пріѣзжими во время контрактовъ. Посреди площади стоитъ большой квадратный гостиный дворъ, который не нанимается пріѣзжими купцами, и гдѣ мѣстные торговцы раскладываютъ свои лучшіе товары, состоящіе изъ однихъ русскихъ произведеній и по большей части изъ сахара, чая, кофе, различныхъ кореньевъ, и всевозможныхъ тульскихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій.

За гостинымъ дворомъ, на самомъ углу площади, поближе къ Днѣпру стоитъ огромный контрактовый домъ, съ большимъ двухъ-этажнымъ флигелемъ. Домъ этотъ, частная собственность, и принадлежитъ господину Кисловскому, бывшему кіевскому головѣ и начальнику прежней городской гвардіи конной и пѣшей. Крыльцо этого зданія украшено шестью большими колоннами. Отсюда входятъ въ небольшія сѣни. Внизу двѣ комнаты занимаютъ полицейскіе, а такія-же три комнаты назади предназначаются для главнаго суда, на время контрактовъ переходящаго въ контрактовый домъ и имѣющаго тамъ свои засѣданія, для большаго удобства продающихъ и покупающихъ имѣнія. Все-же остальное помѣщеніе въ длину и ширину занимаетъ огромная контрактовая зала, обширный потолокъ которой опирается на десяти квадратныхъ колоннахъ. Изъ тѣхъ-же сѣней лѣстница ведетъ и на второй этажъ, расположенный—подобно первому, съ тою только разницею, что хотя зала, гдѣ даются балы и концерты, столько-же обширна, какъ и нижняя, однакоже выше, красивѣе и съ потолкомъ, опирающимся на десяти колоннахъ коринфскаго ордена.

Начиная отъ входа, какъ въ сѣняхъ такъ и въ контрактовой залѣ нѣтъ вершка мѣста на стѣнахъ, на лѣстницахъ, между окнами, у колоннъ, которое не былобы занято; завалено, нанято и заплачено. Сейчасъ у дверей на лѣво манятъ входящаго сухіе конфекты, пряники, карамельки въ разноцвѣтныхъ бумажкахъ и въ количествѣ, ужасающемъ здоровье;

дальше сидитъ Настенька съ Кіевскимъ сухимъ вареньемъ, и ея груши-бабы и панны, сложенныя въ красивыя пирамиды, пристыжаютъ иногда пріѣзжихъ и мѣстныхъ-красавицъ своею свѣжестью, румянцемъ и дородностью. Дальше улыбается хорошенькая башмачница изъ Минска, а за ней отъ пола до потолка стоятъ на полкахъ ряды дамскихъ башмаковъ, начиная отъ маленькихъ размѣровъ дѣтской ножки, до величины, могущей поспорить съ кирасирскимъ ботфортомъ. Направо къ окну вся стѣна завѣшана гравюрами, иллюминованными литографіями, а подъ лѣстницею на столахъ лежатъ кипы нотъ и картинъ, возлѣ которыхъ хлопочетъ бакенбардистый итальянецъ, съ грубымъ французскимъ произношеніемъ, приманивая молодыхъ помѣщиковъ выразительнымъ взоромъ.

Всѣ стѣны вдоль лѣстницы обиты канвейными узорами; на каждыхъ десяти ступенькахъ уже другой продавецъ, и что ни выше, тѣмъ дороже, потому что чѣмъ выше, тѣмъ рѣже толпа, тѣмъ долѣе дамы выбираютъ узоры, тѣмъ свободнѣе могутъ разговаривать и совѣтоваться съ сопровождающими ихъ кавалерами,— значитъ тѣмъ больше покупаютъ.

Въ залѣ у всѣхъ стѣнъ отъ пола до потолка тянутся полки, кое-гдѣ шкафы, дальше длинные и узкіе столы или оборoченные вверхъ дномъ ящики, и вездѣ кипы разнообразныхъ товаровъ. Рядомъ съ Щепанскимъ, разложившимъ свои книги, сидитъ татаринъ съ коврами и шалями; возлѣ смуглаго Бердичевскаго еврея, котораго полки бѣлѣютъ отъ голландскаго полотна, тутъ же суетится пестрый армянинъ и привлекаетъ покупателей яркими цвѣтами своихъ канаусовъ. Даже каждая сторона десяти колоннъ, подпирающихъ потолокъ, занята и представляетъ тоже разнообразіе. Подъ одной изъ нихъ грекъ изъ Одессы разложилъ турецкій табакъ въ желтыхъ сафьянныхъ мѣшкахъ, стамбулки въ банкахъ, пуки черешневыхъ чубуковъ, а на полкахъ красныя, зеленыя мечты и желтыя папучи; дальше люборскій книгопродавецъ Романскій, угощаетъ шляхту польскими писателями; наконецъ у четвертой стороны колонны пожилой Нѣмецъ привлекаетъ дѣтей погремушками, показывая имъ то пляшущаго паяца, то обнаженныя куклы изъ замши, съ нарисованнымъ лицомъ и въ красныхъ башмачкахъ. Вездѣ тоже самое разнообразіе, а всѣ эти разно-

цвѣтные, разнокалиберные товары, свезенные съ разныхъ концевъ свѣта, предлагаемые и продаваемые на различныхъ языкахъ, часто самымъ страннымъ и дикимъ акцентомъ, расходятся и исчезаютъ, оставляя только польскіе дукаты въ карманахъ прежнихъ своихъ владѣльцевъ.

Не такая толпа, пестрота и разнобоярщина во флигелѣ контрактоваго дома, за то въ товарахъ такое заманчивое и блестящее щегольство, такая утонченная вѣжливость въ продающихъ, цѣны такъ возвышены, даже немного безсовѣстны, за то здѣсь съ большей ясностью выражаются и суетность выскочекъ, и гордость природныхъ пановъ, и претензіи матушекъ, не скупящихся для дочерей, и мотовство хорошенькихъ кокетокъ, не жалѣющихъ ничего для себя. Тамъ-то между прочимъ занимаетъ среднюю залу Шафнагель, у котораго продаются бронза, сигары, зеркала, картины, самые лучшіе сыры и вина, изысканнѣйшія закуски, драгоцѣнное стекло и фарфоръ; у волшебника этого собирается лучшее общество, и онъ его потчуетъ, забавляетъ, заговариваетъ, льститъ, и полки его обнажаются постепенно, а корманы толстѣютъ. Наверху мадамъ Шафнагель прельщаетъ парижскими матеріями, кружевами, цвѣтами, лентами, шляпками и нарядами самыхъ привлекательныхъ формъ, самой свѣжей моды. Ту же самую роль играетъ она съ дамами, какую мужъ ея исполняетъ внизу передъ мужчинами. И всѣ довольны, потому что въ самомъ дѣлѣ все прекрасно, изящно, полно вкуса, и потому что на всемъ дѣйствительно билетики французскіе, а цѣны подобраны такъ искусно, такъ эфектно...

Легко заключить, что для пріѣзжающихъ на контракты, дни и ночи проходятъ быстро, словно въ горячкѣ. Отъ девяти часовъ утра уже наполняется зала, а между одиннадцатью и часомъ такая въ ней толпа, что нѣтъ возможности протолкаться. Тогда-то среди разнообразныхъ физіономій, костюмовъ и говора, увидите вы толпы шляхетскихъ лицъ, съ свѣтлыми глазами, съ длинными усами, съ улыбкой и честнымъ словомъ на устахъ, въ парадныхъ медвѣжьихъ шубахъ, а иногда въ старыхъ лисьихъ, и даже въ черныхъ и сѣрыхъ барашковыхъ тулупахъ. Шляхта эта постоянно въ движеніи. Тѣ приходятъ, тѣ уходятъ, возвращаются снова, и всѣ считаютъ громко или шепотомъ, всѣ говорятъ, всѣ заняты.

Здѣсь продаютъ и покупаютъ; здѣсь одинъ выхваляетъ деревню и высчитываетъ по пальцамъ огромные доходы, а другой находитъ множество недостатковъ въ томъ-же самомъ имѣніи и уменьшаетъ доходы на-половину; тамъ, пробираясь сквозь толпу, кредиторъ ловитъ должника, а послѣдній, замѣтивъ погоню, увивается за колоннами, заслоняется какимъ нибудь жидомъ или татариномъ, и исчезаетъ въ толпѣ, довольный тѣмъ, что хоть одинъ день въ выигрышѣ. Въ знакомомъ уже углу, на кипѣ товаровъ сидитъ шляхтъ-капиталистъ, съ лицомъ спокойнымъ и улыбающимся, а къ нему являются со всѣхъ сторонъ пріятели, пожимаютъ ему руку и улыбаются его шкатулкѣ. Въ другомъ мѣстѣ важно прохаживается Гальперинъ изъ Бердичева, и съ наклоненіемъ его головы, утверждающимъ кредитъ, то переходитъ изъ рукъ въ руки имѣніе, то изъ одного кармана въ другой переливаются сотни тысячъ. Все это исполняется быстро, среди хожденія и поисковъ, среди разговоровъ, клятвъ, божбы, счета на разныхъ языкахъ, среди покупки трубокъ и туфлей, среди спокойнаго счета милліона, и спора о десяти грошахъ.

Кто невидалъ этой усатой, выразительной и шумной толпы, тотъ изъ нашего описанія будетъ имѣть только слабое понятіе. Но для дополненія этого очерка прибавимъ, что 2000 человѣкъ въ одно время покупаютъ, продаютъ, берутъ на аренду, нанимаютъ, отдаютъ подъ залогъ деньги, берутъ взаймы, напоминаютъ, обѣщаютъ отдать завтра, считаютъ капиталъ съ процентами, проценты безъ капитала, и все это громко,. не обращая вниманія на сосѣда, который въ свою очередь торгуется, божится, или считаетъ.

И въ то время, когда это происходитъ въ контрактовой залѣ, городскія и пріѣзжія дамы въ щегольскихъ утреннихъ костюмахъ собираются у М-ме Шафнагель, выбираютъ матеріи у соперника ея Матіаса, пересматриваютъ лавку Битепажа, торгуютъ серебро или петербургское, или варшавское — издѣлія Фраже.

Впрочемъ, надо отдать имъ и ту справедливость, что среди этихъ драгоцѣнныхъ путешествій, онѣ незабываютъ и книжныхъ магазиновъ Завадскаго и Глюксберга, живущихъ по сосѣдству въ томъ же флигелѣ, и посматривающихъ другъ на друга искоса, а

иногда съ ироническою улыбкой. Хорошенькія украянки и подолянки застаютъ тамъ засѣдающихъ литераторовъ, каждаго съ достаточнымъ количествомъ приверженцевъ: одни гордые своимъ достоинствомъ, небрежно перелистываютъ новыя объявленія, другіе, поскромнѣе, сжимаютъ спрятанныя въ карманѣ рукописи, иные разсчитываютъ на будущую славу, но незнаютъ какъ завтра пообѣдать. Во второмъ часу приходятъ также туда изъ контрактовой залы мужья, братья и любезники этихъ покровительницъ литературы и раждающихся талантовъ, и тогда рѣдѣютъ полки въ книжныхъ магазинахъ, а ливрейные лакеи возвращаются домой съ тяжелыми ношами. По частью покупка книгъ служитъ отчасти признакомъ хорошаго тона на контрактахъ. Завадскій могъ бы составить любопытную статистику расхода и охоты къ пріобрѣтенію книгъ какъ польскихъ, такъ и иностранныхъ. Первое мѣсто заняла-бы, конечно, Украйна, потомъ Литва, потомъ Подолія, тамъ Царство Польское, а потомъ уже Волынь. Отчего же первая Украйна, а Волынь послѣдняя? Причина весьма простая: въ первой живетъ разбогатѣвшая своимъ трудомъ шляхта, а Волынь хотя и состоитъ почти вся изъ обширныхъ имѣній, но богата однѣми только историческими фамиліями.

Обыкновенно во время контрактовъ обѣды бываютъ шумны, потому что пріѣзжія дамы явились собственно за тѣмъ, чтобъ издержать много денегъ, чтобъ показать себя, порядиться, повеселиться, чтобъ удовлетворить тщеславію и врожденному польскому гостепріимству, любящему принять радушно и угостить на славу. И потому каждый изъ мужчинъ приглашенъ куда нибудь, и нѣтъ дома, украшеннаго присутствіемъ хозяйки, гдѣ бы не садилось за обѣдъ нѣсколько человѣкъ гостей.

Каждый вечеръ обыкновенно начинается концертомъ. Всѣ европейскія музыкальныя знаменитости знаютъ Кіевъ и знаютъ также очень хорошо, какъ пріятны тамъ рукоплесканія, потому что огромная зала обыкновенно бываетъ полна, а за билетъ иначе не платятъ какъ золотомъ.

Послѣ концерта начинаются уже сердечные контракты; повторяется все тоже, что было утромъ въ домашнихъ кружкахъ, въ гостиныхъ, прибранныхъ наскоро; и здѣсь бываютъ также торги, условія; и здѣсь привлекаютъ, ищутъ, обѣщаютъ и обма-

ныванотъ, сердятся и дуются; и здѣсь иногда совершаются покупки и продажи, иногда временныя уступки и аренды. Разница только та, что все это дѣлается не въ шапкѣ и шубѣ, но во фракѣ и въ желтыхъ перчаткахъ; не громко, не вовсеуслышаніе, но взоромъ, улыбкой и часто едва слышнымъ шепотомъ; и здѣсь еще то отличіе, что не говорится о душахъ, одѣтыхъ въ сермяги, но объ одной только душѣ, чувствительной, обвитой въ газъ, облеченной въ шелкъ и кружево.

Ночь имѣетъ тоже свой особенный характеръ во время контрактовъ. Окончившій счастливо дѣла, спитъ и храпитъ такъ, что окны трясутся; но тотъ, кого обманулъ должникъ, кого при покупкѣ надулъ пріятель, провелъ сосѣдъ, кто недосталъ аренды и незнаетъ, гдѣ пробыть до весны съ семействомъ и стадами, тотъ, не раздѣваясь, ходитъ по комнатѣ до разсвѣта. Не спитъ также и тотъ, кому завтра срокъ; бѣжитъ къ окну, заслышавъ хлопанье бича, тотъ, кто ожидаетъ эконома съ деньгами, должника съ капиталомъ, или вѣрителя съ довѣренностью. Барыни читаютъ вновь купленные романы, или мысленно повторяютъ грустные тоны Серве, или аккорды Листа и Тальберга, а чаще всего, взглянувъ въ послѣдній разъ въ зеркало и мечтая о томъ, что слышали и говорили, засыпаютъ сладко съ какимъ-то милымъ словцомъ на устахъ, съ какими-то усиками въ мысляхъ, съ какою-то надеждой или тревогой въ сердцѣ. Но есть домы, гдѣ о снѣ никто и не помышляетъ. Тамъ, на зеленыхъ столахъ догораютъ свѣчи, тамъ безпрестанно кипитъ въ чашахъ пуншъ, тамъ дымъ трубокъ и сигаръ стелется надъ наклоненными головами, а въ каждой груди столько расходуется жизни, сколько достало-бы десяти человѣческимъ существамъ, живущимъ спокойно, по завѣту Божьему; тамъ нѣтъ шума и разговоровъ: достаточно односложныхъ словъ, потому-что остальное дополняютъ извѣстные загибы картъ, сверкающіе, запавшіе глаза и дрожащая рука, придвигающая или отодвигающая деньги.

Такова-то внутренняя жизнь кіевскихъ контрактовъ. Недолго они продолжаются, но оставляютъ замѣтные слѣды въ сердцахъ нѣсколькихъ тысячъ людей, принимавшихъ въ нихъ участіе. Единственный въ своемъ родѣ съѣздъ этотъ даетъ значительное движеніе торговлѣ, всѣмъ-же владѣльцамъ обезпечиваетъ состо-

яніе: контракты, назначая вѣрный срокъ платежа, даютъ каждому возможность собраться съ силами и исполнить свои обязанности. Подобно всему земному и человѣческому, контракты также имѣютъ свою дурную и хорошую сторону. Разсѣваютъ и переводятъ они много милліоновъ, и если однимъ упрочиваютъ спокойствіе, доходы и существованіе на нѣсколько лѣтъ или навсегда, то часто также разоряютъ другимъ имѣніе, а инымъ навсегда отравляютъ покой и кладутъ пятно на доброе имя.

Безучастный свидѣтель этой суеты, этихъ горячечныхъ хлопотъ, панъ Романъ любовался невиданнымъ дотолѣ зрѣлищемъ, извлекая изъ всего пользу для своей опытности. Однако-же, послѣ 16 и 17 января перестала занимать его эта суета и возрастающее движеніе, и имъ овладѣла какая-то страшная скука. 18-го утромъ сидѣлъ онъ у окна, выходившаго на большую улицу, держалъ въ рукѣ письмо тетки и, смотря то на P. S., то въ окошко, приходилъ въ нетерпѣніе и предавался грустной задумчивости. Побуждаемый-ли предчувствіемъ, или просто утомленный подобнымъ состояніемъ духа, онъ наконецъ вскочилъ со стула и началъ одѣваться. Конечно, одѣться лучше и щеголеватѣе обыкновеннаго пану Роману пришла фантазія для развлеченія и для разсѣянія печальныхъ мыслей. И онъ началъ выбирать галстухи и жилеты, примѣрялъ и снималъ ихъ,—что не мало удивило честнаго Бартоша, не привыкшаго къ подобнымъ продѣлкамъ своего господина. Надѣлъ наконецъ панъ Романъ красивое пальто, и задумчиво началъ расправлять усы передъ зеркаломъ. Вдругъ раздалось хлопанье бича на улицѣ. Не извѣстно отчего звуки эти отозвались въ груди пана Романа; бросилъ онъ гребенку, подскочилъ къ окну, и, выглянувъ въ него, вылетѣлъ, какъ стоялъ, на улицу.

Въ тоже время какъ разъ противъ его двери остановилась темно-голубая карета на низкихъ полозьяхъ; пятерикъ добрыхъ и упаренныхъ сѣрыхъ коней подбрасывалъ удила и, порская, какъ-бы этимъ давая знать, что радъ здѣсь остановиться, хотѣлъ уже поскорѣе добраться въ конюшню. Но извощичьи сани съ запоздавшимъ товаромъ такъ сбились въ этомъ мѣстѣ, что невозможно было двинуться. Напрасно кричали кучеръ и лакей, ничто не помогало. Надо было ожидать. Когда панъ Романъ

остановился въ дверяхъ своей квартиры, румяное, красивое личико показалось въ окнѣ кареты; нѣжный носикъ коснулся стекла, черные глаза блеснули радостью, на коралловыхъ губкахъ показалась такая милая улыбка, что панъ Романъ рѣшительно позабылъ о своемъ легкомъ костюмѣ и о томъ, что былъ безъ фуражки. Не смотря на глубокій и сыпучій снѣгъ, подбѣжалъ панъ Романъ къ каретѣ, въ минуту опустилось окно, а бѣлая и пухленькая ручка, вынутая изъ собольей муфты, коснулась дрожавшей руки его.

«Такъ поздно!» сказалъ онъ наконецъ въ волненіи.

— «Развѣ меня здѣсь ожидалъ кто-нибудь?» спросила Христина, и видя, что панъ Романъ покраснѣлъ, улыбнулась и прибавила:

— «Вы здѣсь стоите?»

— Больше двухъ недѣль, и цѣлую недѣлю высматриваю въ это окошко.

— «Высматриваете—развѣ кто обѣщалъ пріѣхать?»

— Письмо тетеньки предупреждало меня о вашемъ пріѣздѣ.

— «Такъ вы меня высматривали въ это окошко?»

И когда панъ Романъ какъ-то не нашелся что отвѣчать, Христина прибавила:

«Но вы промочите ноги и простудитесь. Подите, возьмите шинель и фуражку.»

— Вы хотите отъ меня отдѣлаться.

— «Напротивъ, желаю вамъ какъ можно больше здоровья, сказала Христина, краснѣя, потому-что буду имѣть въ васъ надобность въ-продолженіе цѣлыхъ контрактовъ; мнѣ много нужно сдѣлать покупокъ.»

— Значитъ, я нуженъ только для покупокъ, сказалъ нашъ герой шутя, однакожъ припомнилъ покупки, сдѣланныя на краковскомъ предмѣстьи. И въ то время, когда воспоминаніе это заставило его призадуматься, Христина сказала, обращаясь къ своему лакею:

«А что-же мы не ѣдемъ?»

— Невозможно двинуться съ мѣста, отвѣчалъ слуга.

— «Ступай-же на верхъ и принеси пану шинель и фуражку.»

Слуга побѣжалъ исполнить приказаніе, а панъ Романъ сказалъ улыбаясь:

— Благодарю васъ за заботливость, хотя-бы и по милости покупокъ.

«Помните-же, чтобъ меня здѣсь никто не обманулъ.»

— Въ такомъ случаѣ я долженъ буду вамъ вездѣ сопутствовать и слѣдить васъ на каждомъ шагу», говорилъ панъ Романъ, какъ-бы уже болѣе въ чемъ-то увѣренный.

— «Разумѣется. Хотя и не по собственному желанію, однако-же все-таки по волѣ бабушки, я здѣсь подъ исключительнымъ вашимъ покровительствомъ.»

При этихъ словахъ выраженіе лица ея было такъ шутливо, глаза такъ смотрѣли, что панъ Романъ ощутилъ трепетъ. Въ это время ему принесли шинель. Не успѣлъ онъ одѣться и спросить Христину, гдѣ она остановится, какъ лошади двинулись, и изъ кареты показалась головка и послышалось:

— «Au revoir, monsieur!»

Остался нашъ герой на снѣгу въ лакированныхъ сапогахъ. Выскочивъ на тротуаръ и отряхнувъ ноги, онъ подумалъ съ минуту и, боясь потерять день, если-бъ пришло въ голову своевольной кокеткѣ не дать ему адреса, онъ рѣшился слѣдить, гдѣ она остановится. На счастіе подъѣхалъ извощикъ. Вскочивъ въ санки, панъ Романъ замѣтилъ, что Христина поворотила къ Днѣпру и приказалъ слѣдовать за ея экипажемъ; вскорѣ онъ увидѣлъ, что карета остановилась передъ порядочнымъ двухъэтажнымъ домомъ на Борисоглѣбской улицѣ и исчезла въ отворенныхъ воротахъ. Обезпеченный въ этомъ отношеніи, панъ Романъ отправился, для разсѣянія, въ контрактовую залу; но всходя на крыльцо, у послѣдней колонны замѣтилъ мужчину, закутаннаго въ плащъ и спокойно гладившаго бороду. Хотя лицо незнакомца было обращено въ противную сторону, однако вся фигура эта и движенія, какъ-то непріятно поразили нашего героя. Онъ подошелъ ближе; незнакомецъ оборотился въ тоже время. Это былъ панъ Владиславъ Искрицкій. Не смотря на все желаніе, пану Роману невозможно было притвориться, что невидитъ его. Панъ Владиславъ улыбнулся первый и протянулъ руку.

— Каково поживаете? спросилъ онъ привѣтливо. Видно контракты наши неслишкомъ васъ занимаютъ: вы что-то грустны и утомлены.

— Напротивъ, напротивъ, отвѣчалъ панъ Романъ: «меня занимаетъ все окружающее; можетъ-быть, больше уже и не пріѣду, но на первый разъ все достойно любопытства. Вы здѣсь бываете ежегодно?»

— Да, у меня есть дѣла, отвѣчалъ панъ Владиславъ.

«Однако-же вы опоздали немного», говорилъ панъ Романъ медленно, смотря пристально въ глаза своему собесѣднику.

Панъ Владиславъ улыбнулся и отвѣчалъ, поглаживая бороду:

— Не могъ раньше.

«Давно-ли вы пріѣхали?» спросилъ панъ Романъ, блѣднѣя и чувствуя какъ сжималось его сердце.

— Часъ, не больше, отвѣчалъ панъ Искрицкій, поднявъ глаза и смотря всторону.

«Мое почтеніе», сказалъ тогда панъ Романъ, кивнувъ головой, и отошелъ, едва разслушавъ: «до свиданія!» брошенное ему небрежно паномъ Владиславомъ. Войдя въ залу, онъ нашелъ ее набитой нечистой, несносной и крикливой толпою. Скоро онъ ушелъ оттуда и завернулъ къ Завадскому. Тамъ приказалъ онъ отложить все, что вышло у него въ-продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ; взялъ первую иллюстрованную книгу, усѣлся въ углу и началъ ее перелистывать. Вмѣсто буквъ панъ Романъ видѣлъ рядъ нагруженныхъ саней, загромоздившихъ улицу, и среди ихъ—темноголубую карету, сквозь хрустальное стекло которой представлялись ему блестящіе глаза, улыбавшіяся губки и бѣлая, теплая ручка, коснувшаяся его пальцевъ. Виньетки, украшавшія книгу, казались ему нетерпѣливыми сѣрыми лошадьми, а заглавныя буквы, которыми написано было: *глава*, приняли въ глазахъ его видъ колоннъ контрактоваго дома, и у послѣдней изъ нихъ увидѣлъ онъ мужчину въ плащѣ, поглаживавшаго бороду. И горькія мысли пробѣгали въ головѣ пана Романа; а когда онъ подумалъ, что панъ Владиславъ почти въ одно время пріѣхалъ съ Христиной, что они могли останавливаться на однихъ постоялыхъ дворахъ, а можетъ быть и ночевали въ од-

нихъ и тѣхъ-же мѣстечкахъ, онъ бросилъ книгу, всталъ быстро со стула и вышелъ. Съ часъ еще блуждалъ онъ по разнымъ мѣстамъ, не находя ни спокойствія, ни развлеченія; наконецъ возвратился домой усталый, изнеможенный, въ самомъ дурномъ расположеніи духа, и только-что хотѣлъ броситься на диванъ отдохнуть и помечтать, какъ замѣтилъ на столикѣ бѣленькую, хорошенькую и таинственно-сложенную записочку слѣдующаго содержанія: «Я еще не совсѣмъ устроилась; но приходите, вы поможете мнѣ расположиться съ большимъ удобствомъ. Если будете добры, проводите меня потомъ къ М-мъ Шафнагель, у которой нужно мнѣ подновить и освѣжить свой гардеробъ. Прошу однакоже не отдѣлываться, не то сію минуту пошлю эстафету къ бабушкѣ, что вы ее не слушаетесь. Я живу на Борисоглѣбской улицѣ, подъ № 91. Христина.»

Измявъ записочку, панъ Романъ началъ ходить по комнатѣ. Черезъ нѣсколько времени выглянулъ онъ въ окно. Погода была прекрасная. Герою нашему вздумалось проѣхаться; онъ переодѣлся, натянулъ палевыя перчатки, взялъ шляпу и накинувъ щегольское, новенькое пальто, отправился, приказавъ везти себя на Крещатикъ. Но скоро пришло ему въ голову, что гора крута, что лошади измучатся напрасно, ему-же на Крещатикѣ не было особенной надобности, и онъ возвратился на Подолъ. Здѣсь остановился онъ у колодца Самисона, отъ котораго вся площадь получила названіе; панъ Романъ двинулся дальше къ Духовной Академіи. Здѣсь онъ втрѣтилъ какое-то препятствіе и, невидя надобности ѣхать къ Днѣпру, не представлявшему зимой живописныхъ видовъ, онъ поворотилъ направо, и, выѣхавъ случайно на Борисоглѣбскую улицу, велѣлъ остановиться передъ 91 №.

Не станемъ утомлять читателей дальнѣйшими подробностями, скажемъ только, что послѣдніе дни контрактовъ панъ Романъ провелъ точно также, какъ и незабвенные дни, промелькнувшіе въ Мышовцахъ. Христина была съ нимъ одинаково любезна и предупредительна. Она просила его обѣдать у нея постоянно, а если иногда куда-нибудь ее приглашали, то и панъ Романъ получалъ приглашеніе. Постоянно сопровождалъ онъ ее вездѣ и возвращался вмѣстѣ съ нею; на небольшихъ вечерахъ

у нея, чрезвычайно пріятныхъ и оживленныхъ, часто доставались ему на долю—лестные для мужчинъ знаки дружбы, мелкія порученія домашней жизни, говорившія присутствующимъ, что человѣкъ этотъ входитъ въ права, которымъ каждый завидовалъ. Гордился этимъ панъ Романъ и, сравнивая Христину со всѣми мѣстными и пріѣзжими красавицами, находилъ ее лучше, милѣе, и тѣмъ яснѣе понималъ желанія тетки. Христина тоже, въ свою очередь, показывала ему расположеніе: не проходила никогда въ обществѣ мимо его, не кивнувъ ему головкой, не улыбнувшись, не сказавъ чего-нибудь привѣтливаго: садилась-ли она въ экипажъ, онъ одинъ только подавалъ ей руку; шла ли пѣшкомъ, только на его руку опиралась, такъ всходила она и на лѣстницу выбирать узоры, и къ М-мъ Шафнагель выбирать наряды, и въ книжный магазинъ, запасаться книгами и спорить съ литераторами. Кто-же не увлекся-бы изъ мужчинъ? Кто-же изъ читателей удивится, что панъ Романъ ни разу въ это время не заглянулъ въ таинственную перегородку своего бумажника, гдѣ лежало письмо Кати, и не прочелъ ни одной молитвы по ея книжечкѣ?

28-го января, у Христины былъ послѣдній вечеръ. Хотя многіе уже разъѣхались, однако зала ея наполнилась всѣми, кто только оставался еще въ городѣ изъ порядочныхъ. Никогда Христина не была такъ хороша, такъ весела, добра и такъ внимательна къ пану Роману. Въ два часа разъѣхались гости; панъ Романъ выходилъ послѣдній. Очутясь у двери, онъ оборотился и, увидя Христину, протянулъ ей издали руки. Мило взглянувъ на него, разводка покачала головкой, какъ-бы говоря: не надо! Увлеченный необыкновенной красотой очаровательницы, панъ Романъ хотѣлъ уже возвратиться къ ней съ надеждой и страстью во взорахъ, но Христина предупредила его, подбѣжавъ къ нему и шепнула, быстро зажавъ ему ротъ хорошенькою ручкой:

— «Идите, пора! Покойной ночи! Товарищъ ожидаетъ васъ у подъѣзда.»

Словно пьяный возвратился панъ Романъ на квартиру; но каково-же было его удивленіе, когда, войдя въ гостиную, онъ засталъ какого-то мужчину, сидѣвшаго спиной къ двери, опер-

шись локтями на столъ, запустивъ пальцы въ волосы и такимъ-образомъ поддерживая обѣими руками, вѣроятно тяжелую, задумавшуюся голову. Услышавъ стукъ двери и шумъ шаговъ, гость всталъ и оборотился къ пану Роману. Это былъ панъ Искрицкій. Лицо его было блѣдно какъ полотно, глаза впали, усы и борода растрепались, лацканъ сюртука разорванъ и галстухъ, вѣроятно душившій его, былъ развязанъ и висѣлъ на растегнутомъ жилетѣ и измятой рубашкѣ. Зрѣлище это поразило пана Романа; а быстрый переходъ отъ чуднаго созданья, полнаго красоты, жизни и обольщеній, къ отверженному существу, за которымъ, казалось, стояли погибель и разореніе, этотъ быстрый переходъ отъ любви и счастья къ ненависти, а можетъ-быть и къ какой-нибудь выходкѣ отчаянія, такъ отуманили его, что онъ не зналъ: сонъ это, или дѣйствительность? не былъ-ли онъ недавно въ небѣ, которое затворилось передъ нимъ, и не стоитъ-ли теперь у дверей ада?

Герой нашъ не имѣлъ къ пану Владиславу ни малѣйшаго нерасположенія. Съ пріѣзда Христины онъ рѣдко видѣлъ его, а у нея никогда. Въ постороннихъ домахъ, въ концертахъ и вообще въ обществѣ, панъ Владиславъ рѣшительно не подходилъ къ Христинѣ, нисколько не мѣшая пану Роману. Герой нашъ не могъ придумать зачѣмъ онъ пришелъ къ нему въ эту пору и въ такомъ ужасномъ положеніи. Черезъ нѣсколько минутъ Владиславъ обратился къ хозяину:

— Конечно, вы удивляетесь, видя меня здѣсь?

«Не скрою этого», отвѣчалъ панъ Романъ.

— Не удивляйтесь и простите, что прерываю, можетъ-быть, пріятныя мечтанія. Съ часъ уже я ожидаю васъ. Но позвольте мнѣ присѣсть, потому-что у меня дрожатъ ноги, прибавилъ онъ глухимъ голосомъ.

Панъ Романъ сѣлъ и указалъ гостю кресло.

— Вы возвращаетесь отъ нея? спросилъ панъ Владиславъ, потирая лобъ рукою.

«Возвращаюсь съ вечера отъ пани Рожевской», отвѣчалъ Романъ, произнося послѣднее слово съ удареніемъ.

— Не сердитесь, что я такъ ее называю: она моя родственница, была моей невѣстой, любила меня, и я любилъ ее. И какъ-

бы ни измѣнились обстоятельства, тонъ моего разговора нисколько для нее не оскорбителенъ.

«Очень радъ и всегда былъ увѣренъ что вы не имѣете никакого повода говорить съ неуваженіемъ о женщинѣ, подобной пани Рожевской.»

— Съ пренебреженіемъ? отозвался панъ Владиславъ, грустно улыбаясь. Никто не чувствуетъ и не можетъ больше меня чувствовать къ ней уваженія и любви. Но я не знаю, хорошо-ли вы меня понимаете и извѣстны-ли вамъ наши отношенія?

«Знаю обо всемъ, отъ тетки», отвѣчалъ панъ Романъ.

— Тѣмъ лучше; значитъ не надо утомлять васъ долгимъ разсказомъ; скажу только то, о чемъ вамъ можетъ-быть не говорили, прибавилъ панъ Владиславъ, махнувъ рукою. Еслибы я захотѣлъ, Христина была-бы моею женою годъ или два тому назадъ. Не упрекайте меня въ хвастовствѣ. Много у меня пороковъ, но я презираю фанфаронство, потому-что, оно признакъ глупости и рука объ руку идетъ съ клеветою. И такъ, скажу, я не хотѣлъ этого супружества, потому-что любилъ ее, уважалъ ея правила и великодушіе. Любящая и благородная, она вѣрила въ мое обѣщаніе исправиться и остепениться, которое я далъ ей въ порывѣ благодарности. Но я самъ не вѣрилъ своему обѣщанію, я самъ не хотѣлъ — ангела, подававшаго мнѣ руку, увлекать къ пропасти, въ которую толкала меня какая-то непостижимая и пагубная сила.

Панъ Владиславъ прошелся раза два по комнатѣ и, остановясь передъ Романомъ, продолжалъ:

— Конечно, васъ удивляетъ моя исповѣдь! Хочу, чтобъ вы меня узнали прежде, чѣмъ я объявлю причину своего прихода. Въ томъ, что вы до сихъ поръ слышали—видна, можетъ быть, хорошая сторона моего характера, есть даже сколько нибудь благородства: шулеръ и развратникъ—я не захотѣлъ быть господиномъ имѣнія, которое могъ бы растратить, отказался обладать чудной женщиной, отдававшейся мнѣ съ любовью. Но куда привела меня теперь дорога, по которой я былъ влекомъ какою-то роковою силой? Два года тому назадъ, я проигрался; Христина узнала объ этомъ и заплатила, не смотря на значительность суммы. Въ другой разъ я проигралъ нѣсколько тысячъ въ Одессѣ. Меня обы-

Инв 10460. 70/78

грали заѣзжіе, они повѣрили мнѣ на три дня, на честное слово. Надо было или сдержать обѣщаніе, или пустить себѣ пулю въ лобъ. Никто уже не имѣлъ ко мнѣ довѣрія. Униженный первою милостыней, которой возвратить я не могъ, я обратился вторично за подаяніемъ. У Христины не было денегъ, она отдала мнѣ свои бриллiянты, и хотя, отдавая, уронила на нихъ слезу, однако я взялъ ихъ и продалъ. Теперь вы знаете, что имѣете дѣло съ человѣкомъ, который платитъ горемъ и огорченіемъ тѣмъ, кто его любитъ; который отягчаетъ новымъ грѣхомъ тѣхъ, кто прощаетъ ему, который грабитъ и обираетъ тѣхъ, кто ему покровительствуетъ. Передъ вами шулеръ въ полномъ и ужасномъ значеніи этого слова; передъ вами негодяй, способный заплатить только карточный долгъ, но во всякомъ другомъ случаѣ нестоящій ни какого довѣрія. Теперь хотите-ли слышать продолженіе?

«Говорите», сказалъ панъ Романъ, глубоко тронутый такимъ страннымъ отчаяніемъ.

— Да, я кончу! сказалъ Владиславъ, бросаясь въ кресла, по-крайней мѣрѣ, вы отдадите мнѣ справедливость, что я не хотѣлъ надуть васъ. Никогда еще въ жизни я не былъ несчастнѣе. Шесть дней я не сплю и почти не ѣмъ, постоянно играю и проигрываю. Сегодня проигрался совершенно. Къ счастію деревня, отъ которой я существую, принадлежитъ по смерть моей матери; иначе и этотъ кусокъ, доставшійся кровавымъ трудомъ отцу моему, я растратилъ бы непремѣнно. Но трехлѣтняя аренда улыбнулась. Я взялъ ее сполна недѣлю тому назадъ, и уже неосталось ни гроша. Я проигралъ всѣ вещи, книги, сани, лошадей, на которыхъ пріѣхалъ сюда; поставилъ на карту и проигралъ даже своего вѣрнаго товарища и друга—собаку, которую она любила. Теперь у меня ничего нѣтъ, кромѣ сюртука, разорваннаго со злости и тридцати тысячъ злотыхъ долгу. Но это одинъ изъ тѣхъ долговъ, которые должно заплатить, это долгъ не брату, другу или любовницѣ; я долженъ тридцать тысячъ подобнымъ же мнѣ картежникамъ и обязанъ заплатить завтра, въ восемь часовъ утра. Обратись я къ ней, она и теперь вытащила бы меня изъ этого грязнаго болота; но я этого не сдѣлаю: лучше погибну, какъ послѣдній негодяй, лучше кончу несносную жизнь

какимъ нибудь отчаяннымъ образомъ, чѣмъ огорчу сердце, котораго не стою. Вы видите, у меня только два способа выйти изъ этого адскаго положенія: первый — пистолетъ, а второй...

Здѣсь панъ Владиславъ остановился, запустилъ обѣ руки въ волоса и крѣпко сжалъ голову.

«Зачѣмъ же не оканчиваете? Какое же другое средство? спросилъ Романъ, смотря на него съ сожалѣніемъ.

Вскочивъ со стула, панъ Искрицкій началъ быстро ходить по комнатѣ.

— Га! мнѣ казалось что это легче будетъ-выговорить! воскликнулъ онъ.

«Хотите, я заплачу за васъ?» сказалъ Романъ въ возвышенной простотѣ благороднаго сердца.

Панъ Владиславъ подошелъ къ нему, и положивъ руку на плечо, смотрѣлъ по него съ недовѣрчивостью.

— И вы бы сдѣлали это? спросилъ онъ.—Но, правда, прибавилъ онъ, отступая: вы должны быть достойны и благородны, если для васъ она забываетъ несчастную свою слабость ко мнѣ. О, старайтесь, старайтесь, чтобъ она васъ полюбила! сказалъ онъ, взявъ пана Романа за обѣ руки. Ни одна женщина въ мірѣ не подаритъ вамъ столько счастья.

Здѣсь бѣднякъ сѣлъ, утомленный бурей, столько дней бушевавшей въ груди его, закрылъ лицо руками и обильныя слезы облегченія, а можетъ быть и искренняго раскаянія полились изъ глазъ его.

Герой нашъ растрогался.

«Успокойтесь, панъ Владиславъ», говорилъ онъ съ участіемъ. Видно, что несчастная страсть не заглушила еще добра въ вашемъ сердцѣ. Значитъ я нисколько не рискую, помогая вамъ, я убѣжденъ что васъ возвыситъ глубокое чувство испытаннаго вами униженія, что честь, сродная вашему сердцу, припомнитъ минуту, въ которую я подалъ вамъ руку помощи.»

— Такъ это не милостыня?.. воскликнулъ панъ Владиславъ, отирая слезы.

«Заемъ, панъ Владиславъ и не безъ условія.»

— Значитъ, вы еще вѣрите, что я способенъ выполнить какое-бы то ни было условіе?

«Я уже сказалъ, что вы воображаете себя хуже, чѣмъ вы на самомъ дѣлѣ.»

— О, теперь я не удивляюсь, что она васъ любитъ! сказалъ грустно, панъ Владиславъ, оперся на руку головой и задумался.

Грусть эта и задумчивость показали пану Роману какъ должно быть глубоко чувство пана Искрицкаго къ Христинѣ, и какъ сильна страсть его къ игрѣ, когда первое не могло одолѣть ее. Странная тоска овладѣла сердцемъ пана Романа, а мысль, что и первая любовь Христины можетъ быть столь-же глубокой, привела его въ какой-то томительный трепетъ. Онъ хотѣлъ поскорѣе окончить это дѣло, думая съ окончаніемъ его снова возвратиться къ сладкимъ мечтаніямъ, съ которыми пріѣхалъ домой.

«И такъ принимаете мое условіе?» спросилъ онъ у задумавшагося пана Владислава.

— Принимаю, какое бы оно ни было, отвѣчалъ тотъ слабымъ голосомъ.

«Садитесь же къ бюро и напишите мнѣ росписку на тридцать двѣ тысячи злотыхъ; только не выставляйте срока, потому что какъ нибудь можете не исполнить, а мнѣ бы этого не хотѣлось.»

Взглянувъ на нашего героя, панъ Владиславъ потеръ лобъ, усѣлся и написалъ.

Прочтя росписку и спрятавъ ее, панъ Романъ продолжалъ:

«Теперь пишите, что продиктую.»

Панъ Владиславъ взялъ перо, а герой нашъ началъ диктовать:

«Уполномочиваю пана Романа Выжпольскаго, изъ слѣдуемыхъ мнѣ отъ него тридцати тысячъ злотыхъ уплатить господамъ (здѣсь напишите имена кредиторовъ, и сколько имъ должны) всего тридцать тысячъ злотыхъ. По представленіи мнѣ отъ вышеозначенныхъ особъ квитанцій, росписка и долгъ пана Выжпольскаго будутъ уничтожены.»

Окончивъ и подписавъ, панъ Искрицкій сказалъ:

— Значитъ вы не хотите дать мнѣ денегъ въ руки.

«Развѣ я дурно дѣлаю?» спросилъ панъ Романъ, протягивая ему руку.

— Напротивъ, очень хорошо! Еслибы я имѣлъ эту сумму

у себя и увидѣлъ свѣтъ *у нихъ* въ окнахъ, я пошелъ бы и все проигралъ снова.

«А потому — еще условіе», сказалъ панъ Романъ, доставая изъ бюро триста рублей. Написали вы мнѣ росписку на тридцать двѣ тысячи злотыхъ, а я заплачу завтра только тридцать.»

—Развѣ я написалъ на тридцать двѣ тысячи? А, правда, значитъ, вы мнѣ даете наличными двѣ тысячи?

— «Да; чтобъ было чѣмъ расплатиться за квартиру, нанять лошадей и завтра-же уѣхать домой, получивъ росписку отъ кредиторовъ.»

— Благодарю, отъ души благодарю васъ, сказалъ панъ Владиславъ, взявъ деньги; но чуть только почувствовалъ въ рукѣ губительныя бумажки, глаза его заискрились и загорѣлись жизнью и блескомъ.

Герой нашъ вздрогнулъ, а панъ Владиславъ, поблагодаривъ еще разъ, поспѣшно пошелъ къ двери. Переступая черезъ порогъ, онъ однакожъ остановился, подумалъ съ минуту, и возвращаясь медленно къ пану Роману, отдалъ ему деньги.

— Прикажите сами, панъ Романъ, нанять мнѣ лошадей, а я между тѣмъ отправлюсь спать; пусть ваше доброе дѣло останется вполнѣ добрымъ и полезнымъ, сказалъ онъ.

—«Видите, я хорошо зналъ, что съ вами нисколько не рискую.»

— Что я отдамъ вамъ деньги, Богъ въ томъ свидѣтель! сказалъ тогда панъ Владиславъ со слезами на глазахъ: сомнѣваюсь, буду ли когда въ состояніи заплатить за эти минуты, это было-бы уже слишкомъ большимъ счастьемъ, котораго я не достоинъ.

Сказавъ это, онъ сжалъ руку нашему герою, накинулъ плащъ и вышелъ.

Панъ Романъ долго еще ходилъ по комнатѣ, наконецъ легъ и никогда не спалъ покойнѣе.

На другой день, заплативъ карточные долги пана Владислава и выпроводивъ игрока за городъ, отправился онъ къ Христинѣ часу въ двѣнадцатомъ. Ему сказали, что барыня больна и никого непринимаетъ. Простыя необыкновенныя эти слова поразили его какъ-то болѣзненно; онъ возвратился домой и никуда уже не

выходилъ. Легко понять, какъ этотъ день показался ему длиннымъ и скучнымъ. Неспособный ничѣмъ заняться; ходилъ онъ по комнатѣ, и при малѣйшемъ шумѣ—падала ли щетка изъ рукъ слуги, скрипѣла ли дверь, онъ спрашивалъ: кто пришелъ? Считая и чувствуя такимъ образомъ каждую-минуту, онъ ожидалъ приглашенія. Наконецъ стемнѣло. Пробило восемь, девять, десять часовъ. Панъ Романъ еще не раздѣвался, все еще ждалъ. Около одиннадцати услышалъ онъ разговоръ въ передней и выглянулъ. Принесли записку отъ Христины. Герой нашъ схватилъ милое посланіе и убѣжалъ въ свою комнату. Записка была слѣдующаго содержанія:

«Не приняла я васъ потому, что была гадка отъ слезъ. Мнѣ все извѣстно; не удивляюсь, что вы поступили подобнымъ образомъ. Я иначе себѣ васъ и не представляла. Завтра ѣду прямо въ Быковку къ моей добрѣйщей бабушкѣ. Остаетесь ли вы еще здѣсь? Христина.»

Панъ Романъ поднялся и такъ выпрямился, что казалось достаетъ потолка головою; потомъ выбѣжалъ въ переднюю и, не заставъ лакея Христины, крикнулъ на стараго слугу своего, смотрѣвшаго на него съ изумленіемъ:

«Укладывайся сей-часъ! завтра утромъ выѣзжаемъ.»

Остальное предоставляемъ дополнить нашимъ читателямъ. Оставляемъ ихъ съ паномъ Романомъ на Побережьи и позволяемъ создавать на этомъ фундаментѣ все, что имъ угодно, а сами возвратимся въ Варшаву и на Житную улицу, хотя и давно оставленную нами, однако нисколько не позабытую.

X.

Когда послѣ свѣтлыхъ праздниковъ, съ наступающею весной очистились улицы Варшавы и зазеленѣли многочисленные сады ея, ожилъ и нашъ старый учитель, укрѣпился частыми прогулками и возвратился къ прежнему здоровью и обычнымъ занятіямъ. Ничто уже не могло удержать его педагогическаго рвенія: ни просьбы дочери, чтобъ поберечь здоровье, ни просьбы и увѣренія Мартына, говорившаго, что ему самому уже пора приготовиться къ экзамену.

— «Вспомните, что вы недавно оправились отъ тяжкой болѣзни! говорилъ добрый юноша, подстрекаемый взоромъ панны Катерины... Я уже столько знаю, слава Богу, что хоть сегодня готовъ на экзаменъ, а что-же будетъ, если недѣли три поработаю и все повторю!»

— Знаю, милый мой, что ты готовъ и сумѣешь распорядиться собою, да много времени потерялъ въ продолженіе моей болѣзни, отвѣчалъ панъ Кипріянъ, нюхая смѣсь, приходившуюся на то число апрѣля, составленную изъ французскаго табаку съ одною третью голландскаго и съ одной четвертью марокко. Вмѣсто того, чтобъ учиться, ты бѣгалъ къ доктору и въ аптеку; вмѣсто того, чтобы спать, ты просиживалъ цѣлыя ночи у моей постели: много долженъ я тебѣ времени, у тебя отнятаго.

— «О, безцѣнный мой учитель!» говорилъ растроганный молодой человѣкъ, цѣлуя руку эмерита и смотря на панну Катерину, въ нѣжномъ взорѣ которой находилъ сладкую награду.

— Да, да, милый мой, надо вознаградить потерянное время. Я шелъ-бы съ тобой на экзаменъ покойно и поднявъ голову, теперь я не такъ увѣренъ. Въ совѣтѣ Гимназіи засѣдаютъ по большей части мои ученики, а мнѣ не приходится показать предъ ними, что я позабылъ уже свою прежнюю методу, сдѣлался неспособнымъ; ты этого не можешь отъ меня требовать.

Здѣсь старикъ съ большею еще энергіей понюхалъ табаку и принялся заниматься съ своимъ воспитанникомъ. Мартынчикъ утроилъ усилія. Въ послѣднія двѣ недѣли онъ спалъ едва по три часа въ сутки, а все время, свободное отъ занятій съ паномъ Кипріяномъ, посвящалъ на репетиціи съ знакомымъ ему, вновь проэкзаменованнымъ учителемъ, не имѣвшимъ еще мѣста.

По прошествіи этихъ двухъ недѣль, панъ Кипріянъ сдѣлалъ общее повтореніе всѣхъ пройденныхъ предметовъ, обнялъ своего ученика и, походивъ немного по комнатѣ, то улыбаясь, то задумываясь, вошелъ наконецъ въ кабинетъ, снялъ съ вѣшалки вицъ-мундиръ и, насыпавъ свѣжаго табаку изъ приходившагося на тотъ день пузырька, вышелъ изъ дому.

Уходя, приказалъ онъ Катѣ прибрать комнаты и не растворять окна; а Мартыну велѣлъ приготовить и разложить на столѣ всѣ книги, тетради для чистописанія, для диктовки и для

ариѳметическихъ задачъ, а также различныя географическія карты.

Панъ Кипріянъ отправился въ отдѣленіе, которое Референдарій несъ на плечахъ своихъ. Пройдя первую комнату и узнавъ, что панъ Марко въ четвертой, учитель пошелъ тихо и кланяясь на всѣ стороны чиновникамъ, сидѣвшимъ и прилежно работавшимъ за своими столами. На порогѣ указанной комнаты увидѣлъ онъ дюжую и напыщенную фигуру пана Марка. Послѣдній стоялъ съ бумагами въ рукахъ и говорилъ выразительно:

—«Г. Секретарь! это отношеніе никуда не годится; надобно его передѣлать. Вы всегда пишете, какъ бы расчитывая, что я самъ исправлю.»

Панъ Кипріянъ видѣлъ, что, пожавъ плечами, секретарь приблизился къ Пану Марку и взялъ у него изъ рукъ бумагу.

— Господа на второмъ столѣ изволятъ читать газеты, а дѣла лежатъ себѣ преспокойно», продолжалъ панъ Марко, указывая карандашемъ на столъ, за которымъ сидѣло нѣсколько молодыхъ чиновниковъ.

Панъ Кипріянъ замѣтилъ, что панъ Марко напрасно къ нимъ придирался, потому-что они работали такъ, что скрипѣли перья.

— «Потрудитесь попросить ко мнѣ начальника втораго стола», продолжалъ панъ Марко.

Выбѣжалъ какой-то юноша, и вскорѣ явился не молодой и сгорбенный отъ занятій чиновникъ.

— «Возьмите свои бумаги,—я ихъ уже исправилъ. Пропасть ошибокъ и упущеній, мало найдете своего. Вы привыкли думать, что у меня четыре руки, и времени вдвое больше вашего.»

Поклонился бѣднякъ и, взявъ съ начальничьяго стола огромную кипу бумагъ, повѣсилъ голову и бочкомъ пробирался назадъ. Жаль стало бѣднаго старика пану Кипріяну и онъ уже хотѣлъ удалиться, думая, что панъ Марко въ дурномъ расположеніи духа; но Референдарій, притворяясь, что теперь только замѣтилъ стараго товарища, оборотился къ нашему эмериту и, кивнувъ головой, сказалъ:

— «Прошу.»

Панъ Кипріянъ раза два поклонился и вошелъ въ кабинетъ вслѣдъ за Референдаріемъ. Они сѣли.

— «Что скажешь, старый товарищъ?»

— Должно-быть я пришелъ некстати. Ясновельможный панъ, кажется, нерасположенъ теперь меня выслушать.

— «Изъ чего ты это заключаешь, панъ Кипріянъ? Не потому-ли что распекаю то одного, то другаго? Иначе нельзя, товарищъ! Надо, чтобъ боялись, тогда только можно что-нибудь сдѣлать. Не ворчи я, такъ пришлось-бы самому нетолько исправлять, но и переписывать. А я и такъ работаю за четверыхъ, хотя и каждый изъ чиновниковъ занимается, зная мою дѣятельность. И вотъ я получилъ уже не только что письменную благодарность, но нѣсколько тысячъ злотыхъ въ награду.

— Поздравляю, поздравляю! молвилъ панъ Кипріянъ, и подумавъ, прибавилъ:—вотъ кстати мнѣ пришла хорошая мысль, и если позволите, сообщить вамъ ее...

— «Что такое? говори, панъ Кипріянъ! не относительно-ли молодой пары? Воркуютъ, какъ голубки—неправда-ли?» прибавилъ Референдарій, улыбаясь.

— Признаюсь откровенно, я и не думалъ объ этомъ: то, что хотѣлъ я сказать, касается одного Мартына.

— «Въ чемъ-же дѣло, товарищъ?»

— Во-первыхъ, я хотѣлъ доложить ясновельможному пану, что малый совершенно приготовленъ къ экзамену, и располагалъ просить васъ побезпокоиться и пожаловать сегодня ко мнѣ; во-вторыхъ, я проэкзаменовалъ-бы его въ вашемъ присутствіи. Вы убѣдились-бы, что трудъ мой былъ усерденъ и что юноша заслуживаетъ ваши милости и вниманіе.

— «Съ большимъ удовольствіемъ, панъ Кипріянъ, какъ только управлюсь здѣсь, приду къ тебѣ непремѣнно; но прежде не могу, потому-что безъ меня здѣсь рѣшительно все остановится. Подчиненныхъ надо держать въ рукахъ и не спускать съ нихъ наблюдательнаго взора. Я тѣмъ болѣе не долженъ ослаблять дѣятельности, что начальство цѣнитъ и награждаетъ мои заслуги; недавно еще я получилъ благодарность за усердіе, а теперь денежную награду.»

— На это-то я и мѣтилъ, сказалъ эмеритъ, опуская глаза.

— «Какъ? ты мѣстилъ на мою денежную награду?.. воскликнулъ панъ Марко, отодвигая кресло.

— Я думалъ, продолжалъ эмеритъ, что получивъ такую значительную сумму, вы не пожалѣете частицы на приличное обзаведеніе своему воспитаннику, когда онъ получитъ мѣсто, конечно, сначала съ весьма ограниченнымъ содержаніемъ.

—«Съ ограниченнымъ, безъ сомнѣнія, для двухъ, отвѣчалъ панъ Марко, морщась и придвигая бумаги, которыя началъ пересматривать.

— Я думалъ совершенно не о томъ. Жалованья даже для него одного будетъ недостаточно.

— «Сирота не долженъ роскошествовать», отвѣчалъ панъ Марко, углубляясь въ лежавшую передъ нимъ кипу бумагъ. «Наконецъ довольно я сдѣлалъ для него: по моей милости имѣлъ онъ одежду, столъ и уроки. Чего-же ему еще надобно?»

— Правда, сказалъ панъ Капріянъ и улыбнулся, потому-что, при всемъ добродушіи, какъ-то странно ему показалось, что панъ Марко помѣстилъ и уроки въ число прочихъ благодѣяній. Примѣтивъ эту улыбку, Референдарій покраснѣлъ немного.

— «Не мнѣ-ли и не нашему-ли старинному товариществу обязанъ онъ, что нашелъ такого, какъ ты, учителя», сказалъ панъ Марко, взявъ старика за руку.

Эмеритъ поклонился, привставъ съ кресла; потомъ, ободрясь, прибавилъ:

— Знакомо мнѣ, ясновельможный панъ, положеніе нашихъ приходскихъ учителей. Каждый изъ нихъ, безъ посторонней помощи, не можетъ начать своего труднаго поприща.

— «Такъ пускай не женится», сказалъ холодно Референдарій.

— Даже и холостому трудно. А молодой человѣкъ, подобный Мартыну, заслуживаетъ...

— «Что-же, по твоему, я долженъ еще для него сдѣлать? Ты думаешь, мало мнѣ будутъ стоить просьбы и ходатайства, пока выхлопочу ему мѣсто? А у меня нѣтъ времени; я долженъ трудиться и работать здѣсь за всѣхъ. За то и начальство...

— Начальство цѣнитъ и награждаетъ усердіе, прервалъ эмеритъ, находившій энергію, если дѣло касалось его любимца: но и Богъ также награждаетъ сердце, помогающее сиротѣ. Еслибы

я имѣлъ... прибавилъ онъ громче, но смѣшавшись отъ собственной смѣлости, старикъ вдругъ замолчалъ.

— «Довольно», сказалъ панъ Марко, котораго слово сирота какъ-то глубоко затронуло.—«Вижу, что васъ очаровалъ этотъ молодой человѣкъ. И я люблю его, и хотя онъ мнѣ дальній родственникъ, но я не забуду о немъ; даже теперь, чтобъ угодить твоему пламенному ходатайству, положу на его имя въ банкъ тысячу злотыхъ, пусть беретъ себѣ проценты.»

Панъ Кипріянъ улыбнулся, а Референдарій, замѣтивъ это, прибавилъ:

— «На первое обзаведеніе дамъ ему... триста злотыхъ. Но главное заключается въ экзаменѣ,» говорилъ онъ быстро, желая дать другое направленіе мыслямъ стараго эмерита; «охъ, этотъ экзаменъ сидитъ у меня на шеѣ, потому-что если Мартынъ не выдержитъ его, все погибло.»

— Это уже мое дѣло, сказалъ кланяясь панъ Кипріянъ, и чтобъ успокоить ясновельможнаго пана, напоминаю...

— «Пріѣду, пріѣду, товарищъ», говорилъ панъ Марко, вставая и какъ-бы желая дать знать старику, что пора ему удалиться.

Неожидая, догадается-ли эмеритъ оставить его, Референдарій позвонилъ въ колокольчикъ и приказалъ вбѣжавшему канцеляристу подать дѣло подъ буквою С., за № 699, а потомъ, подходя къ двери, сказалъ громко:

— «А что-же, передѣлали, г. секретарь? Вижу, что еще далеко до конца. Какъ это все у васъ, господа, ползетъ по черепашьему!..

Видя, что Референдарій серьозно принимается за распеканцію, панъ Кипріянъ, поклонясь ему, вышелъ изъ кабинета. Онъ былъ уже въ третьей комнатѣ, а все еще слышалъ за собою пана Марко, произносившаго: *начальство, благодарность, дѣятельность*... Улыбнулся старый педагогъ, махнулъ рукой и ушелъ, не дождавшись окончанія.

Въ шестомъ часу пріѣхалъ панъ Марко. Едва взглянувъ на Мартынчика, онъ вѣжливо поклонился Катѣ и протянулъ руку эмериту.

— «Ну, товарищъ,» сказалъ онъ, «посмотримъ теперь, какъ

этотъ малый воспользовался твоимъ усердіемъ и моими благодѣяніями. Экзаменуй сначала ты, панъ Кипріянъ, чтобы не сбивать его новыми вопросами, а потомъ я возьму его въ свои руки, и, если онъ удовлетворитъ меня, то каждый экзаменъ пойдетъ, какъ по маслу.»

Проговоривъ это, Референдарій гордо и важно усѣлся на диванѣ, словно какой-нибудь визитаторъ, пріѣхавшій нечаянно въ приходское училище. Сначала Мартынъ былъ обезкураженъ не своимъ незнаніемъ, но холоднымъ и надутымъ видомъ пана Марка, равнодушно смотрѣвшаго на юношу. Мартыну казалось, что Референдарію мало было нужды, успѣлъ-ли онъ, или не успѣлъ, и что панъ Марко не чувствовалъ, сколько былъ обязанъ такому наставнику, какъ нашъ эмеритъ. Но вскорѣ, освоившись съ этой надменной и надутой фигурой, и видя, что пана Кипріяна бросило даже въ краску желаніе выказать съ выгоднѣйшей стороны своего воспитанника, отвѣчалъ такъ хорошо, съ такой увѣренностью доказывалъ ариѳметическія задачи, а педагогику изъяснялъ такъ вразумительно, что, казалось, онъ ничего не училъ изъ книги на память, но все пріобрѣлъ собственнымъ долговременнымъ опытомъ. Должно-быть онъ отвѣчалъ хорошо, когда панъ Марко—знатокъ этого дѣла, всталъ и поцѣловалъ его въ голову. Слезы полились изъ глазъ молодаго человѣка, а старый педагогъ, едва удерживаясь отъ слезъ, благословлялъ его и сжималъ въ своихъ объятіяхъ.

— «Благодарю, благодарю, панъ Кипріянъ,» сказалъ Референдарій, протягивая руку старому товарищу.

— Я долженъ благодарить васъ, потому-что это счастливѣйшій день въ моей жизни, отвѣчалъ педагогъ, отирая слезы.

— «Omne tulisti punctum», сказалъ панъ Марко.

Эмеритъ улыбнулся и поклонился, а вспомнивъ, что можетъ показать еще съ другой стороны успѣхи своего ученика, спросилъ Мартына:

— Что это такое onme?

— «Средній родъ omnis, nis, e—сообразно съ существительнымъ punctum», отвѣчалъ Мартынчикъ, выпрямляясь.

— «Браво! значитъ есть и начало латыни? я и не зналъ объ этомъ.»

Можетъ-быть, ясновельможному пану угодно послушать что-нибудь изъ Корнелія?

—«Нѣтъ, нѣтъ!» прервалъ панъ Марко, выглянувъ именно въ это время въ окно и, разсчитавъ мысленно сколько придется заплатить за лишній часъ, позабылъ и объ успѣхахъ сына, и о томъ, что самъ хотѣлъ экзаменовать его, думалъ только какъ-бы убраться поскорѣе. И когда старый педагогъ, воображая, что разогрѣлъ желѣзо и можетъ изъ него что-нибудь выковать, упрашивалъ его на совѣщаніе въ свой кабинетъ, панъ Марко взялся за шляпу.

— «Некогда, право, панъ Кипріянъ, некогда» сказалъ онъ. Я вышелъ сегодня раньше изъ отдѣленія, собственно для того, чтобъ ты не ожидалъ меня, за то долженъ былъ взять на домъ работу».

Прогоривъ это, онъ кивнулъ головой паннѣ Катеринѣ, едва взглянулъ на Мартынчика и вышелъ. Старикъ послѣдовалъ за нимъ, давъ знакъ Мартыну оставаться въ комнатѣ. Увидя себя на-единѣ съ эмеритомъ и желая предупредить опасность, которую предвидѣлъ изъ мины и откашливанья стараго педагога, Референдарій сказалъ, взявъ его за руку:

— «Я положу для него въ банкъ полторы тысячи злотыхъ, а на обзаведеніе дамъ четыреста. Еще разъ благодарю, старый товарищъ.»

И пока эмеритъ собрался съ отвѣтомъ, уже панъ Марко сидѣлъ въ фаэтонѣ и кричалъ извощику, хотѣвшему затворить дверцу кнутовищемъ:

— Пошелъ, пошелъ! я самъ затворю!

Черезъ нѣсколько дней потомъ экзаменъ Мартынчика также блистательно окончился и въ совѣтѣ гимназіи.

Въ вицъ-мундирѣ, въ бѣломъ жилетѣ и такомъ-же галстухѣ, Кипріянъ переходилъ отъ одного товарища къ другому и подчивалъ ихъ табакомъ, который экзаменаторы брали въ достаточномъ количествѣ, какъ для доставленія удовольствія старику, такъ и для того, чтобы отогнать сонъ, обыкновенно приходящій во всѣ засѣданія и присутствующій за однимъ столомъ съ членами.

Радость пана Кипріяна была неизъяснима, когда директоръ объявилъ ему, что ученикъ прекрасно приготовленъ, и что ему

давно уже не приходилось присутствовать на экзаменѣ съ такимъ удовольствіемъ.

— Жаль, прибавилъ онъ, что въ настоящее время нѣтъ мѣста, на которое можно бы его представить. Но можете быть увѣрены, что я не забуду объ этомъ при первой открывшейся вакансіи.

Поблагодаривъ добраго начальника и взявъ у секретаря копію экзаменаторскихъ мнѣній, панъ Кипріянъ отправился домой, мысленно повторяя всѣ вопросы, заданные его ученику и отвѣты послѣдняго. Иногда старикъ улыбался иронически, припоминая что можно было тому или другому вопросу дать совершенно иной оборотъ, или снова улыбался, но уже отъ чистаго сердца и при взглядѣ на шедшаго съ нимъ Мартынчика, припоминая, что ученикъ его отвѣчалъ бойко и отчетливо, не смотря на запутанность и претензіи въ словахъ задававшаго вопросы.

Не говоря ни слова и повѣсивъ голову, шелъ Мартынъ возлѣ своего учителя. Незнавшій что случилось, могъ-бы подумать, что какое-нибудь горе угнетало молодаго человѣка. На самомъ-же дѣлѣ его томилъ избытокъ счастья: юноша самъ себѣ не вѣрилъ, что уже достигъ чего-то, что у него въ рукахъ собственная будущность, что въ далекой перспективѣ, открывшейся передъ нимъ, могъ онъ поставить передъ собою образъ чуднаго созданія, въ глазахъ котораго читалъ пріязнь и благодарность, изъ рукъ котораго падали ему на путь цвѣты счастія, превышавшаго его достоинство. Утромъ, когда еще у него въ головѣ лежала одна забота объ экзаменѣ, онъ былъ гораздо веселѣе. Теперь только онъ почувствовалъ всю тягость неувѣренной и, можетъ быть не раздѣленной любви, затопившей всѣ тайники его головы и сердца, избавленныхъ отъ другихъ горестей и сомнѣній.

Идя такимъ образомъ, молча другъ возлѣ друга, не знали они, что дома ожидало ихъ еще большее счастіе, долженствовавшее оживить стараго педагога, удовлетворить пламеннѣйшимъ желаніямъ отца, а Мартына упоить надеждами, превышавшими ожиданія молодаго человѣка. Оба они были въ томъ періодѣ жизни, въ которомъ сфера желаній, предназначенная каждому человѣку, расширяется до крайнихъ предѣловъ, гдѣ, увы! онъ никогда не можетъ остановиться.

Когда панъ Кипріянъ съ Мартынчикомъ выходили изъ дому на экзаменъ, панна Катерина смотрѣла на нихъ съ какою-то странной надеждой и тревогой, придававшими лицу ея необыкновенно прекрасное, но грустное выраженіе. Отецъ этого не примѣтилъ, потому-что былъ слишкомъ занятъ и разсѣянъ, но Мартынъ, стоя возлѣ своего столика, смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ любви и покорности, какъ-бы говоря: не отходи отъ меня, ангелъ, благослови мои начинанія.

Замѣтила это бѣдная Катя; сердце ея сжалось, но, увлекаемая чувствомъ благодарности и истинной пріязни къ достойному юношѣ, она подошла къ нему и сказала нѣжнымъ и трепетнымъ голосомъ, положивъ ему на плечо руку:

— Смѣлѣе, другъ Мартынъ! Я внимательно слушала отвѣты ваши Референдарію и увѣрена, что вы успѣете также и въ гимназіи. Къ тому-же я буду молиться за васъ и попрошу у Бога, чтобъ онъ послалъ вамъ бодрости и успѣха.

Мартынъ взглянулъ на нее взоромъ, въ который казалось перешла вся душа его; а бѣдная Катя, испугавшись, отняла руку, потупила глаза и отошла нѣсколько шаговъ назадъ.

— Будьте покойны, панна Катерина! отвѣчалъ молодой человѣкъ, понявъ причину ея движенія и заглушая чувство, готовое вырваться наружу.—Я не постыжу отца вашего, я знаю очень хорошо все, чему онъ училъ меня, — а ни о чемъ другомъ и спрашивать не могутъ.

— А зачѣмъ-же вы не веселы и безпокойны? спросила дѣвушка, несмѣло смотря на него.

— Зачѣмъ? зачѣмъ? но развѣ я знаю? отвѣчалъ юноша прерывающимся голосомъ, и, чувствуя что волненіе разорветъ преграды, поставленныя силою воли, вышелъ и горько заплакалъ, усѣвшись на скамейкѣ.

Когда панъ Кипріянъ съ ученикомъ шли черезъ дворъ, Катя смотрѣла на нихъ изъ окна, перекрестила имъ дорогу и задумалась, положивъ головку на руку. Хорошенькія читательницы догадаются, что она не думала о залѣ экзамена, не слушала вопросовъ, задаваемыхъ Мартыну и отвѣтовъ послѣдняго; но что мысль ея быстро порхнула на Побережье и, рѣя по его зеленымъ пространствамъ, искала пана Романа, ловила его взглядъ и улыбку

и повторяла разговоры, годъ тому назадъ обновившіе ея жизнь, упоившіе ее такимъ счастьемъ, разговоры, изъ которыхъ не позабыла она ни одного слова, ни малѣйшей подробности. Бѣдняжка! еслибъ ей было извѣстно, что тамъ дѣлалось, кто знаетъ, плакалъ ли бы такъ горько добрый Мартынчикъ, выходя на экзаменъ.

Отъ этихъ мечтаній, ничѣмъ непрерываемыхъ пробудилъ ее неожиданный стукъ, отъ котораго задрожали окны въ деревянномъ домикѣ. Быстро вскочила панна Катерина и выглянула въ окошко. У подъѣзда остановилась хорошенькая колясочка, запряженная парою рослыхъ гнѣдыхъ лошадей въ краковскихъ хомутахъ; на козлахъ сидѣлъ кучеръ въ ливреѣ, а лакей, собираясь отворить дверцу, заслонилъ сидѣвшаго въ экипажѣ.

Лицо нашей героини покрылось смертною блѣдностью. Она схватилась за охладѣвшее сердце и, закрывъ глаза, усѣлась безъ силъ, безъ мысли, безъ надежды, такъ сильно поразилъ ее этотъ неожиданный случай. Живо перенеслась она въ прошедшее, при видѣ гнѣдыхъ лошадей и колясочки, похожей на ту, которая ѣхала медленно по Лешну, когда она въ послѣдній разъ видѣлась съ любимцемъ сердца. Но вскорѣ дверь отворилась, и бѣдная Катя могла убѣдиться, что это не былъ панъ Романъ Выжпольскій.

Наружность вошедшаго гостя была благородна и какъ-бы изобличала воина. По костюму и движеніямъ замѣтно было, что это человѣкъ богатый и хорошаго тона. Онъ былъ выше и полнѣе пана Романа, и хотя также имѣлъ темные волосы и большіе усы, однако въ тѣхъ и другихъ замѣтно пробивались сѣдины.

Замѣтивъ у окна дѣвушку, онъ поклонился ей привѣтливо.

— Если не ошибаюсь, здѣсь живетъ панъ Кипріянъ Амброжинскій? спросилъ онъ.

— Точно такъ, здѣсь живетъ отецъ мой, отвѣчала дѣвушка, присѣдая гостю.

— Значитъ, я имѣю удовольствіе разговаривать съ моей Катенькой! сказалъ гость, приближаясь и взявъ ее за руку.

Панна Катерина смѣшалась и покраснѣла. Но поднявъ на гостя удивленные глаза, она замѣтила на лицѣ его столько доброты и привѣтливости, такую искреннюю улыбку, что не могла обидѣться. А гость между-тѣмъ продолжалъ:

— Не сердитесь, что такъ васъ называю, хотя вы уже вы-

росли и сдѣлались хорошенькою барышней. Но до-сихъ-поръ у меня въ мысляхъ вы были Катенькой, которую я носилъ на рукахъ, крестилъ и оставилъ ползающею.

— Значитъ, вы—панъ Криницкій! сказала Катя, всплеснувъ руками.

— Да, дитя мое. Давно уже я васъ не видалъ. Между-тѣмъ ты выросла, а я посѣдѣлъ. Да, много утекло воды съ тѣхъ-поръ, многое измѣнилось. Но гдѣ-же твой отецъ?

— Ушелъ въ гимназію на экзаменъ съ своимъ ученикомъ, приготовляющимся въ учители, отвѣчала дѣвушка, краснѣя. О, какъ онъ будетъ счастливъ, когда увидитъ васъ! Прошу покорно садиться, они вѣроятно придутъ скоро.

— Садись-же возлѣ меня и разсказывай объ отцѣ. Но ты не разсердишься, что я буду называть тебя Катей, даже своей Катей?

— Развѣ вы не имѣете на это права, какъ крестный отецъ и какъ одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ моего отца? онъ васъ такъ часто вспоминаетъ!

— Каково поживаетъ старикъ? Здоровъ-ли, веселъ-ли, всегда-ли у него латинская грамматика подъ подушкой? А табакъ? Боже мой! какъ я все это помню, хотя уже, кажется, 18-й годъ, какъ мы съ нимъ не видались. Сколько я выдѣлывалъ съ нимъ проказъ, сколько разъ приходилось ему прощать меня, и всегда проститъ, бывало!

Панна Катерина разсказала гостю всю прошедшую и настоящую жизнь эмерита; говорила о его болѣзни и о пламенной страсти къ занятіямъ, чему служилъ примѣромъ ученикъ, съ которымъ онъ отправился на экзаменъ.

— Радуюсь, отъ всей души радуюсь, сказалъ панъ Криницкій, слушавшій разсказъ этотъ съ искреннимъ участіемъ; но не могу простить себѣ того, что не увѣдомилъ васъ сейчасъ-же по пріѣздѣ въ эту сторону. Если бъ въ самомъ дѣлѣ, Боже сохрани! тебя постигло угрожавшее несчастье, ты и не знала-бы, что имѣешь крестнаго отца, домъ котораго всегда открытъ для тебя.

Панна Катерина хотѣла поцѣловать руку достойнаго человѣка, но онъ недопустилъ до этого и поцѣловалъ ее въ голову.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты удивительно какъ выросла и чудесно

сформировалась; а прежде была такая головатая, краснощекая дѣвочка, сказалъ гость, присматриваясь.

— Какъ-же вы къ намъ попали? спросила панна Катерина, желая перемѣнить разговоръ.

— Развѣ такъ трудно найти стараго пріятеля? А дурно то, дитя мое, что два года уже я въ этой сторонѣ, нѣсколько разъ былъ въ Варшавѣ, и не искалъ его; а вздумалъ объ этомъ тогда только, когда имѣю самъ къ нему важную просьбу. Никогда себѣ непрощу этого, тѣмъ болѣе, что достойный старикъ былъ опасно боленъ. Но я какъ-нибудь извернусь передъ нимъ, какъ изворачивался, бывъ ученикомъ, въ старые годы. Сколько разъ, бывало, возвратясь изъ театра, увѣряю его, что былъ на урокѣ, и показываю математическія тетрадки, которыя всегда были у меня въ запасѣ. А онъ однако-же любилъ меня или за латынь и причастія, въ которыхъ я былъ особенно силенъ, или за то, что, не смотря на свои шалости и проказы, я любилъ его, какъ отца, и уважалъ, какъ достойнѣйшаго въ свѣтѣ человѣка.

Долго они разговаривали. Панъ Криницкій былъ веселъ и немного болтливъ; но какъ изъ всего, что онъ ни разсказывалъ, была видна привязанность къ эмериту, то Катя слушала его съ большимъ удовольствіемъ, повеселѣла и позабыла на минуту сердечное горе! Узнала она, что панъ Криницкій долго былъ за границей, двѣнадцать лѣтъ жилъ въ Галиціи, женился тамъ на милой и богатой дѣвушкѣ, и что два года тому назадъ, получивъ позволеніе возвратиться въ свою сторону, продалъ Галицкое имѣніе, а купилъ здѣсь, въ Гостынскомъ уѣздѣ.

— Если отецъ твой откажетъ въ просьбѣ, съ которой я пріѣхалъ, по-крайней-мѣрѣ возьму васъ на лѣто къ себѣ въ деревню, сказалъ онъ. Домъ у меня обширный, мѣстоположеніе прелесть, сосѣдство отличное, и я надѣюсь, что у меня вамъ будетъ довольно весело. Жена моя прекрасная женщина, полюбитъ тебя, милая Катя, ты полюбишь ее, а мальчики мои такіе-же шалуны, какъ и я былъ въ свое время. Будетъ съ ними не мало возни отцу твоему.

Предположеніе это нравилось паннѣ Катеринѣ, а волшебный намекъ, что деревня пана Криницкаго въ Гостынскомъ уѣздѣ, по-

крылъ румянцемъ ея хорошенькое личико и заставилъ ее задуматься.

— Согласна? спросилъ панъ Криницкій, взявъ ее за руку.

— Безъ сомнѣнія, отецъ съ радостью приметъ ваше обязательное предложеніе.

— Но позвольте, говорилъ гость, посматривая на часы, скоро уже панъ Кипріянъ долженъ возвратиться. Надо ему еще какъ-нибудь напроказить.

И открывъ окно, онъ закричалъ кучеру:

— Послушай, Степанъ! Если будетъ проходить какой-нибудь старый панъ и спроситъ чей экипажъ, ты отвѣчай: пана Вагнера. Понимаешь?

«Понимаю. Пана Вагнера».

— Если-же спроситъ, кто пріѣхалъ? ты отвѣчай—а чортъ его знаетъ, я извощикъ.

«Слушаю, панъ, я скажу: а чортъ его знаетъ», молвилъ мазуръ, улыбаясь.

— Пускай узнаетъ меня старикъ, говорилъ панъ Криницкій, затворяя окно и садясь возлѣ панны Катерины, съ которою такъ скоро и хорошо познакомился, какъ-бы она выросла на его рукахъ. Искренна, открыта, сообщительна была натура этого человѣка. Глаза его, улыбка и движенія выражали прекрасный характеръ.

Героиня наша не могла отвесть глазъ отъ его благороднаго лица, блиставшаго здоровьемъ, откровенностью и тою красотой, которая болѣе или менѣе была-бы свойственна всѣмъ польскимъ лицамъ, если ихъ не портила какая-нибудь низкая страсть, или прививная хитрость.

Наконецъ панъ Кипріянъ съ Мартыномъ возвратились съ экзамена. Эмеритъ чрезвычайно удивился, увидя предъ своей квартирой прекрасную коляску и прислугу въ ливреѣ. На вопросъ его, кучеръ отвѣчалъ какъ было приказано, чорта незабылъ, какъ водится, но названіе Вагнера до того перепуталъ, что и узнать было невозможно. Отряхнувъ платкомъ пыль съ сапоговъ и застегнувъ вицъ-мундиръ, заинтересованный старикъ причесалъ непослушные свои волосы и вошелъ съ какою-то робостью и съ безпокойствомъ.

Катя подбѣжала къ нему.

— Ну, что экзаменъ? спросила она.

— Конченъ благополучно, дитя мое.

— О, слава Богу!

И дѣвушка, подойдя къ Мартынчику, взяла его за руку и, пожимая ее, прибавила:

— Поздравляю, милый панъ Мартынъ; видите, я говорила, что кончится хорошо.

— Благодарю васъ, панна Катерина, отвѣчалъ молодой человѣкъ; а когда она отошла и поворотилась съ любопытствомъ посмотрѣть на встрѣчу отца съ гостемъ, Мартынъ, вздохнувъ, прибавилъ тихимъ голосомъ: Ахъ, что мнѣ изъ этого!

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? спросилъ эмеритъ пана Криницкаго, который стоялъ прямо и смотрѣлъ ему въ глаза, а потомъ заикаясь и глотая слюну, какъ ученикъ незнающій урока, отвѣчалъ:

— Legéndi, legendo, legendum супинумъ на um—lectum.

Панъ Кипріянъ, молча всматривался въ гостя, а сѣдой проказникъ продолжалъ дальше:

— Изъ супинумъ образуется причастіе настоящаго времени, залога дѣйствительнаго...

— Времени прошедшаго, залога страдательнаго, исправилъ эмеритъ, но извините, милостивый государь, если спрошу, что я долженъ заключить изъ этого привѣтствія?

— То, милый, достойный старый наставникъ, сказалъ панъ Криницкій со слезами на глазахъ, что передъ вами стоитъ бывшій школьникъ, котораго вы учили, шалунъ, выдѣлывавшій съ вами проказы, Стась *, котораго вы воспитали и любили.

— Стась Криницкій! воскликнулъ эмеритъ и присѣлъ на стулъ, опустивъ голову, ослабѣвъ отъ волненій въ продолженіе цѣлаго дня.—О, Боже мой! я не ожидалъ сегодня столько счастія въ одно время! прибавилъ онъ тише.

Легко вообразить радость нашего эмерита, когда онъ всмотрѣлся въ любимаго своего ученика, когда убѣдился, что годы дали ему только больше роста, полноты и сѣдинъ, но не испор-

* Уменьшительное Станиславъ.

тили ни сердца, ни веселаго характера. Быстро и радостно шла бесѣда, переплетенная то разсказами приключеній пана Криницкаго, то воспоминаніемъ школьныхъ происшествій, то оправданіями прежняго ученика въ томъ, что не давалъ о себѣ вѣсти въ продолженіе двухъ лѣтъ, то похвалами красотѣ и нраву панны Катерины, которая хлопотала около чайнаго стола.

Сидя въ сторонѣ, Мартынъ молчалъ все это время. Ему стало грустно, что въ эти торжественныя для него минуты, достойный учитель позабылъ о немъ, предаваясь воспоминаніямъ прошедшаго. Но панна Катерина вскорѣ разсѣяла эти печальныя мысли. Замѣтила она грусть на лицѣ добраго юноши и потихоньку подошла къ нему съ проницательностью женщины, угадывающей и легко видящей малѣйшее страданіе сердца, если только захочетъ его видѣть.

— Небудьте такъ грустны, панъ Мартынъ, когда намъ Богъ послалъ двойную радость, и въ счастливомъ окончаніи вашего экзамена и въ неожиданномъ посѣщеніи милаго гостя, шепнула дѣвушка. Отецъ огорчится увидя вашу печаль, и, право отъ этого и мнѣ грустно.

Улыбнулся бѣдняга и, смотря на ея движенія, исполненныя прелести, на лицо ея, котораго давно невидалъ такъ одушевленнымъ, подумалъ въ глубинѣ души: Боже, Боже, какъ она прекрасна, какъ добра!.. можетъ-быть сжалится и надо мной! И далекая эта надежда прояснила лицо его, когда панъ Кипріянъ, за чаемъ представилъ его своему гостю, и съ отеческой привязанностью говорилъ о его хорошихъ качествахъ и объ услугахъ, оказанныхъ имъ старику во время болѣзни, о радости, доставленной сегоднишнимъ экзаменомъ; когда, подавъ ему руку, назвалъ его своимъ сыномъ.

Во время этихъ отеческихъ изліяній стараго учителя, панъ Криницкій посматривалъ то на Мартына, то на Катю, которую взоры эти приводили въ замѣшательство.

Скоро, подъ какимъ-то предлогомъ, дѣвушка вышла изъ комнаты.

— Хорошо, хорошо, панъ Мартынъ говорилъ панъ Криницкій, подавая руку молодому человѣку: мы тоже сдѣлаемся пріятелями, какъ узнаемъ другъ друга. Оба мы черпали изъ одного

источника и въ насъ развивается зерно добра, посѣянное одною и тою-же рукою. Дай Богъ, чтобъ въ васъ принесло оно плоды болѣе роскошные. Однако-же и я, сколько могу, стараюсь быть полезнымъ.

Послѣ чаю панъ Криницкій взялъ стараго эмерита подъ руку и они отправились въ кабинетъ. Здѣсь, осмотрѣвъ все, даже пузырьки съ табакомъ, панъ Станиславъ объявилъ старику, что имѣетъ къ нему просьбу, и что именно за тѣмъ пріѣхалъ.

— Говори, панъ Станиславъ, сказалъ старикъ, садясь.

— Я пріѣхалъ сюда, чтобы взять васъ къ себѣ, достойный и уважаемый панъ Кипріянъ.

— Взять насъ къ себѣ? воскликнулъ эмеритъ.

— Прежде выслушайте, а потомъ выбирайте одно изъ двухъ предложеній. Но одно вы должны выбрать, до-тѣхъ-поръ не отстану. Хочу васъ взять къ себѣ или навсегда, или по-крайней-мѣрѣ на лѣто. Видите-ли, у меня два сына: одному одиннадцать, другому десять лѣтъ; славные мальчуганы, шалуны и проказники точь въ точь, какъ я былъ въ старые годы; но притомъ добрыя и послушныя дѣти. Время уже, чтобы кто-нибудь занялся ихъ воспитаніемъ и сдѣлалъ изъ нихъ людей честныхъ, образованныхъ и полезныхъ. И я подумалъ: зачѣмъ-же мнѣ искать далеко, если только живъ мой старый учитель, если здоровъ, не утратилъ своей пламенной страсти, если только любитъ меня по прежнему: кто-же лучше его взлелѣетъ и образуетъ ихъ на пользу людямъ и отечеству?

— По-крайней-мѣрѣ никто не займется этимъ усерднѣе, отвѣчалъ съ живостью эмеритъ, на лицѣ котораго выступалъ яркій румянецъ съ каждымъ словомъ пана Станислава.

— Значитъ вы согласны?

— Если только достаточно сдѣлать для нихъ то, что дѣлалъ я для тебя, въ такомъ случаѣ согласенъ.

— Богъ свидѣтель, что я не требую больше, сказалъ обрадованный панъ Криницкій.

Собесѣдники обнялись дружески и условіе было заключено. Панъ Станиславъ описалъ старику флигель, гдѣ помѣститъ его съ дѣтьми, обѣщалъ помощниковъ, если окажется надобность.

— А что касается денежнаго вознагражденія, прибавилъ

онъ, то назначьте себѣ сами, или нѣтъ, я знаю васъ, панъ Кипріянъ, вы не въ состояніи этого сдѣлать, ужъ лучше я самъ распоряжусь.

— Я на все согласенъ, отвѣчалъ старикъ, махнувъ рукою, словно жалованье было дѣломъ наименьшей важности... Но Катя? прибавилъ онъ потомъ.

— Катя? Именно объ этомъ я и хотѣлъ поговорить. Садитесь, панъ Кипріянъ, вѣдь это обстоятельство для васъ важнѣе перваго. Купилъ я имѣніе значительное, но разстроенное, и началъ приводить его въ порядокъ. Хочется устроить все основательно, такъ, чтобы дѣти мои, если Богъ дастъ будутъ сами хозяйничать, имѣли жизнь покойную и въ тишинѣ провели остатокъ дней своихъ. Поэтому-то я не начинаю съ великолѣпнаго украшенія гостиныхъ комнатъ, не наполняю буфета серебряною посудой, но принимаюсь за фундаментъ. Основаніе-же счастливой будущности помѣщика состоитъ у насъ въ *образованіи молодаго* поколѣнія крестьянъ, живущихъ на нашихъ земляхъ. Въ силу этого убѣжденія я уже выстроилъ школу, раздѣливъ ее на двѣ особенныя половины: одну *для мальчиковъ*, *другую для дѣвочекъ*; надѣлилъ необходимою мебелью и принадлежностями; выстроилъ тутъ-же для учителя хорошенькій домикъ съ садикомъ и хозяйственными потребностями, и назначивъ, кромѣ провизіи, шестьсотъ злотыхъ учителю и пятьсотъ учительницѣ,—представилъ все это губернскому правленію. И какъ это очень интересуетъ меня, я узналъ вчера въ канцеляріи губернатора, что проектъ мой утвержденъ и отослалъ уже въ учебный округъ, съ представленіемъ меня въ попечители этой школы.

Понюхавъ сильно табаку, панъ Кипріянъ всталъ и раза два прошелся по комнатѣ, потирая лобъ рукою.

— Садитесь, панъ Кипріянъ, пожалуйста, садитесь, потому-что теперь слѣдуетъ самое важное обстоятельство. Я просматривалъ положеніе о подобныхъ училищахъ, и какъ мнѣ предоставлено право выбрать себѣ учителя, то я именно хотѣлъ обратиться къ вамъ съ просьбою: отрекомендовать мнѣ скромнаго, достойнаго и вмѣстѣ женатаго человѣка. Мнѣ хотѣлось-бы имѣть въ женѣ его учительницу для дѣвочекъ, чтобы мужъ и жена помогали другъ другу жалованьемъ, чтобы на этомъ условіи имъ было у

меня лучше; да и мнѣ такимъ-образомъ было-бы выгоднѣе. Но сидите-же покойно, панъ Кипріянъ! вертитесь, какъ на иголкахъ и нехотите дослушать меня. Во всякомъ случаѣ съ моей стороны это только предложеніе. Если оно вамъ не понравится, вы посовѣтуйте мнѣ что-нибудь другое. Скажу также, что, отправляясь къ вамъ съ полными карманами проектовъ, я думалъ, въ случаѣ, если мнѣ удастся заманить къ себѣ стараго своего наставника, то ввѣрю ему главный надзоръ и за этою вновь учрежденной академіей, а самъ останусь только финансовымъ и административнымъ покровителемъ. Хотѣлось-же мнѣ имѣть изъ вашихъ рукъ наставниковъ собственно потому, что вамъ легче было-бы слѣдить за ихъ занятіями и давать имъ направленіе. Кажется, эта мысль и желаніе были хороши, потому-что Богъ благословляетъ ихъ, и самъ какъ-то улаживаетъ вещи. Мнѣ нравится молодой человѣкъ, рекомендованный вами; наконецъ, я увѣренъ, что онъ чего-нибудь стоитъ, когда вы ручаетесь за него, любите и назвали своимъ сыномъ. Но дослушайте, пожалуйста, конецъ недалеко. Кажется мнѣ, что этотъ молодой человѣкъ любитъ не только васъ, панъ Кипріянъ, но и нашу Катеньку. Не можетъ-же быть, чтобъ она не цѣнила его, потому-что онъ молодъ, скроменъ, порядоченъ, а хотя она и больше его имѣетъ познаній, но конечно не откажетъ удѣлить ему частицу любви и поможетъ въ занятіяхъ. Тогда мы зажили-бы вмѣстѣ, панъ Кипріянъ! А я ручаюсь, что твоимъ дѣтямъ было-бы у меня хорошо. Однако къ чему эти слезы, старый мой наставникъ!

— Станиславъ! Стась! воскликнулъ панъ Кипріянъ, приближаясь къ нему и подавляя волненіе:—Но нѣтъ, я уже говорилъ, что не заслуживаю столько счастія, сколько Господь посылаетъ мнѣ сегодня!

Сказавъ это, онъ обнялъ своего стараго ученика и, положивъ голову къ нему на плечо, громко заплакалъ.

Поздно ушелъ отъ нихъ Криницкій, и на другой день подалъ просьбу попечителю Варшавскаго учебнаго округа о назначеніи Мартына учителемъ въ его школу.

Педагогъ нашъ долго не могъ сомкнуть глазъ. Мысль, что онъ дождался столько радости отъ ученика, котораго любилъ какъ роднаго сына; что этотъ нѣкогда милый и рѣзвый мальчикъ

сдѣлался вполнѣ благороднымъ человѣкомъ и примѣрнымъ гражданиномъ, котораго всѣ помышленія направлены къ общему благу, а доброта сердца выражалась въ каждомъ словѣ; мысль, что другой, равно милый ему ученикъ будетъ всегда при немъ, на его глазахъ расширитъ свою дѣятельность, станетъ, подъ его вѣдѣніемъ, еще болѣе способнымъ, и, женясь на Катѣ—что для пана Кипріяна было самымъ лучшимъ желаніемъ — сдѣлается постояннымъ его сыномъ; что, раздѣляя участь, общую всѣмъ женщинамъ, Катя не будетъ жить вдали отъ него и не попадетъ въ чужія руки, а въ случаѣ его смерти найдетъ любовь и опору не только въ мужѣ, который всегда будетъ уважать ее, но и въ крестномъ отцѣ, который такъ полюбилъ ее и послѣ долгой разлуки: все это отгоняло сонъ старика и наполняло душу его чувствомъ благодарности къ Создателю. Къ размышленіямъ, успокоивавшимъ сердце отца, присоединялись и другія, подстрекавшія энергію педагога. По своей методѣ онъ будетъ учить добрыхъ и понятливыхъ дѣтей, и не часъ, не два въ сутки, а сколько захочетъ! будетъ завѣдывать цѣлою школой, и экзаменовать—по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю. Конечно, трудно уснуть, пріобрѣтя въ одинъ день и такъ неожиданно столько счастія! И нашъ педагогъ легъ передъ разсвѣтомъ, когда въ его табакеркѣ не оставалось уже ни щепотки табаку, когда онъ почувствовалъ усталость въ ногахъ отъ ходьбы взадъ и впередъ по комнатѣ, — а тѣло, въ-слѣдствіе природной потребности отдыха, взяло верхъ надъ мыслями.

Мартынчикъ не спалъ въ свою очередь. Передъ нимъ вдругъ прояснилась вся его будущность — неизвѣстность о двухъ важныхъ обстоятельствахъ: объ экзаменѣ и о полученіи мѣста—отстранено; за то онъ очутился лицомъ къ лицу съ самой важной неизвѣстностью! Онъ еще не зналъ: увѣнчается-ли лучшее его желаніе — цѣль всѣхъ его усилій, безъ исполненія которой будетъ онъ нищимъ, проклинающимъ и жизнь, и образованіе, и свѣтъ, озарившій его, и всѣ благодѣянія, пробудившія его отъ невѣжества, открывшія ему глаза и заставившія смотрѣть на чудное созданіе рукъ Божіихъ. Мысленно пробѣгалъ онъ все прошедшее и, сравнивая свои качества съ достоинствами панны Катерины, сознавая свое ничтожество, склонялъ голову и

тосковалъ; то вновь, взвѣшивая свою привязанность и услуги, оказанныя семейству педагога, — съ знаками ея расположенія и дружбы, вскакивалъ, быстро ходилъ по темной комнатѣ — и обнималъ глазами, блестѣвшими надеждой, далекій горизонтъ, облитый какимъ-то райскимъ свѣтомъ. Проведя въ этой борьбѣ цѣлую ночь, онъ, подобно пану Кипріяну, уснулъ только передъ самымъ разсвѣтомъ.

Прежде ихъ обоихъ забылась сномъ панна Катерина, потому что счастье — менѣе всего досталось на ея долю. Конечно, ее утѣшала радость отца и успѣхи Мартынчика; но обстоятельства эти — важныя для нихъ, не производили большой перемѣны въ ея жизни. Только и радовало ее то, что она переѣзжаетъ въ Гостымскій уѣздъ; что можетъ-быть, имѣніе Выжпольскаго лежитъ по сосѣдству съ деревней Криницкаго, и что крестный отецъ ея, безъ сомнѣнія, знакомъ съ паномъ Романомъ, а потому она будетъ часто видѣться съ тѣмъ, о комъ думала безпрестанно. Отъ всѣхъ этихъ мыслей сердце ея волновалось сладостной надеждой. Хотя печаль Мартынчика среди успѣховъ и заставила ее задуматься; хотя дѣвушка и догадывалась о причинѣ ея; хотя и приходило ей на мысль, что получивъ мѣсто и вспомоществуемый привязанностью ея отца и вниманіемъ пана Марка, онъ можетъ-быть и рѣшится положительнѣе выразить свою любовь, и искать руки ея, однако, глубоко питая собственное чувство, она полагала, что дружбой удастся ей облегчить ударъ, который она принуждена будетъ нанесть молодому человѣку. И вскорѣ, отогнавъ печальныя мысли и мечтая о панѣ Романѣ, Катя сладко и тихо уснула. Бѣдняжка и не воображала, что она-то и есть главная пружина, приводящая въ движеніе всѣ колеса, отъ оборотовъ которыхъ зависѣлъ ихъ общій жребій.

Извѣщенный Мартынчикомъ объ успѣшномъ окончаніи экзамена, Веліовѣдскій сказалъ:

— Попроси отъ меня старика, чтобъ онъ зашелъ ко мнѣ: я хочу поблагодарить его. Я долженъ окончить одно важное порученіе, возложенное на меня начальствомъ. Я вѣдь привыкъ отчетливо исполнять порученія, и самъ требую того-же отъ подчиненныхъ. Чтобъ имѣть право поступать энергически, начальникъ долженъ самъ подавать примѣръ. Притомъ-же у меня теперь

повѣрка конторскихъ книгъ, а я долженъ работать за всѣхъ, прибавилъ онъ, взявшись за шляпу и спѣша уйти отъ Мартынчика, словно изъ боязни, чтобы тотъ не попросилъ его о чемъ нибудь.

Бѣдный молодой человѣкъ молча уступилъ ему дорогу; но, увидѣвъ себя одинокимъ въ комнатѣ, махнулъ рукой и побѣжалъ въ Житную улицу, гдѣ у чужихъ людей находилъ себѣ столько привязанности и непритворнаго участія.

Панъ Кипріянъ не пошелъ къ Веліовѣдскому, да и этотъ не заходилъ къ нему, тѣмъ болѣе, что недѣли черезъ двѣ Мартынъ Вѣдскій имѣлъ уже въ рукахъ опредѣленіе.

Пріѣхавъ домой, Криницкій принялся за отдѣлку двухъ совершенно отдѣльныхъ комнатъ во флигелѣ, предназначенномъ для пана Кипріяна и его учениковъ, потому, что въ этомъ-же флигелѣ должна была поселиться и панна Катерина, можетъ быть на время, а можетъ быть и навсегда, еслибы не захотѣла принять на себя обязанности учительницы и выйти за Мартынчика. Необходимыя передѣлки требовали довольно времени, а потому Криницкій могъ только въ половинѣ іюня послать въ Варшаву экипажъ и подводы. Панъ Кипріянъ, Катя и Мартынчикъ спокойно ожидали этой присылки, — а время между-тѣмъ проходило день за днемъ въ разговорахъ, прогулкахъ по Житной улицѣ, въ занятіяхъ не срочныхъ, но которыя, служа для старика развлеченіемъ, болѣе и болѣе развивали и совершенствовали молодаго человѣка.

Мартынчикъ такъ привыкъ считаться сыномъ въ домѣ Амброжинскаго, старикъ принималъ его съ такою любовью, а панна Катерина такъ дружески, по родственному съ нимъ обращалась, что бѣдный юноша, вполнѣ цѣня свое счастіе, старался всей силой воли отстранять болѣе пламенныя желанія,—чтобы не утратить того, что уже имѣлъ, чтобы не развѣять мечтаній, его питавшихъ, чтобы не разрушить надеждъ, составлявшихъ все его существованіе. Несмотря однако-же на всю силу воли, онъ часто измѣнялъ себѣ до того, что панна Катерина замѣчала его страданія, его мучительное притворное молчаніе; — а старикъ, видя, что Мартынчикъ худѣетъ и чахнетъ при мнимой веселости

и наружномъ спокойствіи, рѣшилъ, для успокоенія себя и его, развязать этотъ узелъ.

Однажды вечеромъ, позвалъ онъ ученика въ свою комнату. Какъ-бы пріискивая начало разговора, онъ прошелся раза два по комнатѣ, и сказалъ наконецъ:

— Послушай, любезный Мартынъ, кажется-бы я долженъ быть покоенъ и доволенъ, потому-что милосердый Богъ послалъ мнѣ всѣ утѣхи, какихъ я только могъ ожидать на старости; однако-же видишь, что мнѣ грустно, и какое-то безпокойство овладѣваетъ мною, когда посмотрю на тебя. Но почувствовавъ что выразился неясно и зашелъ не съ той стороны, старикъ отворотился и махнулъ рукою.

Мартынъ смѣшался и поблѣднѣлъ еще больше.

— Боже мой! развѣ я сдѣлалъ что-нибудь дурное? Или, можетъ-быть, вы не довѣряете мнѣ и боитесь, чтобы я непристыдилъ васъ.

— Совсѣмъ не то. Я знаю, что ты прекрасно и усердно исполнишь свою обязанность. Дѣло не въ ученьи.

— А въ чемъ-же? Будьте добры, изъяснитесь. Если я проступился въ чемъ или огорчилъ васъ, то право не съ дурнымъ намѣреніемъ. Я такъ васъ люблю...

— Вотъ что? проступился, огорчилъ... говорилъ старикъ, быстро ходя по комнатѣ и махая обѣими руками. — Но кто-же говоритъ объ этомъ? Когда-же ты огорчалъ меня? зачѣмъ изъясняться въ любви къ намъ? Развѣ я этого не вижу? Кажется, и сынъ родной не былъ-бы болѣе тебя привязанъ.

— О, конечно! говорилъ Мартынъ, цѣлуя руку эмерита.

— Вотъ то-то и дурно, что любя меня, ты однакожъ скрываешься.

— Я скрываюсь? сказалъ Мартынъ, вздохнувъ тяжело и опуская глаза.

— То-есть, не говоришь всего, что у тебя таится на сердцѣ, а должно быть тамъ что-нибудь тяжелое, потому-что и теперь вздыхаешь; и хотя имѣешь много причинъ быть веселымъ, спокойнымъ и благодарить за все Бога, однако ты притворяешься только веселымъ. Вижу я это очень хорошо; а что хуже, лю-

безный, ты поблѣднѣлъ, исхудалъ совершенно, словно боленъ, или несчастливъ. Открой мнѣ, что съ тобою?

Мартынъ стоялъ, опустивъ глаза, а когда эмеритъ замолчалъ, слезы потекли по лицу молодаго человѣка.

Панъ Кипріянъ приблизился къ нему и прибавилъ:

— О чемъ плачешь? Говори-же!

— Я долженъ говорить? сказалъ бѣдный юноша, ломая руки. О, еслибы я смѣлъ выговорить, еслибы зналъ, что вы не прогоните меня отъ себя! еслибы я чувствовалъ, что бѣдный сирота, я достоинъ счастья называться вашимъ сыномъ, какъ вы иногда называете меня безъ цѣли... Но развѣ это возможно! развѣ это возможно! прибавилъ онъ, рыдая.

— Не плачь-же, сказалъ старикъ, утирая слезы: если она согласится, то будетъ возможно, потому-что я давно желаю этого.

Мартынъ въ восторгѣ бросился обнимать старика и, цѣлуя его руки, говорилъ:

— Отецъ мой! благодѣтель!

Удостовѣрясь отъ Мартына, что Катя ничего незнаетъ о привязанности молодаго человѣка, что никогда ни однимъ словомъ не показала она ему взаимности, за которую Мартынъ заплатилъ-бы жизнью, а обходилась съ нимъ дружески, какъ добрая сестра, панъ Кипріянъ велѣлъ ему идти въ его комнату, помолиться Богу и ложиться спать, а самъ рѣшился поговорить съ дочерью и склонить ее согласиться на ихъ общее желаніе.

На другой день, когда Катя, сдѣлавъ необходимыя распоряженія по хозяйству, возвратилась въ свою хорошенькую комнатку, отворила окно въ садъ и, взявъ работу, глубоко задумалась, старикъ вошелъ къ ней потихоньку, постоялъ съ минуту, покачалъ головой и, придвинувъ стулъ, сѣлъ противъ дочери. Это случалось очень рѣдко. Катя мигомъ догадалась, что отецъ хотѣлъ сообщить ей какое-нибудь важное обстоятельство, тѣмъ болѣе, что онъ расчесывалъ гребешкомъ волосы, безпрестанно нюхалъ табакъ, откашлился два раза, какъ бы уже начиная говорить, но только махнулъ рукой и не сказалъ ни слова. Дѣвушка немного встревожилась и на бѣленькомъ личикѣ ея выступилъ румянецъ. Желая однакожъ чѣмъ-нибудь начать разговоръ, чтобъ

вывести отца изъ замѣшательства и разрѣшить свое сомнѣніе, она сказала:

— Вы не получали никакого извѣстія отъ пана Криницкаго?

— Нѣтъ, дитя мое. А ты уже рада была-бы оставить Варшаву?

— Хотѣлось-бы видѣть васъ на мѣстѣ, окруженныхъ занятіями. Боюсь, чтобы неистомило васъ ожиданіе. Покамѣсть вы занимались съ Мартыномъ, я была покойнѣе; а теперь страшусь за ваше здоровье, которое поддерживается только занятіями.

— Правда, но и не мнѣ одному необходимы они для здоровья. Добрый нашъ Мартынъ былъ гораздо свѣжѣе и веселѣе, пока занимался прилежно и хлопоталъ объ экзаменѣ, а теперь сталъ блѣденъ и похудѣлъ значительно. Ты не замѣтила этого?

— Нѣтъ, не замѣтила, отвѣчала дѣвушка, опуская глаза и слегка краснѣя.

Вскорѣ однакожъ исчезъ этотъ легкій румянецъ и сердце ея сжалось, какъ-бы отъ какого предчувствія.

— А мнѣ казалось, что ты должна была-бы замѣтить, сказалъ филологъ, улыбаясь, довольный тѣмъ, что ему удалось высказать свою мысль такъ дипломатически.

— Видя его грусть и задумчивость, я выговаривала даже ему за это, доказывая, что нѣтъ къ тому ни малѣйшей причины.

— А кто знаетъ, можетъ быть и есть, сказалъ старикъ, нюхая табакъ.

— По-крайней-мѣрѣ я не догадываюсь, отвѣчала дѣвушка, отворачиваясь и какъ-бы ища наперстка, потому-что ей было стыдно говорить неправду отцу, передъ которымъ она еще не солгала ни разу въ жизни.

— Мнѣ, старику, уже не тайна, какъ-же не догадаться-бы тебѣ, въ особенности, когда ты сама причиной этого? прибавилъ эмеритъ и сильно понюхалъ табаку.

— Если хотите, чтобы я прямо и откровенно отвѣчала вамъ, говорите сами прямо и откровенно о томъ, что думаете, сказала Катя, подымая головку и открывая свое блѣдное и опечаленное личико.

— Очень радъ исполнить твое желаніе, если требуешь этого; да и мнѣ будетъ легче, сказалъ старикъ, протягивая руку къ дочери.

Катя упала передъ нимъ на колѣна и со слезами цѣловала его руки, потомъ отерла глаза и сѣла на свое мѣсто.

— Конечно, ты вѣришь, дитя мое, продолжалъ растроганный эмеритъ, что твое счастье—цѣль моей жизни на землѣ, а единственная моя молитва къ Богу: увидѣть судьбу твою обезпеченною, прежде, чѣмъ не будетъ меня на свѣтѣ.

— Развѣ-же вы не дали мнѣ воспитанія, не научили меня трудиться, довольствоваться малымъ? Въ этомъ отношеніи вы должны быть покойны.

— Такъ, дитя мое, я благодарю за это Бога. Но для отца—этого еще недовольно. Тогда только я умру покойно, когда увижу, что у тебя будетъ постоянный покровитель, когда будетъ надежная рука, способная и защитить тебя и на тебя, заработать. Видишь-ли, Катя, я нехотѣлъ-бы покинуть тебя одинокую. Хотя я знаю, что ты образована, добродѣтельна, способна, что всегда найдешь себѣ кусокъ хлѣба и остережешься отъ стыда и заблужденія; однако — мысль оставить тебя совершенно одну—тревожила-бы меня въ послѣднія минуты, и я не имѣлъ-бы спокойствія, съ какимъ честный человѣкъ долженъ ожидать смерти.

— Зачѣмъ-же вы говорите постоянно объ этихъ минутахъ? Онѣ вѣроятно еще далеки; вы здоровы, дѣятельны, умѣренны во всемъ. Богъ дастъ вы проживете еще долго, а между-тѣмъ, можетъ-быть и желаніе ваше исполнится, прибавила Катя, опуская глаза и блѣднѣя, потому-что чувствовала, какъ сомнительно было послѣднее обстоятельство.

Старикъ махнулъ рукой.

— Хорошо тому высматривать и ожидать, передъ кѣмъ еще долгій вѣкъ впереди, милая моя; но не мнѣ, старику, сказалъ онъ. Ты видѣла, какъ внезапно я заболѣлъ зимою, казалось безъ всякой причины; но главная причина въ томъ, что мнѣ уже за шестьдесятъ. Ежеминутно могу подпасть этому обстоятельству, а устранить его рѣшительно невозможно. Вотъ почему не хотѣлось-бы мнѣ откладывать, тѣмъ болѣе, когда я могу теперь-же, сію минуту — исполнить мое пламеннѣйшее желаніе и совершенно обезпечить твою будущность.

Довольно было этого для панны Катерины. Дрожь, пробѣжавшая по тѣлу ея, сказала ей, что старикъ будетъ говорить далѣе.

Однако-же дѣвушка слушала, опустивъ глаза, не отвѣчая ни слова.

Какъ-бы ожидая отвѣта, старикъ смотрѣлъ на нее съ минуту; но, замѣтивъ, что Катя сидитъ неподвижно, онъ заговорилъ снова:

— Знаю, душа моя, что образованіе твое, а можетъ-быть и зеркало, въ которое, при всей скромности поглядываешь, могли тебѣ подать мысль, что ты достойна мужа, который поставилъ-бы тебя въ свѣтѣ немного выше. Надежды эти естественны, но, вѣрь, ничего нѣтъ обманчивѣе такихъ мечтаній. Полагаясь на ихъ предательскій шопотъ, сколько увядаетъ образованныхъ, хорошенькихъ, даже богатыхъ дѣвушекъ! Для тебя-же самое важное — сердце и нравъ того, кому ввѣряешь судьбу свою; главное условіе — здоровье мужа, необходимое для занятій, здравый умъ, способный оцѣнить достоинства жены, и вѣрный кусокъ хлѣба, а въ особенности такой, который и жена могла-бы увеличить и усладить трудомъ и бережливостью. Вотъ, другъ мой, если и ты раздѣляешь мое мнѣніе, то мы не будемъ ни ждать долго, ни искать далеко.

Придя къ дѣлу, послѣ разныхъ намековъ, старикъ вздохнулъ свободнѣе. Панна Катерина положила руку на сердце, какъ-бы желая его заставить замолчать и сказала, смотря отцу прямо въ глаза:

— Теперь я знаю ваши намѣренія. Выслушайте-же меня терпѣливо, а потомъ приказывайте. Я обязана вамъ жизнью и покорностью; вы умѣли вдохнуть въ меня неограниченную любовь къ вамъ, а потому и имѣете право требовать ея доказательства, и дочь ваша не обманетъ вашего сердца.

Упавъ предъ отцемъ на колѣна, Катя начала цѣловать его руки. Старикъ расплакался, поднялъ дочь, и когда оба успокоились, дѣвушка продолжала:

— Вы хотите отдать меня за достойнаго юношу, въ которомъ пересоздали душу на то, чтобъ она меня полюбила. Замѣтила я его скромную и глубокую привязанность, хотя, видитъ Богъ, ничѣмъ не вызывала этого чувства. Но виновата-ли я, что въ моемъ сердцѣ теплится только благодарность къ нему за привязанность его къ вамъ, только дружба, только одно братское чувство. Вотъ почему прошу, не требуйте отъ меня сей-часъ

исполненія вашего желанія. Знаю, прибавила она, опуская глаза, что я недолжна питать большихъ надеждъ, и не мечтаю о высшемъ блистательномъ положеніи въ свѣтѣ... Я умѣю трудиться, люблю и буду трудиться; но пусть-же милосердый Творецъ пошлетъ мнѣ влеченіе къ доброму юношѣ, а о желаніи раздѣлить его труды и жребій—пусть заговоритъ не одно убѣжденіе, не одна обязанность, но и голосъ сердца. Я увѣрена, что не найду души болѣе привязанной; знаю также, что на вашихъ глазахъ, въ домѣ и подъ покровительствомъ пана Криницкаго, будетъ мнѣ, какъ въ раю; но дайте мнѣ время, отецъ мой! Мнѣ нужно годъ, полгода, можетъ-быть мѣсяцъ, можетъ-быть даже меньше, только не сегодня, потому-что Богъ свидѣтель—сегодня я отвѣчать не въ состояніи.

Растроганная дочь упала въ объятія отца и тихо, долго лежала, склонивъ голову на грудь его. Старикъ, цѣлуя ее, говорилъ, что и недумаетъ поступать противъ ея воли, просилъ только, чтобъ она развеселилась и не убивала своей грустью бѣднаго юношу.

— Скажите ему, отвѣчала панна Катерина, что я сама поговорю съ нимъ объ этомъ, но только позже, позже, не теперь. Я знаю его сердце, привязанность его — для меня драгоцѣнна; скажите, что никто больше меня не желаетъ ему счастья, но теперь невозможно мнѣ говорить съ нимъ объ этомъ.

Такимъ образомъ кончилось важное совѣщаніе. Старикъ опечалился, покачалъ головой и ушелъ, а панна Катерина сидѣла часа два, погрузясь въ задумчивость и взвѣшивая всю тягость своего положенія.

XI.

А вѣдь есть въ жизни положенія, въ которыхъ неувѣренность, ожиданіе и происходящая оттого борьба между страхомъ и надеждой гораздо хуже самаго удара, поражающаго рѣшительно и пробуждающаго неожиданную энергію и мужество. Въ то время душа подобна раскаленному желѣзу, по которому бьютъ молотомъ: шипитъ оно и брызжетъ искрами, но вскорѣ принимаетъ формы, придаваемыя молотомъ и такъ застываетъ. Въ подобномъ положеніи находилась бѣдная наша героиня.

Состояніе трехъ особъ, ближе насъ теперь занимающихъ, нисколько не разнилось отъ прежняго по наружности. Эмеритъ развлекался табакомъ и грамматикой, занимался иногда съ Мартыномъ, принималъ послѣдняго, какъ сына, но молчалъ о томъ, о чемъ оба пламенно-бы желали поговорить, и ни однимъ намекомъ не далъ ему замѣтить, что говорилъ съ дочерью и узналъ ея образъ мыслей.

Мартынъ приходилъ ежедневно, засматривалъ въ свои книги, прочитывалъ ариѳметику, выбиралъ изъ нея любопытнѣйшіе и легчайшіе примѣры для дѣтей; перелистывалъ книги, чтобъ имѣть о чемъ бесѣдовать съ учениками; со скуки и съ горя принимался даже иногда за латынь, и всѣми средствами удалялся отъ искушенія — спросить старика: говорилъ-ли онъ съ дочерью и знаетъ-ли она о любви его?

По наружности Катя тоже была спокойна, привѣтливо встрѣчала Мартына, свободно и непринужденно разговаривала съ нимъ, но ни однимъ словомъ не намекнула ему, что знаетъ, чего ждетъ бѣдный юноша, и что она не можетъ отвѣчать его желаніямъ.

Грустное и принужденное это положеніе приводило иногда ихъ всѣхъ въ такое разсѣяніе, что они умолкали въ одно и тоже время, каждый думалъ о своемъ, не смѣя и не рѣшаясь высказать то, что мучило его внутренно. По этому черезъ нѣсколько дней начали они избѣгать другъ друга, и каждый въ своемъ углу занимались работой.

Послѣ одной изъ подобныхъ молчаливыхъ, но краснорѣчивыхъ сценъ, Катя была поражена глубокою грустью Мартына; замѣтивъ слезы его, невольно катившіяся по лицу, и видя, что и отецъ ихъ также замѣтилъ, махнулъ рукой и изъ боязни, чтобъ дѣло не дошло до какого-нибудь объясненія, заперся въ своей комнатѣ; бѣдная дѣвушка ушла къ себѣ, набросила дрожащею рукой мантильку, надѣла соломянную шляпку и, взявъ зонтикъ, выбѣжала на улицу.

Сначала она сама не знала, куда направить шаги — и дойдя на Лешно, шла медленно по этой длинной, веселой, хотя и немноголюдной улицѣ. На лѣстницѣ костела она примѣтила ту-же самую старуху, черты которой врѣзались въ ея памяти и живо припомнили ей послѣднее прощанье съ паномъ Романомъ.

— Подай нищей три гроша, прекрасная барышня! сказала старуха.

— Со мною нѣтъ денегъ, моя милая, сказала, ощупавъ порожній карманъ, дѣвушка.

— Нѣтъ денегъ! воскликнула старуха, пожимая плечами и махнувъ рукой, какъ-бы въ знакъ недовѣрчивости къ этой обычной отговоркѣ.

— Право нѣтъ, добрая старушка, Богъ дастъ! Я принесу тебѣ въ другой разъ.

— Въ другой разъ! Жаль, прибавила нищая, въ другой разъ, можетъ-быть, я не буду голодна, а теперь-бы помолилась о твоемъ путешествіи. Ты что-то не весела, а кто знаетъ, можетъ быть возвратясь, еще будешь скучнѣе. Три гроша небольшія деньги, а молитва убогаго всегда пригодится человѣку. Ступай себѣ, ступай съ Богомъ, когда нѣтъ денегъ! говорила нищая, пожимая плечами и какъ-бы съ гнѣвомъ смотря на задумавшуюся дѣвушку, пораженную этими словами.

Панна Катерина пошла дальше. Встрѣча эта увлекла ее совершенно въ прошедшее и напомнила послѣднее прощанье, съ которымъ соединялся зловѣщій голосъ этой-же самой нищей. Не бывъ въ состояніи разсѣять тревожныхъ мыслей, она уже хотѣла идти въ садъ Красинскихъ развлечься немного воспоминаніемъ о пріятныхъ бесѣдахъ, чуднымъ видомъ распустившихся деревъ и многолюдной веселой толпою; но на углу улицы встрѣтила служанку г-жи С..., подбѣжавшую къ ней.

Какъ хорошо, барышня, что я васъ встрѣтила; не придется бѣжать далеко. Меня послали за вами, чтобъ вы пожаловали въ пансіонъ, потому-что вамъ есть толстое письмо изъ Украйны или изъ Литвы, право не помню.

— Большое письмо ко мнѣ? сказала панна Катерина и почувствовала, какъ кровь застывала въ сердцѣ.

— Что съ вами, барышня? Вы поблѣднѣли...

— Ничего, ничего, я уже иду! отвѣчала дрожащимъ голосомъ панна Катерина.

Сначала шла она тихо, потому-что подгибались колѣна; но, подумавъ, что письмо, быть-можетъ, отъ него, что, незная ея адреса, онъ написалъ къ Г-жѣ С... съ просьбой передать, что

письмо толстое—значитъ заключаетъ столько отрады и надеждъ, сколько перечувствовала она горькихъ минутъ во время забвенія и молчанія пана Романа, представивъ себѣ все это, дѣвушка побѣжала такъ скоро, что служанка, не могши догнать ее, убавила шагу и вступила съ другой какою-то служанкой въ разговоръ, въ которомъ ужъ конечно досталось госпожамъ на орѣхи. Быстро взбѣжала героиня наша на лѣстницу и только позвонивъ, опомнилась немного и принуждена была посидѣть въ передней, чтобъ успокоить тяжело-дышавшую грудь и придать лицу болѣе спокойное выраженіе.

— Какъ поживаешь, Катя? спросила г-жа С... Но присядь, душа моя, видно, что ты бѣжала. Къ тебѣ есть огромное посланіе изъ Украйны. Конечно, догадываешься отъ кого?

На лицѣ панны Катерины выступилъ румянецъ, а г-жа С. замѣтивъ это, прибавила:

— Вижу по лицу что догадываешься, и это доставляетъ тебѣ большое удовольствіе. Не удивляюсь, потому-что вы любили другъ друга, какъ сестры.

— Значитъ отъ Юзефы! воскликнула панна Катерина, быстро блѣднѣя, а въ звукѣ ея голоса какъ-бы слышался стонъ сердца, обманувшагося въ своихъ сладкихъ надеждахъ; къ несчастію г-жа С... не замѣтила этой перемѣны, потому-что пошла къ бюро, чтобы вынуть письмо.

— Знаешь-ли, сказала она, что Юзефа уже замужемъ? Добрая, милая Юзефа! какъ я рада, что она сдѣлала хорошую партію. Очень благодарна ей, что въ счастіи она не позабыла насъ и поспѣшила подѣлиться съ нами своей радостью; видно, что она любитъ насъ и помнитъ своихъ воспитателей. Вотъ что значитъ, если дѣвушкѣ привьютъ хорошія начала!

— Душевно радуюсь, сказала панна Катерина, протягивая дрожащую руку за письмомъ, которое подавала ей г-жа С...

— Должно-быть здѣсь много подробностей о ея замужствѣ, потому-что письмо очень толсто, говорила г-жа С..; ко мнѣ писала она съ чувствомъ, но лишь нѣсколько строчекъ. Прочти, Катя, и разскажи мнѣ, а я между-тѣмъ посмотрю, что дѣлается въ классахъ.

Долго по уходѣ г-жи С... панна Катерина держала въ ру-

кахъ письмо, не смѣя его распечатать. Она положила его на столѣ и, желая продлить время, начала медленно снимать перчатки, словно обстоятельство это требовало столькихъ приготовленій. Наконецъ сломала она печать дрожащею рукою. Развернувъ нѣсколько страничекъ, Катя узнала руку Юзефы. Письмо было написано три недѣли назадъ; подпись была: Юзефа Балицкая, а начало слѣдующее:

«Имѣя такъ много сообщить о себѣ и о тебѣ, не знаю съ чего и начать, милая и бѣдная моя Катя. Можетъ, было-бы лучше, если-бъ я написала только о себѣ, письмо было-бы и короче и веселѣе, потому-что я счастлива, милая Катенька. Но что-же, если одно съ другимъ какъ-то связывается и наконецъ лучше-же узнать все, чѣмъ губить, можетъ-быть, напрасными мечтами и здоровье, и спокойствіе. Знаю, что это очень огорчитъ тебя; но легче, по-моему, однимъ разомъ вытерпѣть и выстрадать, нежели мучиться медленно, ежечасно, ежеминутно. Не читай этого письма при г-жѣ С... но, призвавъ на помощь Бога, въ уединеніи узнаешь все, что тебя занимаетъ.»

Блѣдная, какъ мертвецъ, дрожа, какъ листъ, сжавъ губы и чувствуя, какъ тмился свѣтъ въ глазахъ, прочла эти строчки панна Катерина. Потомъ пробѣгая письмо, такъ, что едва схватывала десятое слово, она казалось, искала между ними самаго ужаснаго, ядовитаго, чтобы разомъ узнать горе и обнять мысленно все свое несчастье. Но она не могла уловить смысла, не могла составить никакого яснаго понятія въ этомъ быстромъ чтеніи строчекъ, написанныхъ мелкимъ почеркомъ. Бросались ей въ глаза и шипѣли, какъ змѣи, одинокія и праздношатающіяся имена: панъ Романъ, Христина, пани Рожевская, панъ Выжпольскій, панъ Владиславъ, Кіевъ и т. д. Чувствуя наконецъ круженіе головы и что она ничего понять не въ состояніи, Катя отодвинула письмо и, закрывъ лицо обѣими руками, сидѣла какъ-бы въ оцѣпенѣніи. Въ эту минуту вошла Еленка и, примѣтивъ Катю въ глубокой задумчивости, подкралась къ ней на цыпочкахъ, и отводя руки ея, закрывавшія лицо:

— Здравствуй тетя Катя! сказала она улыбаясь.

Увидя передъ собой невинное и хорошенькое личико дѣвочки, панна Катерина вскрикнула и легонько оттолкнувъ ее отъ

себя, пошла къ двери. Плачь Еленки коснулся ея слуха. Катя оглянулась и, видя, что дитя протягивало къ ней рученки, возвратилась и приняла дѣвочку въ свои объятія.

— Что съ тобою, тетя Катя? спрашивала дитя сквозь слезы.

Но панна Катерина, молча прижимала къ сердцу и такъ нѣжно, съ такою грустью цѣловала, какъ-бы навсегда покидала дѣвочку, а съ ней вмѣстѣ и все свое счастье, всѣ лучшія надежды.

Героиня наша вспомнила, какъ и когда очутилась она на Лешнѣ, и только услышавъ:—подай три гроша бѣдной нищей, хорошенькая барышня! она вздрогнула, подняла голову и увидѣла передъ собой сморщенное и безчувственное лицо знакомой намъ старухи.

Бѣдная дѣвушка вздохнула.

— О, помолись обо мнѣ, добрая старушка, я завтра принесу тебѣ щедрую милостыню! сказала она.

— Гмъ! какъ принесешь, такъ и помолюсь; у меня нѣтъ въ долгъ молитвы, сказала она: три гроша небольшая важность, а тебѣ пригодилось бы теперь: *прибѣгаю къ тебѣ, небесная заступница*! потому-что ты возвращаешься грустнѣе, чѣмъ была прежде. Вы не помните бѣдныхъ, вотъ и Господь Богъ васъ забываетъ, прибавила, отворачиваясь, безжалостная нищая.

Въ испугѣ убѣжала панна Катерина и, осторожно пройдя въ свою комнатку, заперла дверь, упала возлѣ кровати на колѣна, и только послѣ пламенной молитвы слезы потекли изъ глазъ и облегчили ея сердце. Подкрѣпивъ себя молитвой и поручивъ Богу судьбу свою, она столько еще нашла въ себѣ силы, что, спрятавъ письмо, вышла къ отцу, разговаривала съ нимъ и съ Мартыномъ, хлопотала по хозяйству, и когда уже все успокоилось въ домѣ, она принялась оканчивать письмо Юзефы.

«Не знаю, милая Катя, въ состояніи ли буду описать все по порядку, но впрочемъ и не думаю теперь объ этомъ. Одно у меня въ головѣ и въ сердцѣ: какъ примешь ты это извѣстіе? найдешь ли въ себѣ столько мужества, сколько иногда бѣднымъ намъ необходимо въ жизни? а наконецъ, простишь ли, что я, которая желала бы потопить въ блаженствѣ нѣжное твое сердце, наполняю его тяжкою печалью. Но мнѣ казалось, что подаю

тебѣ не отраву, а лекарство, хотя и горькое, однако все-же изъ моихъ рукъ оно должно показаться тебѣ гораздо пріятнѣе, чѣмъ изъ какой-нибудь руки чужой и безчувственной.

«Ты ничего не открывала мнѣ, и можетъ-быть покажется страннымъ, откуда я знаю, что тебѣ необходимо лекарство? Письмо твое было слишкомъ выразительно, моя милая; но чего ты мнѣ не договорила, я узнала отъ того, кто доставилъ мнѣ счастье, а тебѣ причинилъ столько горя! Можетъ-быть онъ и не вполнѣ этому причиной, потому-что понять его я не въ состояніи. Но вижу, что и ты ничего не поймешь, если не опишу тебѣ всего обширнѣе, со всѣми подробностями. Слушай же, какъ это было. Недалеко отъ насъ живетъ панна Осиновская, женщина нѣкогда богатая, но теперь уже почти прожившая состояніе, хотя добрая и привѣтливая, и теперь еще охотно приглашающая сосѣдей. Ежегодно бываетъ у нея большой балъ въ день ея имянинъ. Прошлый годъ я была съ отцомъ у нея на балѣ. Не въ состояніи описать тебѣ, какъ сдѣлалось мнѣ грустно и тяжело, когда я увидѣла себя среди людей совершенно постороннихъ. Другія дѣвушки танцовали, но меня бѣдную и неизвѣстную никто не приглашалъ изъ молодежи. Сидя одна въ углу, я вспоминала пансіонъ, вспоминала, какъ мы были всѣ счастливы, равны, какъ веселились. Вдругъ ко мнѣ подошелъ, въ сопровожденіи моего отца, какой-то порядочный молодой человѣкъ. Не знаю почему заинтересовалъ онъ меня, но только я сразу замѣтила, что онъ не похожъ на украинскихъ пановъ. Конечно, бѣдная Катя, ты догадаешься, что это былъ панъ Романъ Выжпольскій. До-сихъ-поръ не понимаю, зачѣмъ онъ познакомился со мною и только со мною танцовалъ до самаго ужина. Довольно и того, что онъ вытащилъ меня изъ угла и поставилъ на первое мѣсто; что въ мазуркѣ онъ былъ лучшимъ танцоромъ и я отвѣчала ему въ ловкости и граціи; однимъ словомъ, онъ показалъ меня въ настоящемъ свѣтѣ, а мужъ мой признался, что съ той минуты полюбилъ меня и рѣшился на мнѣ жениться. Нѣсколько недѣль тому назадъ исполнилось его рѣшеніе, и я не могу никогда забыть, что пану Выжпольскому обязана и любовью моего мужа, и обезпеченнымъ состояніемъ, и семейнымъ благополучіемъ. Ахъ, зачѣмъ же и ты не можешь меня обрадовать своимъ счастьемъ,

единственная моя Катя? Зачѣмъ этотъ панъ Романъ перешелъ тебѣ дорогу? зачѣмъ... Но не удивляюсь, что ты имъ заинтересована, потому-что онъ такой добрый, такой милый и такъ достоинъ любви. Къ твоему несчастію и здѣсь нашлась особа, замѣтившая тоже самое. Она не лучше тебя, но очень хороша, умна, живаго характера и знатная барыня, первая щеголиха и такая чародѣйка, что нѣтъ ни одного мужчины, которому бы не вскружила она головы, если-бъ только захотѣла.

«Но я уже удалилась отъ предмета, надо снова возвратиться къ балу. Начавъ хвалить, что я хорошо танцую мазурку, панъ Выжпольскій спросилъ, гдѣ я училась? Надо было видѣть, Катя, что съ нимъ сдѣлалось, когда я сказала, что училась въ Варшавѣ, въ пансіонѣ Г-жи С! Съ какимъ участіемъ разспрашивалъ онъ о моихъ подругахъ, съ какимъ вниманіемъ слушалъ, когда я говорила о тебѣ. Я сейчасъ догадалась въ чемъ дѣло. Нѣсколько разъ онъ садился возлѣ меня и всегда заводилъ разговоръ о тебѣ. Когда вскорѣ послѣ этого бала, мой Станиславъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, а я упросила отца съѣздить къ пану Выжпольскому и поблагодарить его за это, тогда уже я получила письмо твое и догадалась, что и ты любишь пана Романа, но любишь, какъ мы умѣемъ любить, если любимъ,—всей душой, всѣми помышленіями. Я надѣялась, что панъ Романъ заплатитъ визитъ моему отцу и снова захочетъ поговорить о тебѣ со мною. Тогда, думала я, покажу ему письмо твое, и все всплыветъ наверхъ, какъ масло на воду.

Такъ и случилось. Дня черезъ два пріѣхалъ къ намъ панъ Романъ Выжпольскій. Улучивъ свободную минуту, я начала съ нимъ говорить, а когда онъ увѣрилъ меня въ одномъ обстоятельствѣ, о чемъ сей-часъ скажу, показала ему письмо твое. Онъ взялъ его дрожащею рукою, долго присматривался къ твоей подписи, читалъ, волнуемый сильнымъ внутреннимъ чувствомъ; а когда кончилъ, — слезы брызнули изъ глазъ его. Онъ не могъ произнести слова отъ сильнаго волненія, а наконецъ, немного успокоившись, попросилъ меня, чтобъ я подарила ему письмо. Въ голосѣ его было такъ много искренняго чувства; просьба была такъ чистосердечна, что я расплакалась сама и подарила ему письмо. Кто-же могъ-бы надѣяться, что этотъ

самый человѣкъ, любившій тебя такъ пламенно, позволитъ увлечь себя, позабудетъ и тебя, единственная моя Катя, и твои прелести, и твою доброту, и твое сердце, въ которомъ онъ видѣлъ столько любви и самопожертвованія. Но снова я должна возвратиться немного назадъ. Еще на балѣ я замѣтила, что онъ провожалъ пани Рожевскую. Это та самая красавица, о которой я тебѣ упоминала. Послѣ она вскружила ему голову. Страшно мнѣ стало, когда я увидѣла, какъ онъ провожалъ ее, тѣмъ болѣе, что онъ и не взглянулъ на меня, какъ-бы изъ боязни стыда. Съ грустью подумала я: бѣдная Катя! и часто послѣ приходило мнѣ на мысль это обстоятельство. Вдругъ разнеслась вѣсть, что панъ Романъ женится на пани Рожевской; что панъ Владиславъ Искрицкій, прежній женихъ ея, вызвалъ за это пана Романа на дуэль; что панъ Романъ принялъ вызовъ и т. п. Все это было передъ пріѣздомъ къ намъ пана Выжпольскаго. Однако-же оказалось, что вѣсти эти были несправедливы. Я обрадовалась и, убѣдясь что онъ любитъ тебя, подарила ему письмо твое. Теперь я жалѣю объ этомъ, но дѣлать нечего: потеряннаго не воротишь. Вскорѣ панъ Выжпольскій уѣхалъ въ Кіевъ, и все стихло о немъ, о Христинѣ (пани Рожевской) и о панѣ Владиславѣ. Въ то время люди были болѣе заняты мною, нежели ими. Я смѣялась надъ этимъ и, узнавая постепенно Станислава, болѣе и болѣе привязывалась къ нему и была счастлива и довольна. Не думай, милая Катя, что я забыла о тебѣ, потому что мнѣ было хорошо на свѣтѣ. Не разъ приходила мнѣ охота написать къ тебѣ, но я думала: какъ же написать къ ней, не упоминая о панѣ Романѣ; а зачѣмъ-же растревоживать бѣдняжку, незная, когда онъ возвратится въ Варшаву, да возвратится ли полно, можетъ-быть, останется здѣсь при старой и богатой теткѣ, завѣщавшей ему все свое имѣніе. Вотъ почему ты не получала отъ меня ни строчки. Можетъ-быть, ты уже излечилась отъ этой несчастной любви и позабыла о немъ, какъ и онъ позабылъ о тебѣ. Какъ-бы это было хорошо! Представь-же себѣ, что случилось. Возвратясь съ контрактовъ, всѣ только и говорили о любви пана Романа къ пани Рожевской; о томъ, какъ Христина была къ нему внимательна и только имъ и занималась; какъ вездѣ онъ ей сопутствовалъ; какъ постоянно у

нея проводилъ время. Зная еще прежде, какъ у насъ любятъ сплетничать, я до сихъ поръ ничему не вѣрила. Но мнѣ казалось страннымъ, что панъ Романъ не заглянулъ къ намъ ни разу. Я упросила отца съѣздить къ пану Роману. Два раза старикъ былъ у него, но никогда не заставалъ дома. Панъ Выжпольскій постоянно сидѣлъ у Христины въ Мышовцахъ. Громче и громче разносилась вѣсть о его женитьбѣ. Наконецъ я узнала, что уже отпраздновали обрученіе. Можешь себѣ представить, какъ это меня поразило. Свадьба моя приближалась, счастіе готово было осуществиться, а я плакала, какъ только вспоминала о тебѣ, когда воображала, какъ-бы ты была хороша въ подвѣнечномъ платьѣ, съ цвѣтами на головѣ, рука объ руку съ тѣмъ, кого ты полюбила, но онъ увлекался теперь другою, ея красотой, умомъ или богатствомъ. О, какъ мы жалки! а они, эти мужчины—какъ недостойны! Слава Богу, за мной уже затворилась клѣтка и клѣтка золотая, изъ которой не захочется и выпорхнуть на свободу. Но пора кончить, потому-что я слишкомъ разболталась, а во всемъ письмѣ нѣтъ ни одного слова, которое могло-бы утѣшить тебя, развѣ только то, что я счастлива и что мнѣ отрадно на бѣломъ свѣтѣ. Увѣрясь въ легкомысленности пана Романа, хотѣла я по-крайней-мѣрѣ пристыдить его, и написала къ нему, прося его къ себѣ на свадьбу. Я подумала: хоть я и обязана ему, однако не выдержу и отмщу за тебя какимъ-нибудь намекомъ, или по-крайней-мѣрѣ такимъ взглядомъ, который будетъ ему понятенъ и поразитъ его; притомъ-же попрошу возвратить мнѣ письмо твое, не нужное ему въ настоящихъ обстоятельствахъ. Мнѣ казалось, что послѣднее затронетъ его болѣзненно, что онъ увидитъ, какъ дурно поступилъ и покраснѣетъ самъ передъ собою. О, кто-же ихъ разгадаетъ, милая Катя! кто пойметъ ихъ, кто узнаетъ, что они ощущаютъ; чѣмъ забавляются, а что чувствуютъ серьозно, какъ мы чувствуемъ, если даемъ слово. Увы, въ нашемъ словѣ заключается вся жизнь, вся будущность, все блаженство или все несчастье, а они играютъ словомъ, не думая о томъ, что подобная игра убиваетъ. Представь-же себѣ, что панъ Романъ вѣроятно не смѣлъ показаться мнѣ на глаза и не захотѣлъ пріѣхать ко мнѣ на свадьбу, а догадываясь чего-бы я отъ него потребовала, самъ прислалъ мнѣ письмо твое. Катя,

милая Катя, теперь уже ты все знаешь: не о чемъ больше увѣдомлять тебя. Полагайся на Бога и позабудь сонъ, смущавшій тебя нѣсколько времени. Пробудись, милая Катя, предайся какому-нибудь занятію и прими на себя какую-нибудь хоть тяжелую обязанность. Сначала ты согнешься подъ нею, но скоро Богъ укрѣпитъ твое сердце—поднимешь голову и спокойно посмотришь въ глаза жизни, не давшей тебѣ того, чего ты заслуживала. Можетъ быть даже будешь спокойнѣе и счастливѣе, чѣмъ тотъ, кто такъ страшно огорчилъ тебя. Прочти со вниманіемъ прилагаемую при этомъ его записочку. Мнѣ кажется, что онъ непользуется ни счастьемъ, ни спокойствіемъ. Въ словахъ его замѣтна какая-то таинственная борьба, можетъ-быть борьба съ совѣстью, утромъ и вечеромъ напоминающею ему о дурномъ поступкѣ, а въ это время воображенію его представляешься ты, блѣдная, заплаканная. Онъ несчастнѣе тебя, если я не ошиблась въ моихъ предположеніяхъ. Ты по-крайней-мѣрѣ свободна и избавлена отъ врага, отъ котораго нельзя скрыться и въ золоченыхъ палатахъ. Прощай, милая, единственная Катя, добрая подруга лучшихъ дней моей жизни! Попроси Бога, чтобъ благословилъ меня на новомъ пути, а я не перестану молиться, чтобъ Онъ послалъ тебѣ забвеніе прошедшаго и успокоилъ твое сердце.»

Записка пана Романа къ Катѣ заключалась въ слѣдующемъ:

«По весьма многимъ причинамъ, къ сожалѣнію не могу воспользоваться лестнымъ приглашеніемъ вашимъ. Не считаю нужнымъ изъяснять болѣе. Вы поймете меня и простите, что не могу сопровождать васъ къ алтарю, съ котораго да польются на васъ счастье и спокойствіе. Притомъ-же я не такъ здоровъ и сильно занятъ. О времени своей свадьбы тоже ничего не могу сказать вамъ. Препятствій нѣтъ никакихъ, однако-же мы съ невѣстой не спѣшимъ. Одинъ Богъ знаетъ этому причину. Сейчасъ послѣ праздниковъ, а можетъ-быть и въ маѣ, выѣзжаю въ Варшаву. Вѣроятно я останусь уже здѣсь на долго, такъ хотѣлось-бы прежде увидѣть землю, на которой родился, и важный шагъ въ жизни каждаго человѣка, а въ моей въ особенности — начать блгословеніемъ матери и съ ней проститься. Дрожа, прибавляю нѣсколько строчекъ. Чувствую, что не должна быть въ

моихъ рукахъ драгоцѣнность, подаренная мнѣ вами въ незабвенныя минуты. Какъ искренняя пріятельница, вы достойнѣе обладать ею. Вы отдадите мнѣ справедливость, если принимая письмо, подумаете, что это съ моей стороны тяжелая жертва... Сбылось!.. Что-же дѣлать?»

Есть картины, которыхъ не изобразитъ никакая кисть въ мірѣ, есть положенія въ жизни, которыхъ счастье такъ огромно или горе до того глубоко, что ни одно перо не въ состояніи ихъ вылить въ тѣсныя границы слова и представить глазамъ читателя. Чувство и воображеніе не замѣнишь краской, карандашемъ или словами! Если правда, что отца, приносящаго дочь въ жертву богамъ, живописецъ изобразилъ съ закрытымъ лицомъ, то вымыселъ этотъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ тѣмъ глубокимъ и геніяльнымъ вымысламъ, которые приходили въ голову только грекамъ. Иначе, какое же онъ могъ дать выраженіе отцу Ифигеніи? А мы въ свою очередь, какими опишемъ словами положеніе нашей героини? Соглашаемся лучше признаться въ своемъ безсиліи и послѣдовать примѣру упомянутаго живописца, склоняясь предъ величіемъ печали, похоронившей золотыя мечтанія и надежды этой благородной любящей души.

Эмеритъ и Мартынъ не замѣтили ни малѣйшей перемѣны ни въ обращеніи, ни въ занятіяхъ панны Катерины, по полученіи письма Юзефы. Правда, что она глубже задумывалась; лицо ея поблѣднѣло, улыбка рѣже появлялась на устахъ, а если и появлялась, то можно было замѣтить, что вызывало ее принужденіе, и тогда дѣвушка клала руку на сердце, какъ бы желая облегчить его тайное страданіе. Но въ домѣ все было по прежнему: завтракъ отца, приготовленіе обѣда, уборка комнатъ—и всѣмъ этимъ Катя занималась усерднѣе и съ тою заботой, какъ бы это было особенно важной необходимостью въ ея жизни. Окончивъ около десяти часовъ домашнія занятія, она уходила изъ дому и возвращалась только передъ обѣдомъ. Во время обѣда Катя разговаривала спокойно и непринужденно, потомъ занималась работой, въ четыре часа уходила снова изъ дому и возвращалась только въ шесть.

Хотя эмеритъ и мало обращалъ вниманія на то, что дѣлалось вокругъ него, однако же замѣтилъ, что дочь ежедневно уходитъ

изъ дому, и что отсутствіе ея продолжается довольно долго. Мартынъ, съ любовью слѣдившій каждый взоръ ея, каждое движеніе, еще больше безпокоился и не могъ изъяснить себѣ этихъ постоянныхъ отлучекъ. Ни одна ревнивая мысль, ни одно недостойное подозрѣніе не приходило ему въ голову; но, видя блѣдность Кати и ея изнеможеніе, когда она возвращалась, Мартынъ боялся, чтобъ она не упала гдѣ нибудь на улицѣ, не лишилась чувствъ и не осталась совершенно безъ помощи; боролся самъ съ собою, но ни слѣдить за нею, ни спросить ее не рѣшался бѣдный юноша.

Однажды, часовъ въ пять, эмеритъ замѣтилъ, что Кати не было дома.

— Опять нѣтъ ее! сказалъ онъ. Что сдѣлалось съ этой дѣвушкой? Вчера она сказала мнѣ, что ежедневно ходитъ въ костелъ, но сегодня всѣ костелы заперты. Она такъ исхудала, такъ ослабѣла, что я боюсь за нее не нашутку. Поди, другъ мой, не встрѣтишь ли ее гдѣ нибудь, прибавилъ старикъ, обращаясь къ Мартыну.

Послѣдній не ожидалъ повторенія. Не прошло получаса, а Мартынъ побывалъ уже у многихъ костеловъ, которые всѣ были заперты. Пробѣжалъ онъ отъ костела св. Яна къ Бернардинамъ, отъ Бернардиновъ къ Кармелитамъ, а оттуда, измученный и усталый, дошелъ къ костелу св. Креста.

Тихо и спокойно стояло сѣрое зданіе среди шумной, хлопотливой толпы и стука экипажей, и наполняло сердце юноши какою-то надеждой. Она должна быть здѣсь, подумалъ молодой человѣкъ: здѣсь найду ее, выскажу все и буду заклинать, чтобъ не мучила меня долѣе. Но если и здѣсь дверь заперта, гдѣ же я отыщу ее?

Однакоже дверь была не заперта. Вошелъ Мартынъ въ костелъ, и сердце его наполнилось умиленіемъ въ этомъ торжественномъ молчаніи пустаго храма, гдѣ страдающая душа находится какъ-бы наединѣ съ Богомъ. Молодой человѣкъ осмотрѣлся. У дверей стояло нѣсколько нищихъ, на среднихъ скамейкахъ молились три или четыре женщины. Вздохнулъ онъ глубоко и, невольно павъ на колѣна, сказалъ:

— И здѣсь нѣтъ ее! а между тѣмъ здѣсь такъ легко страдающему сердцу!

Черезъ нѣсколько минутъ пошелъ онъ еще налѣво. И тамъ никого; но вдали замѣтилъ онъ отворенную дверь, а за нею небольшой алтарь, возлѣ котораго теплилась лампада... Свѣтъ этотъ привлекъ юношу. Съ трепетомъ приближался туда Мартынъ, какъ-бы приготовляясь къ какому-нибудь важному моменту въ жизни. Двѣ мысли, подобно молніи, блеснули въ головѣ его: «если она здѣсь, то должна быть очень несчастна, если ее нѣтъ, то гдѣ же она?» Но панна Катерина была въ костелѣ. Въ уединенномъ уголкѣ, на холодномъ полу стояла она на колѣнахъ. Возлѣ нея лежалъ молитвенникъ и платокъ, смоченный слазами, а она, опираясь о скамейку и склонивъ голову на руку, погружена была въ глубокую задумчивость. Увидѣвъ ее, Мартынъ сталъ ломать руки въ отчаяніи. Сначала онъ не рѣшался: подойти ли къ ней и вывесть ее изъ задумчивости, или спокойно ожидать ея выхода. Но внезапная тоска пересилила боязнь и приличіе. Со слезами, съ едва удерживаемымъ рыданіемъ, подошелъ онъ къ ней и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Панна Катерина!

Дѣвушка подняла голову, потерла лобъ рукою, какъ бы желая отвѣять неотвязныя мысли, кротко взглянула на Мартына и сказала спокойно:

— Вѣрно отецъ прислалъ васъ, любезный панъ Мартынъ. Если уже запираютъ костелъ, то пойдемъ вмѣстѣ. Но о чемъ же вы плачете?

— Панна Катерина! воскликнулъ тогда юноша, складывая руки. Если я причиной вашего несчастья, а я очень хорошо вижу, что вы несчастны, если васъ печалитъ моя пламенная, постоянная, безграничная любовь къ вамъ, о, скажите, Бога ради! клянусь передъ ликомъ Божіей Матери, что вы не увидите меня болѣе!» прибавилъ онъ раздирающимъ душу голосомъ.

Катя встала, лицо ея прояснилось, какое-то святое рѣшеніе, обливъ его лучами, придало ему ангельское выраженіе, и она сказала удивленному юношѣ:

— До-сихъ-поръ, Мартынъ, любила я тебя, какъ брата, теперь же клянусь предъ алтаремъ Пречистой, что буду тебѣ вѣр-

ной и покорной женой и раздѣлю твою судьбу, какова бы она ни была. Хочешь ли быть моимъ мужемъ?»

Оглушенный этими словами, Мартынъ упалъ передъ нею на колѣна, а она прибавила, подымая его:

— О, не передо мною, милый мой! пойдемъ сюда, станемъ вмѣстѣ на колѣна и помолимся, чтобъ Богъ благословилъ насъ.

Съ дивной рѣшимостью и спокойствіемъ взяла она Мартына за руку и подвела его къ алтарю. Молодые люди стали на колѣна. Сложивъ руки, молча смотрѣла Катя на изображеніе Богородицы, а Мартынъ громкимъ рыданіемъ кончилъ пламенную свою молитву.

— Пойдемъ теперь, пора утѣшить и успокоить нашего старика, сказала панна Катерина, подавъ юношѣ руку, и они вмѣстѣ вышли изъ костела, продолжая путь среди многолюдной толпы, наполнявшей улицы.

Дѣвушка опиралась на руку Мартына, какъ бы ища въ немъ покровительства; онъ прижималъ ея руку къ груди, какъ-бы изъ боязни утратить неожиданно доставшееся благо; а между-тѣмъ въ эти торжественныя минуты для влюбленныхъ, на лицѣ дѣвушки была только задумчивость, а въ глазахъ юноши блистала слеза, но не слеза счастія и надежды. А окружавшая ихъ толпа суетилась.

— Посмотри какая прекрасная пара! говоритъ одинъ.

— Жена слишкомъ хороша для этого господина! говорилъ другой.

Хорошенькія варшавянки, выставлявшія на показъ себя, свои шляпки и мантильи, изкоса посматривали на героиню нашу, и одна изъ нихъ сказала:

— Личико недурно!

А другая отвѣчала:

— Но глаза заплаканы, и притомъ, какъ одѣта!

Но никто не зналъ, какъ билось сердце молодой пары, готовящейся принадлежать другъ другу, какая безграничная любовь сближала ихъ, какая безконечная грусть должна была соединить ихъ на вѣки!

Подойдя къ дому, молодые люди увидѣли папа Кипріяна у окна. Поднявъ голову, смотрѣлъ онъ на небо, какъ бы вопро-

шая его о будущемъ для себя краткомъ и обезпеченномъ, но для дѣтей—еще далекомъ и покрытомъ тучами.

Вскорѣ старикъ примѣтилъ молодыхъ людей, идущихъ дружески, рука объ руку. Для него это было новостью, и казалось, что молитва его ускорила приближеніе минуты, такъ пламенно имъ ожидаемой.

Катя и Мартынъ вошли въ комнату. Старикъ протянулъ къ нимъ руки и сказалъ, обращаясь къ послѣднему:

— Однако ты нашелъ ее!

— Нашелъ и нашелъ навсегда, отвѣчала панна Катерина.

Сказавъ это, она упала передъ отцомъ на колѣна, увлекая за собой Мартына и прибавила голосомъ, выражавшимъ сильную и неизмѣнную рѣшимость:

— Благословите насъ, батюшка! теперь ужъ мы принадлежимъ другъ другу.

Бѣдняжкѣ хотѣлось поскорѣе связать, скрѣпить свои мысли навѣки предъ Богомъ и предъ отцомъ, затворить для себя міръ мечтаній и сладкихъ заблужденій, такъ горько ее обманувшихъ, и отдаться во власть существенности, бремя которой готова была несть спокойно, съ сердцемъ, исполненнымъ смиренія и рѣшимости.

— Да благословитъ тебя Богъ, милая моя Катя, сказалъ старикъ со слезами на глазахъ, за то, что ты нашла въ себѣ довольно силы и мужества быть доброй, покорной дочерью.

Сказавъ это, онъ положилъ руки на головы молодой четы и потомъ поднявъ обоихъ, прижималъ поочередно къ груди своей.

Мартынъ молчалъ, словно ошеломленный, позволяя управлять собою, какъ ребенокъ, не имѣющій воли; на лицѣ его не было ни выраженія счастія, ни слѣда грусти и тревоги, а въ сухихъ и какъ бы притусклыхъ глазахъ его не блисталъ лучъ, въ которомъ видимо сверкаетъ душа, который смѣло стремится въ будущее и достигаетъ послѣднихъ границъ предназначенія человѣка.

Замѣтивъ положеніе Мартына и не понимая этому причины, старикъ сказалъ:

— Что съ тобой, бѣдный молодой человѣкъ? можетъ быть, не вѣришь ей? Неужели она тебя обманываетъ? Вѣроятно ты вдохновилъ ея сердце и сократилъ время размышленія, о кото-

ромъ она просила меня. Успокойся, милый Мартынъ! тебѣ дано наше слово, а привязанность давно принадлежитъ.

Панна Катерина взяла Мартына за руку.

— Повторяю передъ батюшкой клятву, данную тебѣ у алтаря Божіей Матери, сказала она. Буду тебѣ вѣрной и послушной женой, раздѣлю каждую твою радость, каждое горе, раздѣлю твою судьбу, какова-бы она ни была. Вѣрь мнѣ, другъ мой, потому-что я говорю это отъ чистаго сердца.

И приблизясь къ юношѣ, она положила ему на плечо другую руку и поцѣловала его въ голову.

Словно электрическая искра — пробудило это прикосновеніе Мартына изъ забывчивости. Отскочивъ шага на два, молодой человѣкъ началъ всматриваться въ Катю, какъ-бы видя ее впервые въ жизни, потомъ, схвативъ ее за руку, привлекъ въ себѣ, заключилъ въ объятія, словно въ послѣдній разъ, и воскликнулъ со стономъ, глубоко проникшимъ въ душу дѣвушки:

— Прости мнѣ, я этому не причиною!

Черезъ нѣсколько минутъ потомъ бѣжалъ онъ за городомъ и искалъ вольнаго воздуха для стѣсненной груди, желая уйти отъ людей и остаться наединѣ съ собою.

Качая головой, ходилъ панъ Кипріянъ по кабинету, не зная, что думать объ этомъ; а Катя сидѣла въ своей комнаткѣ у открытаго окна, смотря на небо и ожидая оттуда утѣшенія, котораго уже земля не могла ей дать.

Рѣшеніе Кати было неизмѣнно и принуждало ее ускорить принесеніе жертвы. Она рѣшилась послѣ завтра просить отца поспѣшить свадьбой и увѣдомить пана Криницкаго, приглашая его пріѣхать. Слѣдовало ей также отправиться къ г-жѣ С... и увѣдомить о своемъ замужствѣ. На столикѣ уже лежало начатое письмо къ Юзефѣ, въ которомъ хотѣла она описать и настоящее свое положеніе и надежды будущаго. Но какъ ни была укрѣплена душа ея въ эти рѣшительныя минуты, однакоже не могла выдержать такого тяжкаго испытанія. Слезы оросили начатую страницу. Не на зло пану Роману, не для наказанія послѣдняго за то, что не обращаетъ на нее вниманія, Катя такъ спѣшила

выйти замужъ: это было-бы весьма обыкновенно. Героиня наша имѣла причины гораздо благороднѣе. Записка пана Романа къ Юзефѣ и теперь еще лежавшая у Кати на колѣнахъ, доказывала, что молодой человѣкъ не чувствовалъ себя счастливымъ, что еще въ сердцѣ его сохранилась привязанность къ ней, что причина поступка его заключалась не въ слабости характера, но, можетъ быть, въ обстоятельствахъ, которымъ невозможно было противиться. Глубокая грусть скорѣе, чѣмъ забвеніе и измѣна, отражалась въ этой запискѣ,—и это раздирало сердце нашей героини.

Составя себѣ такое мнѣніе объ измѣнившемъ ей человѣкѣ, она чувствовала необходимую потребность поставить между имъ и собою непреодолимую преграду. Въ іюнѣ панъ Романъ долженъ былъ пріѣхать въ Варшаву; словно собственной измѣной она хотѣла успокоить его совѣсть, отнять у себя всякую надежду, а его избавить отъ грустной борьбы, которой безъ сомнѣнія подверглось-бы его сердце, еслибъ онъ нашелъ ее любящею и свободною. Вотъ причины, отчего она возносила къ Богу подобныя мысли, какъ жертву, достойную Его безконечности, потому-что въ нихъ заключались и безконечная любовь, и безграничное страданіе.

Оставалась еще равно тяжелая и печальная жертва: признаться во всемъ человѣку, долженствовавшему быть ея мужемъ, чтобъ онъ зналъ, чего могъ надѣяться, чтобъ эта искренняя и добровольная исповѣдь убѣдила его, что съ нимъ начинаютъ не обманомъ, не утайкой состоянія сердца, но что отнынѣ и навсегда онъ будетъ знать каждое движеніе души — будущей своей подруги. Она видѣла, что Мартынъ, при всей глубинѣ своей привязанности не чувствовалъ себя счастливымъ; она знала, что любящее сердце его инстинктивно угадывало—что не взаимная любовь отдавала ему ея руку. Потому-то и казалось паннѣ Катеринѣ святой обязанностью — удалить его подозрѣнія, еслибъ онъ питалъ ихъ и разсѣять — сознаніемъ истины, тѣ грустныя видѣнія, которыя въ подобныхъ обстоятельствахъ создаются воображеніемъ и безпрестанно терзаютъ сердце любящее, но не имѣющее взаимности.

Добрый юноша предупредилъ благородную ея рѣшимость.

На другой день пришелъ онъ въ обычное время. Лицо его было спокойно, но блѣдно, а заплаканные глаза показывали, что онъ страдалъ безсонницей. Увидѣвъ его, Катя сей-часъ подошла къ нему и подала обѣ руки, и, когда молодой человѣкъ прижималъ ихъ къ губамъ, смотря ей въ глаза съ выраженіемъ безграничной любви, дѣвушка сказала ему:

— Вижу, что ты не спалъ цѣлую ночь, милый Мартынъ! Не вѣришь мнѣ, не довѣряешь моему сердцу?

— Вѣрю вашему сердцу, панна Катерина, какъ вѣрю, что Богъ создалъ меня только для того, чтобъ я любилъ васъ и всю жизнь посвятилъ для вашего счастья; но не вѣрю, чтобъ, исполняя желаніе отца и замѣтивъ мои мученія, вы сжалились надо мною и отреклись отъ свѣта на вѣки. Я человѣкъ простой и неученый; души во мнѣ столько, сколько вы мнѣ ее дали, но между тѣмъ я не такъ слѣпъ и не такъ ограниченъ, чтобъ не видѣть, что вы очень несчастны, и отъ какой-то ужасной горести ищете спасенія въ этомъ замужствѣ. Говорите, что угодно, панна Катерина, а я очень хорошо вижу, что вамъ все равно теперь: смерть, монастырь, или это супружество. Вы избрали замужство, потому-что любите отца и боитесь огорчить его. Не хорошо, панна Катерина, я не заслужилъ этого. Не такъ я люблю васъ, какъ другіе любятъ женщинъ. Только вашимъ счастіемъ я счастливъ, живу вашей жизнью, радуюсь вашей радостью; но у меня этого нѣтъ ничего, панна Катерина. Скажите лучше прямо, зачѣмъ вы хотите быть моей женою? Увижу: если достанетъ у меня силъ облегчить ваше горе, если это рана, могущая зажить при моихъ заботахъ, я буду вашимъ мужемъ, если же нѣтъ...

Здѣсь онъ закрылъ лицо руками, и, долго удерживаемыя слезы пролились потокомъ.

— Другъ! братъ! сказала, прижимаясь къ нему Катя: благодарю, что предупредилъ меня и требуешь полной откровенности. О, не напрасна была моя увѣренность, что столько отрады найду въ твоемъ сердцѣ. Правда, здѣсь есть рана болящая и глубокая, прибавила она указывая на сердце: но она заживетъ при твоей заботливости. Пойдемъ! я все разскажу тебѣ, ты поймешь меня и узнаешь причину моихъ поступковъ.

Бѣдная Катя повела его и, усадивъ въ своей комнаткѣ, исповѣдалась ему во всѣхъ своихъ мечтахъ и надеждахъ, такъ долго питавшихъ ее, разсказала о грусти, съ какой замѣтила любовь Мартына, не бывъ въ состояніи раздѣлять этого чувства, и наконецъ описала ужасное свое положеніе, въ которое повергло ее послѣднее извѣстіе изъ Украйны, такъ безжалостно разбившее золотистый міръ ея фантазіи.

— Гдѣ же я теперь могу искать отрады и спасенія, прибавила Катя, какъ не у тебя, на твоей братской груди, какъ не подъ покровительствомъ любви, смущавшей меня прежде, а теперь убѣждающей, что Богъ нарочно послалъ тебя избавить меня отъ отчаянія, а можетъ-быть и отъ грѣха. Это святая твоя обязанность, не отталкивай-же меня, другъ мой! Вѣроятно скоро мысли мои отвыкнутъ блуждать въ эдемѣ, который я сама создала себѣ. Занятія успокоятъ мое сердце, священныя обязанности жены и матери разсѣютъ въ головѣ фантазіи, правда, прекрасныя, но въ которыхъ, вижу сама, не было и не могло быть истины. Возьми, возьми меня, милый, единственный другъ мой! прибавила Катя, бросаясь къ Мартыну въ объятія и прижимая лицо къ лицу его, какъ-бы въ восторгѣ любви. Придетъ время, и я скажу: люблю тебя, какъ говорю теперь: спаси меня! О, спаси меня, потому-что тяжко было-бы мнѣ безъ тебя, а отцу безъ меня горько и тяжело!

Побѣжденный этимъ, Мартынъ заключилъ дѣвушку въ объятія, и хотя чувствовалъ, что не любовь связываетъ ее съ нимъ, а отчаяніе, однакоже, прижимая къ груди и цѣлуя головку Кати, онъ поклялся не покидать ее и жить и дышать только для ея спокойствія.

Разговоръ этотъ для обоихъ былъ большимъ облегченіемъ. Съ тѣхъ поръ нѣжная дружба и взаимная довѣренность возвратилась въ домъ эмерита; и если не было въ немъ радости, разговоровъ, исполненныхъ надеждъ и очаровательнаго шепота,— дѣлающихъ послѣднее время передъ свадьбой — торжественными минутами въ жизни, за то было серьозное спокойствіе, показывалась иногда искренняя улыбка и невинная ласка, что успокоивало старика, а молодымъ людямъ подавало надежду, что и для нихъ расцвѣтетъ земля и прояснится небо.

Быстро шли свадебныя приготовленія. Г-жа С... уговорила Катю принять въ подарокъ подвѣнечное платье. Панъ Криницкій прислалъ старику тысячу злотыхъ въ счетъ жалованья, и прибавилъ въ письмѣ:

«Прочтя письмо ваше, старинный другъ мой, я чуть не пробилъ потолка фуражкой, такъ сильно бросилъ ее вверхъ отъ радости. Съ четырехъ часовъ утра я уже распоряжаюсь въ домикѣ учителя! Дѣти ваши будутъ имѣть все, что нужно для такихъ молодыхъ хозяевъ. Не берите съ собой мебели и лишней утвари. Возьмите только, панъ Кипріянъ, свой столъ, забрызганный чернилами и шкафикъ съ пузырьками, потому-что вы соскучитесь безъ нихъ. 10-го іюня пріѣду въ Варшаву и провожу къ алтарю молодую. Привезу также своего старшаго сына въ шаферы къ нашей хорошенькой Катенькѣ. Прощайте, будьте веселы и счастливы, какъ я веселъ и счастливъ, видя благополучное окончаніе своихъ предпріятій.»

Прочтя письмо это, эмеритъ сейчасъ-же отправился въ костелъ отцовъ Реформатовъ, а оттуда вмѣстѣ съ Мартыномъ пошелъ къ пану Марку, котораго они застали за чашкой кофе. Панъ Марко зналъ уже обо всемъ, потому-что два дня тому назадъ Мартынъ просилъ у него, какъ у отца, позволенія и благословенія. Когда въ то время, молодой человѣкъ, проговорилъ свою просьбу, ставъ передъ нимъ на колѣна, панъ Марко оглянулся, заперта-ли дверь и неподслушиваетъ-ли лакей, поднялъ сына, поцѣловалъ его въ голову и, желая ему счастія, напомнилъ, что надо трудиться и быть прилежнымъ. Сейчасъ-же привелъ онъ въ примѣръ себя, какъ онъ самъ трудился, какъ пріобрѣлъ довѣренность начальства, какія благодарности и награды получалъ за свою дѣятельность.

Въ этотъ разъ, повторивъ тоже самое, онъ прибавилъ:

— Ты мой родственникъ, я далъ тебѣ образованіе и пріучилъ къ исполненію обязанности, обезпечивающей тебѣ кусокъ хлѣба.

Здѣсь панъ Кипріянъ кашлянулъ, а Референдарій продолжалъ:

— Много также обязанъ ты моему старинному товарищу, который училъ тебя въ-слѣдствіе нашихъ прежнихъ отношеній. За-

плати-же теперь за это его дочери трудолюбіемъ и добрымъ нравомъ. А главное—не надейся ни на кого, потому-что никто не поможетъ, если человѣкъ опуститъ руки.

— Я полагаю, что онъ обойдется и безъ совѣтниковъ, сказалъ эмеритъ. Теперь кстати было-бы напомнить ясновельможному пану...

— Ахъ, да! сказалъ Референдарій, быстро схватываясь за шляпу, я обѣщалъ положить въ банкъ на его имя тысячу злотыхъ, а триста подарить на первое обзаведеніе, я сдержу свое обѣщаніе.

— Если потрудитесь припомнить, отвѣчалъ панъ Кипріянъ, то вы обѣщали тысячу пятьсотъ и четыреста.

— А! правда, правда, воскликнулъ, краснѣя слегка, Референдарій: пусть будетъ и по-твоему. Только теперь некогда, я опоздалъ въ канцелярію, что со мной очень рѣдко случается. А тамъ вѣдь безъ меня рѣшительно ничего не дѣлается. Нехотѣлось-бы мнѣ пріучать подчиненныхъ выходить изъ опредѣленныхъ границъ. Дѣятельный чиновникъ долженъ для всѣхъ служить примѣромъ. Я всегда былъ дѣятеленъ, за что и получилъ письменную благодарность отъ начальства.

При словѣ *благодарность*, панъ Кипріянъ улыбнулся по обычаю, панъ Марко замѣтилъ это и прибавилъ:

— Но конечно, жениху необходимы — новый фракъ и бѣлая жилетка. Готовъ съ удовольствіемъ подѣлиться тѣмъ, что есть въ наличности.

И, вынувъ изъ бумажника четыре билета по десяти рублей серебромъ, панъ Марко отдалъ ихъ сыну, надѣлъ шляпу, взялъ палку и собрался выйти изъ дому; но словно позабывъ что-то, взялся за карманы, поклонился и вошелъ въ кабинетъ.

Эмеритъ понюхалъ табаку, махнулъ рукой и вышелъ, покачавъ два раза головою. Мартынъ заперъ дверь и остался.

Возвращаясь черезъ нѣсколько минутъ и увидя сына, Референдарій спросилъ, взглянувъ на юношу довольно холодно:

— Чего-же тебѣ еще надобно?

Мартынъ упалъ къ ногамъ его и цѣловалъ колѣна.

— Ну, хорошо, хорошо! Да благословитъ тебя Господь, сказалъ Референдарій, подымая юношу и прибавилъ: Ну, что-же ты еще скажешь?

— Батюшка! 10-го іюня, въ четыре часа пополудни я вѣнчаюсь въ костелѣ Реформатовъ. Пріѣдете-ли вы? сказалъ молодой человѣкъ, смотря въ глаза пану Марку.

— Хорошо, если не помѣшаетъ засѣданіе. Я вѣдь не люблю пренебрегать обязанностью: обязанность прежде всего. Такъ уже я привыкъ, за то и заслужилъ довѣріе начальства.

— Прощайте, батюшка! сказалъ бѣдный сынъ, какъ-бы прощаясь на вѣки, и выбѣжавъ на улицу, догналъ эмерита и, цѣлуя его руку, облилъ ее горячими слезами.

Между-тѣмъ, какъ это происходило на Житной улицѣ, панъ Романъ собирался въ Варшаву. Чемоданы и связки были снесены; уже старый и опытный слуга распоряжался съ вещами по стульямъ и диванамъ, чтобъ все уложить въ порядкѣ, то есть, менѣе нужныя вещи помѣстить внизу, а болѣе необходимыя на верху и подъ рукою.

Пани Виницкая вошла къ племяннику и велѣла слугѣ удалиться. Старушка усѣлась, а панъ Романъ задумчиво ходилъ по комнатѣ.

— Поспѣшаешь отъ меня, любезный Романъ, сказала Виницкая.

— Спѣшу, милая тетенька, чтобъ скорѣе возвратиться.

— Въ томъ-то и бѣда, другъ мой, что мнѣ не предвидится этой охоты къ скорому возвращенію.

— Однако-же вы очень хорошо знаете, что я долженъ-быть назадъ.

— Вѣрь, любезный Романъ, что я васъ совершенно не понимаю.

— Кажется, милая тетенька, и мы съ ней другъ друга не понимаемъ.

— Съ перваго знакомства, продолжала старушка, вы употребляли все, чтобъ понравиться другъ другу, а теперь со дня на

день откладываете свадьбу, словно увѣренность, что принадлежите другъ другу—охладила сердца ваши.

— Развѣ тутъ моя вина, милая тетенька? отвѣчалъ панъ Романъ, цѣлуя съ чувствомъ руки старушки... Развѣ я не былъ готовъ исполнить вашу волю? Сколько разъ ни приказывали вы мнѣ просить и убѣждать Христину поскорѣе кончить, я просилъ и убѣждалъ.

— Но только по моему приказанію, а не по влеченію собственнаго сердца, отвѣчала живѣе старушка. Неуже-ли ты думаешь, что Кржися такъ непроницательна и не угадала этого. Плохо вы объ насъ думаете. Умная женщина сразу постигаетъ, гдѣ источникъ нѣжныхъ словъ, которыми ее осыпаете: въ головѣ, въ сердцѣ, или въ карманѣ? Будешь жалѣть, Романъ, если это разстроится. Не найдешь уже другой подобной женщины. Грѣшно не цѣнить даровъ Божіихъ. Такая жена истинный даръ Господень, милость неба, которое оскорбляешь, пренебрегая этой милостью.

— Но развѣ я иначе думаю, тетенька? Развѣ я не признаю всѣхъ достоинствъ этой милой, доброй, прекрасной женщины, способной очаровать каждаго, у кого только есть глаза и сердце. Развѣ я беру назадъ слово и отвергаю даръ Божій, котораго, можетъ-быть, недостоинъ? По-крайней-мѣрѣ, для меня Христина всегда драгоцѣнна; ея счастію готовъ я посвятить свое собственное; пусть скажетъ только: пойдемъ къ алтарю, я сейчасъ готовъ. Но виноватъ-ли я, что она откладываетъ, ищетъ предлоговъ для отсрочки и сама отталкиваетъ меня.

Неубѣжденная, недовольная разговоромъ, старушка вышла, махнувъ рукою. Панъ Романъ остался одинъ и задумался. Весь вечеръ провелъ онъ въ саду, блуждая подъ вѣтвистыми деревьями; а возвратясь довольно поздно, взялъ знакомый намъ молитвенникъ, читалъ разныя молитвы, вникалъ въ ихъ глубокое значеніе, стараясь найти на страницахъ слѣды взоровъ, которые также нѣкогда искали здѣсь утѣшенія, наконецъ измученный, онъ уснулъ, положивъ на грудь книжечку и повторяя имя прежней ея владѣтельницы.

Когда вѣрный и заботливый слуга осторожно подошелъ потушить свѣчу, какъ часто дѣлывалъ и взглянулъ на лицо госпо-

дина, котораго любилъ, старикъ замѣтилъ, что оно было блѣдно, что губы господина шептали что-то, а изъ-подъ черныхъ рѣсницъ вырвалась крупная слеза и остановилась на щекѣ. Покачалъ головой старый Мазуръ и, унося назадъ свѣчу, сказалъ самъ себѣ: охъ, надо намъ поскорѣе убираться отсюда!

На другой день послѣ завтрака, обнявъ племянника, отпускаемаго съ искреннимъ сожалѣніемъ и, пожелавъ еще разъ, чтобъ онъ возвратился какъ можно скорѣе, она отправилась кончить письмо къ сестрѣ.

Панъ Романъ остался одинъ въ гостиной и, остановясь у окна, съ тайнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ подвозили къ крыльцу его экипажъ, въ которомъ старый Бартошъ сбирался укладываться съ обычной аккуратностью. Вдругъ раздалось хлопанье бича и послышался стукъ колесъ. Панъ Романъ вздрогнулъ, подумавъ, что Христина, зная день его отъѣзда, пріѣхала еще разъ съ нимъ проститься. Они разстались нѣсколько дней тому назадъ, но прощанье это было какое-то странное, принужденное, безъ грусти и сожалѣнія съ обѣихъ сторонъ. И радъ и не радъ былъ панъ Романъ еще разъ увидѣться съ нею. Правда, онъ хотѣлъ-бы проститься съ нею съ большимъ чувствомъ, потому-что очень былъ къ ней привязанъ, цѣнилъ ея качества и чувствовалъ всю силу ея привлекательности; но съ другой стороны боялся, чтобъ не пришло ей въ голову—предложить сейчасъ-же сыграть свадьбу и тѣмъ самымъ отсрочить отъѣздъ его. Всего можно было ожидать отъ такой женщины какъ Христина. Волнуемый этими мыслями, онъ наклонился за окно, чтобъ лучше присмотрѣться къ экипажу, но каково-же было его удивленіе, когда панъ Владиславъ выскочилъ изъ коляски, остановившейся передъ крыльцомъ. Видъ этого человѣка всегда производилъ на пана Романа непріятное впечатлѣніе и былъ предвѣстіемъ какой-нибудь перемѣны въ его мысляхъ, чувствахъ и даже въ положеніи. И на этотъ разъ, какъ и всегда, пробѣжалъ по немъ тотъ-же холодъ и охватило его тоже безпокойство. Скрѣпясь, однако-же, вышелъ онъ встрѣтить—необыкновеннаго въ домѣ тетки гостя.

— Къ счастію попалъ еще во-время, сказалъ панъ Владиславъ, протягивая руку: пріѣзжай я двумя часами позже, вѣрно не засталъ-бы васъ въ Быковкѣ.

— Да, ужъ мои вещи укладываютъ, отвѣчалъ панъ Романъ.

— Значитъ нечего терять времени, продолжалъ, опуская глаза, панъ Владиславъ. Пойдемте въ вашу комнату.

— Развѣ что-нибудь важное? спросилъ панъ Романъ, смотря пристально въ глаза гостя.

— Участь трехъ особъ зависитъ отъ этого разговора, отвѣчалъ, слегка покраснѣвъ, панъ Искрицкій.

— Не угодно-ли пожаловать, сказалъ панъ Романъ, закусивъ губы и указывая гостю дорогу.

Когда молодые люди усѣлись другъ противъ друга въ особой комнатѣ, панъ Владиславъ видимо смѣшался, не зная, съ чего начать разговоръ, теръ себѣ лобъ рукою, съ обычнымъ жестомъ гладилъ бороду и сказалъ чрезъ нѣсколько времени:

— Вы спасли честь мою, панъ Романъ, и благороднымъ своимъ довѣріемъ отвели меня отъ пути неправды и погибели. Вамъ обязанъ я своимъ настоящимъ положеніемъ. Низко было-бы съ моей стороны вывертываться изъ-подъ правъ, какія вы имѣете надо-мною. Вы можете употребить ихъ сегодня-же въ полной мѣрѣ. Судьбу свою и счастье всей жизни отдаю въ ваши руки. Прочтите это и произнесите приговоръ.

И вынувъ письмо, онъ подалъ его пану Роману.

Герой нашъ взялъ запечатанный пакетъ, и вздрогнула рука его и поблѣднѣло лицо, когда, взглянувъ на адресъ, онъ увидѣлъ знакомый почеркъ. Спокойно однакожъ распечаталъ онъ конвертъ и началъ читать безъ малѣйшей тревоги.

Письмо это было отъ Христины.

«Я твоя, милый Романъ, я принадлежу тебѣ, и въ силу привязанности, возбужденной во мнѣ тобою, въ силу дружбы и уваженія къ тебѣ и въ силу слова, даннаго мною тебѣ въ присутствіи родныхъ, въ присутствіи Бога! Можешь располагать мною, моей жизнью, будущностью. Если прикажешь, завтра-же надѣну бѣлое платье, приколю зеленый вѣнокъ надежды къ чепчику, и буду весела и прекрасна, чтобъ только ты былъ счастливъ и видѣлъ мою покорность. Но есть обстоятельства, которыя необходимо надо пояснить тебѣ. Прежде, чѣмъ я

узнала тебя, сердце мое уже было несвободно. Первая истинная любовь глубоко заронилась въ него. Ты знаешь, что было причиной разлуки моей съ Владиславомъ, и лишнимъ будетъ повторять эту грустную исторію прекраснѣйшихъ дней моей молодости.

«Когда мы съ тобою встрѣтились, я была кокеткой, объявлявшей войну всѣмъ; я искала достойнаго противника, но воевала безъ цѣли, безъ желанія серьозной побѣды, а тѣмъ болѣе, никакъ не думала быть побѣжденной. Вышелъ и ты со мной на поединокъ и выбралъ оружіе, которымъ давно уже хотѣлось мнѣ сразиться. Но чѣмъ далѣе продолжалась борьба, тѣмъ болѣе открывалось въ ней заманчивости; постепенно туманилось въ головѣ моей, а сердце было поражаемо достоинствомъ твоего характера, зрѣлостью сужденій и даже привлекательною твоею наружностью. Но припомни: что сильнѣе всего меня поразило, что рѣшило сложить оружіе и отдаться тебѣ на вѣки? Не была это истинная любовь, милый Романъ, но — благодарность. Ты спасъ того, кого я любила, и я рѣшилась заплатить тебѣ жизнью и сердцемъ за облегченіе, которое доставилъ ты измученной душѣ моей. Прости мнѣ эту откровенность; но могла-ли я тебя обманывать, я, дважды тебѣ обязанная, потому-что зерно, посѣянное тобою, принесло прекрасный плодъ; потому-что благородный поступокъ твой пробудилъ изъ безчувствія добрую и прекрасную натуру, готовую погибнуть, но для спасенія которой и для возвышенія ее на степень, на какую она тобой поставлена, я готова была-бы принесть величайшую жертву. Это касательно меня.

«Твое положеніе совершенно сходно съ моимъ, другъ мой. Можетъ быть, тебя удивляетъ эта увѣренность; можетъ-быть краснѣешь, что я все узнала, и конечно тебѣ стыдно, что позабылъ хорошенькую, добрую и любящую тебя всѣмъ сердцемъ дѣвушку и пустился въ опасную игру съ подобной мнѣ кокеткой, которая столькихъ водила и однимъ волоскомъ кудрей своихъ приковала тебя къ своей колесницѣ. Но и ты сначала думалъ, что поигравъ со мною, какъ съ хорошенькимъ котенкомъ, снова возвратишься въ Варшаву къ той, которая

овладѣла твоимъ сердцемъ, кого ты не забылъ, не смотря на все искусство мое, на весь запасъ кокетства, израсходованный для тебя и даже на всю искренность дружбы, которую ты навсегда поселилъ въ моемъ сердцѣ. Ты скоро узналъ о состояніи моего сердца, о моей первой и единственной любви, однакоже, изъ упрямства, что мнѣ очень понравилось, ты не испугался этого и не перемѣнилъ своего рѣшенія. И пока ты думалъ о побѣдѣ надо-мною, пока всѣми силами старался казаться нѣжнымъ и любящимъ, чтобъ я повѣрила тебѣ и заплатила взаимностью, до тѣхъ поръ я не видѣла, что происходило въ твоемъ сердцѣ, и мнѣ казалось, что ты единственно и исключительно любишь меня. Но когда мы дали слово другъ другу, когда поняли оба, что игрушка становится дѣломъ серьознымъ и рѣшительнымъ, что этотъ прелестный и увлекательный романъ дѣлается исторіей, въ которой должно отдать отчетъ себѣ, людямъ и Богу, тогда оба мы начали отрывать въ сердцахъ сокровища истиннаго чувства, этотъ золотой матеріялъ будущаго счастія и спокойствія, лежавшій на днѣ, засыпанный мишурою шалости и минутнаго развлеченія. Припомни, какъ неразъ намъ, будущимъ супругамъ, было неловко оставаться наединѣ, когда, сидя другъ возлѣ друга, мы предавались—каждый своимъ сокровеннымъ мыслямъ. Тогда-то я сейчасъ догадалась, что мнѣ принадлежитъ только голова твоя, но что сердце отдано кому-то другому. Вотъ причина, милый Романъ, отчего, подъ разными предлогами, постоянно противилась я неотступнымъ просьбамъ бабушки, такъ пламенно желавшей ускорить нашу свадьбу; вотъ отчего я была глуха даже къ твоимъ просьбамъ, въ которыхъ не слышала голоса твоего сердца, — но догадывалась, что ты принуждаешь себя и желалъ-бы отказа. Недавно подтвердились мои подозрѣнія. Нѣсколько дней тому назадъ была я у пани Осиповской и застала тамъ пани Балицкую, ту хорошенькую танцорку, ухаживаніемъ за которой, помнишь, ты мучилъ меня на первомъ балѣ. Во взорахъ этой милой женщины я какъ-бы читала себѣ упрекъ въ чемъ-то, но сблизилась съ ней по какому-то инстиктивному вдохновенію. Мы вышли въ садъ и мнѣ удалось выпытать отъ нея постепенно всю твою тайну. Не упрекай меня въ этомъ. Пани Балицкая простодушное дитя и глубоко привя-

зана къ подругѣ, съ которою вмѣстѣ воспитывалась, и къ тебѣ, въ благодарность за то, что ты содѣйствовалъ ея счастью; а я искусная притворщица — выдумала ей, что свадьба наша почти разстроилась, что мы не можемъ сдѣлать другъ друга счастливыми, и что я хорошо вижу, что ты влюбленъ въ другую. Этимъ путемъ достигла я истины, и увѣренность замѣнила подозрѣніе.

«Разсуди теперь, милый Романъ, можемъ-ли, должны-ли мы рѣшиться стать у алтаря предъ лицомъ Бога, который видитъ глубину сердецъ нашихъ, какъ мы сами ихъ видимъ. Не говорю тебѣ: сдѣлай такъ, или иначе! Напротивъ, еще разъ повторяю, что я твоя и принадлежу тебѣ совершенно. Смѣло отдаюсь тебѣ, убѣжденная въ твоей чести и благородствѣ и увѣренная въ томъ, что если поклянешься въ любви и вѣрности, то сдержишь свою клятву. Ты также знаешь меня и вѣришь, что я ни малѣйшаго пятна не брошу на честь твою, что, вѣрная и послушная, дамъ тебѣ столько счастія, сколько добрая жена дать его въ состояніи... Но можешь-ли ты, не краснѣя, передъ однимъ и тѣмъ-же алтаремъ произнесть обѣтъ *любви?* въ состояніи-ли мы запретить сердцамъ своимъ пожалѣть о минувшемъ, когда свяжутъ насъ навсегда священныя узы и минуты высочайшаго наслажденія сдѣлаются для насъ одной холодной обязанностью. Отвѣчай мнѣ и поѣзжай съ Богомъ!—Твоя навсегда Христина.»

Когда, по окончаніи этого письма, панъ Романъ поднялъ голову, жаль ему стало бѣднаго пана Владислава, боязливо слѣдившаго за малѣйшимъ движеніемъ лица его. Дѣло требовало немедленнаго окончанія. Руководимый благородствомъ и довольный въ душѣ оборотомъ дѣла, панъ Романъ молча подошелъ къ бюро и написалъ отвѣтъ пани Рожевской:

«Я понялъ тебя, милая Христина! Возвращаю твою свободу, и дай Богъ тебѣ столько счастья, сколько я желаю. Что ждетъ меня и возвращусь-ли сюда—не знаю, а Богу одному извѣстно, приметъ-ли меня по прежнему та, кого и ты даже не была въ состояніи удалить изъ моего сердца. Но гдѣ-бы я ни былъ, какова-бы ни была судьба моя, вѣрь моей привязанности и искреннему уваженію, которыхъ ничто и никогда не изгладитъ изъ души моей. Обручальное твое кольцо передалъ я пода-

телю этого письма и полагаю, что перстень твой не могъ перейти въ руки, болѣе достойныя. Да благословитъ Богъ твое намѣреніе и да сохранитъ отъ всякой непріятности. Преданный тебѣ Романъ Выжпольскій.»

Запечатавъ письмо, панъ Романъ отдалъ его своему гостю.

— Вотъ мой отвѣтъ, сказалъ онъ, а потомъ прибавилъ, снимая перстень: а это принадлежитъ теперь вамъ. Благодарю васъ обоихъ, въ-особенности васъ, панъ Владиславъ, что такъ поступили со мною. Какъ женщина, Христина безъ всякихъ объясненій могла сказать мнѣ: оставьте меня—я раздумала. Но вамъ честь повелѣвала изъ моихъ только рукъ принять это счастіе. Будьте-же счастливы и вмѣстѣ примите мое уваженіе и пріязнь.

Молча панъ Владиславъ сжималъ руку Романа; слезы катились по лицу его, и, напрасно стараясь найти слова для выраженія состоянія души своей, онъ поклонился и вышелъ. Однако-же на крыльцѣ, куда панъ Романъ проводилъ его, онъ еще оборотился и, протягивая руку, сказалъ умоляющимъ и нетвердымъ голосомъ:

— Прошу твоей дружбы и уваженія, Романъ!»

— Навсегда, если *она* будетъ счастлива! отвѣчалъ Романъ.

— Клянусь тебѣ въ этомъ! сказалъ Владиславъ и вскочилъ въ экипажъ.

— Дай Богъ! прошепталъ нашъ герой, кланяясь отъѣзжающему и долго провожалъ глазами удалявшуюся коляску.

По возвращеніи въ комнату стало ему грустно и тяжело на сердцѣ. Онъ пожалѣлъ о томъ, что недавно казалось ему принужденіемъ. Какъ узникъ, привыкшій къ цѣпямъ, не умѣетъ почти ступить прямо, когда раскуютъ его, такъ и герой нашъ не зналъ сначала, что дѣлать съ своими мыслями, куда направить освобожденныя ихъ крылья. Ему казалось, что въ этомъ обширномъ краю недостаетъ ему воздуха, что его душитъ и прижимаетъ къ землѣ это широкое небо. Хотѣлось ему какъ можно скорѣе вырваться изъ дому тетки—и онъ велѣлъ торопиться укладывать вещи, самъ помогалъ, или лучше сказать, мѣшалъ старому слугѣ, а желая избавиться отъ всякихъ изъясненій съ теткой, скопи-

ровалъ свой отвѣтъ Христинѣ, прибавилъ нѣсколько трогательныхъ строчекъ—и запечаталъ вмѣстѣ съ письмомъ пани Рожевской. Вскорѣ подали завтракъ, оставшійся почти не тронутымъ; заложили лошадей, и герой нашъ распрощавшись съ теткой, благословлявшей его сквозь слезы, покинулъ Побережье 24-го мая по старому календарю, но увы, 5-го іюня по новому стилю. Пріѣхавъ на станцію, и, велѣвъ какъ можно скорѣе запрягать, онъ далъ кучеру на водку и поручилъ ему отдать конвертъ старушкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ раздался колокольчикъ на роскошныхъ зеленыхъ поляхъ Побережья; лошади мчались, какъ обыкновенно мчатся русскія почтовыя; клубы пыли подымались вслѣдъ за экипажемъ—и панъ Романъ мыслью и сердцемъ летѣлъ въ Варшаву, словно оживленный этимъ движеніемъ, приближавшимъ его къ родинѣ, къ Мазовецкимъ пескамъ, къ сосновымъ борамъ, осѣнявшимъ его дѣтство, къ широкой Вислѣ, за которою лежали и Краковское предмѣстье, и садъ Красинскихъ, и Свѣнто-Ерская улица. Но до Варшавы еще девятнадцать миль, а это было уже 5-го іюня по новому стилю!

Не станемъ утомлять хорошенькихъ читательницъ подробнымъ описаніемъ путешествія пана Романа. Чувствуемъ сами, что сердца ихъ бьются, что безпокойный взоръ ищетъ поскорѣе развязки и пропуститъ самое превосходное описаніе. И такъ, не станемъ напрасно тратить силъ и подвергать униженію описательный талантъ, а скажемъ, что герой нашъ, послѣ различныхъ помѣхъ и остановокъ, летя однакожъ день и ночь, пріѣхалъ въ Милосну 10-го іюня, въ два часа пополудни. Едва ямщикъ тронулъ съ мѣста, онъ далъ ему рубль и велѣлъ спѣшить, что есть духу. Обрадованный малый взмахнулъ кнутомъ на гнѣдую тройку, и экипажъ понесся съ такой быстротой по ровной дорогѣ, что панъ Романъ не могъ-бы присматриваться къ окружавшимъ предметамъ, если-бъ, хоть не много, они интересовали его. Но онъ всматривался вдаль, и сердце его забилось, когда, на концѣ горизонта, блеснулъ куполъ Евангелической церкви, господствовавшій надъ городомъ, потомъ замковыя башни, башня св. Креста, а въ сторонѣ костелъ Божіей Матери; потомъ постепенно представлялись ему громады крышъ, группы трубъ, и въ разнообразныхъ перекрещенныхъ линіяхъ ряды оконъ, изъ которыхъ, казалось ему,

выглядывали безпокойныя лица и торопили ѣхать, какъ можно скорѣе. Въ три часа безъ нѣсколькихъ минутъ остановился онъ у Варшавской рогатки, гдѣ караульный хладнокровно спросилъ: не везетъ-ли онъ запрещенныхъ товаровъ? Записка подорожной и осмотръ вещей заняли четверть часа, но черезъ столько-же времени потомъ былъ уже онъ въ Римскомъ отелѣ. Пока люди переносили вещи, панъ Романъ поскорѣе умылся, одѣлся, выбѣжалъ на улицу, сѣлъ на перваго извощика и велѣлъ ѣхать въ пансіонъ къ г-жѣ С. Тамъ вѣроятно хотѣлось ему поскорѣе увидѣть Еленку. Г-жи С. не было дома, и герой нашъ усѣлся въ залѣ, въ ожиданіи племянницы. Очутясь въ комнатѣ, гдѣ впервые сердце его забилось истинной любовью, усѣвшись въ креслѣ, съ котораго такъ неловко и смѣшно разговаривалъ съ панной Катериной и, создавъ мысленно на томъ мѣстѣ, гдѣ она сидѣла, чудную ея фигуру, вспомнивъ звучный ея голосъ и озаривъ снова душу лучами ея взоровъ, панъ Романъ почувствовалъ такое счастіе, что готовъ былъ упасть на колѣна и благодарить Бога за это дивное наслажденіе. Но бѣднякъ не зналъ, что его ожидало. Черезъ нѣсколько минутъ вбѣжала Еленка и съ крикомъ бросилась въ объятія милаго дяденьки. За нею вслѣдъ вошла гувернантка, объявившая съ поклономъ пану Роману, что дѣвочка состоитъ подъ особеннымъ ея надзоромъ, хорошо учится, во всемъ послушна, и что она ею очень довольна; а желая доказать, что воспитанница ея успѣла и по-французски, сказала, поправляя платьице дѣвочки.

— Comme vous avez chiffoné votre robe, ma chere, tenez vos mains plus convenablement.

Панъ Романъ улыбнулся и спросилъ, трепля по хорошенькому личику племянницы:

— Довольна-ли тобой г-жа С...?

— О, очень! отвѣчала гувернантка. — Г-жѣ С... будетъ чрезвычайно досадно, что вы ее не застали. Рѣдко случается ей оставлять заведеніе, прибавила достойная помощница, пользующаяся милостями своей начальницы: но сегодня особенный случай. Она уѣхала на свадьбу прежней своей ученицы — дальней родственницы, которую очень любитъ.

— Еслибъ вы, дядя, знали какое madame заказала хорошенькое подвѣнечное платье для тети Кати! сказала Еленка.

— Для тети Кати? спросилъ панъ Романъ, дрожа и блѣднѣя.

— Ну, да, для той самой, помните, что выбирала для меня такія хорошенькія вещицы, когда мы были въ магазинѣ. Мнѣ тоже хотѣлось увидѣть ее подъ вѣнцомъ, но мадамъ не позволила. А вы, дядя, не поѣдете въ костелъ?

— Поѣду! отвѣчалъ панъ Романъ, закусивъ губы и хватаясь за кресло, потому-что ноги подъ нимъ задрожали и сердце перестало биться.—Въ которомъ часу вѣнчаются? спросилъ онъ едва слышнымъ голосомъ.

— Черезъ нѣсколько минутъ, отвѣчала гувернантка: назначено въ четыре часа.

Панъ Романъ взглянулъ на часы и увидѣвъ, что уже четвертаго пятьдесятъ минутъ, вздохнулъ такъ глубоко, такъ болѣзненно, что гувернантка отскочила въ испугѣ, а Еленка, схвативъ его обѣими руками, спросила:

— Дядя! что съ вами?

— Въ какомъ костелѣ вѣнчаются? спросилъ онъ.

— У Реформатовъ, на Сенаторской улицѣ.

Панъ Романъ схватился за шляпу, а Еленка сказала, не выпуская его изъ рукъ:

— Возьмите меня съ собою, я тоже хочу видѣть тетю Катю.

— Идемъ, идемъ! говорилъ панъ Романъ, взявъ за руку племянницу, и, необращая вниманія на гувернантку, увѣрявшую и по-польски и по-французски, что надо переодѣть дѣвочку, выбѣжалъ въ переднюю, снесъ почти на рукахъ Еленку съ лѣстницы, и, вскочивъ на дрожки, закричалъ:

— Въ костелъ Реформатовъ. Рубль на водку, только пошелъ, что есть духу!

Герой нашъ не видѣлъ и не зналъ, какъ ѣхалъ, куда ѣхалъ. Всѣ домы, всѣ окны пестрѣли въ его глазахъ какою-то странной мозаикой, въ которой не могъ онъ распознать ни одной черты. Когда остановились дрожки, онъ увидѣлъ только, что возлѣ костела не было экипажей, и люди медленно входили въ отво-

ренныя двери. Тогда только, отдохнувъ и взявъ за руку Еленку, онъ отправился вслѣдъ за другими. При входѣ сидѣли нищія. Подавая милостыню, панъ Романъ спросилъ: кончилось-ли вѣнчаніе?

— Нѣтъ еще, отвѣчала одна старуха. Молодые не пріѣхали, но уже много народу, потому-что вѣнчается прекрасная пара.

Панъ Романъ вошелъ. На скамьяхъ и въ срединѣ костела почти никого не было, только передъ большимъ алтаремъ толпилось много любопытныхъ. Ризничій зажигалъ свѣчи. Романъ вышелъ опять на паперть, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Тамъ молодые люди шумно и весело ожидали невѣсту, изъ любопытства—хорошенькая-ли собою, а молодыя дѣвушки поминутно смотрѣли на дверь, съ безпокойствомъ и задумчивостью:—грустна-ли она, плачетъ-ли, и будетъ-ли счастлива?

Посадивъ возлѣ себя племянницу, панъ Романъ усѣлся на порожней скамьѣ въ сѣняхъ. Когда холодъ храма повѣялъ на него, и святость мѣста, проникнувъ какъ-то въ его запутанныя мысли, привела ихъ въ порядокъ, герой нашъ началъ думать о своемъ положеніи и спрашивать себя: зачѣмъ онъ очутился въ костелѣ Реформатовъ? Жизнь его была отравлена, потеря невознаградима, будущее разбито. Онъ обвинялъ себя, судьбу и обстоятельства, которыя такъ запутали его, что онъ не могъ повиноваться голосу сердца и воспользоваться временемъ, котораго было такъ много; что не поддерживалъ и не питалъ въ сердцѣ дѣвушки чувства, казавшагося такимъ сильнымъ, и допустилъ ее позабыть это чувство. Измѣнникъ, вѣтреникъ,—онъ упрекалъ панну Катерину въ непостоянствѣ и въ легкомысленной привязанности къ тому, кто былъ на глазахъ. И вотъ вспомнилъ онъ Христину, и ему стало грустно, что и тамъ онъ не воспользовался первыми минутами ея увлеченія. Его сокрушали потеря милой, увлекательной женщины, и ослушаніе противъ доброй тетки; то терзали его гнѣвъ и ревность, при мысли, что другой будетъ обладать прелестною дѣвушкой, которую онъ полюбилъ такъ искренно. Всѣ эти мысли въ одно и тоже время кружились въ его головѣ, заливали сердце, пробѣгали по всему существу; и въ эти минуты онъ до того перемѣнился, что

можно было подумать, что онъ всталъ послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни. Онъ располагалъ — сейчасъ-же выѣхать изъ Варшавы, потому-что ему не хотѣлось подвергать себя и дѣвушку какой-нибудь сценѣ. Однако герой нашъ остался, не бывъ въ состояніи противиться желанію — еще разъ увидѣть ее, хоть издали, и убѣдиться, пойдетъ-ли она къ алтарю съ выраженіемъ счастья на лицѣ и совершеннаго забвенія о минувшемъ.

Наконецъ у подъѣзда послышались голоса и шумъ шаговъ. Нѣсколько мальчиковъ пробѣжали по сѣни съ извѣстіемъ: идутъ, идутъ! Остановясь у края скамейки и оборотясь, Еленка ожидала съ любопытствомъ, а панъ Романъ схватился обѣими руками за голову, которая, казалось, готова была разорваться. Наконецъ явились молодые. Впереди шла панна Катерина въ бѣломъ платьѣ, съ вѣткой мирты на головѣ, съ покрываломъ, опускавшимся на плеча. Наклонивъ блѣдное лицо, опустивъ глаза, приближалась она медленно и серьозно. Чудо, какъ хороша была дѣвушка, но такъ мало было жизни во всемъ существѣ ея, что, казалось, послѣдній вздохъ улетитъ изъ груди, при первомъ словѣ обѣта. Близъ нея шелъ одиннадцатилѣтній мальчикъ съ букетомъ, за ней Мартынъ, на лицѣ котораго виднѣлись степенность и спокойствіе, но ни малѣйшаго слѣда радости. Возлѣ него шли двѣ дѣвушки, а дальше — все общество: старикъ пенсіонеръ въ вицъ-мундирѣ и бѣломъ жилетѣ, панъ Криницкій съ г-жей С... и другіе свидѣтели (у пана Марка въ это время было засѣданіе).

Когда невѣста была уже близко того мѣста, гдѣ стоялъ Романъ, Еленка сказала:

— Посмотрите, дядя, какая хорошенькая, но какая печальная тетя Катя!

И, неожидая отвѣта, дѣвочка выскочила изъ-за скамейки, подбѣжала къ паннѣ Катеринѣ и вскрикнула, хватая ее за руку:

— Зачѣмъ-же ты такая грустная, тетя Катя? Посмотри, и дяденька здѣсь!

Пробудясь какъ-бы отъ сна, Катя подняла голову, взглянула направо, и увидѣла пана Романа. Стоялъ онъ словно окаменѣлый, а лицо его выражало такую непритворную горесть, что

панна Катерина остановилась, схватясь одной рукой за встревоженное сердце, а другой какъ-бы искала помощи и опоры; но пока опомнились присутствовавшіе, она безъ чувствъ упала на землю, и только было слышно, какъ ударилась о помостъ хорошенькая ея головка.

Всѣ вскрикнули и бросились къ ней на помощь. Выскочилъ и панъ Романъ, съ дикимъ, болѣзненнымъ крикомъ; оттолкнулъ онъ испуганную Еленку, прижимавшуюся къ нему, взглянулъ еще разъ на милую, и выбѣжалъ изъ костела.

Дѣвушку возвратили къ жизни, но не къ сознанію. Взявъ ее подъ руки, Мартынъ и панъ Криницкій — почти что отнесли ее въ экипажъ, гдѣ усѣлись родной и крестный отцы — одинаково убитые. Г-жа С... отвезла Еленку въ пансіонъ и хотѣла тотчасъ-же пріѣхать на Житную улицу; а Мартынъ что было силъ побѣжалъ къ доктору,—въ искусство и сердце котораго вѣрилъ точно также, какъ и въ свою настоящую невзгоду. Шепотъ и догадки раздавались въ костелѣ, и любопытные вышли тогда только, когда ризничій потушилъ свѣчи.

XII.

Послѣднюю эту главу отдаемъ читателямъ безъ всякаго вступленія. Подъѣзжая къ мѣсту, бывшему цѣлью долгаго и томительнаго путешествія, къ мѣсту, куда влекло насъ нетерпѣливое сердце, не разъ случалось намъ встрѣчать глубокіе и скучные пески, по которымъ должно было тащиться шагомъ, напрасно стараясь побѣдить это непреодолимое препятствіе. И вотъ, не желая, чтобъ читатели сравнивали вступленіе съ несносными песками, и совершивъ столько пути съ героями нашими, должны были еще тонуть въ безплодныхъ сыпучихъ выраженіяхъ, приступаемъ прямо къ дѣлу.

Происшествіе, случившееся въ костелѣ, въ тотъ-же самый день объяснилось отчасти. Возвратясь домой, г-жа С... узнала отъ гувернантки, какое ужасное впечатлѣніе произвела на пана Романа вѣсть о свадьбѣ панны Катерины; притомъ-же Еленка разболтала, что она съ дяденькой и тетей Катей не разъ ходила

въ магазинъ, гдѣ они вмѣстѣ выбирали для нея разныя вещицы. Запасшись этими извѣстіями и узнавъ, кто былъ панъ Романъ и гдѣ имѣлъ имѣніе, г-жа С... отправилась на Житную улицу и сообщила все пенсіонеру пану Криницкому и Мартыну. Всѣ догадывались, что молодые люди любятъ другъ друга; отсюда происходило и отчаяніе пана Романа, и такое сильное потрясеніе во всемъ существѣ панны Катерины. Хотя не слишкомъ искусный въ сердечныхъ комбинаціяхъ, старый пенсіонеръ, который глубже понималъ тайны синтаксиса, нежели тайны страстей человѣческихъ, однакоже припомнилъ и изъяснилъ много случаевъ касательно поступковъ своей дочери, и нашелъ причину перемѣны ея расположенія духа и постоянной грусти. Г-жа С... догадалась, въ свою очередь, откуда происходила привязанность Кати къ Еленкѣ, и эти нѣжности, которыми она осыпала дѣвочку. Однако-же никто не могъ понять, зачѣмъ Катя, любя пана Романа, рѣшилась выйти за Мартына. Только послѣдній зналъ настоящую причину, но не говорилъ ни слова. Въ простой, но разсудительной головѣ его возникла мысль, что невозможно, чтобъ панъ Романъ былъ женихъ. Безъ сомнѣнія, вѣнчаніе панны Катерины не сдѣлало-бы такого ужаснаго впечатлѣнія на пана Выжпольскаго; да онъ и не подвергнулъ-бы ни себя, ни ее подобной сценѣ; напротивъ, избѣгалъ-бы встрѣчи, и даже, узнавъ, что она выходитъ замужъ, успокоилъ-бы свою совѣсть, которая, вѣроятно, его упрекала. Угадывая многое сердцемъ, инстинктивно — на что способны только подобныя ему натуры, Мартынъ въ тотъ-же день принялъ намѣреніе, которое поклялся исполнить — лишь-только успокоится за жизнь и здоровье панны Катерины и удостовѣрится въ своихъ догадкахъ.

Между-тѣмъ панна Катерина постоянно была въ безчувственномъ положеніи. Докторъ велѣлъ пустить ей кровь и прописалъ лекарство для прерванія развивавшейся горячки. Однако-же взяли свое послѣдствія столькихъ внутреннихъ бореній, столькихъ страданій и такого ужаснаго послѣдняго потрясенія. Показывались признаки воспаленія, и хотя состояніе больной неугрожало явной опасностью, однако было довольно тревожно. Трудно описать отчаяніе бѣднаго пенсіонера, испытывавшаго болѣзненные удары

судьбы и бури жизни, именно въ то время, когда казалось ему, что, выслуживъ свое спокойствіе, онъ привязывалъ челнокъ свой у безопаснаго берега, съ мыслью, — спокойно смотрѣть на ярящіяся волны. Плакалъ старикъ, но никого не обвиняли его слезы безъ желчи и упрека. Г-жа С..., любившая свою воспитанницу, раза два въ день навѣщала ее; панъ Криницкій тоже не отходилъ отъ нея, утѣшалъ стараго учителя, и, словно хозяинъ, заботился обо всемъ въ домѣ. А бѣдняжка Мартынъ день и ночь былъ на ногахъ. Молчалъ онъ и не жаловался: всѣмъ прислуживалъ, и иногда только, остановясь въ ногахъ у кровати панны Катерины, и всмотрѣвшись въ это чудное существо, тихо плакалъ; а задумчивость его говорила выразительно, что онъ скорбитъ о ея только жизни, задумывается о ея только счастіи. Такъ прошли четыре дня. На пятый, послѣ повтореннаго кровопусканія, панна Катерина уснула покойнѣе и дыханіе ея сдѣлалось гораздо легче. Пробудясь, она открыла глаза и спросила: гдѣ отецъ? Видя это, лекарь подалъ съ улыбкой руку пенсіонеру и, благословляемый всѣми, оставилъ домъ, куда проникла надежда.

Запершись въ своей комнатѣ, панъ Романъ, если и вставалъ изрѣдка съ кровати, такъ для того, чтобъ посидѣть у открытаго окна и подышать свѣжимъ воздухомъ; нѣсколько дней провелъ онъ такимъ образомъ въ состояніи, близкомъ къ отчаянію. Теперь только понялъ онъ всю цѣну своего заблужденія, теперь только на лицѣ панны Катерины прочелъ онъ и борьбу ея, и грустную повѣсть мученій, которыя должна была испытать эта душа любящая и такъ неправедно забытая. Но упрекая себя въ слабости, онъ теперь только ощутилъ, какъ глубоко и могущественно было чувство его къ ней. На другой-же день хотѣлъ онъ развѣдать обо всемъ, однако-же боялся ужасной и убійственной вѣсти — что обморокъ прошелъ и обрядъ совершился: ему лучше хотѣлось мучиться сомнѣніемъ и видѣть еще хоть слабый лучъ надежды сквозь густой мракъ, разстилавшійся надъ его будущностью. Въ этомъ положеніи принимался онъ нѣсколько разъ писать къ г-жѣ С..., но разрывалъ свои письма. Онъ даже началъ письмо къ паннѣ Катеринѣ, но не могъ окончить, потому что мысли его путались и сердце разрывалось. На пятый день

послѣ полудня, дверь его комнаты отворилась, и оттуда вышелъ блѣдный, изнуренный молодой человѣкъ, едва держась на ногахъ отъ слабости. Закрывъ лицо руками, оперся онъ о стѣну въ передней, и долго молча простоялъ въ этомъ положеніи. Подкрѣпивъ силы, медленно сошелъ онъ съ лѣстницы, отправился на Сенаторскую улицу, а оттуда на Лешно. Читателямъ не трудно догадаться, что это былъ нашъ добрый Мартынчикъ. Болѣе часа просидѣлъ онъ у пана Романа. О чемъ они говорили — останется тайной. Есть обстоятельства, которыхъ не слѣдуетъ разводить словами. Скажу только, что когда Мартынъ, склонивъ голову, шелъ на Лешно, панъ Романъ въ тоже время сидѣлъ надъ письмомъ Юзефы, писаннымъ къ Катѣ, и горько плакалъ.

Черезъ два дня потомъ пенсіонеръ получилъ длинное письмо отъ пана Романа, въ которомъ послѣдній описывалъ знакомство свое и разлуку съ Катей, вкратцѣ очеркнулъ пребываніе свое на Побережьѣ, и пространнѣе выразилъ свое заблужденіе и непростительную слабость. Къ этой искренней, исполненной отчаянія исповѣди, присоединилъ молодой человѣкъ письмо Юзефы, изъ котораго старикъ могъ увидѣть причину рѣшенія дочери — выйти за достойнаго юношу, къ которому была привязана какъ къ брату, но котораго глубокой любви раздѣлять была не въ состояніи. Изъяснилъ онъ зачѣмъ Катя спѣшила такъ свадьбой, — потому-что узналъ это обстоятельство отъ Мартына, бывшаго ея повѣреннымъ, лучшимъ другомъ, и который сдѣлался-бы преданнѣйшимъ покровителемъ, еслибъ случай, или лучше сказать, само небо не послало во-время пана Романа—дать судьбѣ трехъ особъ иное направленіе. Описавъ все это, панъ Романъ просилъ позволенія искать руки панны Катерины, чтобъ пламенной любовью и безграничной преданностью вознаградить бѣдной дѣвушкѣ ея тяжелыя и незаслуженныя страданія. «Мартынъ будетъ, писалъ онъ, нашимъ другомъ, нашимъ братомъ. Раздѣлю съ нимъ все, что имѣю, хотя знаю, что никакія драгоцѣнности въ мірѣ не вознаградятъ ему сокровища, которое онъ утратилъ. Но изъ благодарной души его заключаю, что онъ найдетъ въ себѣ довольно силы, чтобы спокойно и безъ зависти смотрѣть на мое счастіе, если только мнѣ дадите это блаженство; и, полагаясь на Бога, увѣренъ въ счастіи той, кого полюбилъ и для кого не заду-

маюсь передъ какой-бы то ни было жертвой.» Герой нашъ заключилъ письмо тѣмъ, что если только получитъ согласіе пенсіонера, тотчасъ-же поѣдетъ къ матери за благословеніемъ и поспѣшитъ къ ногамъ панны Катерины, у которой надѣется вымолить прощеніе.

Прочтя раза два письмо, и успокоясь за здоровье дочери, которое обыкновенно возвращается быстро въ подобныхъ случаяхъ, старый филологъ обрадовался и загрустилъ въ одно и тоже время. Утѣшался онъ мыслью, что дочь его выйдетъ замужъ по склонности, будетъ имѣть хорошее состояніе и независимое положеніе въ свѣтѣ; но, съ другой стороны разрывалось его сердце при воспоминаніи о бѣдномъ ученикѣ, когда старикъ представлялъ себѣ его грусть и отчаяніе—еслибы Мартынъ услышалъ отказъ изъ устъ пенсіонера. Во время этой внутренней борьбы, пришелъ панъ Криницкій. Онъ уѣзжалъ на нѣсколько дней домой, и поспѣшилъ возвратиться въ Варшаву. Считая милостью неба — пріѣздъ друга въ подобномъ положеніи, пенсіонеръ позвалъ его на совѣщаніе. Прочтя все хорошенько со вниманіемъ, панъ Криницкій увѣдомилъ старика, что видѣлся дома съ сосѣдомъ, съ которымъ разговаривалъ о панѣ Романѣ. Сосѣдъ увѣрилъ его въ хорошей репутаціи молодаго человѣка, имѣвшаго прекрасное состояніе, и семейство котораго пользовалось общей любовью. Панъ Криницкій тоже былъ на сторонѣ нашего героя.

— Главнѣе-же всего то, что дочь ваша любитъ его, прибавилъ онъ.—Хотя-бы даже онъ былъ и бѣднякъ, я держалъ-бы его сторону, зная, что женщина не тогда счастлива, когда ее обожаютъ, но въ то время, когда сама любитъ. Тяжело положеніе добраго юноши, которому вы обѣщали ее,—я это очень хорошо понимаю; тяжело даже и при обѣщаніяхъ пана Романа; но можетъ-ли онъ, по совѣсти, требовать отъ вашей дочери подобнаго пожертвованія, когда обстоятельства измѣнились такъ неожиданно? Она подчинялась печальной необходимости. Теперь онъ самъ долженъ подчиниться той-же необходимости; и я увѣренъ, что, хотя-бы сердце его разрывалось, онъ покорится своей участи, потому-что это натура добрая и благородная, потому-что у него неоцѣненное сердце, хотя оно впервые и забилось подъ

соломянной кровлей, а можетъ-быть и подъ какимъ-нибудь сараемъ.

Слезы покатились изъ глазъ пенсіонера — такъ ему стало жаль Мартына.

— Вотъ мой совѣтъ, продолжалъ панъ Криницкій: отдайте прочесть Мартыну всю эту переписку, съ тѣмъ однакожъ предостереженіемъ, что вы полагаетесь на его благоразуміе, что давъ однажды слово и благословеніе, вы не хотите и не можете ничего рѣшить сами. И когда ученикъ вашъ отвѣтитъ,—а отвѣтъ предугадать легко,—тогда вы подайте надежду пану Роману, но только надежду. Безъ вѣдома и воли Кати не отвѣчайте ничего рѣшительнаго. Теперь еще нельзя говорить съ ней объ этомъ. Подобное потрясеніе могло-бы повредить состоянію ея здоровья. Когда поправится, пусть сама рѣшитъ судьбу свою. И кто знаетъ что запоетъ панна Катерина? Въ израненномъ сердцѣ женщины, столько вытерпѣвшей, бываютъ ноты, которыхъ иногда никакой дипломатъ предвидѣть не въ состояніи. Однако-же какой-бы ни приняли оборотъ обстоятельства, мнѣ кажется, что всѣ мы останемся довольны; предлагаю только одно условіе. Черезъ нѣсколько дней Катя будетъ въ состояніи выдержать небольшое путешествіе. Я отправляюсь сегодня домой, и черезъ недѣлю пришлю за вами экипажъ. Соберитесь и переѣзжайте ко мнѣ. Мартынъ также пусть поспѣшитъ занять свое мѣсто. Катѣ необходимъ деревенскій воздухъ, а ему занятіе—служащее всегда бальзамомъ страждущему сердцу. Повѣрьте, что если дочь ваша откажетъ пану Роману, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что не пойдетъ и за Мартына. Во всякомъ случаѣ этотъ бѣдный молодой человѣкъ долженъ проститься съ своими мечтами и приниматься съ твердой, желѣзной волей, за что-нибудь другое. Если-же убѣжденная любовью и просьбами пана Романа, Катя согласится, тогда все-таки изъ моего дома пойдетъ она замужъ. Я тоже имѣю свои права и не отступлюсь отъ нихъ, прибавилъ панъ Криницкій шутливо.

Старикъ бросился въ объятія этого достойнаго человѣка, согласился на все, и такимъ образомъ кончилось совѣщаніе. Передъ

вечеромъ панъ Криницкій простился съ прежнимъ учителемъ и Катей, которая могла уже сидѣть на постелѣ и долго, съ грустной улыбкой держала его за руку; посовѣтовалъ Мартыну не унывать и поспѣшать скорѣе за работу, и отправился въ деревню.

Пенсіонеръ нашъ остался одинъ — лицомъ къ лицу съ чрезвычайно важными и рѣшительными минутами въ жизни человѣка. И чѣмъ болѣе приближались онѣ, тѣмъ меньше чувствовалъ онъ въ себѣ мужества. Единственнымъ спасеніемъ только было ему то, что онъ зналъ, какъ ему поступать въ предстоявшемъ обстоятельствѣ. Долго онъ ходилъ по комнатѣ, то нюхая табакъ, то зачесывая волосы, наконецъ подумалъ, что надо-же когда-нибудь кончить — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, махнувъ рукой и, шепнувъ: да будетъ воля Божія! позвалъ къ себѣ Мартынчика.

— Возьми это, прочти и разсуди, любезный сынъ мой! сказалъ онъ, отдавая извѣстный пакетъ своему воспитаннику. Обстоятельство это очень важно и касается вашей судьбы. Я не имѣю никакого права приказывать. Я обѣщалъ, и не могу ни перемѣнить, ни взять назадъ слова; отдаюсь на твое рѣшеніе. Но поди ко мнѣ, я еще разъ обниму тебя и благословлю на всѣ твои предпріятія.

Мартынъ взялъ пакетъ совершенно спокойно, и первыя слова выслушалъ безъ удивленія, будто давно былъ къ нимъ приготовленъ; когда-же старикъ, протянувъ къ нему руки, проговорилъ послѣднюю фразу дрожащимъ и прерывающимся голосомъ, молодой человѣкъ бросился къ ногамъ его, началъ цѣловать его руки и, положивъ ему на грудь голову, долго и горько плакалъ. Успокоившись немного, онъ сказалъ сквозь слезы:

— Батюшка! нѣтъ словъ, которыми-бы я могъ поблагодарить васъ за все, что вы для меня сдѣлали. Скажу только, что послѣдняя минута эта, можетъ быть — наибольшее изъ всѣхъ вашихъ благодѣяній. Да благословитъ васъ Богъ. Покойной ночи! Завтра я дамъ отвѣтъ.

Потомъ онъ отправился въ комнату панны Катерины. Уви-

дѣвъ, что дѣвушка не спала, онъ подошелъ къ ней и спросилъ о здоровьи, — и получивъ успокоительный отвѣтъ, взялъ ее за руку и, приложивъ къ губамъ своимъ, сказалъ грустнымъ голосомъ:

— Покойной ночи, панна Катерина! Да покровительствуетъ вамъ Всевышній. И выйдя отъ нея, побѣжалъ такъ быстро, что чрезъ пять минутъ уже былъ за костеломъ на Лешнѣ.

На другой день пенсіонеръ получилъ отвѣтъ отъ Мартына. Долго и нѣсколько разъ читалъ онъ его, и за каждымъ разомъ слезы катились по высохшему лицу стараго педагога. Всѣ въ домѣ удивлялись отсутствію Мартына. Не спрашивалъ только и не удивлялся панъ Кипріянъ, а вздыхалъ и молчалъ на всѣ вопросы и догадки. Даже дочери, заботливо спрашивавшей о молодомъ человѣкѣ, отвѣчалъ, что Мартынъ, вѣроятно, отправился къ своему мѣсту, и можетъ быть, уѣхалъ съ паномъ Криницкимъ.

Въ то время, когда описываемое происходило на Житной улицѣ, когда панна Катерина начала вставать съ постели и прохаживаться по комнатѣ, утѣшаясь мыслью, что скоро оставитъ Варшаву и отдохнетъ на лонѣ сельской жизни; когда панъ Романъ, получивъ отъ пенсіонера краткій, но не отнимающій надежды отвѣтъ, спѣшилъ къ матери за благословеніемъ, упросивъ г-жу С... быть посредницей между имъ и панной Катериной, и съ каждой почтой увѣдомлять его о здоровьѣ послѣдней: мы еще разъ взглянемъ на пана Варѳоломея, который, надѣемся, несовсѣмъ исчезъ изъ памяти читателей.

25-го іюля, часовъ около 11-ти вечера, довольно пристойно одѣтый молодой человѣкъ сидѣлъ на колодѣ передъ крылечкомъ хаты пана Варѳоломея Сѣкурскаго. Одною рукой подпиралъ онъ бѣлокурую голову, а другою ласкалъ небольшую черную собаку, которая радостно визжала, положивъ ему на колѣна морду, и махала мохнатымъ хвостомъ своимъ. Конечно, это были — Мартынчикъ и его старинный другъ и товарищъ — жучка. Плывя по небу, полный мѣсяцъ озарялъ пустынный дворъ, лежавшія за нимъ поля, кусты и налѣво — песчаную улицу деревни, по ко-

торой все уже спало, нигдѣ не блисталъ огонекъ, даже дремали чуткія собаки. Но вотъ издали послышался лай, потомъ проснулись собаки по цѣлой линіи, и каждый дворъ огласился лаемъ своего сторожа. И чѣмъ болѣе приближалась эта суматоха, тѣмъ явственнѣе слышно было, какъ дразнилъ кто-то собакъ, то подражая ихъ лаю, то стуча палкой по заборамъ. Наконецъ и жучка отозвался, выбѣжалъ за вороты; но скоро возвратился и началъ махать хвостомъ, толкая мордой задумавшагося молодаго человѣка, словно извѣщая о приходѣ своего хозяина. Приподнялся Мартынъ и взглянулъ въ ворота, въ которыхъ стоялъ панъ Варѳоломей, надѣвшій шапку на бекрень и державшій на лѣвой рукѣ кафтанъ, а на правомъ плечѣ огромную дубину.

— Что это, сто тысячъ чертей, кто сидитъ у меня передъ порогомъ? закричалъ издали панъ Варѳоломей.

— Это я, дядя, отозвался Мартынъ, приближаясь.

— Такъ ступай-же спать, дуракъ, и приходи днемъ, если не хочешь, чтобъ я переломалъ тебѣ ребра.

Сказавъ это, шляхтичъ началъ вертѣть палку, идя вслѣдъ за отступавшимъ племянникомъ, который, догадавшись, въ какомъ положеніи дядя, и не желая подвергаться его запальчивости, ушелъ въ уголъ двора.

Покачнувшись направо и налѣво, панъ Варфоломей бросилъ палку, которая не попала однакожъ въ Мартына, потомъ махнулъ рукой, пробормоталъ какое-то проклятіе, и, добравшись наконецъ до сѣней, захлопнулъ за собою двери.

Страннымъ показалось это событіе Мартыну, отвыкшему отъ подобныхъ сценъ, и тѣмъ болѣе поразило его сердце, что поступилъ съ нимъ подобнымъ образомъ человѣкъ, пріютившій его во время сиротства, когда всѣ оставили бѣднаго мальчика, когда только на кладбищѣ, съ котораго Мартынъ теперь возвращался,— покоился прахъ людей, нѣкогда его любившихъ. Онъ зналъ, что невозможно было приступить къ дядѣ, но не хотѣлъ однакоже удалиться, не поцѣловавъ руки, которая подавала ему хлѣбъ и привела его туда, гдѣ очнулась душа его, гдѣ сердце ощутило

высочайшее на землѣ блаженство и мучительнѣйшую горесть. Усѣвшись снова на прежнемъ мѣстѣ, кликнулъ онъ Жучку, радостно прибѣжавшую и положившую ему голову на колѣна, и такимъ образомъ сидя и смотря на одиноко катившійся мѣсяцъ, Мартынъ мечталъ о дняхъ первой молодости, припоминалъ малѣйшія подробности своей буйной жизни среди этихъ людей, — радость и горе, совершенно не похожія на тѣже чувства въ человѣкѣ съ развитымъ умомъ, съ сознаніемъ жизни и ея цѣлей.

Разсудивъ, что хмѣль окончательно усыпилъ пана Варѳоломея, Мартынъ тихо вошелъ къ дядѣ, приблизился къ кровати, на которой панъ Варѳоломей спалъ, какъ убитый, поцѣловалъ его руку и, осмотрѣвшись еще разъ въ знакомой ему горницѣ, медленно вышелъ оттуда и отправился изъ деревни. Съ тѣхъ поръ ни въ Сѣхурской Волѣ, ни въ Варшавѣ никто не слыхалъ о бѣдномъ Мартынчикѣ.

Какъ предвидѣлъ панъ Криницкій, такъ и случилось. Панна Катерина сначала не соглашалась отдать руку пану Роману, однако же убѣдили ее просьбы и страданія послѣдняго, совѣты крестнаго отца, а болѣе всего письмо Мартына къ пану Роману, полученное изъ Вильны, въ которомъ бѣдный юноша извѣщалъ, что живетъ въ этомъ городѣ, что ему тамъ хорошо, и, вспоминая о паннѣ Катеринѣ, говорилъ о ней, какъ о женѣ пана Романа, желалъ имъ счастія, взаимной любви, и просилъ, чтобы хоть изрѣдка вспоминали о немъ. Однако-же только 21 сентября, въ день имянинъ матери пана Романа, обвѣнчалась молодая пара. Обрядъ этотъ совершился въ маленькомъ деревянномъ сельскомъ костелѣ; но все вокругъ было живо и радостно. Собрались тамъ всѣ, кто только любилъ нашу героиню. Она была чудно-прекрасна, хотя и задумчива, а панъ Романъ былъ радостенъ и восторженъ. И скоро, въ объятіяхъ молодаго мужа, Катя нашла забвеніе всѣхъ своихъ прежнихъ невзгодъ и печалей.

Уступая просьбамъ тетки, желавшей видѣть у себя племянника съ молодой женой, панъ Романъ въ половинѣ мая, когда уже просохли дороги, отправился на Побережье. Радостно спѣшила Катя въ тѣ мѣста, гдѣ такъ долго жила сердцемъ, гдѣ

блуждала по степямъ грустною думой. Занимало ее также знакомство съ волшебницей, которая чуть было не отняла у нея спокойствіе жизни; но больше всего радовало свиданіе съ Юзефой—подругой молодости и почти главною пружиной настоящаго благополучія Кати.

Тетка приняла молодыхъ съ распростертыми объятіями. Узнавъ-же ближе Катю и обрадовавшись такой милой, умной, доброй и откровенной женщинѣ, старушка полюбила ее отъ всего сердца и объявила пану Роману, что она ихъ отъ себя не выпуститъ, что и въ могилѣ не будетъ лежать покойно, если Катя не закроетъ ей глазъ и не броситъ горсти земли на могилу.

Узнавъ о пріѣздѣ пана Романа съ женою, Христина явилась ту-же минуту, отрекомендовалась, по-своему, прежней своей соперницѣ, обезоруживъ ее въ одинъ мигъ своей живостью, остроуміемъ, разсказами обо всѣхъ продѣлкахъ, какія употребляла она для прельщенія пана Романа, и описаніемъ смѣшной иногда мины нашего героя, въ то время, когда въ головѣ его начинало кружиться, а сердце рвалось куда-то далеко. Молодыя женщины сошлись очень скоро и рѣшили видѣться какъ можно чаще.

Всѣ вышли на крыльцо провожать Христину, когда она уѣзжала изъ Быковца. Она подала еще разъ на прощанье руку паннѣ Катеринѣ.

— У насъ съ тобой, сказала она, наступательное и оборонительное оружіе. Теперь еще видно, что мужъ очень тебя любитъ; но не воображай, чтобъ это всегда продолжалось. И если въ случаѣ онъ выкинетъ какую-нибудь штуку, пріѣзжай тотчасъ ко мнѣ, я научу, что дѣлать.

— А если иногда придется пить чай въ пасекѣ? спросилъ панъ Романъ улыбаясь.

— То ужъ конечно поѣдете въ коляскѣ съ пани маршалковой, отвѣчала Христина, порхнула въ коляску и уѣхала, сказавъ по-прежнему: Au revoir, monsieur!

Легко вообразить себѣ радость и восторгъ Юзефы, когда къ нимъ, на скромный дворъ, влетѣла щегольская карета изъ которой вышла панни *, одѣтая скромно но съ большимъ вкусомъ.

* Слово панни значитъ госпожа, жена пана, мадамъ; этимъ словомъ у поля-

Выбѣжавъ на крыльцо, гостепріимная шляхтяночка узнала въ этой панни пенсіонскую подругу и пріятельницу, судьбу которой оплакала, но которая теперь бросилась въ ея объятія уже богатая, счастливая, взаимно любимая.

Молодыя подруги, оставя мужей, взявшись подъ руки, ушли въ спальню и тамъ, у колыбели хорошенькой, свѣтловолосой дѣвочки, начали сообщать другъ другу задушевныя тайны... тамъ катились слезы, раздавался смѣхъ, слышались дружескіе поцѣлуи, а потомъ начались ласки ребенка, надъ которымъ висѣла еще таинственная судьба, и, можетъ-быть, съ насмѣшливой улыбкой слушала желанія матери и пророчества подруги.

Все устроилось такъ, что молодая пара, судьбою которой мы долго занимали читателей, находила возможное на землѣ блаженство въ этой полнотѣ счастія. И въ-самомъ-дѣлѣ, чего недоставало супругамъ? Они были молоды, богаты, здоровы, пользовались расположеніемъ родныхъ, дружбой Христины и безграничною привязанностью Юзефы. Скоро и пенсіонеръ обрадовалъ ихъ своимъ появленіемъ. Старый педагогъ пріѣхалъ въ Быковецъ, и найдя въ паннѣ Виницкой пріятельницу и любительницу нюхательнаго табаку, а въ отцѣ Юзефы товарища по занятіямъ, — былъ веселъ и радовалъ сердца молодыхъ супруговъ хорошимъ расположеніемъ духа ко всѣмъ удовольствіямъ; онъ помѣщенъ былъ въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ находились и полки для книгъ, и шкафъ для пузырьковъ, и вѣшалки для платья.

Однако-же, не смотря на столько условій къ счастію, тяжкая болѣзнь ускоряла кончину достойнаго пенсіонера. И не разъ хмурилось лицо пана Романа, а глаза героини нашей украдкой наполнялись слезами.

Осенью того-же года пѣхотный полкъ остановился на Побережьѣ. Полковой штабъ назначенъ былъ въ Быковцѣ. Командиру полка отвели квартиру во флигелѣ, и полковникъ былъ ежеднев-

ковъ замѣняется также *вы* въ разговорѣ съ женщиной, напр. *не прикажетъ-ли панни, я сегодня былъ у панни* и т. д. Но слово панни еще означаетъ женщину высшаго сословія. Панъ и шляхтичъ — оба дворяне, но шляхтичъ питаетъ всегда какое-то уваженіе къ пану. *Пр. перев.*

нымъ гостемъ панни Виницкой и гостемъ тѣмъ болѣе пріятнымъ, что прекрасный, образованный человѣкъ — онъ долго стоялъ въ Варшавѣ и хорошо говорилъ по-польски.

Чрезъ нѣсколько дней по прибытіи полка, Юзефа, съ отцемъ, тоже пріѣхала погостить къ пріятельницѣ. Все общество сидѣло за завтракомъ. Вошелъ полковой адъютантъ, и, отозвавъ полковника всторону, сказалъ что-то шепотомъ.

— Опять? спросилъ видимо смущенный полковой командиръ.

— Сильнѣе, нежели когда нибудь, отвѣчалъ офицеръ: а хуже всего то, что другой опасно раненъ.

— Дѣлать нечего, сказалъ полковникъ, взявшись за голову, надо его наказать примѣрно.

При словѣ о наказаніи, обѣ молодыя женщины встали съ своихъ мѣстъ, и, приблизясь къ полковнику, съ выраженіемъ участія на лицахъ и съ просьбой во взорахъ, спросили:

— Кого это наказать, полковникъ?

— Молодаго солдата, который напившись пьянъ, поссорился съ товарищемъ и сильно ранилъ послѣдняго.

— Ахъ, Боже мой! бѣдный! сказала Юзефа. — Господинъ полковникъ! прибавила она, складывая руки.

— И мнѣ жаль, отвѣчалъ полковникъ: я много разъ прощалъ ему, потому-что люблю его. Это одинъ изъ лучшихъ солдатъ у меня въ полку, расторопный малый, и когда пройдетъ пароксизмъ пьянства, скромный, прилежный и постоянно грустный. Къ несчастію, порокъ укореняется въ немъ, а что хуже всего, дѣлаетъ изъ него буяна, ни на что не обращающаго вниманія.

— Видите-ли, полковникъ, онъ постоянно задумчивъ: можетъ-быть, бѣдняжка несчастливъ, сказала Юзефа.

— Если можно, простите его на этотъ разъ! отозвалась панни Выжпольская, и въ большихъ голубыхъ глазахъ ея было столько мольбы и участія, что полковникъ поколебался и сказалъ съ улыбкой:

— И онъ тѣмъ болѣе васъ, mesdames, заинтересуетъ, если скажу, что догадка ваша справедлива. Я убѣдился, что какая-то тяжесть лежитъ у него на сердцѣ, и только въ стаканѣ ищетъ онъ забвенія.

Изъ этого намека замѣтно было желаніе полковника, чтобъ его попросили, и обѣ молодыя дамы приступили къ нему съ просьбами; къ нимъ присоединилась панни Виницкая, и командиръ полка не могъ противустоять.

— Посадить на три дня подъ арестъ, сказалъ онъ адъютанту. Прощаю въ послѣдній разъ. Но прежде прикажите позвать его сюда и дайте мнѣ знать.

Когда адъютантъ доложилъ, что виновный въ передней, полковникъ вышелъ и долго ему выговаривалъ. Возвращаясь уже въ залу, онъ оборотился къ двери и сказалъ по-польски:

— Если на этотъ разъ избавляю тебя отъ примѣрнаго наказанія, то ты обязанъ этимъ госпожамъ, которыя просили за тебя. Ступай, поблагодари ихъ, и пусть хоть по-крайней-мѣрѣ, стыдъ тебя исправитъ!

Робко, опустивъ глаза, вошелъ молодой солдатъ. Но едва ступилъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ вскрикнулъ нашъ пенсіонеръ, вскрикнула и дочь его. Въ это время бѣднякъ поднялъ голову, взглянулъ на присутствовавшихъ, вытянулся во фронтъ, и въ ту-же минуту упалъ посреди комнаты.

Героиня наша скрыла лицо на груди мужа, а панъ Кипріянъ, ломая руки, началъ горько плакать. Въ этомъ солдатѣ, въ этомъ пьяницѣ и буянѣ узнали они добраго и благороднаго Мартынчика.

Зачѣмъ же это такъ? спросятъ хорошенькія читательницы, можетъ-быть, со слезою на глазахъ. Зачѣмъ было смущать подобной грустью послѣдніе дни заслуженнаго и достойнаго человѣка? зачѣмъ было омрачать свѣтлую жизнь счастливой четы, и вонзить такое жало въ сердце женщины, которой все улыбалось такъ весело? Собственно потому, прекрасныя читательницы, что это земля; что для людей на землѣ нѣтъ неба безъ тучъ, нѣтъ

свѣта безъ тѣни, нѣтъ надежды безъ тревоги, нѣтъ наслажденія, за которымъ-бы не таилось какой-нибудь грусти, нѣтъ наслажденія, котораго-бы не держало подъ руку какое-нибудь горе. Но не приходите въ отчаяніе, можетъ-быть кто-нибудь изъ васъ, съ прекраснымъ лицомъ, съ выразительнымъ взоромъ, съ мечтательной головкой и любящимъ сердцемъ подойдетъ ко мнѣ и скажетъ, что это неправда. Тогда я напишу новую повѣсть изъ событій сердца, и окончу ее совершенно другимъ образомъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СВИДАНІЕ.

Въ часъ, когда мерцанье
Звѣзды разольютъ,
И на міръ въ молчаньи
Сонъ и мракъ сойдутъ—
Съ горькою истомой
На душѣ моей,
Я иду изъ дома
На свиданье къ ней.

И свиданье это
Въ тишинѣ ночной,
Видятъ до разсвѣта
Звѣзды лишь съ луной.
Нѣтъ въ немъ ни лобзанья,
Ни пожатья рукъ,
И хранитъ молчанье
Мой прекрасный другъ.

Не пылаютъ очи
У нея огнемъ:
Въ нихъ разлитъ мракъ ночи
Съ непробуднымъ сномъ...
И когда приду я,
Тихо къ ней склонюсь,
Все ее бужу я
И не добужусь.

Н. ГРЕКОВЪ.

* * *

Что за чудная ночь! Посмотри:
Въ бѣломъ облакѣ тонетъ луна,
Весь закатъ облитъ свѣтомъ зари,
И какая вездѣ тишина!
И какъ свищетъ вдали соловей!
И какой ароматъ отъ цвѣтовъ!
А въ саду сколько длинныхъ тѣней
Протянулось отъ липъ и дубовъ!
Этой ночи восторгомъ дыша,
Изъ груди сердце вырвется вонъ,
Эта ночь какъ любовь хороша...
Другъ мой! что это: жизнь или сонъ?
Ты молчишь? Чтожъ задумалась ты
Къ моему приклонившись плечу?
Или тонешь ты въ морѣ мечты?
Нѣтъ, я жизни, я жизни хочу:
Въ счастье долгое вѣрить не намъ,
И зачѣмъ — эта вѣра не въ мочь —
Я все счастье въ грядущемъ отдамъ
Все, за эту волшебную ночь.

Н. ГРЕКОВЪ.

* *
*

Нѣтъ, не хочу въ тебѣ искать безумно страсти;
Ей жертвы надобны, а ты ихъ дать не въ власти;
Другому ими ты обязана. Какъ знать
И могъ ли бы я самъ всю цѣну ихъ понять?
О, много мной надеждъ невѣрныхъ пережито,
Давно осмѣяно разсудкомъ и забыто,
И чародѣйственно въ душѣ не оживетъ.
Во что не вѣровать привыкъ — не будетъ свято,
И врядъ ли вновь меня прочитанный когда-то
И брошенный романъ сердечныхъ тайнъ займетъ.
Другаго чувства я ищу въ тебѣ,—оглаской
Двусмысленной его невѣрье пусть клеймитъ,
Но дружбы я-бъ желалъ, участья съ женской лаской,
И вновь звѣзда надеждъ мнѣ ярко заблеститъ.
И снова для меня цѣль жизни уяснится,
Улыбкой дружеской согрѣтъ къ ней буду вновь,—
И будетъ для кого на кинутой цѣвницѣ
Пѣть снова чистую, высокую любовь.
Прими же на себя сей подвигъ благородный,
Будь чувству моему звѣздою путеводной,
Искусству моему одной изъ свѣтлыхъ музъ;
И пусть безнравственный злословитъ свѣтъ холодный,
Въ безсильи, нашъ съ тобой непонятый союзъ.

Н. КРОЛЬ.

II.

ЗАПИСКИ БАРНУМА.

X.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЕВРОПУ.—ТОМЪ ПУСЪ.

Отъѣздъ въ Англію. — Прощаніе.—Свертокъ табаку. — Необыкновенная вѣжливость.—Чичероне.—Янки.—Блистательные проекты.—Лучъ солнца. Непризнанный карликъ. — Пріѣздъ въ Лондонъ. — Аристократія желаетъ насъ видѣть.—Г. Эверстъ.—Баронъ Ротшильдъ.—Золотой дождь. — Уроки этикета.—Томъ Пусъ и Королева Викторія.—Выходъ задомъ.—Томъ Пусъ и собака.—Принцъ Валлійскій.—Королевская фамилія и пѣсня генерала.—Герцогъ Веллингтонъ и Императоръ Наполеонъ.—Парадъ въ Виндсорѣ.—Несчастіе. — Обыкновеніе.—Вымоченный до костей.—Ошибка.—Золотой телецъ.—День съ Альбертомъ Смитомъ.—Что такое Шекспиръ.—Гюи Варвикъ.—Толпа банкистовъ.—Замки. — Рѣдкости.—Неудачный миражъ.—Американскій Принцъ.—Ліонскія сосиски.—Анекдоты о Франклинѣ.—Электрическое сіяніе.—Возвращеніе Томъ Пуса въ Америку.—Путешествіе въ Кубу. — Маленькая индѣйка.

Въ четвергъ, 18-го января 1844 года, я взошелъ на новый великолѣпный пароходъ *Іоркшейръ*, капитанъ Белей, отправлявшійся въ Ливерпуль. Со мною былъ генералъ Томъ Пусъ, его родители и французскій натуралистъ Гильоде. Можно сказать, что полгорода провожало меня, и большое число друзей разстались со мною только когда прозвонилъ послѣдній звонокъ.

Послѣ всѣхъ прощаній и разставаній я остался одинъ, чрезвычайно разстроганный. Это чувство можетъ удивить читателя, который, видя мое имя всегда соединенное съ удовольствіями и увеселеніями, никакъ не вообразитъ, что Барнумъ можетъ-быть грустенъ, что онъ плакалъ, покидая родныхъ и друзей. Правда, что я родился съ веселымъ характеромъ, и старался всегда раз-

вивать мои комическія способности, предоставляя судьбѣ заботиться о трагедіи; но, не смотря на это, я остался чувствительнымъ человѣкомъ, и если смѣюсь больше другихъ, то иногда бываю грустенъ и печаленъ. Были и въ моей жизни минуты страданія и почти отчаянія, когда я находилъ утѣшеніе только въ религіи. Библія не покидаетъ меня ни въ одномъ путешествіи, хотя я антрепренеръ спектаклей, и я опять скажу, что всегда былъ истиннымъ христіаниномъ и строго соблюдалъ всѣ правила вѣры, что, по моему мнѣнію, не мало способствовало къ душевному спокойствію и безпредѣльнымъ моимъ надеждамъ на будущее.

Прислонясь къ борту парохода, пѣнящаго волны, я слѣдилъ глазами за удаляющимися друзьями, думая все о женѣ и дѣтяхъ, и когда наконецъ берегъ скрылся вдали, сердце мое сжалось, я закрылъ лице руками и заплакалъ. Богъ знаетъ сколько продолжится мое путешествіе и вернусь-ли я.

Переѣздъ въ Ливерпуль былъ такъ часто описанъ, что я не буду повторять его въ сотый разъ, чтобъ не надоѣсть читателямъ. Я знаю, что написалъ изъ Европы безчисленное множество писемъ въ Американскія газеты, но приведу здѣсь только тѣ мѣста, которые будутъ необходимы для связи этихъ мемуаровъ.

Тишь и вѣтры задержали нашъ пароходъ, такъ что мы пріѣхали въ Ливерпуль чрезъ девятнадцать дней. Мнѣ однако время не показалось продолжительнымъ, потому что я былъ въ превосходномъ обществѣ и съ самымъ любезнымъ капитаномъ.

Большая часть пассажировъ страдали морскою болѣзнію, но я былъ такъ счастливъ, что избавился этой непріятности. Впрочемъ больные страдали сильно только въ первые дни плаванія, но потомъ всѣ поправились и время проводили очень пріятно, занимаясь разными играми и разговорами.

Между пассажирами было много англійскихъ негоціантовъ изъ Канады. Изъ нихъ одинъ былъ хвастливъ и говорилъ всегда съ пренебреженіемъ о янкахъ, называя ихъ разными неприличными именами. Разумѣется, что намъ, Американцамъ, было это непріятно, но мы молчали, выжидая случая, чтобъ отплатить Джонъ Булю и доказать, что мы совсѣмъ не такъ глупы, какъ онъ воображаетъ. Я сговорился однажды съ однимъ молодымъ соотечественникомъ, который былъ очень радъ случаю посмѣяться надъ хвастуномъ. Въ это время мы были застигнуты штилемъ,

такъ что по-неволѣ надобно было что-нибудь придумывать, чтобъ проходило время. Я вышелъ изъ моей каюты, вздыхая и жалуясь на зубную боль. Всѣ начали предлагать мнѣ разныя лекарства, а товарищъ мой янки, посовѣтовалъ нагрѣть немного табаку и приложить къ щекѣ. Я завернулъ въ цвѣтную бумажку горсточку табаку, и положивъ его грѣться на печку, пошелъ опять въ мою каюту. Въ это время янки предложилъ сыграть со мною шутку, высыпать табакъ изъ бумажки и насыпать вмѣсто его золы. Шутка эта понравилась всѣмъ пассажирамъ, искавшимъ развлеченія, но Англичанинъ принялъ ее съ жаромъ и самъ взялся исполнить всю операцію.

Черезъ минуту я пришелъ, и съ тѣми-же стонами и гримасами взялъ нагрѣвшуюся бумажку, приложилъ ее къ щекѣ и началъ ходить по общей залѣ, показывая, что боль все увеличивается. Пассажиры тихонько смѣялись надо мною, но я успѣлъ искусно бросить бумажку съ золою, и вынувъ изъ кармана точно такой-же свертокъ съ табакомъ, приложить его къ щекѣ. Только что я успѣлъ незамѣтно произвести эту перемѣну, англичанинъ подошелъ ко мнѣ.

— Что завернуто у васъ въ бумажкѣ, г. Барнумъ? спросилъ онъ.

— Табакъ.

— А мнѣ кажется, что вы ошибаетесь: это не табакъ.

— Полноте, мнѣ не до-шутокъ. Какъ тутъ можетъ-быть что-нибудь другое, когда я самъ положилъ табакъ.

— Я держу пари двѣнадцать бутылокъ шампанскаго, что вы приложили къ щекѣ не табакъ.

— Охота вамъ спорить. Я не такъ безсовѣстенъ, чтобъ держать пари на-вѣрное. Я вамъ говорю только, что тутъ табакъ, и прошу васъ оставить меня въ покоѣ, потому-что зубная боль увеличивается.

— Держу пятьдесятъ доллеровъ что у васъ не табакъ, вскричалъ Джонъ-Буль, бросая деньги на столъ.

— Нехочу я брать вашихъ денегъ даромъ, отстаньте отъ меня.

— Вы изъ жадности отказываетесь, боитесь проиграть.

Я наконецъ согласился какъ будто-бы очень неохотно, и подойдя къ столу, окруженному всѣми пассажирами, которые были увѣрены, что я проигралъ, тихо развернулъ бумажку и показывая всѣмъ табакъ, сказалъ:

— Удивляюсь что вздумалось вамъ спорить. Вѣдь я вамъ говорилъ, что положилъ табакъ, такъ стало-быть не могъ онъ перемѣниться во что нибудь другое.

Всѣ пассажиры сначала удивились, а потомъ разразились громкимъ смѣхомъ. Надобно вообразить себѣ при этомъ физіономію Джонъ-Буля. Онъ былъ до того пораженъ, что въ продолженіе пяти минутъ не могъ поправиться. Потомъ, видя что онъ побѣжденъ совершенно, онъ громко велѣлъ подать шампанскаго. И покуда всѣ пили за его здоровье, продолжая смѣяться, онъ все ворчалъ:

— Какая глупая шутка! Только янки могъ выдумать ее!

Однако глупая эта шутка имѣла необыкновенный эфектъ. Англичанинъ нѣсколько дней былъ сердитъ, и съ-тѣхъ-поръ пересталъ хвастать своимъ преимуществомъ передъ янками.

На восемнадцатый день послѣ нашего отплытія показался берегъ, и мы скоро увидѣли снѣжныя вершины горъ Валлиса. Черезъ три часа мы бросили якорь въ Ливерпульскихъ докахъ. Не знаю отчего было извѣстно, что на *Іоркшейрѣ* ѣдетъ генералъ Томъ-Пусъ, только толпа любопытныхъ бросилась встрѣчать знаменитаго карлика. Однако мать взяла его на руки, завернутаго въ шаль, такъ что никто не подозрѣвалъ, что она держитъ ребенка.

Наши пожитки перенесены были въ таможню, и когда удостовѣрились, что у насъ нѣтъ никакой контрабанды, то позволили намъ въѣхать въ городъ. Мы остановились въ отелѣ Ватерло, лучшемъ во всемъ городѣ; носильщики, принесшіе наши чемоданы, запросили очень дорого за услугу, но мы принуждены были заплатить.

Обѣдъ подали намъ превосходный, и я, уничтоживъ порядочную порцію ростбифа и рыбы и выпивъ бутылку лучшаго портера, пошелъ бродить по городу. Мнѣ показалось страннымъ, что въ какую улицу я не поворачивалъ, все приходилъ къ памятнику Нельсона. Въ то время какъ я разсматривалъ этотъ монументъ, ко мнѣ подошелъ пожилой мужчина, почтенной наружности, скромно одѣтый, и предложилъ мнѣ объяснить всѣ надписи. Онъ началъ разсказывать жизнь героя краснорѣчиво, увлекательно, и я слушая его, думалъ что совершенно напрасно упрекаютъ Англичанъ въ неприступности и важности, что этотъ почтенный незнакомецъ, судя по наружности и манерамъ, принадлежитъ къ порядочному обществу, вѣроятно имѣетъ состоя-

ніе, но увидя пріѣзжаго, предложилъ ему тотчасъ свои услуги, чтобъ только имѣть удовольствіе поговорить о національной славѣ.

Слушая его разсказъ довольно разсѣянно, потому-что зналъ жизнь Нельсона, я вздумалъ отгадать, что это за человѣкъ, и много-ли онъ имѣетъ состоянія. Замѣчая его благородство, изысканныя выраженія, вкусъ наряда, я почти убѣдился, что незнакомецъ долженъ-быть богатъ, что у него свой экипажъ, который онъ мнѣ предложитъ для осмотра города, и пригласитъ меня къ себѣ обѣдать. Но вдругъ всѣ эти мечты разлетѣлись. Благородный незнакомецъ, окончивъ біографію Нельсона, не отвѣчалъ на мой вѣжливый поклонъ, но протянулъ мнѣ руку, прося жалобнымъ голосомъ вознагражденія за трудъ.

Я сунулъ ему въ руку монету и поспѣшилъ домой, разсуждая про себя, что въ Англіи очень дорого не только жить, но и говорить съ людьми.

Вечеромъ въ тотъ-же день пришелъ ко мнѣ высокій, худой мужчина, рекомендовался, что онъ янки, и желая быть полезнымъ соотечественнику, предложилъ мнѣ свои услуги, покуда я въ Ливерпулѣ.

Я спросилъ его давно-ли онъ въ городѣ.

— Съ недѣлю, отвѣчалъ онъ. Только въ Англіи я уже давно, и знаю ее очень хорошо.

— Гдѣ-же вы были прежде?

— За Ніагарскимъ водопадомъ.

— Помилуйте, сказалъ я смѣясь, развѣ Ніагара въ Англіи?

Мой соотечественникъ немного смѣшался, но отвѣчалъ горячась.

— Я знаю лучше васъ, гдѣ Ніагара, я хотѣлъ пошутить.

— Гдѣ-же, скажите?

— Разумѣется въ Великобританіи.

Я, разумѣется, отказался отъ услугъ этого ученаго географа увѣряя, что безъ него найду дорогу въ городѣ.

Въ тотъ-же вечеръ меня посѣтилъ хозяинъ маленькаго восковаго кабинета, куда впускали по три су. Онъ сказалъ мнѣ, что узнавъ о прибытіи американской рѣдкости, предлагаетъ мнѣ съ Томомъ-Пусомъ по десяти доллеровъ въ недѣлю, чтобъ только мы перебрались въ его кабинетъ.

Это предложеніе сначала разсмѣшило меня, но потомъ я съ грустью подумалъ, что можетъ-быть буду радъ и этому, если въ

Англіи примутъ Томъ-Пуса не такъ, какъ я надѣялся. Во всякое другое время эти грустныя мысли заняли-бы меня не надолго, но въ этотъ разъ я началъ видѣть все въ черномъ свѣтѣ. Я былъ всѣмъ чужой, въ чужой странѣ и совершенно одинъ. Рекомендательныя письма были еще не разосланы мною, неизвѣстно еще, какъ примутъ и оцѣнятъ меня здѣсь. Словомъ мнѣ было чрезвычайно тяжело, и я всю ночь видѣлъ во снѣ, что не покидалъ ни отечества, ни семейства.

На другое утро заблисталъ для меня лучъ солнца подъ видомъ слѣдующей записки:

«Г-жа Селеста имѣетъ честь кланяться г. Барнуму и предлагаетъ ему свою ложу всякій вечеръ, куда онъ можетъ приводить и своихъ друзей.

«Королевскій театръ, Вильямсонъ скверъ».

Я съ удовольствіемъ принялъ это вѣжливое приглашеніе, и въ тотъ-же вечеръ пошелъ въ ложу Селесты съ Томомъ-Пусомъ и его родителями. Въ ложѣ возлѣ насъ сѣли кавалеръ съ дамою, по виду богатые Англичане. Они обратили вниманіе на моего карлика, смотрѣвшаго піесу съ большимъ любопытствомъ.

— Вашъ малютка, кажется, очень понятливъ, сказала мнѣ дама.

— Это знаменитый генералъ Томъ-Пусъ, отвѣчалъ я.

Мои сосѣди вскрикнули отъ удивленія. Они слышали о нашемъ пріѣздѣ, но никакъ не воображали, чтобъ пріѣзжій карликъ былъ настоящій пигмей. Тотчасъ-же пригласили они меня пріѣхать въ Манчестеръ, гдѣ они жили, увѣряя, что генералъ Томъ-Пусъ произведетъ въ этомъ городѣ большой эфектъ.

Это предложеніе было для меня настоящимъ утѣшеніемъ послѣ обиднаго приглашенія хозяина кабинета восковыхъ фигуръ, и я, поблагодаривъ отъ души за вниманіе, спросилъ ихъ какую цѣну они посовѣтуютъ мнѣ брать за входъ.

— Генералъ такая рѣдкость, сказала дама, что вы можете назначить за входъ два су. Я увѣрена, что всѣ къ вамъ пойдутъ.

Но мужъ перебилъ ее.

— Зачѣмъ дорожиться. Можно, напротивъ, выиграть больше, назначивъ дешевле. Возьмите по одному су. Это обыкновенная цѣна въ Англіи за показъ великановъ и карликовъ.

— Боже, что здѣсь со мною будетъ! вскричалъ я почти съ

отчаяніемъ. Но, оправясь немного, я призвалъ на помощь всю смѣлость и отвѣчалъ экономическимъ сосѣдямъ:

— Никогда я не назначу меньше шилинга, потому-что увѣренъ, что никогда еще не видали ничего подобнаго, и что высшее общество Англіи готово сыпать золото, чтобъ только посмотрѣть на моего генерала Томъ-Пуса.

Я хотѣлъ ѣхать прямо въ Лондонъ, и, если можно, начать мои визиты съ дворца. Но узнавъ, что королевская фамилія въ траурѣ по случаю смерти отца принца Алберта, рѣшился остаться въ Ливерпулѣ, гдѣ рекомендательныя письма дали мнѣ доступъ въ почетныя семейства.

Въ это время дали мнѣ знать изъ Лондона, что г. Маддоксъ, директоръ театра принцессы, сбирается сдѣлать мнѣ визитъ и хочетъ ангажировать мой феноменъ. Онъ хотѣлъ пріѣхать незамѣтно, но такъ-какъ мнѣ его описали подробно, я узналъ его и тотчасъ-же вступилъ въ переговоры.

Не желая связывать себя надолго, я уговорился, что генералъ явится на сценѣ не больше трехъ разъ, чтобъ только публика могла съ нимъ познакомиться.

Ребенокъ произвелъ такой эфектъ, какого я даже не ожидалъ. Публика была въ восторгѣ, а директоръ дѣлалъ мнѣ самыя выгодныя предложенія, чтобъ я оставилъ ему феноменъ еще на нѣсколько времени, но я не соглашался ни на что, потому-что надѣялся выиграть больше, показывая карлика самъ.

Любопытство публики было возбуждено въ сильной степени. Всѣ говорили о генералѣ Томъ-Пусѣ, и мнѣ оставалось только выбрать приличное мѣсто для представленій.

Я нанялъ меблированный отель въ Графтонъ-стритѣ, въ самомъ лучшемъ кварталѣ. Сосѣдями моими были лордъ Брумъ и нѣсколько аристократическихъ семействъ. Домъ, въ которомъ я жилъ, былъ занятъ прежде меня лордомъ Тальботомъ, и потому отдѣланъ великолѣпно. Я пригласилъ къ себѣ прежде всего журналистовъ и нѣсколькихъ сосѣдей, чтобъ они посмотрѣли домашнимъ образомъ мой феноменъ. Почти всѣ званые собрались и были очень довольны тѣмъ, что видѣли.

Нѣкоторые изъ жителей города, узнавъ объ этомъ собраніи, пріѣхали безъ зова, но были не приняты. Хотя это было довольно смѣло и несовсѣмъ вѣжливо, однако я рѣшился въ качествѣ американскаго джентльмена сохранять свое достоинство. Я нарядилъ моего лакея въ ливрею, велѣлъ ему напудриться, какъ

это въ модѣ въ Англіи, и приказалъ впускать только тѣхъ, которые имѣютъ пригласительные билеты. Вотъ отчего нѣсколько каретъ даже съ гербами отъѣхали отъ моего дома, но я, узнавъ имена этихъ посѣтителей, спѣшилъ послать имъ билеты.

Въ первую недѣлю моего пребыванія въ Лондонѣ, американскій посланникъ г. Эверстъ, къ которому были у меня письма, самъ пріѣхалъ ко мнѣ, и былъ въ восторгѣ отъ маленькаго феномена. Мы были приглашены къ нему обѣдать на другой день, и все семейство посланника осыпало Томъ-Пуса ласками и подарками. Г. Эверстъ обѣщалъ мнѣ также похлопотать, чтобъ генералъ былъ принятъ Ея Величествомъ Королевою Викторіею.

Черезъ нѣсколько дней баронесса Ротшильдъ прислала за нами свою карету. Она жила въ Пикадили, въ великолѣпномъ домѣ, окруженномъ высокою стѣною. Карета наша въѣхала въ ворота, похожія на тріумфальныя, и остановилась у главнаго подъѣзда.

Нѣсколько лакеевъ, одѣтыхъ въ черное платье съ бѣлыми жилетами, галстухами и въ перчаткахъ приняли насъ. Старый управляющій, въ золотой ливреѣ и въ пудрѣ, вышелъ тоже къ намъ на встрѣчу. Дворецъ былъ иллюминованъ сверху до низу. У подъѣзда поставлены превосходныя статуи. Лѣстница, по которой мы шли, была мраморная, и при входѣ въ комнату лакей, котораго можно было принять за лорда, громко провозгласилъ наши имена.

Войдя въ залу, я былъ пораженъ и ослѣпленъ великолѣпіемъ, о которомъ не могъ имѣть даже понятія.

Баронесса сидѣла на софѣ, покрытой богатою матеріею. Зала была наполнена гостями, сидѣвшими на золоченой мебели. По сторонамъ камина стояли мраморныя фигуры, по стѣнамъ были большіе шкапы съ стеклянными дверцами, наполненные вазами, урнами и разными артистическими рѣдкостями изъ золота, серебра, брильянтовъ, агата. Столъ, стоящій посрединѣ комнаты и нѣсколько другихъ столовъ, имѣвшихъ форму фортепіано, были тоже позолочены, другіе, поменьше, были чернаго дерева съ инкрустаціями изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчугу. Стулья тоже чернаго дерева съ разноцвѣтными драгоцѣнными украшеніями. Даже на стѣнахъ было золото. Великолѣпіе занавѣсокъ, гардинъ, невообразимо. Жирандоли и канделябры невозможно описать, словомъ никому неудастся видѣть во снѣ столько роскоши, посреди которой жила жена богатѣйшаго банкира въ свѣтѣ.

Мы провели два часа въ этой великолѣпной залѣ въ присут-

ствіи двадцати лордовъ и леди. Когда мы раскланялись съ высокимъ собраніемъ, я почувствовалъ, что мнѣ всунули въ руку порядочно-набитый кошелекъ. Я съ радостью понялъ, что на меня полился золотой дождь.

Такой-же самый результатъ имѣлъ нашъ визитъ къ г. Друммонду, другому принцу банка.

Я никогда не стыдился своего происхожденія, никогда не скрывалъ, что отецъ мой былъ бѣдный портной, и что самъ я просто собиратель рѣдкостей, показываемыхъ за деньги, и не смотря на милліоны, никогда не буду геніяльнымъ человѣкомъ.

Человѣкъ, краснѣющій за свое низкое происхожденіе, для меня презрителенъ. Я съ удовольствіемъ пожму руку сапожнику или кузнецу, зная что они честные люди, и отвернусь отъ джентльмена, поступающаго неблагородно. Я увѣренъ, что большая часть людей думаютъ точно также какъ я, но зачѣмъ-же они поступаютъ иначе?

Описывая мое путешествіе по Европѣ, я говорилъ только о Томъ-Пусѣ и о происшествіяхъ, касающихся до него. Изъ этого ненадобно заключать, что я ничего не видалъ и не замѣчалъ. Напротивъ, я всегда любилъ наблюдать, и не смотря на мои занятія, какъ *импресаріо*, я находилъ время осматривать все любопытное и даже записывать мои впечатлѣнія. Вотъ отрывокъ изъ моего путеваго журнала:

День, проведенный съ Албертомъ Смитомъ.

«Во время пребыванія моего въ Лондонѣ, другъ мой Албертъ Смитъ, любезный товарищъ и остроумный писатель, обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ въ Бирмингамъ, чтобъ вмѣстѣ осмотрѣть всѣ достопримѣчательности въ окрестностяхъ, не забывая дома, въ которомъ родился Шекспиръ.

Въ прекрасное сентябрское утро 1844 года, когда солнце блистало совершенно необыкновенно для Англіи, Смитъ и я летѣли въ превосходномъ мальпостѣ по дорогѣ изъ Бирмингама въ Стратфордъ. Разстояніе было въ тридцать миль. Недоѣзжая четырехъ миль, мы замѣтили уже вліяніе Авонскаго барда, имя котораго красовалось на всѣхъ вывѣскахъ селеній. Тутъ были: *цирюльни Шекспира*, гдѣ брили за два су, трактиры *Шекспира*, и пр.

Черезъ двадцать минутъ мы остановились въ гостиницѣ

Красная лошадь и потребовали завтракъ и печатнаго путеводителя. Мое американское самолюбіе было очень довольно тѣмъ, что мнѣ подали *эскизы* моего знаменитаго соотечественника Вашингтона-Ирвинга, чтобъ узнать въ подробности жизнь и смерть великаго англійскаго писателя. Я съ удовольствіемъ также прочиталъ, что авторъ останавливался въ той-же гостиницѣ, гдѣ мы завтракали.

Осмотрѣвъ домъ Шекспира и гробницу его, мы наняли почтовую карету, чтобъ отправиться въ Варвикъ-Кёстль. Покуда закладывали лошадей, къ гостиницѣ подъѣхала коляска и изъ нея вышли двое пріѣзжихъ: одинъ молодой человѣкъ веселый, проворный, который кажется не могъ помолчать ни минуты, другой важный, тихій, хладнокровный.

Наскуча болтовнею спутника, важный путешественникъ сказалъ ему:

— Мы въ Стратфордѣ, Эдуардъ, гдѣ родился великій Шекспиръ; пойдемъ смотрѣть его домъ.

— А кто это Шекспиръ? спросилъ молодой человѣкъ очень наивно.

Мы смѣясь сѣли въ нашу карету, недожидаясь, какъ станутъ объяснять Эдуарду кто такой былъ Шекспиръ. Варвикъ находится отъ Стратфорда въ четырнадцати миляхъ, и мы направились прямо къ замку. Сторожъ объявилъ намъ, что графа нѣтъ дома, но мы можемъ осмотрѣть замокъ. И онъ показалъ намъ *красную залу, кедровую залу, золотую комнату, парадную спальню, будуаръ леди Варвикъ, гостиную капеллу и большую столовую*. При выходѣ изъ замка сторожъ протянулъ намъ руку, сказавъ:

— По полукроны съ каждаго, потрудитесь заплатить, господа.

Мы заплатили, и онъ передалъ насъ другому проводнику, который повелъ насъ на *башню Гюи*; тотъ, получивъ тоже на водку, предоставилъ насъ въ распоряженіе третьяго вожатаго, показавшаго намъ *зеленый домъ* и *вазу Варвика*. Старикъ вздумалъ еще говорить намъ рѣчь возлѣ этой вазы, но мы поспѣшили отвязаться отъ него, давъ ему тоже на водку. Возвращаясь мимо сторожа, мы думали, что видѣли уже все замѣчательное, но старый церберъ невыпустилъ насъ, говоря что у него хранится еще цѣлая коллекція рѣдкостей, напоминающихъ древнихъ героевъ. Онъ показалъ намъ шпагу, шлемъ, панцырь и другое вооруженіе Гюи, графа Варвика, но всѣ эти вещи были такого гигант-

скаго размѣра, что принадлежали скорѣе слону, чѣмъ человѣку. Кромѣ того онъ показалъ намъ *стаканъ* рыцаря, величиною въ чанъ, вилку его, похожую на грабли, шпоры и кость знаменитаго *чернаго быка*, надѣлавшаго столько бѣдъ въ Ковентри и побѣжденнаго храбрымъ Варвикомъ. Шпага имѣла двѣсти фунтовъ вѣсу, а панцырь четыреста.

— Ну, какъ вы находите мою коллекцію? спросилъ сторожъ.

— Я удивляюсь, что на такомъ маленькомъ пространствѣ собрано такъ много огромныхъ обмановъ, отвѣчалъ я.

Старикъ улыбнулся съ самодовольствіемъ.

— Я увѣренъ, продолжалъ я, что повторяя поминутно эти сказки, ты наконецъ самъ повѣрилъ имъ.

— Что вы! вскричалъ онъ обиженный, я не такъ глупъ, чтобъ повѣрить такимъ нелѣпостямъ.

Давъ ему еще два шиллинга, мы отправились на скачки, происходившія въ полумилѣ отъ селенія. Нельзя сказать, чтобъ лошади были замѣчательныя и пари значительные. Поэтому мы пошли лучше прогуливаться по баракамъ, окружающимъ поле скачекъ. Тутъ были спектакли, по одному су за входъ съ вывѣсками, изображающими великановъ, негровъ, альбиносовъ, ученыхъ свиней, змѣй и другихъ рѣдкостей.

Я хотѣлъ съ моимъ товарищемъ войти въ одинъ сарай, какъ вдругъ хозяинъ его закричалъ мнѣ:

— Я васъ знаю, сударь. Вы ангажировали Рандаля, американскаго великана, и показываете теперь Томъ-Пуса. Войдите ко мнѣ, только съ васъ я не могу взять за входъ меньше шести су: вы сами берете дорого.

Мы вошли вмѣстѣ съ толпою, которая слыша, что хозяинъ назвалъ Томъ-Пуса, начали разсуждать о достоинствахъ генерала.

— Въ немъ нѣтъ ничего удивительнаго, говорилъ одинъ, я знаю двухъ карликовъ, гораздо меньше его.

— Меліа-Поттонъ ниже его ростомъ, подхватилъ другой.

— За то Томъ-Пусъ болтаетъ какъ большой, а это и нравится всѣмъ. Проводникъ его, этотъ проклятый янки, умѣлъ околдовать нашу королеву, которая призывала его нѣсколько разъ во дворецъ. А отчего это? Совсѣмъ не оттого, что Томъ-Пусъ рѣдкость. Мы здѣсь наберемъ съ полдюжины такихъ-же ученыхъ карликовъ, но Томъ-Пусъ американецъ, вотъ отчего его ласкаютъ и дарятъ!

— У меня отличный кабинетъ восковыхъ фигуръ, замѣтилъ одинъ изъ толпы, а королева не удостоила его визитомъ, потому что я не иностранецъ.

— Полно, возразилъ его сосѣдъ, бѣдная королева испугалась бы взглянувъ на твои фигуры.

— Развѣ онѣ не хороши! Ихъ дѣлалъ итальянскій артистъ.

— Не правда. Джимъ-Коль показывалъ ихъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ, и отдалъ ихъ за долгъ трактирщику Виггинсу, у котораго онѣ сгнили въ погребѣ.

— Врешь ты, никогда этого не было; мои фигуры новыя.

— Только до половины съѣдены мышами.

— Самъ ты съѣденъ мышами.

Шумъ усиливался, ссора разгоралась между хозяиномъ кабинета восковыхъ фигуръ и его сосѣдями. Я хотѣлъ выдти изъ сарая, но одинъ изъ шарлатановъ остановилъ меня:

— Вы кажется недовольны нашею компаніею, г. Барнумъ. Какая гордость! Однако мы большею частью ваши собраты, тоже показываемъ рѣдкости, стало быть, вы могли-бы и угостить пріятелей.

Избѣгая дальнѣйшихъ объясненій, я подалъ ему крону, чтобъ онъ выпилъ за здоровье Томъ-Пуса, и пошелъ осматривать другіе бараки, въ надеждѣ, что встрѣчу что-нибудь любопытное для моего американскаго музея. Признаюсь, меня поразили двѣ женщины великанши, имѣвшія по семи футовъ вышины. Я началъ подозрѣвать, что тутъ долженъ быть обманъ, тѣмъ болѣе что платья у великаншъ были очень длинны, и я приподнялъ немного подолъ у одной изъ нихъ. Великанша, оскорбленная такою дерзостью, оттолкнула меня такъ сильно, что я упалъ на полъ, но все-таки я видѣлъ, что дамы эти не необыкновеннаго роста, потому что онѣ на ходуляхъ.

Послѣ этой сцены мы отправились въ почтовой каретѣ по такой удивительной странѣ, какой я еще не встрѣчалъ во всю жизнь. Мнѣ разсказывали слѣдующій анекдотъ по этому случаю: Два путешественника спорили, что въ Англіи есть тоже живописныя страны, какъ въ другихъ мѣстахъ, и держали пари, что назовутъ такую красивую дорогу, какой нѣтъ подобной въ цѣломъ свѣтѣ. Свидѣтели просили назвать это мѣсто, и путешественники закричали въ голосъ:

— Дорога изъ Варвика въ Ковентри.

— Дорога изъ Ковентри въ Варвикъ.

Черезъ часъ мы были у Кенильвортскаго замка, прославленнаго знаменитымъ романомъ Вальтеръ-Скотта.

Теперь это только развалина, описанная уже столько разъ, что я неберусь повторять того, что извѣстно всѣмъ. Я однако съ любопытствомъ осмотрѣлъ остатки замка и отправился въ той-же каретѣ въ Ковентри. Тутъ надобно было прежде всего посѣтить древнюю залу св. Маріи, потомъ изображеніе знаменитаго Пипингъ-Тома. Потомъ мы навѣстили *счастливое семейство*. Такъ называется больше двухъ сотъ птицъ разныхъ породъ и другихъ животныхъ, живущихъ въ совершенномъ согласіи въ одной огромной клѣткѣ. Этотъ спектакль понравился мнѣ до того, что я тутъ-же купилъ клѣтку со всѣми ея обитателями за пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ, и нанялъ хозяина, чтобъ онъ проводилъ въ Нью-Іоркъ *счастливое семейство*, сдѣлавшееся однимъ изъ лучшихъ украшеній моего музея.

Въ тотъ-же вечеръ мы отправились въ Бирмингамъ, гдѣ были къ крайнему удивленію Алберта Смита, въ десять часовъ. Мой другъ не зналъ еще американской пословицы: *Янки все идетъ впередъ, никогда неостанавливается*. Послѣ этого Смитъ напечаталъ статью въ *Bentley's magazine* подъ заглавіемъ: *День, проведенный съ Барнумомъ*, въ которой говоритъ, что мы въ этотъ день проѣхали столько миль, что невозможно припомнить гдѣ мы были и что видѣли, и что въ головѣ его смѣшались и домъ Шекспира, и Варвикъ, и Кенильвортъ, и великанши, и что онъ рѣшительно не знаетъ, гдѣ что было. Это онъ называетъ американскимъ путешествіемъ.

Во время путешествія я забавлялъ Смита разсказами о моихъ приключеніяхъ. Эпизоды о Джойсъ-Гетъ, о сиренѣ, чрезвычайно занимали его.

Я однако не принадлежалъ къ отчаяннымъ пріѣзжимъ, желающимъ видѣть непремѣнно всѣ достопримѣчательности страны, тогда какъ въ отечествѣ не замѣчали историческихъ рѣдкостей, находящихся въ двухъ шагахъ отъ дома; я далеко не антикварій, хотя по ремеслу обязанъ собирать древности. Товарищъ же мой, Шерманъ, былъ просто несносенъ въ этомъ отношеніи, потому что въ чемоданахъ его не было мѣста для бѣлья. Онъ никогда также не садился въ карету съ нами, но сидѣлъ всегда съ кучеромъ, чтобъ первому увидѣть какія-нибудь развалины, разспросить объ нихъ кучера и броситься собирать камни.

Однажды насъ везъ ирландецъ хитрый и умный. Сидя вмѣ-

стѣ съ Шерманомъ, разспрашивающимъ о каждомъ камнѣ и пригоркѣ на дорогѣ, кондукторъ забавлялся разсказывая ему небылицы, и наконецъ желая избавиться отъ него, вздумалъ сыграть съ нимъ шутку. Въ восьми миляхъ отъ Дрогеды, Шерманъ увидѣлъ массу камней за деревьями и толкнувъ кучера локтемъ, вскричалъ:

— Что это за зданіе, говори скорѣе!

— Это замокъ, да еще самый древній въ Ирландіи, хотя о немъ и не пишутъ въ книгахъ. Говорятъ, что въ немъ жилъ знаменитый Бріанъ Бороимъ, но основанъ онъ еще нѣсколько столѣтій прежде. Не знаю только какъ онъ называется.

— Подвези меня къ нему, чтобъ я могъ разсмотрѣть его поближе, и я дамъ тебѣ на водку полкроны.

— Помилуйте, какъ я могу съ почтовой каретой своротить съ большой дороги? Я не хочу потерять мѣста изъ-за полкроны. Меня ждутъ въ Дрогедѣ.

— А далеко-ли мы отъ города?

— Восемь миль.

— Такъ выпусти меня. Я дойду пѣшкомъ до Дрогеды, но все-таки посмотрю самый древній замокъ.

И не смотря на грязь и дождь, начинавшій идти серіозно, Шерманъ слѣзъ съ козелъ, раскрылъ свой зонтикъ, закричалъ намъ, чтобъ мы ждали его въ Дублинѣ, куда онъ пріѣдетъ по желѣзной дорогѣ изъ Дрогеды, и скрылся въ направленіи къ таинственному замку.

Мы пріѣхали въ Дублинъ измокшіе и усталые, и были очень довольны, что нашли теплую комнату и хорошій обѣдъ. Вдругъ въ девять часовъ дверь отворилась и явилось привидѣніе мокрое, измученное, блѣдное, покрытое грязью. Это былъ бѣдный Шерманъ, но въ какомъ жалкомъ положеніи! Онъ дрожалъ отъ холода, насилу держался на ногахъ и съ трудомъ могъ проговорить:

— Пустите меня къ огню .. я умираю!

Мы уступили ему лучшее мѣсто, дали ему согрѣться и потомъ я спросилъ его:

— Что вамъ вздумалось, любезный Шерманъ, пройтись восемь миль по грязи и подъ проливнымъ дождемъ?

Я... увидѣлъ... замокъ, пробормоталъ онъ сердито.

— И вѣрно, продолжалъ я, видѣли столько любопытнаго и

принесли съ собою столько трофеевъ, что можно забыть усталость и дождь.

— Проклятый замокъ, вскричалъ мокрый путешественникъ приходя въ себя.

— Что съ вами случилось? спросили мы съ участіемъ.

— Полноте притворяться. Я увѣренъ, что вы сговорились съ мошенникомъ Ирландцемъ, чтобъ одурачить меня. Я васъ знаю!

— Увѣряю васъ, сказалъ я, что мы даже не слыхали вашего разговора съ кучеромъ.

— Такъ вы хотите теперь посмѣяться надо мною. Нѣтъ, если вамъ угодно знать, что я видѣлъ, то наймите экипажъ и поѣзжайте туда, гдѣ я гулялъ по грязи.

— Нѣтъ, ужъ лучше скажите, что это былъ за замокъ.

— То-то и есть, что это былъ не замокъ.

— А что-же?

— Брошенная печка для извести, куда я съ удовольствіемъ-бы втолкнулъ проклятаго Ирландца.

Всѣ засмѣялись, но Шерманъ долго не могъ забыть этой шутки.

Однажды мы ѣхали на лошадяхъ по Дониброкской дорогѣ, гдѣ происходятъ Ирландскіе праздники, оканчивающіеся всегда разбитыми носами, подбитыми глазами и иногда проломленными головами. На возвышеніи мы увидѣли что-то похожее на крутую башню, и Шерманъ вскричалъ:

— Я бы желалъ знать, что это за башня.

Я посовѣтовалъ спросить перваго прохожаго, но Шерманъ сказалъ:

— Эти Ирландцы опять надуютъ меня; не хочу имѣть съ ними дѣла.

Однако чѣмъ больше смотрѣли мы на зданіе, тѣмъ любопытнѣе было знать, что это такое. Шерманъ не могъ выдержать, и увидя небольшой домикъ у дороги, соскочилъ съ лошади и позвонилъ у двери.

Что вамъ угодно? спросилъ лакей.

— Дома-ли баринъ, сказалъ Шерманъ, боясь обратиться съ вопросомъ къ слугѣ.

— Какъ объ васъ доложить?

— Скажи, что Американскій путешественникъ желаетъ поговорить съ нимъ.

Черезъ минуту тотъ-же слуга ввелъ янки въ комнату, гдѣ у

камина сидѣлъ хозяинъ съ своимъ семействомъ. Онъ пригласилъ гостя сѣсть и объясниться, и тотъ прежде всего началъ извиняться, что обезпокоилъ почтеннаго человѣка.

— Путешественнику простительно все, отвѣчалъ вѣжливо хозяинъ. Вы хотите имѣть свѣдѣнія о нашей странѣ, и я къ вашимъ услугамъ, потому-что давно живу здѣсь и знаю каждый камень.

— Благодарю васъ, говорилъ Шерманъ, немного смѣшавшись. Проѣзжая въ Дониброкъ, я видѣлъ на пригоркѣ каменную башню въ милѣ отъ вашего дома. Мнѣ очень любопытно знать, что это за зданіе и исторію его.

— Я могу разсказать вамъ, что это за башня, сказалъ хозяинъ улыбаясь. Она принадлежитъ не къ глубокой древности, потому-что была построена сорокъ лѣтъ тому назадъ, моимъ отцомъ. Это была единственная и превосходная *вѣтряная мельница* въ нашемъ округѣ. Она принесла намъ много доходу, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ ураганомъ снесло ея крылья, и съ тѣхъ-поръ мельница превратилась въ башню, и скоро будетъ развалинами; вотъ вся исторія.

— Благодарю васъ, сказалъ Шерманъ, вставая съ досадою. Взамѣнъ я вамъ скажу одно, что изъ всѣхъ странъ, посѣщаемыхъ мною, Ирландія самая бѣдная и ничтожная, и что въ ней только и есть примѣчательнаго, что печка для извести и сломанная мельница.

И онъ разсказывая намъ это происшествіе, старался смѣяться, но я увѣренъ, что эта неудача была для него очень чувствительна.

Я не раздѣлялъ мнѣнія Шермана на счетъ Ирландіи. Страна и люди нравились мнѣ чрезвычайно. Высшій кругъ былъ образованъ какъ вездѣ, простой народъ кротокъ и добръ и съ христіанскимъ терпѣніемъ переносилъ бѣдность.

Я остался также очень доволенъ Шотландцами и Англичанами, но признаюсь, что характеръ французовъ понравился мнѣ больше всего, потому-что веселость ихъ имѣла сходство съ моими природными наклонностями. Вотъ почему я всегда съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю о моемъ путешествіи по-Франціи.

Въ Парижѣ мнѣ было очень трудно найти переводчика, и я перемѣнилъ ихъ уже нѣсколько за неспособность, потому-что всѣ были Англичане и говорили такъ дурно по французски, что невозможно было понять ихъ. Парижане, слыша ихъ, поми-

рали отъ смѣха. Наконецъ я нашелъ француза, говорящаго по-англійски, учителя въ какомъ-то коллегіумѣ, но долго не могъ уговорить его принять должности переводчика, которую онъ почему-то почиталъ унизительною. Однако я наконецъ уговорилъ добраго г. Пинта и остался очень доволенъ его краснорѣчіемъ, манерами и обхожденіемъ.

— Всѣ мы или играемъ комедію, или даемъ представленія для другихъ, говорилъ я Пинту; только директоромъ быть труднѣе, чѣмъ актеромъ.

— Отчего-же это? спросилъ профессоръ.

— Потому-что актеръ долженъ знать только свою роль, а директоръ обязанъ изучить публику и умѣть поддѣлаться къ ней, не давая подозрѣвать своихъ обмановъ.

Я нанялъ египетскую залу въ Пикадилли, и въ первый день, назначенный для появленія Томъ-Пуса въ публикѣ, собралась такая толпа, что зала оказалась мала. Кажется, что вся денежная аристократія назначила у меня мѣсто свиданія.

Однако, не смотря на обильные сборы, я не переставалъ справляться есть-ли возможность попасть намъ во дворецъ. Къ счастію г. Эверстъ отстранилъ всѣ препятствія.

Однажды утромъ я приглашенъ былъ къ посланнику на завтракъ и встрѣтилъ у него г. Чарльса Муррея, извѣстнаго писателя, занимавшаго при королевѣ должность церемоніймейстера.

Г. Муррей долго разспрашивалъ меня о моихъ планахъ, и я сказалъ, что если не буду такъ счастливъ, чтобъ удостоиться чести быть представленнымъ во дворецъ, то поѣду съ генераломъ на твердую землю.

Церемоніймейстеръ успокоилъ меня на этотъ счетъ, и въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней явился ко мнѣ высокій солдатъ, почти весь залитый въ золото съ депешею, что генералъ Томъ-Пусъ и его другъ г. Барнумъ приглашаются явиться въ Букингемскій дворецъ. Я получилъ отъ самого г. Муррея инструкціи какъ наблюдать этикетъ, но мнѣ было сказано, что генералъ Томъ-Пусъ освобождается отъ всѣхъ церемоній, потому-что королева желаетъ его видѣть за-просто.

Прежде всего я хотѣлъ, чтобъ весь городъ зналъ объ этой милости, и потому въ назначенный вечеръ прилѣпилъ къ дверямъ египетской залы слѣдующее объявленіе:

«Сегоднишній спектакль отлагается, потому-что генералъ

Томъ-Пусъ отправился въ Букингемскій дворецъ, по приглашенію Е. В. королевы.»

При входѣ во дворецъ, лордъ, принявшій меня, далъ мнѣ тоже нѣсколько инструкцій, какъ вести себя въ присутствіи высокихъ особъ. Я долженъ былъ только отвѣчать на вопросы Королевы, но не имѣлъ права самъ начинать разговора. Выходя изъ комнаты, я не смѣлъ оборачиваться, но обязанъ былъ итти задомъ, что лордъ показалъ мнѣ. Въ послѣдствіи читатель увидитъ, какъ я воспользовался всѣми этими уроками.

Насъ повели по длинному коридору, на мраморную лѣстницу, ведущую въ картинную галерею. Тутъ королева сидѣла съ принцемъ Албертомъ, герцогинею Кентской и двадцатью или тридцатью представителями первыхъ именъ соединенныхъ королевствъ.

Когда двери отворились, генералъ Томъ-Пусъ пошелъ впередъ такъ важно и смѣло, что можно было его принять скорѣе за куклу, чѣмъ за живое существо.

Вся высокая компанія выразила удовольствіе, что феноменъ гораздо меньше, чѣмъ можно было вообразить.

Этотъ образчикъ человѣка подошелъ поближе къ обществу, поклонился очень граціозно и сказалъ:

— Честь имѣю кланяться, госпожи и господа!

Всѣ захохотали при этомъ. Королева взяла генерала за руку, прошлась съ нимъ по галереѣ и начала разговаривать. Отвѣты малютки были такъ милы, что всѣмъ понравились. Томъ-Пусъ объявилъ королевѣ, что у ней очень хорошая картинная галерея, и что онъ желалъ-бы познакомиться съ принцемъ Валлійскимъ. Королева отвѣчала, что принцъ спитъ, и что въ другой разъ онъ съ нимъ увидится. Послѣ этого генералъ показывалъ свои таланты въ танцахъ, пѣніи. Всѣ присутствующіе предлагали ему вопросы и остались довольны его умомъ.

Надобно признаться, что я не очень строго исполнялъ совѣты церемоніймейстера. Въ то время какъ принцъ Албертъ и другія высокія особы занимались съ генераломъ, королева обратилась ро мнѣ съ нѣкоторыми вопросами о карликѣ, и я, отвѣчая сначала какъ мнѣ было приказано, потомъ забылъ эту предосторожность и самъ пустился въ объясненія. Это чрезвычайно смутило дежурнаго лорда, который насъ ввелъ; но королева кажется не замѣтила моей дерзости, потому-что продолжала слушать меня съ благосклонностью. Ея присутствіе совсѣмъ не смущало меня, такъ она была проста и любезна, тогда какъ окру-

жающія ее особы были всѣ важны и неприступны. Королева была въ черномъ платьѣ, а дамы ея въ великолѣпныхъ костюмахъ и въ брильянтахъ, такъ что иностранецъ, пришедшій въ это собраніе, не отгадалъ-бы, которая королева Великобританіи.

Наконецъ настала минута, когда мы должны были удалиться, и я, не желая разсердить совсѣмъ лорда, началъ отступать задомъ, что было мнѣ несовсѣмъ ловко, какъ по непривычкѣ, такъ и потому что галерея была длинна. Не смотря однако на трудность путешествія, я двигался къ двери, но генералъ Томъ-Пусъ никакъ не могъ поспѣть за мною, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, оборачивался, не соблюдая этикета, догонялъ меня бѣгомъ, потомъ опять обернувшись лицемъ къ собранію, отступалъ важно. Это повторялось нѣсколько разъ, къ общему удовольствію присутствующихъ, но конецъ комедіи былъ еще любопытнѣе.

Это несоблюденіе правилъ этикета должно быть непонравилось маленькой собачкѣ королевы. Это животное начало ворчать на генерала и наконецъ съ лаемъ бросилось къ нему и загородило дорогу. Томъ-Пусъ немного сконфузился, но оправившись началъ своею тросточкою защищаться отъ собаки и вступилъ съ ней въ настоящій бой. Картина битвы была уморительна, но маленькій генералъ побѣдилъ, заставивъ непріятеля отступить. Все благородное общество хохотало отъ души.

Когда мы вышли изъ залы, одинъ изъ лордовъ прибѣжалъ спросить отъ имени королевы не раненъ-ли генералъ Томъ-Пусъ, прибавя смѣясь, что обида такому значительному лицу можетъ причинить войну съ Американскими Штатами.

Визитъ во дворецъ этимъ не кончился. Насъ повели въ особенную комнату, гдѣ приготовлена была закуска. Мы не заставляли себя просить и покушали безъ церемоніи, но я все занятъ былъ послѣдствіями этого визита. Я боялся, что *Придворный журналъ* забудетъ о насъ или выразится неблагосклонно, и рѣшился тотчасъ-же обдѣлать это. Узнавъ, что джентльменъ, приготовляющій статьи для журнала, находится во дворцѣ, я попросилъ, чтобъ меня свели къ нему и убѣждалъ его написать о насъ пространнѣе. Писатель былъ такъ добръ, что позволилъ мнѣ дать ему нѣсколько замѣтокъ, и на слѣдующее утро я былъ осчастливленъ тѣмъ, что могъ прочитать въ журналѣ похвалу себѣ и Томъ-Пусу.

Вниманіе публики было обращено на насъ, и потому я началъ отыскивать залу по-просторнѣе. Г. Катлинъ, мой соотечествен-

никъ, имѣлъ картинную галерею, помѣщаемую въ большой залѣ, и такъ какъ она была красиво отдѣлана и украшена многими рѣдкостями, то я и нанялъ ее.

При второмъ нашемъ визитѣ королевѣ, мы были приняты въ такъ-называемой Желтой залѣ, находящейся на сѣверъ отъ картинной галереи. Великолѣпіе этой комнаты просто ослѣпило меня. Она была обтянута богатою желтою матеріею, которою обита была также вся мебель. Вазы, урны, украшенія были современной работы и отлично выдѣланы; золотыя палочки поддерживали занавѣсы, карнизъ былъ скульптурной работы; столы и фортепіано отдѣланы золотомъ съ инкрустаціями изъ разноцвѣтныхъ камней и притомъ все въ отличномъ вкусѣ.

Королева только-что встала изъ-за стола, и мы были уже въ залѣ, когда она вошла съ своимъ семействомъ.

Генералъ Томъ-Пусъ тотчасъ подошелъ къ ней, поклонился вѣжливо, и когда она взяла его, улыбаясь, за руку и спросила здоровъ-ли онъ, ребенокъ отвѣчалъ:

— Въ эту минуту я совершенно здоровъ и счастливъ.

Потомъ, осматриваясь кругомъ, онъ прибавилъ:

— Мнѣ кажется, что эта комната еще лучше картинной галереи. Какіе большіе канделябры!

— Генералъ, вотъ принцъ Валлійскій, сказала королева.

— Какъ я радъ, что вижу васъ, принцъ, вскричалъ Томъ-Пусъ, пожимая ему руку.

Потомъ, вставъ возлѣ принца, онъ прибавилъ:

— Однако вы гораздо выше меня, принцъ, а кажется мы однихъ лѣтъ.

Потомъ королева представила генералу принцессу, которая сидѣла на маленькой софѣ. Томъ-Пусъ очень граціозно сѣлъ у ногъ принцессы и былъ очень милъ и любезенъ.

Королева подозвала его къ себѣ и дала ему небольшой портфейль сказавъ, что нарочно приказала сдѣлать для него.

Малютка поблагодарилъ ее очень вѣжливо, сказавъ, что никогда не разстанется съ такимъ драгоцѣннымъ подаркомъ, а потомъ гордо осмотрѣвъ всѣхъ присутствующихъ, началъ ходить по залѣ.

Королева Бельгійская, бывъ тутъ, спросила генерала:

— Куда вы поѣдете изъ Лондона?

— Въ Парижъ, отвѣчалъ онъ.

— Кого же хотите тамъ видѣть? продолжала дочь Людовика Филиппа.

— Г. Гильоде.

Обѣ королевы посмотрѣли на меня съ удивленіемъ, и я объяснилъ, что г. Гильоде французскій натуралистъ, ѣхавшій съ нами изъ Америки.

Ихъ величества хохотали отъ души надъ отвѣтами моего ученика.

Въ третье посѣщеніе Букингемскаго дворца мы видѣли короля бельгійскаго Леопольда, который долго разговаривалъ съ генераломъ и наконецъ просилъ его спѣть.

— Я вамъ спою пѣсню Jankee doodle (дураки янки) отвѣчалъ онъ живо.

Этотъ отвѣтъ, неожиданный даже для меня, произвелъ всеобщій смѣхъ, и королева прибавила очень ласково:

— Это должна быть очень замѣчательная пѣсня, спойте ее, генералъ.

Томъ-Пусъ пропѣлъ ее очень мило.

Послѣ каждаго изъ трехъ визитовъ во дворецъ мнѣ давали, отъ имени королевы, хорошенькіе подарки, но я надѣялся, что въ Англіи примѣръ государей имѣетъ огромное вліяніе на всѣ сословія.

Англійская публика принялась бредить Томъ-Пусомъ, и не видать его почиталось преступленіемъ.

Вотъ почему съ 20-го марта по 20-е іюля толпа наводняла ежедневно Египетскую залу, и въ это время сборъ простирался до пятисотъ доллеровъ и больше.

Кареты съ аристократическими гербами стояли длинными рядами у моего подъѣзда. Всѣ иллюстраціи печатали портреты маленькаго генерала, и его именемъ украшались польки, кадрили, романсы. Газета Пончъ не пропускала ни одного нумера, чтобъ не помѣстить чудо Лилипута.

И я долженъ сознаться, что всѣ точно сговорились писать и говорить только о Томъ-Пусѣ, что, разумѣется, еще больше возвышало наши сборы.

Кромѣ трехъ ежедневныхъ представленій я возилъ моего генерала въ домы аристократовъ, гдѣ получалъ по восьми или десяти гиней. Случалось, что въ одинъ вечеръ мы дѣлали два визита, и все-таки не успѣвали удовлетворять всѣхъ желающихъ насъ видѣть.

Однажды послѣ обѣда, королева-мать Аделаида, призвала генерала въ Мальбрукъ-гоузъ. Онъ явился въ придворномъ костюмѣ, въ бархатномъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, въ атласномъ жилетѣ, въ чулкахъ, башмакахъ, въ парикѣ и со шпагою.

— Ахъ, генералъ, какъ вы нарядились сегодня! сказала королева-мать.

— Очень радъ, что понравился вамъ, отвѣчалъ малютка.

Потомъ онъ пѣлъ, танцовалъ и забавлялъ старушку своими остроумными замѣчаніями.

— Милый мой маленькій генералъ, сказала добрая королева, я вижу что у васъ нѣтъ часовъ, позвольте мнѣ предложить вамъ.

— О! съ удовольствіемъ, закричалъ обрадованный ребенокъ.

— Я прикажу нарочно сдѣлать для васъ часы, продолжала королева, и подозвавъ Лорда Г., сказала что-то тихо.

Черезъ недѣлю мы были опять призваны во дворецъ Мальбрука, гдѣ было множество дѣтей аристократовъ съ ихъ родителями. Королева Аделаида, справясь о здоровьѣ генерала, сама надѣла ему небольшіе золотые часы съ цѣпочкою. Томъ-Пусъ запрыгалъ отъ радости и не зналъ какъ благодарить за подарокъ. Добрая же старушка давала ему наставленіе, чтобъ онъ учился хорошо, велъ себя прилично, былъ бы добрымъ и честнымъ человѣкомъ.

Кстати я долженъ признаться, что Томъ-Пусъ былъ необыкновенный ребенокъ. Онъ былъ тихъ, послушенъ, сговорчивъ, ласковъ, любезенъ и остеръ. Никогда я не слыхалъ, чтобъ онъ плакалъ, сердился или говорилъ грубости. Въ этомъ отношеніи можно было почесть его за настоящій феноменъ.

Я не только печатно сообщилъ публикѣ о подаркахъ, получаемыхъ генераломъ, но выставилъ ихъ въ нашей залѣ подъ стекломъ, что еще болѣе привлекало публику. Тутъ были, кромѣ часовъ, портфель королевы Викторіи, золотая табатерка съ бирюзою, подаренная герцогомъ Девоншейрскимъ и много другихъ драгоцѣнныхъ вещей.

Герцогъ Веллингтонъ часто пріѣзжалъ смотрѣть на маленькаго генерала. Однажды, когда онъ пришелъ, Томъ-Пусъ, одѣтый Наполеономъ, ходилъ въ задумчивости по эстрадѣ, нюхая табакъ изъ золотой табатерки.

— О чемъ вы задумались, спросилъ его герцогъ.

— О потерѣ сраженія при Ватерлоо, отвѣчалъ ребенокъ.

Этотъ остроумный отвѣтъ сдѣлался извѣстенъ всей Англіи и принесъ намъ тысячу фунтовъ стерлинговъ.

Въ Іюнѣ 1844 года прибылъ въ Лондонъ Императоръ Всероссійскій. Я имѣлъ честь видѣть его нѣсколько разъ, и именно 5-го Іюня, на парадѣ въ Виндсорскомъ паркѣ, гдѣ присутствовалъ и король саксонскій. Томъ-Пусъ былъ потомъ приглашенъ къ королю и къ Ибрагиму-пашѣ.

Вся Виндсорская дорога была покрыта экипажами и пѣшеходами, что напомнило мнѣ эпсомскую дорогу, въ дни скачекъ. Королева съ высокими гостями прибыла черезъ паркъ около полудня, и была встрѣчена громкими возгласами. Принцъ Валлійскій съ наслѣдною принцессою были въ особенной каретѣ, Императоръ Россійскій ѣхалъ возлѣ коляски королевы. Возлѣ него были король саксонскій и принцъ Албертъ. За нимъ ѣхалъ герцогъ Веллингтонъ и много другихъ высокихъ особъ въ блестящихъ мундирахъ. Между ними составлялъ разительный контрастъ сиръ Робертъ Пиль, тоже верхомъ, въ синемъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ. Герцогъ Кембриджскій былъ тоже посреди блистательнаго собранія.

Въ продолженіе сезона мы были почти во всѣхъ аристократическихъ домахъ, такъ что смѣло можно сказать, что все большое общество безъ исключенія видѣло генерала Томъ-Пуса у себя, у знакомыхъ, или въ Египетской залѣ.

Маленькій генералъ понравился особенно нѣкоторымъ знаменитымъ лицамъ, какъ-то: сиръ Роберту Пилю и его женѣ, герцогу и герцогинѣ Букингемъ, герцогу Бедфорду, герцогу Девоншейру, графу Орсею, Леди Блессингтонъ, Даніелю О'Коннелю, лорду Адольфу Фицъ-Кларенсу, лорду Честерфильду и многимъ другимъ.

Мы имѣли свободный входъ во всѣ театры, въ публичные сады и увеселительныя заведенія, такъ что могли вступить въ тѣсныя сношенія съ главными артистами, журналистами, авторами и поэтами Англіи.

Въ эту эпоху я подружился съ Албертомъ Смитомъ и остался его другомъ до-сихъ-поръ. Онъ написалъ піесу для Тома-Пуса, имѣвшую большой успѣхъ на театрѣ лицея въ Лондонѣ и на другихъ провинціяльныхъ сценахъ.

Путешествіе наше продолжалось три года, и мы посѣтили всѣ города Англіи и Шотландіи. Я былъ также въ Ирландіи: въ

Бельфастѣ и Дублинѣ. Малютка мой имѣлъ вездѣ необыкновенный успѣхъ, и въ послѣднее представленіе въ Ротондѣ я собралъ 261 фунтъ стерлинговъ. За появленіе-же на королевскомъ театрѣ заплачено намъ 50 фунтовъ.

Послѣ этого мы посѣтили почти всѣ города Франціи и Бельгіи. Въ Брюсселѣ имѣли честь представляться королю и королевѣ.

Во Франціи были мы четыре раза призваны во дворецъ Людовика-Филиппа, и 1-го мая пригласили насъ туда для собственнаго нашего удовольствія, чтобъ смотрѣть фейерверкъ. Король, королева, принцесса Аделаида были чрезвычайно ласковы съ нами, и примѣру ихъ послѣдовали герцогиня Орлеанская и другіе члены королевской фамиліи. Людовикъ-Филиппъ разговаривалъ со мною объ Америкѣ, и разсказалъ какъ самъ, бывало, ночевалъ въ хижинахъ индѣйцевъ. Словомъ съ нами обращались такъ просто и непринужденно, какъ будто-бы мы были совершенно равные.

Въ первый разъ отправились мы въ Сенъ-Клу, гдѣ знаменитые хозяева приняли насъ радушно, что не мѣшало-бы перенять англійской и американской аристократіямъ.

Маленькій генералъ цѣлый часъ забавлялъ королевскую фамилію. Тутъ были король, королева, принцесса Орлеанская и сынъ ея графъ Парижскій, принцъ Жуанвильскій, герцогъ и герцогиня Омальскіе и герцогъ Немурскій. При прощаніи съ Томомъ-Пусомъ, каждый изъ принцевъ и принцессъ подарилъ что-нибудь на память малюткѣ, цѣлуя его и обнимая. Въ этотъ день онъ въ первый и въ послѣдній разъ во Франціи былъ въ костюмѣ императора Наполеона, и то потому, что этого желалъ самъ король.

Простившись съ королевскою фамиліею, мы удалились въ назначенную комнату, чтобъ перемѣнить костюмъ генералу и закусить. Потомъ насъ повели черезъ большую залу, и мы черезъ отворенныя двери могли опять видѣть все семейство Людовика-Филиппа, собравшееся въ одной комнатѣ, чтобъ по обыкновенію проводить вечеръ вмѣстѣ. Нѣкоторые изъ принцевъ, увидя тоже генерала, подозвали его еще разъ проститься, и я могъ видѣть собственными глазами, какъ всѣ эти принцессы королевской крови и сама королева работали и вышивали въ то время, какъ одна молодая дама читала вслухъ. Я долженъ признаться, что подобныя мирныя сцены рѣдко встрѣчаются въ семействахъ демократической Америки. Наши республиканки стыдятся заниматься женскими рукодѣльями, особенно если богаты. Я же видѣлъ въ Парижѣ на выставкахъ и лотереяхъ въ пользу бѣдныхъ

прекрасныя вышивки работы герцогини Орлеанской, принцессы Аделаиды, герцогини Немурской и другихъ придворныхъ дамъ.

Въ Парижѣ генералъ Томъ-Пусъ имѣлъ большой успѣхъ на сценѣ. Онъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ являлся на одномъ изъ первыхъ театровъ въ піесѣ, написанной для него, подъ названіемъ *Мальчикъ съ пальчикъ.*

Мы хотѣли объѣхать почти всю Францію, и потому купили дорожные экипажи и большую телѣгу на рессорахъ, гдѣ помѣщалась миніатюрная карета и крошечныя лошадки генерала. Мы отправились въ Руанъ, потомъ въ Тулонъ чрезъ Орлеанъ, Нантъ, Брестъ, Бордо, Тулузу, Монпелье, Нимъ, Марсель. Изъ Тулона черезъ Лилль мы проѣхали въ Бельгію.

Въ это время былъ устроенъ лагерь близъ Бордо, и я могъ видѣть смотръ двадцати-тысячному войску, дѣлаемый герцогами Немурскимъ и Омальскимъ. Меня поразила стройность и красота военныхъ эволюцій, въ которыхъ участвовали кавалерійскіе полки, пѣхота и полевая артиллерія.

Мы были на югѣ Франціи во время собиранія винограда. Мнѣ кажется, что ничто не можетъ сравниться съ живою, веселою картиною этихъ благословенныхъ странъ. Мы ѣхали цѣлыя мили посреди виноградниковъ, отягченныхъ огромными кистями, и мимо оливковыхъ рощъ, приносящихъ лучшее масло. Вотъ настоящее отечество вина и масла.

Бывши въ Брюсселѣ, нельзя было не посѣтить мѣста сраженія при Ватерлоо. Наше общество состояло изъ профессора Пинта, служившаго переводчикомъ, г. Страттона, отца Томъ-Пуса, г. Шермона и меня. Отецъ генерала былъ не очень доволенъ этимъ путешествіемъ, потому-что ему надобно было вставать рано, чего онъ не любилъ.

— Что за охота подниматься въ четыре часа, ворчалъ онъ, чтобъ посмотрѣть на поле, засѣянное овсомъ.

— Надобно дѣлать то, что другіе, отвѣчала его жена. Позже невозможно отправляться въ Ватерлоо, потому-что мы опоздаемъ къ представленію. Стало быть, не разсуждай.

Страттонъ не имѣлъ привычки противорѣчить своей половинѣ, и пошелъ нанимать карету.

Вставши въ назначенный часъ, мы отправились въ путь. Прежде всего остановились мы у чистенькой церкви селенія Ватерлоо, покрытой надписями въ честь павшихъ тутъ англичанъ.

Потомъ мы вошли въ домъ, гдѣ отнимали ногу маркизу Эн-

глези. Маленькая пирамида стоитъ въ саду, на томъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ благородный членъ лорда.

Хозяева дома показываютъ остатокъ сапога, снятаго съ ноги маркиза, и чтобъ посмотрѣть на него, надобно заплатить одинъ франкъ. Я охотно вынулъ деньги, но Страттонъ былъ очень недоволенъ, что надобно платить такъ дорого за кусокъ старой кожи.

Я выразилъ желаніе имѣть кусочикъ этого сапога въ моемъ музеѣ, и хозяйка тотчасъ-же отрѣзала мнѣ полоску кожи въ три дюйма длиною и одинъ шириною. Страттонъ, желавшій доказать, что и онъ не скупъ, попросилъ на память тоже кусокъ кожи, чтобъ ему было чѣмъ похвастать въ Бриджпортѣ, и ему данъ былъ тоже клочекъ сапога за новые два франка.

Видя это великодушіе хозяйки, раздававшей путешественникамъ одинъ сапогъ, я подумалъ что съ 1815 года она должна была продать больше тысячи старыхъ сапоговъ.

Поле сраженія находилось еще въ милѣ, и мы отправились туда.

Въ Монъ-Сенъ-Жанѣ напала на насъ толпа людей съ предложеніемъ услугъ, и каждый изъ нихъ увѣрялъ, что превосходно знаетъ мѣсто, гдѣ стояли всѣ полки, гдѣ происходили главные эпизоды, но удивительнѣе всего то, что каждый хвасталъ, что самъ участвовалъ въ этой кровавой битвѣ, хотя она и происходила тридцать лѣтъ тому назадъ.

Для вѣроятности мы выбрали старика, потому-что товарищи его были по виду слишкомъ молоды, чтобъ могли участвовать въ знаменитой битвѣ.

Старикъ началъ съ объявленія, что лучше его никто не можетъ знать, что происходило въ этотъ день, потому-что онъ былъ убитъ въ этомъ сраженіи. Замѣтя однако наши насмѣшливые взгляды, онъ прибавилъ, что былъ не совсѣмъ убитъ, а только смертельно раненъ.

Проводникъ нашъ указалъ мѣсто, гдѣ все время стоялъ герцогъ Веллингтонъ; маленькое возвышеніе, на которомъ стоялъ Наполеонъ; мѣста, гдѣ разстановлена была старая гвардія, англійскіе резервы, долина, по которой пришелъ Блюхеръ съ прусскою арміею; стоянка шотландцевъ Грея, мѣсто, гдѣ палъ сиръ Александръ Гордонъ, Каннингъ и другіе знаменитые офицеры. Я спросилъ его, гдѣ былъ убитъ капитанъ Типитивичетъ, мой конектикутскій соотечественникъ, и старикъ, ни мало

не затрудняясь, показалъ мнѣ какой-то уголъ. Потомъ я припоминалъ имена всѣхъ моихъ друзей, будто бы тоже убитыхъ при Ватерлоо, и проводникъ указывалъ мнѣ мѣста, гдѣ они пали. Послѣ этого мы отблагодарили услужливаго старика, и Страттонъ опять сердился, что долженъ былъ платить за сказки вруна.

На полѣ сраженія мы были остановлены новою толпою мужчинъ и женщинъ, продававшихъ воспоминанія сраженія: пистолеты, ядра, ружья, пули, обломки оружій, пуговицы съ французскимъ Императорскимъ орломъ. Я накупилъ много предметовъ для своего музея, и Страттонъ набралъ тоже много воспоминаній. Кромѣ того мы пріобрѣли планъ сраженія, рисунокъ знаменитой колонны съ бельгійскимъ львомъ и много другихъ мелочей. Словомъ мы истратили такъ много денегъ, что Страттонъ не переставалъ жаловаться на ненасытность Ватерлоо. Однако тѣмъ еще наши несчастія не кончились. Не успѣли мы отъѣхать шести миль отъ поля сраженія, какъ у насъ переломилась ось одного колеса и мы принуждены были выдти изъ кареты.

Былъ уже второй часъ, а представленія назначены у насъ въ два, стало быть, мы должны были торопиться отыскать какой нибудь экипажъ, или отложить представленіе до вечера. Но Страттонъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ послѣднемъ распоряженіи, потому-что истратилъ такъ много денегъ въ Ватерлоо, что хотѣлъ вернуть ихъ. Пѣшкомъ мы не могли дойти такъ скоро, экипажъ найти было невозможно. Страттонъ бросился на ферму, лежащую близъ дороги, профессоръ Пинтъ побѣжалъ за нимъ, чтобъ объясниться за него.

— Есть-ли у васъ карета или повозка, спросили они у фермера.

— Нѣтъ.

— На чемъ-же вы перевозите ваши произведенія?

— На телѣгѣ.

И поселянинъ показалъ на старую телѣгу, наполненную навозомъ.

Страттонъ поморщился, но разсудивъ, что лучше пріѣхать на грязной телѣгѣ, чѣмъ опоздать въ Брюссель, спросилъ:

— Что вы возьмете довести насъ до города въ три четверти часа?

— Такъ скоро невозможно. Въ два часа я возьму довезти васъ на моей лошади, отвѣчалъ фермеръ.

— Но намъ надобно быть прежде, если не хотимъ потерять большой суммы денегъ.

Старикъ подумалъ и сказалъ наконецъ, что за восемьдесятъ франковъ довезетъ въ часъ до Брюсселя. Напрасно Страттонъ хотѣлъ торговаться, фермеръ не соглашался уступить ни франка.

— Соглашайтесь лучше, замѣтилъ Шерманъ. Восемьдесятъ франковъ составляютъ только шестнадцать доллеровъ, а вы соберете вдесятеро, потому-что сегодня зала будетъ полна.

— Помилуйте, вскричалъ Страттонъ, я и то истратилъ сегодня больше десяти доллеровъ на мелочи, и проводникамъ, и намъ придется еще заплатить за сломанную карету.

— Но если другаго средства нѣтъ?

— Какъ можно запрашивать такъ дорого за старую лошадь и телѣгу, когда въ Бриджпортѣ за три доллера перевезли-бы насъ вдвое дальше.

— Что-жъ дѣлать! во всякой странѣ свои обычаи.

Эта поговорка еще болѣе разсердила Страттона, но онъ не хотѣлъ терять своей части сбора и сказалъ:

— Прикажите этому старому разбойнику приготовить телѣгу какъ можно скорѣе, и запречь въ минуту, а то онъ пожалуй заставитъ насъ еще дожидаться.

Вывели толстую, задумчивую лошадь, прикрѣпили ее веревками къ телѣгѣ вмѣсто упряжи, и рыжій сынъ фермера занялъ мѣсто кучера.

Страттонъ торопилъ ѣхать какъ можно скорѣе.

— Постойте, сказалъ фермеръ, прежде заплатите.

— Я заплачу въ Брюсселѣ, когда насъ привезутъ туда черезъ часъ, говорилъ Страттонъ сердясь.

— Сынъ повезетъ васъ скоро, только я не пущу его, если вы не заплатите прежде.

Минуты проходили скоро, и бѣдный Страттонъ видѣлъ съ отчаяніемъ, что время представленія быстро приближается. Онъ вынулъ деньги, бросилъ ихъ старику, и усаживаясь на доскахъ закричалъ:

— Пошелъ скорѣе!

Рыжій мальчикъ началъ понукать жирную лошадь, та двинулась тихимъ шагомъ, и для довершенія удовольствія пошелъ сильный дождь.

Такъ какъ мы отправились поутру въ каретѣ, то не взяли никакихъ предосторожностей, и скоро насъ промочило до костей.

Страттонъ кажется не замѣчалъ дождя, такъ онъ горячился, что мы тихо подвигаемся, и наконецъ закричалъ на рыжаго, чтобъ онъ ѣхалъ скорѣе.

— Да наша лошадь не можетъ бѣжать, отвѣчалъ кучеръ: она очень толста и стара.

Стало быть представленіе было потеряно, и Страттонъ началъ проклинать фермера, сына его, поѣздку, лошадь, а главное поле Ватерлоо, причинившее всѣ эти неудовольствія.

А между тѣмъ лошадь шла все такимъ же мѣрнымъ шагомъ, и проливной дождь билъ насъ со всѣхъ сторонъ. Въ два часа, время, назначенное для открытія представленія, мы были еще въ семи миляхъ отъ Брюсселя. Страттонъ жаловался еще, что изъ телѣги выходятъ вредныя испаренія.

— Да этакъ мы и еще черезъ два часа не пріѣдемъ на мѣсто, вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, пріѣдемъ раньше, отвѣчалъ философически рыжій.

— А зачѣмъ твой отецъ обѣщалъ, что въ часъ мы будемъ въ Брюсселѣ?

— Вольно вамъ было вѣрить.

— Я подамъ жалобу на твоего отца и заставлю его заплатить мнѣ убытки.

— Полноте, это будетъ безполезно, замѣтилъ Пинтъ. Вы ничего не выиграете отъ этого, вы же будете виноваты.

— Но я теряю больше ста доллеровъ оттого, что пріѣду въ Брюссель часомъ позже.

— Какое кому дѣло до этого!

— Меня обманули, обобрали!

— Здѣсь такой обычай.

Однако такъ какъ всему на свѣтѣ есть конецъ, то и мы окончили наше знаменитое путешествіе, доѣхавъ до города ровно въ два часа съ половиною. Разумѣется, что было уже поздно начинать представленіе, тѣмъ-болѣе, что публика, напрасно дожидавшаяся открытія спектакля, уже разошлась.

Нельзя себѣ представить отчаянія Страттона. Не зная куда ему дѣваться, онъ вошелъ къ цирюльнику и велѣлъ подстричь себѣ волосы. У него были густые черные волосы, кото-

рыми онъ чрезвычайно гордился и занимался какъ кокетка, но такъ какъ они были уже очень длинны, то онъ для облегченія головы, вздумалъ ихъ подстричь немного.

Цирюльникъ обрѣзалъ кончики буклей и спросилъ довольно-ли?

— Нѣтъ, мало, отвѣчалъ Страттонъ, стригите, пока я васъ не остановлю.

Страттонъ всталъ въ этотъ день раньше обыкновеннаго; непріятности и волненія этого дня еще болѣе измучили его, такъ что онъ невольно задремалъ подъ монотонный скрипъ ножницъ и наконецъ совсѣмъ заснулъ.

Цирюльникъ между-тѣмъ продолжалъ стричь волосы, останавливаясь по временамъ, какъ-бы ожидая, что ему скажутъ довольно, но Страттонъ молчалъ, наслаждаясь сномъ, а тотъ подрѣзывалъ волоса все ближе и ближе къ тѣлу. Наконецъ весь черепъ обнажился, и цирюльникъ видя, что ему больше нечего стричь, спросилъ не пора-ли остановиться? Вмѣсто отвѣта послышалось тихое храпѣнье. Цирюльникъ выпустилъ изъ рукъ ножницы, которыя задѣвъ за голую шею Страттона, разбудили его. Онъ вскочилъ, бросился къ зеркалу, и въ первую минуту не узналъ себя. Потомъ онъ разразился цѣлымъ градомъ ругательствъ и проклятій, кричалъ, чтобъ ему дали парикъ, что все это виновато Ватерлоо, и замѣтя, что всѣ надъ нимъ смѣются, схватилъ шляпу, надвинулъ ее на носъ, и побѣжалъ домой, гдѣ также долго не могъ успокоиться. Съ-тѣхъ-поръ онъ далъ торжественное обѣщаніе не посѣщать ни какихъ знаменитыхъ мѣстъ и рѣдкостей. Его отвращеніе отъ того, что привлекало публику, было такъ велико, что онъ не дѣлалъ трехъ шаговъ, чтобъ посмотрѣть какой-нибудь монументъ или знаменитаго человѣка.

Въ 1845 году мы провели три недѣли въ Батонѣ, гдѣ Томъ-Пусъ показывался въ музеѣ Кимбаля. Страттону не было ровно никакого дѣла, такъ что онъ могъ осмотрѣть всѣ достопримѣчательности города. Къ тому-же въ это время былъ въ городѣ конгрессъ подъ президенствомъ Тилера, и тысячи народа стекались изъ окрестностей, чтобъ видѣть церемоніи или послушать рѣчь г. Вебстера; но Страттонъ провелъ все это время, не выходя изъ гостиницы, гдѣ мы остановились, и не видалъ даже монумента въ Бонкеръ-Гиллѣ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ посѣщенія нами Ватерлоо, я

былъ въ Бирмингамъ, и мнѣ показали фабрику, гдѣ приготовляются военныя воспоминанія, отсылаемыя на мѣсто сраженія, гдѣ ихъ погребаютъ въ землю и вырываютъ, въ случаѣ надобности. Послѣ этого открытія, достовѣрность купленныхъ нами вещей показалась очень сомнительною.

Изъ Брюсселя мы отправились опять въ Лондонъ, гдѣ генералъ Томъ-Пусъ продолжалъ собирать публику. На театрѣ онъ являлся въ піесѣ Смита.

Онъ давалъ также сеансы въ зоологическомъ саду, принадлежащемъ другу моему Тилеру.

Изъ Лондона мы поѣхали въ Шотландію, посѣтивъ всѣ главные города, находящіеся на дорогѣ, и вернулись въ Америку въ февралѣ 1847 года.

Потомъ генералъ Томъ-Пусъ пустился еще въ далекое путешествіе, но я уже не сопровождалъ его, а поручилъ вѣрнымъ агентамъ.

Когда наконецъ фортуна улыбнулась мнѣ, я замѣтилъ большую перемѣну въ обращеніи и чувствахъ людей.

Возвратясь въ Нью-Іоркъ, я увидѣлъ съ удивленіемъ, что люди, не удостоивавшіе меня прежде взглядомъ, потому-что были богаты, а я бѣденъ, теперь принимали меня какъ стариннаго друга, ласкали, тогда какъ бывшіе друзья мои, оставшіеся въ прежнемъ незавидномъ положеніи, какъ будто стыдились подойти ко мнѣ, боялись протянуть мнѣ руку, думая можетъ-быть, что я оттолкну ихъ. Самъ-же я, признаюсь, не замѣтилъ въ себѣ никакой перемѣны съ-тѣхъ-поръ, какъ у меня прибавилось нѣсколько тысячъ доллеровъ. Я остался все тѣмъ-же, но мнѣ было совѣстно за человѣческую натуру. Не жалкое-ли это общество, гдѣ уважаются однѣ деньги, не разбирая что владѣтель ихъ можетъ-быть глупъ или золъ, и гдѣ не обращаютъ вниманія на умнаго и иногда геніяльнаго человѣка, потому-что онъ бѣденъ!

Я не понималъ какъ можно гордиться случайно нажитымъ богатствомъ. Разумѣется, я былъ доволенъ, что могъ доставить семейству больше удобствъ, обезпечить его на будущее время, но согласился-бы скорѣе сдѣлаться опять нищимъ,—чѣмъ разыгрывать роль дерзкаго богача, не уважающаго ни связей, ни родныхъ, требующаго, чтобъ всѣ кланялись ему какъ идолу, потому-что онъ богаче другихъ. Съ прискорбіемъ долженъ признаться, что такихъ примѣровъ у насъ очень много въ Америкѣ; я

горжусь, что въ этомъ отношеніи не похожъ на моихъ соотечественниковъ.

Когда мы поѣхали въ Бельгію, съ нами было большое количество книгъ и вещей, которыя могли-быть задержаны таможнею, но я заплатилъ досмотрщикамъ, и они не очень строго осматривали мои чемоданы.

— Вы кажется изучили и таможни, спросилъ Пинтъ.

— И это не мѣшаетъ, отвѣчалъ я.

Въ конторахъ желѣзныхъ дорогъ также сбирались разбирать нашу поклажу, но я употреблялъ все тоже средство для уничтоженія любопытства смотрителей. Только въ Куртре хотѣли насъ заставить заплатить по таксѣ за экипажъ и лошадей Томъ-Пуса, но я сказалъ, что во Франціи насъ вездѣ пропускали даже безъ осмотра и къ намъ не привязывались болѣе. Въ Лиллѣ нашъ багажъ возбудилъ любопытство во всей таможнѣ, и дежурный офицеръ, видя костюмы и подарки Томъ-Пуса, спросилъ неужели онъ въ самомъ дѣлѣ принцъ?

— Разумѣется, отвѣчалъ Шерманъ серіозно. Это принцъ Карлъ I, владѣтель Бриджпорта въ Конектикутѣ.

Незнаю, повѣрилъ-ли этому офицеръ.

Во Франціи, въ самыхъ большихъ городахъ, я проѣзжалъ, не показывая моего паспорта, но въ Бельгіи въ каждомъ селеніи не успѣвалъ я войти въ трактиръ, какъ являлся жандармъ, требуя бумагъ.

Однажды я садился обѣдать въ гостиницѣ небольшаго городка, какъ вдругъ явился жандармъ съ огромными усами и спросилъ паспортъ. Такъ какъ онъ былъ спрятанъ въ моемъ чемоданѣ, и мнѣ лѣнь было итти за нимъ, то я пошаривъ въ карманахъ нашелъ бумагу, исписанную по-англійски, и подалъ ее солдату.

Тотъ повернулъ во всѣ стороны, бумагу, не понимая, что на ней написано, но отдавъ мнѣ ее, вѣжливо поклонился и ушелъ.

Во Франціи я всегда обѣдалъ за общимъ столомъ, гдѣ кушанья были превосходныя и разнообразныя. Признаюсь, что я ѣлъ многіе соусы, не понимая изъ чего они состряпаны, и поэтому если меня станутъ спрашивать, не кормилили-меня во Франціи крысами, лягушками, кошками и другими неупотребляемыми въ пищу животными, то я не могу увѣрять противнаго, потому-что не знаю чѣмъ меня кормили французы. Знаю только, что все было вкусно.

Въ Брюсселѣ подали намъ превосходныя сосиски, и г-жа Страттонъ, мать Томъ-Пуса, объявила, что лучше она никогда не ѣла сосисокъ даже въ Америкѣ. Узнавъ отъ хозяйки, что это Ліонскія сосиски, она купила ихъ десятокъ на дорогу. Шерманъ, видя какъ она укладывала ихъ въ корзинку, сказалъ ей:

— А знаете-ли изъ чего дѣлаются Ліонскія сосиски?

— Знаю, что они вкусны, и что въ нихъ нѣтъ никакой гадости.

— Мнѣ сказали, что въ нихъ кладутъ ослиные потроха.

— Правда-ли это, спросила мистрисъ Страттонъ г. Пинта; вы французъ, вы должны знать изъ чего дѣлаются Ліонскія сосиски.

— Изъ разныхъ предметовъ, отвѣчалъ профессоръ.

Мистрисъ Страттонъ боясь съѣсть ослинаго мяса, выбросила всѣ сосиски на улицу и на нихъ бросилась толпа собакъ.

Эти небольшія происшествія забавляли насъ въ дорогѣ такъ что мы не знали скуки. Пріѣхавъ-же въ какой-нибудь городъ, я находилъ тысячу развлеченій. Съ удовольствіемъ вспоминаю о днѣ 4-го іюля 1844 года.

Я былъ въ Гренелѣ, гдѣ искалъ г. Ренье, извѣстнаго ученаго и механика, къ которому меня послали для закупки ручныхъ типографскихъ станковъ. Г. Ренье принялъ меня ласково и разговорился со мною.

Слушая его дѣльныя замѣчанія, я разсматривалъ картины, украшающія стѣны его кабинета, и почти вскрикнулъ отъ удовольствія и неожиданности, увидя прекрасный портретъ Веніамина Франклина. Въ рамкѣ, надъ головою философа, тринадцать металлическихъ звѣздъ составляли полувѣнокъ.

— У васъ портретъ моего соотечественника Франклина, сказалъ я.

— Да, отвѣчалъ г. Ренье. Это былъ великій гражданинъ и человѣкъ достойный уваженія. Когда онъ былъ въ 1798 году во Франціи, то заслужилъ всеобщую любовь. Ученые приглашали его въ свои собранія, и на одномъ экзаменѣ полезныхъ изобрѣтеній онъ вручилъ отцу моему медаль за механическую работу. Съ-тѣхъ-поръ отецъ мой подружился съ вашимъ великимъ соотечественникомъ и часто навѣщалъ его. Однажды при немъ пришелъ къ Франклину молодой квакеръ съ просьбою дать ему взаймы денегъ на обратное путешествіе въ Филадельфію. Франк-

линъ спросилъ имя отца молодаго человѣка, далъ ему деньги, совѣтовалъ не отлагать отъѣздъ и пожелалъ счастливаго пути. Отецъ мой удивился такому великодушію къ совершенно незнакомому человѣку, который не далъ даже расписки, но Франклинъ сказалъ, что почитаетъ своею обязанностью помочь соотечественнику, тѣмъ болѣе, что родители его люди почтенные, и что отъѣздъ изъ Франціи можетъ спасти молодаго человѣка отъ погибели. Отецъ мой послѣ этого просилъ чтобъ Франклинъ подарилъ ему на память свой портретъ, что тотъ исполнилъ охотно. Онъ перешелъ мнѣ въ наслѣдство и я не соглашусь отдать его за милліонъ.

Этотъ разсказъ тронулъ меня. Только я замѣтилъ г. Ренье, что теперь надобно-бы удвоить число звѣздъ, означающихъ первоначальное число штатовъ, потому-что въ 1844 году ихъ уже двадцать шесть.

— Я это знаю, отвѣчалъ Ренье, но не хочу передѣлывать работу моего отца. Притомъ-же есть другая причина, по которой я не хочу трогать этихъ звѣздъ.

— Чтожъ это за причина?

— Звѣзды эти стальныя, и мой отецъ, а послѣ и я, собирали всѣхъ нашихъ родныхъ въ день празднованія американской независимости. Ночью мы удаляемся въ эту комнату безъ свѣчей, я провожу электрическую проволоку къ звѣздамъ, которыя загораются, освѣщая портретъ Франклина, такъ что знаменитый человѣкъ, имя котораго жить будетъ вѣчно, кажется окруженнымъ ореоломъ славы.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ я узналъ, что французскій ученый знаетъ превосходно исторію Америки и надѣется въ будущемъ многаго отъ нашей республики. Ренье оставилъ меня ужинать, обѣщая показать мнѣ свою электрическую иллюминацію. Нечего и говорить, что я согласился съ восторгомъ. Я забылъ сказать, что это былъ именно день праздника освобожденія Америки.

Ужинъ былъ не великолѣпный, но обильный и вкусный. Послѣ него все семейство г. Ренье собралось въ темномъ кабинетѣ, электрическая машина была заведена, и проволока дотронулась до одной изъ металлическихъ звѣздъ. Тогда весь ореолъ заблисталъ яркимъ свѣтомъ вокругъ головы Франклина. Это уваженіе къ моему великому соотечественнику должно было тронуть

меня. Не пріятный-ли сюрпризъ для американцевъ встрѣтиться съ почитателемъ Франклина, вдали отъ отечества, и именно въ день лучшаго нашего праздника. Предъ прощаніемъ добрый г. Ренье предложилъ послѣдній тостъ въ память Вашингтона, Франклина и Лафайета.

Этотъ вечеръ былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ въ моей жизни, какъ по воспоминаніямъ объ отечествѣ, такъ и по впечатлѣнію, сдѣланному на меня умнымъ, любезнымъ Ренье.

Однако невозможно привести мнѣ всѣхъ воспоминаній о Европѣ, и потому вернемся лучше въ Америку. Я пріѣхалъ туда въ февралѣ 1847 году. Прежде всего мнѣ надобно было воспользоваться славою Томъ-Пуса, и потому первымъ моимъ дѣломъ по пріѣздѣ въ Нью-Іоркъ было объявить о явленіи генерала въ американскомъ музеѣ. Признаюсь, что въ первыя четыре недѣли была страшная давка. Всѣ хотѣли видѣть маленькое чудо, произведшее столько шума въ Европѣ. Потомъ мой герой отправился въ Бриджпортъ для свиданія съ семействомъ и чтобъ удовлетворить любопытству жителей, которые прежде не обращали на него вниманія, два дня показывался публикѣ, назначивъ сборъ въ пользу бѣдныхъ. Сосѣди малютки смотрѣли на маленькаго Чарли съ удивленіемъ и уваженіемъ. Давно-ли онъ игралъ на улицѣ предъ ихъ глазами, а теперь они готовы платить, что угодно, чтобъ взглянуть на него, потому что удостоился чести быть принятымъ во дворцахъ и говорилъ съ коронованными особами.

Родные его нашли, что въ четыре года отсутствія онъ нисколько не выросъ и не перемѣнился наружностью, но за то сдѣлался такъ уменъ, милъ, ловокъ, что нельзя узнать прежняго робкаго, дикаго ребенка.

— Чарли былъ простымъ ребенкомъ у насъ, сказалъ одинъ изъ жителей Бриджпорта, но г. Барнумъ умѣлъ сдѣлать изъ него чудо.

— Который вамъ годъ, генералъ? спросилъ одинъ изъ сосѣдей Томъ-Пуса.

— Г. Барнумъ говоритъ, что мнѣ пятнадцать лѣтъ, отвѣчалъ ребенокъ смѣясь, и зная очень хорошо, что ему только девять лѣтъ.

Меня удивило также то, что отсутствіе сдѣлало и изъ меня рѣдкость въ родѣ Томъ-Пуса. Приходилъ-ли я въ свой музей,

являлся-ли на гуляньи или въ обществѣ, всѣ смотрѣли на меня съ любопытствомъ и шептали: вотъ онъ! вотъ Барнумъ! Нѣкоторые прибавляли даже: вотъ *старый* Барнумъ! привыкнувъ звать меня такъ, когда я былъ еще мальчикомъ. Я уже сказалъ, что у насъ къ каждому имени прибавляютъ какое-нибудь прозваніе. Не знаю почему я заслужилъ прозваніе *стараго*, когда мнѣ теперь сорокъ четыре года.

Однажды я читалъ журналъ въ кабинетѣ музея, какъ вдругъ вошелъ мужчина и взялъ билетъ для входа.

— Барнумъ въ музеѣ? спросилъ онъ кассира.

— Вотъ онъ, отвѣчалъ тотъ, показывая на меня.

Незнакомецъ осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, и бросивъ билетъ сказалъ:

— Больше я не хочу ничего смотрѣть въ музеѣ.

Еще 1-го января 1845 года я сдѣлалъ новыя условія съ генераломъ Томъ-Пусомъ или скорѣе съ его отцомъ. Мы дѣлили сборъ отъ представленій пополамъ, за исключеніемъ расходовъ. Стало быть, г. Страттонъ собралъ порядочный капиталъ и положивъ большую часть его на имя сына, купилъ на остальную большое мѣсто, гдѣ построилъ домъ, въ которомъ живетъ и теперь и далъ порядочное приданое двумъ своимъ дочерямъ. Кромѣ того у него родился еще сынъ, которому теперь три года. Всѣ члены семейства Страттона обыкновеннаго роста, кромѣ маленькаго Чарли, который не хотѣлъ рости.

Проведя мѣсяцъ между родными, Томъ-Пусъ отправился путешествовать по Соединеннымъ Штатамъ. Я провожалъ его на тѣхъ-же условіяхъ, то-есть дѣля приходъ пополамъ. Мы остановились надолго въ Вашингтонѣ, гдѣ генералъ имѣлъ большой успѣхъ. Президентъ Полькъ съ супругою нѣсколько разъ приходили навѣщать его. Потомъ мы поѣхали въ Ричмондъ, въ Балтиморъ, въ Филадельфію. Въ послѣднемъ городѣ мы собрали въ двѣнадцать дней пять тысячъ пятьсотъ доллеровъ (28,000 фр.). Весь этотъ годъ былъ чрезвычайно прибыльной, расходы-же не превышали въ день тридцати доллеровъ. Изъ Филадельфіи отправились мы въ Бостонъ, оттуда въ Ловель и Провиденцію. Въ послѣднемъ городѣ мы произвели тоже фуроръ. Потомъ посѣтили мы Нью-Бедфордъ, Фаль-Риверъ, Салемъ, Ворчестеръ, Спрингфильдъ, Альбани, Троа, Ніагару, Буфало и другіе города.

Возвращаясь въ Нью-Іоркъ, мы останавливались во всѣхъ главныхъ городахъ береговъ Гудсона.

Въ ноябрѣ 1847 года мы поѣхали въ Гавану, отдыхая во всѣхъ городахъ, гдѣ генералъ давалъ представленія. Въ Новомъ Орлеанѣ мы попали на праздники Рождества и новаго года, и провели время очень весело. Пароходъ *Адамъ Грей* перевезъ насъ въ Гавану.

Губернаторъ острова и первыя фамиліи приняли насъ ласково. Мы пробыли здѣсь мѣсяцъ, потомъ поѣхали въ Матанзасъ, гдѣ богатый американскій негоціантъ г. Бринкергофъ сдѣлалъ намъ великолѣпный пріемъ. Генералъ Томъ-Пусъ былъ засыпанъ подарками; автографы его продавались какъ письма знаменитыхъ людей, словомъ я не зналъ какъ выразить мою благодарность за всѣ ласки и милости.

Гаванскія гостиницы очень дурны и Американецъ, привыкнувшій къ хорошему столу, рискуетъ почти умереть съ голоду. Мы остановились въ отелѣ Вашингтона, управляемомъ хозяйкою. Но къ несчастію эта женщина любила выпить, и потому у ней въ домѣ былъ страшный безпорядокъ. Случалось даже, что путешественники оставались совсѣмъ безъ обѣда. Одинъ американецъ принесъ однажды съ собою индюшку и приказалъ хозяйкѣ зажарить ее къ обѣду. Та, по обыкновенію, напилась, забыла который путешественникъ далъ ей птицу, и велѣла подать другому, который съѣлъ индѣйку съ большимъ аппетитомъ, и все хвалилъ обѣдъ тогда, какъ Американецъ сердился и проклиналъ пьяную хозяйку.

На кораблѣ, отвозившемъ насъ въ Новый Орлеанъ, я видѣлъ молодаго соотечественника, везшаго американскій табакъ подъ именемъ Испанскаго. Онъ признался мнѣ, что привезъ табакъ изъ Конектикута, переложилъ его на другой пароходъ и везетъ назадъ, какъ будто-бы гаванскій, чтобъ взять за него вдвое дороже. Вотъ въ чемъ состоитъ тайна торговли.

Изъ Новаго Орлеана мы поѣхали въ Санъ-Луи, останавливаясь въ главныхъ городахъ по Миссисипи. Въ первыхъ числахъ мая 1848 года мы были въ Питсбургѣ, гдѣ я уговорился съ г. Страттономъ, что не буду больше путешествовать съ генераломъ, но поручу его повѣренному, потому-что мнѣ надоѣло странствовать.

Я возвратился въ Бриджпортъ въ концѣ марта, и былъ такъ счастливъ, что нашелъ здоровыми всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, Тринадцать лѣтъ жилъ я почти все на большихъ дорогахъ или въ чужихъ странахъ, и потому съ наслажденіемъ остался жить въ семьѣ, отдыхая отъ странствованій и трудовъ, благодаря которымъ я могъ обезпечить судьбу моихъ близкихъ.

До 1850 года я не предпринималъ ничего, живя частнымъ человѣкомъ, и только занимался благосостояніемъ моего музея. Потомъ я открылъ въ Филадельфіи новый музей, о которомъ поговорю въ послѣдствіи.

ЗАПИСКИ ШАРЛОТЫ АККЕРМАНЪ

О

ГАМБУРГСКОМЪ ТЕАТРѢ, ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Собраны Отто Мюллеромъ.

—

XXI.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ ШАРЛОТЫ.

Какъ давно мы не видались съ тобою, другъ Софія! Самые невинные поступки наши осуждаются, самыя невинныя желанія встрѣчаютъ преграды! Почему это... растолкуй мнѣ. Въ суматохѣ житейской намъ рѣдко случается бесѣдовать; а когда послѣ многихъ дней настанетъ наконецъ желанный часъ, то онъ почти всегда отравленъ присутствіемъ любопытныхъ свидѣтелей, которые слѣдятъ испытующимъ взглядомъ за каждымъ движеніемъ души. Но за то бываютъ минуты когда мы вполнѣ наслаждаемся, передавая другъ другу свои тайныя, задушевныя радости, которыя показались-бы смѣшными утонченному свѣту, который стыдится чувствъ своихъ и колеблется сдѣлать доброе дѣло, если оно не согласуется съ приличіями свѣта. Мы живемъ въ одномъ городѣ, а между-тѣмъ разлучены. Съ нѣкоторыхъ поръ я гляжу на все сквозь черную дымку; дѣтство пролетѣло, я сдѣлалась глубокомысленной.

—

Все, что намъ съ тобой разсказывали о баронѣ З., ничто иное какъ басни, необходимыя для развлеченія праздныхъ. Ты знаешь, какъ я ненавижу приторные комплименты, которымъ мы, артистки, подвержены; это доходитъ до того что я вскорѣ возненавижу, кажется, самое искусство, благодаря которому, должна выслушивать столько глупостей. Неужели актриса обязана быть игрушкой всѣхъ, кому вздумается играть ею, потому только, что должна стараться нравиться своимъ талантомъ. Посреди жужжанья столькихъ дураковъ, напѣвающихъ о своей страсти, мы должны молча переносить многое.. да и кто-жъ повѣритъ нашему негодованію? его примутъ за комедію. Грустно сознаться, но многія изъ насъ оправдали и до-сихъ-поръ еще оправдываютъ подобное мнѣніе о насъ, бѣдныхъ актрисахъ. Эти обидные предразсудки до того бѣсятъ меня, что многимъ иногда порядочно за это достается. Тебѣ извѣстно, я съ честью могла-бы сойти со сцены, и воспользовалась-бы первымъ удобнымъ случаемъ, еслибъ надѣялась быть счастливѣе въ другой сферѣ. Но, увы! всѣ пути усѣяны розами и терновникомъ.

—

«Какая ты жестокая, зачѣмъ мучишь ты меня своимъ барономъ? Если любишь меня, то не говори больше о немъ. Скажи ему, сдѣлай милость, чтобъ онъ оставилъ меня въ покоѣ; счастьемъ жизни моей заклинаю его не преслѣдовать меня... Скажи ему, что онъ мѣшаетъ мнѣ жить на свѣтѣ.»

—

Въ какомъ вражескомъ мірѣ живемъ мы, другъ мой Софія! Если два человѣка выбрали себѣ одинъ и тотъ-же путь, то непремѣнно одинъ изъ нихъ заграждаетъ другому дорогу, не смотря на то, что дорога широка, и что по ней могутъ идти человѣкъ десять рядомъ. Все это до того отвратительно и приводитъ меня въ такое уныніе, что я играю какъ нибудь... такъ-что меня, право, слѣдовало-бы согнать со сцены... А между-тѣмъ, когда раздумаешь... что поощряетъ таланты? соревнованіе и зависть. Да и я сама, признаюсь откровенно, страдала-бы, еслибъ меня не ободряли, не воздавали уваженія, которое заставляетъ забывать усталость и все, что есть непріятнаго въ положеніи артиста. Но все-таки я не стала-бы ненавидѣть человѣка за то только, что онъ играетъ лучше меня. Вотъ почему я до сихъ-поръ любила театръ и твердо убѣждена

что свѣту необходимы театръ и романы, для того, чтобъ онъ имѣлъ передъ глазами образцы, которымъ желалъ-бы подражать. Выдуманные образцы лучше; настоящіе же возбудили-бы больше зависти, чѣмъ соревнованія.

—

«Какъ я взволнована, другъ мой: получила письмо отъ барона З... Точно вѣтеръ принесъ его... не знаю, какимъ образомъ оно очутилось у меня. Выраженія такія страстныя... Что мнѣ дѣлать?.. что отвѣчать?.. научи.—Какъ-бы мнѣ хотѣлось быть въ эту минуту съ тобою! Что станется со мною? Мнѣ кажется, что я умерла для всего, и могу жить только для одной дружбы. Не приходи къ намъ, я не въ состояніи буду перенести свиданія съ тобою: я зарыдаю. Я не могу и не хочу видѣть тебя!»

—

«Да, онъ вѣтренный, безчувственный человѣкъ... Не хочу имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, даже и говорить не буду. Посмотримъ, какое произведетъ это на него дѣйствіе. Онъ увидитъ, что я къ нему равнодушна... Не знаю, что онъ обо мнѣ думаетъ и какія имѣетъ виды; но они не совсѣмъ ясны, не совсѣмъ благонамѣренны. Это ясно, какъ день. Если онъ не любитъ, такъ научится по-крайней-мѣрѣ уважать меня.»

—

«Съ тѣхъ поръ какъ я стряхнула съ себя... или лучше сказать, съ тѣхъ поръ, какъ голова моя очистилась отъ забавъ дѣтства, то есть отъ мечтаній, въ сердце мое втѣснилась грусть... не знаю, кого и чего я искала; но я искала, жаждала чего-то. Чувство это было часто моимъ настоящимъ мученіемъ. Я безпрестанно чувствовала что мнѣ недостаетъ чего-то; и не могла опредѣлить, не могла выясказаться. Тебя удивитъ, если я скажу, что въ меланхоліи этой, въ этомъ неопредѣленномъ чувствѣ дѣвушки не было ничего общаго съ любовью. Вспомни время, когда мы читали съ тобою Грандиссона, и съ какою жадностью читали его! Мы говорили, что это совершеннѣйшій человѣкъ, и наперерывъ расхваливали его. Право, мы были влюблены въ него... Въ послѣдствіи мы увидѣли, что это ничто иное какъ оригиналъ, который не имѣлъ подобнаго въ этомъ родѣ. Признаюсь, для меня было тяжко разочарованіе: я принуждена была спуститься съ высоты и вмѣшаться въ толпу оригиналовъ; но увы!.. ни одинъ не подходилъ къ моему идеалу, въ

каждомъ было что-то отталкивающее. Въ этомъ, напримѣръ, много хорошихъ качествъ, за то онъ выставляетъ ихъ на показъ и скрываетъ свои недостатки, значитъ въ немъ нѣтъ хорошаго, а есть только недостатки, потому что онъ не привыкъ быть хорошимъ, а не привыкъ потому, что хорошее это не въ натурѣ его; другой, напротивъ, хвастался пороками своими, смѣшивалъ зло съ добромъ, запутывался въ софизмахъ и неумѣлъ различить добра отъ зла и т. д. Какъ описать теперъ безчисленное множество человѣческихъ лицъ, которыхъ я встрѣчала на вѣку своемъ и въ которыхъ находила все какой нибудь недостатокъ или въ чертахъ, или въ выраженіи лица, или въ ростѣ и сложеніи. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ я составила въ воображеніи своемъ одну фигуру, которая, какъ мнѣ казалось, должна была и въ самомъ дѣлѣ существовать. Существо это я надѣлила такими достоинствами и недостатками, которые нравились въ немъ. Онъ не выставлялъ хорошей стороны личности своей, но не старался прятать и дурной. Я надѣлила его красотой мужественной, изящными манерами, образованіемъ, храбростью, великодушіемъ, однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ, чего я искала въ своемъ идеалѣ. Онъ всюду слѣдовалъ за мною, одушевлялъ меня во время игры, ободрялъ, когда я робѣла, аплодировалъ .. Я разговаривала съ нимъ, повѣряла все, что было на сердцѣ, и сладостные часы летѣли какъ мечты, потому что... увы!.. и въ самомъ дѣлѣ, они были ничто иное, какъ мечты. Но, Боже мой! Какъ я была тогда счастлива! Часто видѣла я его во снѣ, и когда просыпалась, когда призракъ исчезалъ и я теряла надежду увидѣть его хоть разъ въ жизни, тогда я горько плакала и, утирая слёзы тайкомъ, не хотѣла и не могла отказаться отъ этой надежды.—Ахъ, другъ мой! не знаю, какъ сказать тебѣ.. но призракъ этотъ былъ баронъ З..:.!»

—

«Я бы не хотѣла часто играть Эмилію Галотти; пьеса эта производитъ на меня слишкомъ сильное впечатлѣніе и слишкомъ потрясаетъ мои нервы. Тутъ я вовсе не актриса, а настоящая Эмилія Галотти; потому-что душа моя переходитъ совершенно въ Эмилію .. Ты знаешь, что я недавно играла эту пьесу и до сихъ поръ еще несовсѣмъ здорова. Я чувствовала отчаяніе Эмиліи, когда она умоляла отца своего убить ее; я чувствовала ударъ кинжала, ударъ, который освобождаетъ Эмилію отъ жизни; я чувствовала, какъ потекла горячая кровь изъ моего сердца и

освѣжила его. Немногіе изъ зрителей могутъ чувствовать то, что я прочувствую во время этого представленія... Но рукоплесканія ихъ вырываютъ меня изъ міра фантазіи, и тогда я снова превращаюсь въ актрису. Когда я читаю или слушаю нелѣпую оцѣнку пьесы, то понимаю эти сужденія; люди эти не могутъ такъ чувствовать и понимать, какъ я чувствую и понимаю, не потому чтобъ понятія или чувства мои были выше ихъ чувствъ и понятій, но потому что душа и тѣло ихъ не воплотились такъ, какъ моя душа и мое тѣло въ Эмилію Галотти, съ которою все существо мое сливается во-едино. Они возстаютъ противъ Одоардо за то, что онъ убилъ дочь свою: развѣ Одоардо не долженъ поступить такъ-же, какъ поступилъ за нѣсколько вѣковъ предъ тѣмъ отецъ Виргиніи? Вѣдь чувства отца однѣ и тѣ-же, что въ наше время, что за нѣсколько столѣтій. Публика забываетъ, что бываютъ минуты въ жизни, когда человѣкъ не въ силахъ владѣть собою. Разумѣется, есть жестокія, кровожадныя чувства; но есть и такія, которыя въ самой жестокости своей заслуживаютъ состраданіе. Отецъ, который какъ Одоардо, убиваетъ дочь, чтобъ спасти ее отъ стыда, или человѣкъ, убивающій товарища своего, чтобъ ограбить его и дать приданое дочери, кажется не похожи другъ на друга. Тоже самое можно сказать и о самоубійствѣ, на которое рѣшаешься только въ порывѣ самой сильной страсти... Не помню, какъ звали того человѣка, о которомъ ты мнѣ разсказывала, что онъ три раза наставлялъ дуло пистолета въ ротъ, но каждый разъ была осѣчка... тогда онъ положилъ пистолетъ и обращаясь къ нему, сказалъ спокойно: «Ты умнѣе меня.» Сама видишь, что когда прошелъ первый порывъ, или лучше сказать пароксизмъ страсти, онъ и самъ былъ радъ, что остался въ живыхъ... Что до меня, то я сочувствую всякому горю и готова также плакать передъ урной пастушки, которая только одинъ день провела въ Аркадіи, какъ и при видѣ двухъ любовниковъ, которыхъ нашли мертвыми у гробницы Миноса.»

—

«Актриса такъ привыкаетъ къ сценическому языку, что часто говоритъ этимъ языкомъ и внѣ сцены, даже тогда, когда пишетъ своему другу. Но какъ я страдаю, что опечалила тебя! Не вѣрь мнѣ; я не хочу умирать, я говорила только такъ. Но признаюсь, когда играю Эмилію Галотти, то смерть кажется мнѣ сладостна, и даже самая смерть юнаго Вертера извинитель-

на тогда въ глазахъ моихъ, не смотря на то, что презираю его, когда обдумываю хорошенько его характеръ. Могъ ли Одоардо называться отцомъ, когда у него хватило духу вонзить кинжалъ въ благородное сердце своей дочери? Нѣтъ, это былъ варваръ, чудовище! Развѣ у него не было средствъ спасти дитя свое? Не знаю, зачѣмъ переносятъ на нѣмецкую сцену нелѣпыя выходки испанцевъ и другихъ націй. Развѣ у нѣмцевъ мало своихъ нелѣпостей, что стараются прививать ихъ отъ другихъ народовъ? Сострадательная душа изнываетъ при такихъ чудовищныхъ зрѣлищахъ: онѣ слишкомъ раздражаютъ нервы. Но слава Богу, Шарлота твоя, другъ мой, крѣпнетъ; философія твоя лечитъ ее, и надѣюсь, радикально вылечитъ. Человѣческая натура такъ благородна и власть человѣка, порабощающая всѣ страсти, ставитъ его выше всѣхъ другихъ твореній; вотъ почему жизнь наша должна быть такъ пріятна Богу. Ты справедливо утверждаешь, что только порочные не умѣютъ цѣнить жизни. Я говорила тебѣ иногда, что можно чувствовать стремленіе къ самоубійству; но отъ чего происходитъ это стремленіе? Отъ страсти, которая пораждаетъ его. Милая, добрая Софія, не смотри на актрису, какъ на обыкновенную женщину. Сегодня мы говоримъ одно, а завтра другое; не по вѣтренности, право, нѣтъ, но потому что впечатлѣнія наши мѣняются вмѣстѣ съ ролями; со мною особенно это часто случается, потому что играя роль, я перестаю быть Шарлотою.

— Я все-таки утверждаю, что Вертеръ, котораго нельзя назвать совершенно порочнымъ, игралъ скорѣе роль заблудшагося философа, чѣмъ отчаяннаго любовника, и черезъ это сдѣлался, въ минуту смерти своей, порочнымъ человѣкомъ. Но авторъ, восхитительнымъ слогомъ своимъ, придалъ такую прелесть всей этой картинѣ, что многимъ захотѣлось подражать ему. Для Гёте все возможно! Волшебникъ этотъ, чарами краснорѣчія своего, можетъ увлечь, куда хочетъ. Не думаю однако, чтобъ смерть увлекала молодаго Гете; жизнь слишкомъ привѣтливо улыбается ему, когда онъ сидитъ у ногъ любимой и любящей его женщины. Но какъ же назвать самоубійство? Что оно такое? ужъ не кражею ли?.. Нѣтъ, выраженіе слишкомъ слабо! Это самое ужасное преступленіе... Да, кража! Человѣкъ, лишающій себя жизни, похищаетъ у Создателя Его собственность, драгоцѣнный перлъ, который онъ далъ взаймы человѣку, чтобъ онъ красовался имъ и берегъ его.

Рука моя дрожитъ. Зачѣмъ не могу я взять назадъ письма своего? . хорошо было бы, еслибъ оно никогда не выходило изъ-подъ пера моего. Но мнѣ надо было высказаться и надо было, чтобъ ты спорила со мною. Я люблю когда прекрасное какое нибудь убѣжденіе приходитъ ко мнѣ отъ тебя. Боже, какъ тяжко! Бѣдное сердце мое все изранено, изорвано въ куски... Еслибъ ты могла залечить его! Что говорю я? Раны отъ руки *его* мнѣ сладки, благотворны. Душа моя преисполнена имъ!»

—

XXII.

Эти отрывки писемъ достаточно показываютъ въ какомъ состояніи духа находилась Шарлота; чувства ея не требуютъ коментаріевъ. Въ нихъ видна трогательная и горестная исторія юнаго сердца, которое борется между желаніемъ и боязнію любви, которое сомнѣвается въ предметѣ своего обожанія, а между-тѣмъ старается увѣрить себя, что онъ также чистъ и благороденъ, какъ и чувство, которое внушилъ ей. Эта внутренняя борьба между страхомъ, что онъ обманываетъ ее и надеждою на счастье, точно голосъ ангела-хранителя, который охраняетъ и хочетъ спасти бѣдную жертву отъ порока; и пророческій голосъ этотъ безпрестанно слышится, и какъ будто перебиваетъ страстные звуки любви. Шарлотѣ кажется, что все это она видитъ во снѣ; она силится проснуться, чтобъ никогда не видать такихъ сновъ. То она намѣревается собрать всѣ силы, чтобъ избавиться отъ роковой этой страсти, то снова предается ей съ большею силою и стремленіемъ непобѣдимымъ. Она чувствуетъ, по боли сердца Эмиліи Галотти, что ударъ кинжала освѣжилъ-бы ея сжатое сердце. То свѣтлые, то мрачные призраки мелькаютъ ежеминутно передъ ея глазами и не даютъ ей опомниться. Она часто думаетъ о Вертерѣ Гёте съ тою покорностью, которая происходитъ отъ предчувствія неизбѣжнаго бѣдствія. Это ясное и не обманчивое предчувствіе, которое она ощутила въ самомъ началѣ. Что любовь эта погубитъ ее, объясняетъ это странное смѣшеніе ея идеальной восторженности и непреодолимаго страха. Шарлота заранѣе уже обнимаетъ такъ сказать трагическую судьбу свою, и упивается, или скорѣе дурманитъ себя предвѣщаніями смерти, посреди благоуханія розъ своей юной весны, потому-что пред-

чувствуетъ, что розы эти цвѣтутъ для того, чтобъ украсить въ послѣдствіи самую прекраснѣйшую жертву обманутой любви.

Теперь мы снова возвратимся къ разсказу, который необходимо было перебить, чтобъ показать, слушая самую Шарлоту, въ какое положеніе поставило ее письмо Зильбурга, которое, какъ мы скоро увидимъ, должно было приковать ее къ человѣку.

Считаемъ ненужнымъ выписывать письмо барона. Оно дышало самою пламенною страстью. Выраженія были такъ-же горды, такъ-же пламенны, такъ-же нѣжны и увлекательны, какъ человѣка, изъ-подъ пера котораго онѣ вылились. Зильбургъ кончалъ письмо мольбами и заклинаніями, назначить ему свиданіе, чтобъ узнать отъ нея самой судьбу свою; но Зильбургъ, умоляя Шарлоту, приказывалъ скорѣе, чѣмъ просилъ. Между прочимъ онъ говорилъ, что ему остаются двѣ крайности: жить, обладая Шарлотою, или умереть безъ нея.

Пробѣжавъ въ первый разъ письмо это, Шарлота пришла въ негодованіе и сильно оскорбилась за честь свою; другаго чувства у нея не было въ эту минуту; гордость ея возстала противъ этихъ смѣлыхъ, рѣзкихъ выраженій, доказывающихъ, что Зильбургъ хотѣлъ войти въ ея сердце побѣдителемъ и требовалъ той любви, въ которой Шарлота не признавалась еще самой себѣ. Такой странный и повелительный тонъ пугалъ и смѣшилъ ее. Письмо это, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, показалось ей скорѣе приказомъ, чѣмъ объясненіемъ въ любви нѣжной и восторженной.

Но по мѣрѣ того, какъ она смотрѣла на этотъ твердый и красивый почеркъ, то, что въ началѣ при первомъ чтеніи такъ оскорбило ее, казалось ей уже болѣе понятнымъ, болѣе извинительнымъ; наконецъ она рѣшила, что во всемъ письмѣ не было ни одного слога, который противорѣчилъ-бы характеру барона, а напротивъ, все письмо отъ начала до конца совершенно согласовалось съ образомъ мыслей и чувствъ его; значитъ онъ тутъ не притворялся, а говорилъ именно то, что было на душѣ. Только что Шарлота объяснила себѣ этотъ пунктъ, какъ письмо произвело на нее совершенно другое дѣйствіе: языкъ жгучей страсти огнемъ пробѣжалъ по всему существу ея и воспламенилъ ту же страсть въ груди ея. Тогда только она нашла для письма этого настоящую точку зрѣнія, и тотъ, кто написалъ его, снова

явился передъ нею съ своимъ гордымъ и кроткимъ образомъ и со всею своею непреодолимою прелестью, такъ, что каждое слово казалось упоительнымъ эхомъ того, что она сама чувствовала къ нему уже съ давнихъ поръ. Могъ-ли онъ писать иначе, не измѣняя своимъ благороднѣйшимъ чувствамъ? И къ чему эти напыщенныя фразы, выспреннія объясненія, чтобъ сказать ей, что онъ любитъ ее и можетъ быть счастливъ только съ нею? Ему ненужны такіе фарсы. Онъ проситъ какъ властелинъ, и приказываетъ какъ рабъ. Вскорѣ она не находила больше во всемъ письмѣ ни одного слова, которое не соотвѣтствовало-бы чудному видѣнію, о которомъ она такъ часто думала, и который олицетворилъ собою идеалъ любви ея. Даже самыя выраженія Зильбурга, столь увѣреннаго въ побѣдѣ своей, которыя такъ оскорбили ее въ началѣ и показались даже грубыми, говорили сердцу ея теперь съ такою нѣжностью и такимъ могуществомъ... особенно, когда она присоединяла къ нимъ звуки этого проникающаго въ сердце голоса, и этотъ глубокій, задумчивый и мыслящій взоръ страстныхъ глазъ его.

«Вы любите меня, Шарлота, писалъ баронъ, и это одно даетъ мнѣ право и силу бороться съ кѣмъ-бы то ни было, даже съ вами. Теперь я не боюсь ни васъ, никого въ мірѣ, и еслибъ вы захотѣли ускользнуть отъ меня, то я въ состояніи лишить жизни себя при вашихъ глазахъ, чтобъ наказать васъ за измѣну, ни въ отношеніи ко мнѣ, потому-что я не заслужилъ еще любви вашей, но за измѣну въ отношеніи къ вамъ самимъ и вашему благородному сердцу...»

Шарлота, нагнувшись надъ письмомъ, плакала отъ любви и умиленія. Она была въ восторгѣ, что нашла того, кого искала душа ея и гордилась, что любима такимъ человѣкомъ, а между тѣмъ боялась и дрожала при одной мысли, что можетъ когда-нибудь принадлежать ему: ему, который такъ безгранично властвовалъ надъ нею, когда она имѣла право еще надъ собою и держала еще судьбу въ своихъ рукахъ. И какой борьбѣ, какимъ волненіямъ подвергала любовь эта все существованіе ея, до-сихъ поръ столь свѣтлое, тихое и спокойное? И какимъ образомъ заставитъ она понять окружающихъ, которые не знаютъ Зильбурга,—а если и знаютъ, то быть-можетъ, ненавидятъ его, то что невозвратно бросало ее въ объятія человѣка, которому не было никакихъ силъ противиться?

Но чѣмъ чаще она перечитывала письмо, тѣмъ болѣе успокои-

валась. Твердость, самоувѣренность и спокойствіе Зильбурга внушали ей ту же твердость, спокойствіе и подкрѣпляли силы ея, какъ тѣлесныя, такъ и душевныя, особенно при мысли подвергаться бурямъ жизни съ такимъ человѣкомъ и презирать ихъ изъ любви къ нему, такъ, что Шарлота думала теперь только объ одномъ—объ отвѣтѣ на письмо Зильбурга.

Въ сердцѣ, расположенномъ любить, достаточно одной искры, чтобъ разжечь въ сильной степени пламя героизма, готоваго на величайшія самопожертвованія. Борьба со свѣтомъ за имущество, которое мы считаемъ для себя священнымъ, становится для насъ освѣжительною волною, въ которую мы погружаемся съ наслажденіемъ, чтобъ въ испытаніи самой любви искать успокоенія своимъ горестямъ.

Въ сущности-же, Шарлота, страшась всего этого, жаждала борьбы съ враждебнымъ міромъ; она съ восторгомъ мечтала, что ей придется испытать изъ за любви много такихъ страданій, отъ которыхъ большая часть смертныхъ отступила-бы съ ужасомъ. Неужели артистка, столь часто облекающаяся въ трагическую мантію, не сумѣетъ одинъ разъ въ жизни перенести роли подобной тѣмъ ролямъ, въ которыя она такъ часто переходила всѣмъ существомъ своимъ?

— Къ чему жъ тогда и поэзія съ своими благородными, высокими образами и мыслями, если она не внушаетъ намъ тѣ же чувства въ подобныхъ положеніяхъ, тѣ же стремленія, которыя зажигаются въ душахъ нашихъ геніемъ поэта? Что въ жизни, если мы не хотимъ подвергаться тѣмъ глубокимъ ощущеніямъ, которыя прочувствованы великими писателями? Если все великое и высокое могло родиться въ душѣ человѣка, значитъ оно было прочувствовано, а если прочувствовано, то не выдумано поэзіею. Можно выдумать факты, но не чувства. Неужели поэзія останется навсегда для насъ чуждымъ міромъ, который нельзя перенести въ жизнь дѣйствительную? Если сердце мое горитъ любовью Юліи, почему жъ и не поступать мнѣ такъ же, какъ она поступала? Неужели Рутландъ потому только такъ увлекательна, что она создана фантазіи? Нѣтъ, это происходитъ оттого, что каждое благородное, любящее существо внутренно признаетъ, что Рутландъ любитъ такъ, какъ любить должно, и что только подобную любовь можно назвать истинною любовью, и что несчастная участь ея только необходимое слѣдствіе ея любви.

— Нѣтъ!.. прочь отъ меня малодушіе. Кто боится страдать и испытывать въ дѣйствительной жизни то, что приводитъ насъ въ восторгъ и содроганіе въ мірѣ поэзіи, тотъ будетъ счастливъ на землѣ, этому я охотно вѣрю; но ему не достигнуть до наслажденій идеальнаго міра, это не его сфера, не его отчизна—онъ чуждъ всѣмъ этимъ чуднымъ образамъ поэзіи! Если у него не хватаетъ духу итти по пескамъ земной долины, чтобъ отыскать тропинку, ведущую къ свѣтлымъ вершинамъ, то не можетъ онъ чувствовать ничего высокаго, а только лжетъ и притворяется предъ богиней поэзіи...

Когда Шарлота рѣшилась отвѣчать Зильбургу и назначить ему свиданіе, то задумалась, какимъ образомъ передать письмо, не подвергаясь опасности. Этотъ первый шагъ доказывалъ ей какъ трудно, или скорѣе, какъ невозможно найдти человѣка, которому бы можно было ввѣрить эту тайну. Препятствіе это испугало ее какъ недоброе предзнаменованіе. Не было ни одной души ни въ домѣ, ни между знакомыми, ни даже между актерами, къ кому бы она могла обратиться съ подобною просьбою.

— Не хорошо начинается! подумала она; потомъ прошла въ памяти всѣ хитрости и уловки, посредствомъ которыхъ влюбленные водевилей, драмъ и комедій такъ благополучно достигаютъ своей цѣли; но ни одно изъ этихъ средствъ, столь удобныхъ на сценѣ, не годилось Шарлотѣ, которая пришла въ такое уныніе, что чуть было не отказалась отъ своего намѣренія.

Вдругъ ей пришло въ голову обратиться для этого къ такому лицу, которое не имѣло никакихъ сношеній ни съ нею, ни съ обществомъ, въ которомъ она жила, которому извѣстны подобнаго рода тайны, и для котораго любовныя интриги своего рода ремесло. Шарлота знала, что въ Гамбургѣ много такихъ женщинъ, которыя, не смотря на почтенную наружность, занимались не совсѣмъ почтеннымъ ремесломъ, и принимали посѣтителей изъ самаго высшаго общества, которымъ угождали всѣмъ чѣмъ могли, за что послѣдніе оставались имъ признательны. Этихъ услужливыхъ почтальонокъ называли *феями*; онѣ не отказывались ни отъ какого порученія, разумѣется, любовнаго, и чѣмъ было оно труднѣе, тѣмъ пріятнѣе для нихъ, потому что выгоднѣе. Хитрыя и молчаливыя, онѣ играли важную роль въ семействахъ, которыя иногда и не знали о ихъ существованіи, и даже рѣшали часто судьбу ихъ.

Шарлота слышала отъ театральныхъ подругъ своихъ объ

этихъ феяхъ, особливо отъ одной изъ нихъ, Фанни, извѣстной гадальщицы, которая славилась какъ посредница въ сердечныхъ дѣлахъ и примирительница, когда дѣло доходило до ссоры. Однимъ словомъ, мадамъ Фанни была счастлива на руку, и если ужъ бралась за какое дѣло, то кончала его всегда успѣшно. Шарлота знала тоже, что молодыя дамы высшаго круга ѣздили къ Фанни гадать, и хотя не вѣрила ворожбѣ, однако обрадовалась этому предлогу, чтобъ итти къ Фанни и поручить ей передать письмо Зильбургу. Другихъ средствъ у нея не было, а желаніе дать отвѣтъ, какъ можно скорѣе, заглушило послѣднія угрызенія совѣсти. Вѣдь это исторія почти всѣхъ дѣвушекъ, которыхъ дома преслѣдуютъ, думала Шарлота; чрезъ посредничество подобной женщины онѣ видятся или переписываются съ тѣми, кого любятъ, и если родители не соглашаются на бракъ ихъ, то дѣвушки эти убѣгаютъ, и все таки выходятъ замужъ. Почему жъ и мнѣ одинокой и беззащитной, думаетъ Шарлота, не поступить также и достичь хитростью до того, на что не согласится семья моя? Но Зильбургъ не сватался за Шарлоту, а говорилъ только, что любитъ; еслибъ онъ сватался, вещи приняли бы другой оборотъ, и Шарлотѣ не для чего было бы бояться родныхъ и обращаться къ Фанни; но Шарлотѣ это не приходило въ голову; она думала, если ей говорятъ о любви, это все равно, что сватаются. Правда, что семейство не любило Зильбурга, оно какъ будто предчувствовало, хотя и не знало (исключая Доротеи), что онъ преслѣдуетъ Шарлоту не какъ дѣвушку, на которой хочетъ жениться, а какъ актрису. Бѣдная же Шарлота въ невѣдѣніи своемъ воображала, что его обижаютъ напрасно, потому что не любятъ, и если не любятъ, то и не выдадутъ ее за него. Вотъ почему она никому не показала письма Зильбурга, а отправилась на другой день тайкомъ къ Фанни. Это было вечеромъ, послѣ перваго акта, когда Шарлотѣ нечего было дѣлать на сценѣ, потому что первая пьеса, въ которой она играла, была въ одномъ дѣйствіи; затѣмъ слѣдовали водевиль и балетъ. Она ускользнула изъ театра такъ, что этого никто не замѣтилъ, и пробѣжавъ Гусиный рынокъ, очутилась въ Кугельсъ-ортѣ, у Фанни, не подозрѣвая даже, въ какомъ страшномъ притонѣ она находится.

Домъ этотъ намъ уже извѣстенъ; но надо замѣтить, что строеніе, выходящее на улицу, хотя старое и мрачное, не имѣло на себѣ никакихъ признаковъ, по которымъ-бы можно было

догадаться, что такое Фанни и чѣмъ занимается. Разгулью и кутежу назначено было другое строеніе на дворѣ; лицевая-же сторона дома была занимаема бѣдными, но честными семействами изъ класса ремесленниковъ и вообще людей трудящихся.

Такъ какъ на дворѣ уже было темно, никто не видалъ, какъ Шарлота вошла туда, тѣмъ болѣе, что лицо ея было закрыто густою вуалью, а на станъ накинутъ былъ театральный плащъ, плащъ пажа, кажется, который она схватила въ гардеробной театра.

Старикъ, встрѣтившійся Шарлотѣ на лѣстницѣ, сказалъ, что мадамъ Фанни живетъ выше, и въ тоже время освѣтилъ фонаремъ своимъ крутую лѣстницу, по которой она взбѣжала съ сильнымъ біеніемъ сердца. Когда Шарлота очутилась наверху, старикъ показалъ на самую отдаленную дверь, и въ тоже время закричалъ хозяйкѣ квартиры, назвавъ ее по имени, что ее кто-то спрашиваетъ. Дверь мгновенно отворилась и на порогѣ явилась тощая фигура со свѣчею въ рукахъ. Это была мадамъ Фанни.

Вѣроятно она привыкла къ подобнымъ таинственнымъ посѣщеніямъ, потому-что не колеблясь пригласила Шарлоту войти и ухмыляясь сказала фамильярно:

— Войдите, милая, не бойтесь, мы однѣ... Чѣмъ могу служить вамъ?

Замыкая дверь, Фанни пошатнулась; свѣча ярко освѣтила угловатыя черты ея, и Шарлоту обдало ужасомъ: при первомъ взглядѣ, она узнала ту самую женщину, которая такъ шумѣла на похоронахъ Берты и привела ее въ такое смущеніе, назвавъ Шарлоту громко по имени.

— Вы-ли мадамъ Фанни? спросила она, запинаясь.

— Къ вашимъ услугамъ высокопочтенная госпожа, отвѣчала португалька, присѣдая съ ужимками; между тѣмъ глаза ея силились проникнуть вуаль, скрывающій незнакомку. Не угодно-ли вамъ снять шляпку и плащъ? продолжала она съ дерзкою усмѣшкою здѣсь не для чего скрываться, душа моя; репутація моя доказываетъ вамъ, какъ хорошо я умѣю хранить чужія тайны... иначе никто не сталъ-бы ходить ко мнѣ...

Благодарю васъ, прошептала Шарлота, бросаясь въ изнеможеніи въ кресла, пододвинутыя хозяйкой къ столу. Я не хочу чтобъ вы видѣли меня сегодня, иначе я не могу просить васъ

о томъ, чего желаю. Я много слышала о васъ и хочу испытать на себѣ самой гаданье ваше. Посмотримъ, что скажутъ карты!

— Вы хотите сидѣть подъ вуалью!.. Такъ нельзя гадать!.. вскричала Фанни, раздосадованная, что не можетъ удовлетворить своего любопытства. Кто скрываетъ лицо свое, тотъ скрываетъ и будущность свою отъ меня... Карты не могутъ такъ ясно опредѣлить судьбы, какъ глаза и вообще всѣ черты лица...

— А я думала, что вы гадаете по картамъ... сказала Шарлота, вставая... Кчему лицо?.. вы должны глядѣть не въ лицо, а въ карты.

— Садитесь, садитесь, я сейчасъ начну гадать, сказала Фанни въ испугѣ, думая, что Шарлота собирается уйти: и окинувъ вторично недовѣрчивымъ взоромъ гибкій станъ незнакомки, все еще какъ будто не рѣшалась раскинуть карты.

Шарлота вынула червонецъ и положила на столъ. Глаза Фанни забѣгали отъ радости; но она обрадовалась не столько деньгамъ, какъ тому, что имѣетъ дѣло съ богатой, а можетъ быть и знатной женщиной. Не говоря уже ни слова, она вынула изъ шкафа карты, снова сѣла за столъ и начала ихъ раскладывать отдѣльными звѣздами, наблюдая при этомъ, повидимому, нѣкоторыя правила. По временамъ она бормотала про себя, вѣроятно на португальскомъ языкѣ, какія-то непонятныя слова, и тощіе пальцы ея живо бѣгали по картамъ, на которыхъ глаза ея упорно остановились.

Разложивъ систематически карты и накрывъ ихъ краснымъ шелковымъ платкомъ, гадальщица попросила Шарлоту встать и спросила шепотомъ, хочетъ-ли она знать что нибудь такое изъ будущности своей, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ настоящему, или желаетъ, чтобъ ей открыли только одно будущее вообще?

Шарлота подумала и отвѣчала:

— Скажите сперва, что вообще ожидаетъ меня въ будущемъ. Я увижу можетъ-ли это случиться, тогда скажу, что желаю знать въ настоящемъ.

Португалька махнула головой, отодвинулась отъ стола, торжественно подняла кверху костлявыя руки свои и просила незнакомку, какъ можно осторожнѣе приподнять платокъ такъ, чтобъ неиспортить созвѣздія картъ, прибавивъ при этомъ, что только одна рука спрашивающаго должна приподнять покровъ, скрывающій его будущность.

Шарлота осторожно сняла платокъ, и къ великому удивленію своему увидѣла, что это были тѣже самыя карты, но что на столѣ образовалась изъ нихъ совершенно другая фигура, какъ будто, въ такое короткое время, чья-то невидимая рука переложила ихъ подъ платкомъ и составила изъ звѣздъ осьмиугольникъ.

Гадальщица снова придвинулась къ столу, судорожно схватилась за виски, и оставаясь неподвижно въ такомъ положеніи, пристально начала глядѣть на карты. Таинственные и торжественные пріемы этой новой пиѳіи несказанно смѣшили Шарлоту. Она внимательно смотрѣла на гадальщицу, черты лица которой все болѣе и болѣе сжимались, между тѣмъ, какъ зрачки, сіяющіе страшнымъ, отталкивающимъ пламенемъ, все болѣе и болѣе расширялись.

Наконецъ Фанни испустила тяжкій вздохъ и сказала пронзительнымъ голосомъ:

— Тутъ много темнаго; а то, что я вижу, не имѣетъ ни смысла, ни связи... Царица стоитъ подлѣ нищей; крестъ, корона и лавровый вѣнокъ оспариваютъ измѣнчивую судьбу ея другъ у друга; радость и горе, стыдъ и слава, преждевременная смерть и долговѣчіе путаются и мѣшаются между собою; одно не хочетъ уступить другому, такъ, что по этимъ картамъ, (при этихъ словахъ она почти съ робостью посмотрѣла на собесѣдницу свою), почти ничего нельзя сказать о вашей будущности, развѣ только то, что судьба ваша составлена изъ самыхъ странныхъ противоположностей: сегодня богатство, завтра бѣдность; сегодня радость, смѣхъ; завтра горе и слезы!

Шарлота засмѣялась.

— Хорошо, сказала она, все это можетъ быть; но карты ваши сказали именно то, что я и безъ нихъ давно знаю. Если настоящее мое до того перемѣнчиво, что сегодня я въ порфирѣ, а завтра въ рубищѣ, почему-жъ не будетъ этого и въ будущемъ? Судьба моя каждый день измѣняется, и кто видѣлъ меня сегодня, тотъ не узнаетъ завтра.

Тутъ гадальщица вытаращила глаза на Шарлоту; смыслъ словъ этихъ былъ такъ-же для нея непонятенъ, какъ и смыслъ картъ.

Шарлота, думавшая только о настоящемъ, и боясь, чтобъ ее не застали въ такомъ мѣстѣ, дрожала какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ надо-же было рѣшиться на что нибудь и уйдти скорѣе.

Опустивъ голову, Шарлота прибавила съ уныніемъ полупритворнымъ и полудѣйствительнымъ:

— Да, милая Фанни, я много страдаю; и если-бъ вы знали, чего это мнѣ стоитъ, мнѣ, неопытной дѣвушкѣ; если-бъ знали, то вѣрно пожалѣли-бы меня. Что мнѣ въ будущемъ! лучше быть счастливой теперь, пока я молода еще и во всемъ цвѣтѣ жизни.

Услышавъ это, старуха сдѣлалась еще внимательнѣе и вскричала съ притворнымъ участіемъ:

— Говорите! откройте мнѣ сердце ваше... чѣмъ могу помочь вамъ. Можете быть во мнѣ увѣрены. Вѣдь и я была молода, и очень хорошо знаю, что въ эти лѣта человѣкъ чаще бываетъ несчастливъ и одинокъ, чѣмъ въ старости. Несмотря на то, что на щекахъ рдѣютъ розы, самъ въ пышной одеждѣ... а въ сердцѣ — адъ! Да, любовь погубила уже многихъ, потому-что молодость въ необъяснимой грусти своей не умѣетъ найти сама никакихъ средствъ... и потому, вмѣсто того, чтобъ искать кругомъ себя вѣрной помощи, она изнываетъ въ одиночествѣ...

— Что это вы говорите? перебила Шарлота; вы вѣрно недумаете... чтобъ я пришла...

Шарлота пробормотала слова эти въ такомъ сильномъ смущеніи и такъ явно боролась между страхомъ высказать свою тайну и желаніемъ отдать письмо и уйти скорѣе, что Фанни вполнѣ убѣдилась, что имѣетъ дѣло съ дѣвушкою несчастною отъ любви. Тогда милосердая эта особа перестала церемониться и въ порывѣ краснорѣчія своего развернула такой необыкновенный даръ убѣжденій, что съ перваго взгляда трудно было рѣшить, которая изъ двухъ была знаменитая актриса, слава Гамбурга, та ли, которая такъ робко опустила голову, или презрѣнная фея Кугельсъ-орта, которая такъ краснорѣчиво говорила и такъ патетически размахивала руками, какъ олицетворенная Мельпомена.

Шарлота не устояла противъ убѣжденій этой сострадательной женщины, и хотя сопротивляясь, но очень слабо она высказала по немногу всю тайну души своей.

Когда Фанни убѣдилась, что довольно знаетъ для своихъ личныхъ выгодъ, то притворилась оскорбленной, но преданной женщиной и сказала:

— Деликатность не позволяетъ мнѣ узнавать ваше имя и званіе, хотя и позволяетъ желать вамъ добра, что вы могли

видѣть по совѣтамъ моимъ. Надѣюсь однако заслужить довѣріе ваше, и это будетъ скоро; судя по успѣху, вы сами увидите, что хорошо поступили обратясь ко мнѣ; тогда, разумѣется, между нами не можетъ быть тайны, вы сами откинете вуаль свой, о которомъ не будетъ и помину. Выслушайте однако мое предложеніе. Если семейство ваше, какъ вы говорите, такъ противится вашему счастію, то прежде всего вы должны убѣдить обожателя своего, что готовы на все и останетесь ему вѣрною до могилы; а потомъ... можете взять въ домѣ моемъ, для тайныхъ свиданій, комнату, меблированную со вкусомъ, куда и будете являться въ свободныя минуты, отдыхать отъ горестной своей жизни. Это будетъ вѣрное убѣжище, и никто его не узнаетъ. Не одинъ разъ преслѣдуемые любовники находили тутъ счастье и наслаждались больше жизнью, чѣмъ въ великолѣпныхъ покояхъ строгихъ родителей и подозрительныхъ опекуновъ и мужей. Надѣюсь, что вы не станете скрывать отъ меня имени того, кого любите; вѣдь мнѣ надобно же это знать, хотя для того, чтобъ служить вамъ.

— Я и сама хотѣла вамъ назвать его, отвѣчала Шарлота въ смущеніи. Еслибъ вы были такъ снисходительны... и снесли ему сегодня же... это письмо...

— Письмо? Очень охотно! Гдѣ живетъ онъ? спросила португалька, не будучи въ состояніи скрывать своей радости, что дѣло такъ скоро пошло на ладъ; глаза ея горѣли отъ любопытства и корыстолюбія.

— Въ Кайзерсъ-хоузѣ, въ домѣ...

— Тамъ одинъ только домъ, я знаю его. Кого же тамъ спросить?

— Датскаго офицера, барона фонъ-Зильбурга.

— Зиль... Слово это замерло на языкѣ старухи.

— Да, Зильбургъ, продолжала Шарлота, не замѣтя, какъ Фанни вздрогнула при этомъ столь извѣстномъ въ городѣ имени, и чуть было не измѣнила себѣ.

Но смущеніе старухи продолжалось не болѣе секунды. Не спуская глазъ съ незнакомки, она торопясь схватить скорѣе письмо, сказала съ самоувѣренностью:

— Хорошо, сударыня, будете довольны; баронъ сегодня же получитъ ваше письмо.

— Будьте увѣрены въ моей благодарности, сказала Шарлота въ смущеніи.

Старуха еще разъ попристальнѣе посмотрѣла на незнакомку и улыбка торжества пробѣжала по желтому лицу ея; глаза ея горѣли какимъ-то отталкивающимъ пламенемъ; они выражали больше, чѣмъ любопытство и корыстолюбіе; въ нихъ отражалась жажда чего-то адскаго. Но видя, что Шарлота собиралась уйдти, португалька вдругъ перемѣнилась, сдѣлалась такъ ласкова, и такъ убѣдительно просила Шарлоту позволить погадать себѣ еще разъ, что молодая дѣвушка, не будучи въ состояніи отвязаться отъ ея докучливыхъ просьбъ, согласилась и на это.

— Нѣтъ, нѣтъ, ангелъ мой. Я не отпущу васъ такъ, вскричала старуха съ безпокойствомъ. Это нанесетъ несчастье или ему, или вамъ. Погодите, я сейчасъ раскину карты... потому что теперь... ужъ это другое дѣло... Вы соблаговолили ввѣриться мнѣ... и карты скажутъ правду; за это я достовѣрно ручаюсь. Пока вы сомнѣвались во мнѣ, это не то, чтобъ я не хотѣла говорить, а карты, да, сами карты, какъ будто оскорбляясь за меня и за себя, что намъ не вѣрятъ, путались и не хотѣли говорить истины.

Сказавъ это, Фанни собрала карты и начала тасовать съ такою быстротою, что Шарлота съ трудомъ могла слѣдовать за ея движеніями. Она разложила ихъ звѣздами, какъ и въ первый разъ, снова покрыла ихъ краснымъ шелковымъ платкомъ, и снова велѣла Шарлотѣ приподнять его. На этотъ разъ фигура опять перемѣнилась, но карты лежали иначе: онѣ составляли двойной крестъ, окруженный осьмиугольникомъ. Гадальщица, посмотрѣвъ внимательно на карты, подняла голову; угрюмое лицо ея прояснилось, вытаращенные глаза съ удивленіемъ остановились на Шарлотѣ; наконецъ она радостно вскрикнула и сказала:

— Что за странныя приключенія! Слушайте хорошенько каждое мое слово, потому что карты мои говорятъ гораздо яснѣе прежняго, и говорятъ, что если вы будете упорствовать въ намѣреніи своемъ, счастіе усыплетъ путь вашъ розами любви. Но для этого надо быть твердой, не колебаться ни минуты и быть готовою на все. У васъ много завистниковъ, а у *него* еще больше. Много вы услышите о немъ худаго, но не вѣрьте... Три человѣка особенно ненавидятъ его и желаютъ погубить; но любовь ваша спасетъ его отъ раскинутыхъ сѣтей, поставленныхъ престарѣлою женщиною, молодымъ человѣкомъ и молодою дѣвушкою. Не смотря на все это, любимецъ вашъ не унываетъ: онъ храбрый, благородный воинъ и будетъ вамъ вѣренъ до мо-

гилы. Не вѣрьте, когда будутъ клеветать его: чѣмъ больше вы станете любить его, тѣмъ скорѣе увидите, какъ онъ достоинъ любви вашей. Такъ не унывайте же, дорогая моя. Вы скоро достигнете цѣли своей, тогда перестанете быть тѣмъ, чѣмъ теперь, но будете во сто разъ благополучнѣе. А пока вамъ предстоитъ еще много испытаній, но все это поведетъ къ вашему благу, потому что совершится именно то, чего вы не хотите и чего боитесь.

Исключая нѣсколькихъ фразъ, довольно соотвѣтствующихъ положенію Шарлоты, остальная болтовня до того надоѣла ей, что она рада, рада была, когда цѣною другаго червонца отвязалась отъ отвратительной феи.

Гадальщица проводила Шарлоту до самыхъ дверей, и провожая не переставала надоѣдать привѣтствіями, совѣтами и увѣреніями въ преданности. Вышедъ на улицу, Шарлота простилась съ нею, Фанни хотѣла проводить ее хоть до того мѣста, гдѣ кончаются пассажи; но Шарлота не позволила, хотя и думала про себя, что поступила опрометчиво, и что хорошо воспитанной дѣвушкѣ опасно и неприлично пускаться ночью и безъ провожатаго въ такой кварталъ, который назвать даже было стыдно въ хорошемъ обществѣ.

Португалька пристально и торжествующимъ взоромъ смотрѣла на Шарлоту до тѣхъ поръ, пока она скрылась.

— Прощайте, прощайте, М-lle Шарлота Аккерманъ, сказала она захохотавъ; ну, кто бы подумалъ, что такая знаменитая актриса не умѣетъ лучше замаскироваться? Хотя я и не видала лица ея, но довольно слышала отъ барона... Теперь у меня есть приманка для этого франта, который снова попадется въ мои сѣти, это также вѣрно, какъ дважды два, четыре. Ужъ на этотъ разъ я стану его до тѣхъ поръ тереть, пока не сотру послѣдней чешуи.

XXIII.

Древнія легенды Греціи не напрасно говорятъ о томъ благоденствіи, которое пугало смертныхъ своимъ сверхъестественнымъ постоянствомъ, и потому пугало, что предрекало близость несчастья; мудрецъ, предвидящій судьбы человѣчества и умѣющіи истолковывать темныя предвѣщанія боговъ, съ ужасомъ бѣжалъ отъ роскошной трапезы царя-владыки, которому боги ни

въ чемъ не отказывали, и потому именно не отказывали, что рѣшались погубить его.

Не знаемъ до какой степени древнее вѣрованіе это въ божество, которое ниспосылало золотой дождь высшаго наслажденія на главу смертнаго, обреченную заранѣе громовымъ ударомъ судьбы, согласовалась съ философіею Зильбурга; но можемъ утвердительно сказать, судя по его горячей крови, и вообще потому, что знаемъ объ его характерѣ, что онъ не боялся неумѣреннаго счастія; напротивъ того, и въ особенности въ отношеніи женщинъ, онъ не могъ утолить тщеславія своего и ненасытнаго желанія новыхъ побѣдъ, и никогда не переставалъ искать любовныхъ похожденій. Между тѣмъ, несмотря на воображеніе и чрезвычайную смѣлость, онъ взялъ изъ рукъ феи письмо Шарлоты съ тѣмъ чувствомъ недовѣрія и смущенія, которое происходитъ отъ чрезмѣрной радости, радости, на которую мы не смѣли надѣяться, и послѣ которой намъ ничего неостается желать, потому что она превышаетъ даже всѣ желанія. Читая письмо, онъ невѣрилъ глазамъ своимъ, къ тому жъ Шарлота могла написать его въ минуту безсонницы, лихорадки, бреда, а можетъ быть даже и въ минуту смѣха? Письмо, написанное по-французски, выражало ни болѣе, ни менѣе, какъ признаніе въ самой страстной любви, именемъ которой Шарлота умоляла его не обманывать ее, иначе пусть она умретъ сію же минуту.

«Я думаю, что имѣю право писать тому, съ кѣмъ мнѣ позволено говорить... Только одна жертва была бы выше силъ моихъ: жертва сердца, которое бы вы обманули, жертва души, которую вы бы уничтожили измѣной. Лучше перестать жить, чѣмъ видѣть перемѣну... Можете ли вы ручаться за себя, за свою вѣрность?.. Максъ! Именемъ вашего чуднаго и благороднаго образа, который я ношу въ сердцѣ своемъ, умоляю васъ любить и хранить мою молодость; будьте великодушны, и добродѣтелью своею докажите мнѣ, что я имѣю право вѣрить любви и считать ее за счастье.»

Зильбургу надо было время, чтобъ понять такую возвышенную восторженность чувствъ; языкъ этотъ былъ совершенно новъ для него, и ему трудно было подняться до такой высоты. Письмо Шарлоты, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, выводило его изъ себя, такъ, что онъ принужденъ былъ припомнить себѣ милый образъ Шарлоты, чтобъ объяснить настоящій

смыслъ посланія. А между-тѣмъ, въ письмѣ оставалось еще что-то непонятное для него, что производило на него странное дѣйствіе и дѣлало загадкою отношенія его къ Шарлотѣ. Эта совершенная, безусловная преданность, эта восторженная, нѣжная любовь до того поражала его, что онъ не осмѣливался заглядывать впередъ и спрашивать, что изъ всего этого будетъ. Онъ былъ готовъ къ борьбѣ и даже къ сильному сопротивленію, но мысль, что Шарлота отвергнетъ его, не возмущала его и даже не колола его самолюбія. Въ сущности онъ искалъ въ Шарлотѣ только новую варіяцію къ своей обыкновенной темѣ; и что-же выходитъ... онъ становится вдругъ и неожиданно полнымъ обладателемъ дѣвушки, которая мало того что служила образцомъ ума, воспитанія и всѣхъ добродѣтелей, но въ добавокъ еще довела искусство свое до такого совершенства, что сдѣлала сценическій переворотъ во всей Германіи. Дѣвушку эту воспѣвали тысячи обожателей, но ни одинъ изъ нихъ не могъ похвастаться, чтобъ она позволила себѣ хотя малѣйшую короткость, противъ которой могло-бы возстать приличіе. Живя въ такомъ свѣтѣ, гдѣ мелкая зависть и близорукая злоба доискивались въ артисткѣ чего-нибудь такого, за что-бы можно было упрекнуть ее, Шарлота и тутъ сохранила репутацію честной дѣвушки и даже черезъ-чуръ жеманной добродѣтели. Зильбургъ припомнилъ все это. Что для него теперь всѣ прошлыя побѣды въ сравненіи съ этимъ тріумфомъ! Ктому-жъ, Шарлота, которая до-тѣхъ-поръ, изъ боязни свѣта, не осмѣливалась поднять глазъ ни на одного мужчину, давала ему на себя неотъемлемыя права! Какъ умъ ея быстро развернулся, думалъ Зильбургъ: она не колеблясь, бросается въ любовную связь и выбираетъ въ посредницы такую женщину, какъ Фанни!

— Ахъ, женщины, женщины! Кто пойметъ васъ! вскричалъ Зильбургъ съ неподдѣльнымъ волненіемъ. Я думалъ, что знаю васъ вдоль и поперегъ со всѣми вашими мелкими хитростями и большими пороками, вашими притворными и непритворными достоинствами, и мнѣ казалось, что всѣ вы почти опротивѣли мнѣ! и вотъ, въ ту самую минуту, когда я думалъ, что навсегда отдѣлался отъ васъ, предо мной является женщина, отъ которой нельзя отказаться... и я, старый волокита, человѣкъ хитрый и опытный, становлюсь въ тупикъ и не знаю какъ вести себя въ этомъ случаѣ!.. Само-собою разумѣется, что надо ее любить страстно... да на кой чортъ?.. Чѣмъ все это кончится?.. Ужъ не

воображаетъ ли она, что я женюсь на ней?.. Ей вѣрно этого хочется; но она слишкомъ умна, чтобъ забить себѣ въ голову подобную идею... Нѣтъ!.. это невозможно! Что невозможно: жениться, или невозможно, чтобъ Шарлота объ этомъ думала? Невозможно первое, послѣднее-же возможно, потому-что для женщинъ нѣтъ ничего невозможнаго... Только чтобъ она не вздумала заставлять меня играть роль дурака и не водила за носъ?.. Какъ не такъ!.. Нѣтъ ужъ!.. извините, сударыня!.. вамъ придется отказаться отъ этого удовольствія!

Такъ разсуждалъ Зильбургъ и въ разгоряченномъ мозгу его толпилась бездна предположеній и догадокъ. Онъ серьозно задумался о самомъ себѣ въ отношеніи къ такой дѣвушкѣ, какова была Шарлота, и личное его *Я* представилось ему въ такомъ свѣтѣ, что онъ совершенно смутился и даже оробѣлъ, точно будто ему приходилось въ первый разъ быть героемъ романа.

Лицо его горѣло, сердце билось; онъ вскочилъ съ дивана, позвонилъ буфетчика и спросилъ бутылку шампанскаго, какъ средство заглушить колеблющіяся правила его хилой философіи. Вино еще больше разгорячило кровь его; но въ этомъ опьянѣніи была по-крайней-мѣрѣ причина! По-мѣрѣ того, какъ голова его туманилась, неотвязчивые образы дѣйствительности и минутныя угрызенія совѣсти испарялись и улетали, какъ дымъ. Мысли его изъ высшихъ областей спустились по немногу въ области болѣе ему знакомыя; чувства его приняли прежнее направленіе, такъ, что онъ не силился больше понять письма Шарлоты; а когда бутылка пришла къ концу, онъ ужъ былъ самъ-другъ съ своимъ наилучшимъ другомъ—милымъ вѣтреннымъ Зильбургомъ и его притворною чувствительностью.

Зильбургъ разстегнулъ мундиръ, съ жаромъ поцѣловалъ письмо Шарлоты, прижалъ къ горячей груди своей и спряталъ за жабо.

— Да! вскричалъ онъ, любовь... жизнь! наслажденье! вотъ что ждетъ меня!.. вотъ мое настоящее!.. а до будущаго мнѣ нѣтъ дѣла... что мнѣ въ немъ?!. Пусть будетъ, что будетъ!.. я дорожу только настоящимъ; посмотримъ, кто осмѣлится посягать на него!.. Милая Шарлота! душка! Я буду любить тебя нѣжно, страстно; любовь моя будетъ, какъ пожирающее пламя Этны, и какъ теплый и свѣтлый лучъ весны; ты будешь полной, единственной владычицей моего сердца!.. Но надолго-ли?.. на это я не могу отвѣчать, потому-что и самъ не знаю. Но для чего думать о будущемъ?.. надо спѣшить наслаждаться настоящимъ, а

я мѣшкаю! Каждая потерянная минута — кража у блаженства. Такъ отправимся-же къ нашей милѣйшей посредницѣ! Пусть завтра вечеромъ она заманитъ голубку мою въ Кугельсъ-ортъ, а тамъ увидимъ.

Хотя было уже поздно и Фанни не ждала еще приказаній барона касательно письма Шарлоты, однако Зильбургъ былъ до того нетерпѣливъ, что отправился къ вѣрной своей сподвижницѣ, чтобъ условиться и задобрить ее въ свою пользу.

Луна величественно плыла по небосклону и яркими лучами освѣщала окружающіе предметы, когда Зильбургъ, окутанный въ широкій плащъ вышелъ изъ дому. Онъ большими шагами шелъ по улицѣ, какъ-будто ему слѣдовало достигнуть въ тотъ-же день цѣли своихъ желаній. Около Елмриторнскаго моста, когда Зильбургъ повертывалъ въ смежную улицу, онъ повстрѣчался съ дамою, за которою шелъ лакей. Проходя мимо барона, она спросила у человѣка по-датски: «который часъ?»

Услышавъ этотъ голосъ, который Зильбургу показался знакомымъ, онъ невольно остановился, и провожая глазами даму, вскричалъ съ испугомъ:

— Боже мой!.. это голосъ Франциски!.. Да, они повертываютъ въ Дюстрискую улицу; это кратчайшая дорога!

Зильбургъ, подстрекаемый любопытствомъ и безпокойствомъ, скорыми шагами пошелъ за дамой и скоро догналъ ее. Баронъ слѣдовалъ за Франциской на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ и видѣлъ, какъ перейдя Шармарктъ она шла по направленію къ дому Линдшкроновъ. Онъ все еще сомнѣвался; но вскорѣ сомнѣніе исчезло, потому-что минуту спустя Франциска остановилась у роковаго дома и позвонила. Швейцаръ отворилъ дверь, она вошла, а за нею вошелъ и лакей.

Зильбургъ остолбенѣлъ; онъ какъ вкопаный остановился передъ домомъ, слишкомъ хорошо ему знакомымъ, и долго не могъ придти въ себя и припомнить, зачѣмъ находится теперь на улицѣ и въ такое позднее время.

Его удивляло и бѣсило, что Ульрика возвратилась, и въ ту самую минуту, когда самые смѣлые и дерзкіе планы его осуществлялись, онъ чувствовалъ, что желѣзная рука хватаетъ его за горло и душитъ. Вотъ до чего онъ испугался присутствія женщины, которая знала малѣйшіе изгибы его порочнаго сердца.

— Будь проклята! прошепталъ онъ гнѣвно. Зачѣмъ пріѣхала?.. Что за несчастная планета привела сюда эту интригантку?..

О!.. я знаю тебя, хитрая змѣя!.. Она будетъ надсматривать теперь за всѣми моими дѣйствіями и узнаетъ наконецъ то, до чего я такъ сильно добиваюсь... а если узнаетъ, то все погибло!

Онъ повернулъ назадъ, какъ оробѣлый солдатъ, который бѣжитъ отъ непріятеля, еще не видавъ его, а завидя только сіяющій штыкъ. Онъ направился къ Кугельсъ-орту, и во время пути раздумывалъ какимъ-бы образомъ избавиться отъ наблюденій такого страшнаго врага, и какими средствами одолѣть преграды, которыя Ульрика неминуемо разставитъ, чтобъ недопустить его обладать Шарлотой, но этотъ умъ, столь изворотливый, столь находчивый, не находилъ средствъ благополучно кончить начатое похожденіе... Графиня Ульрика парализировала его голову и тѣлесныя силы, такъ, что онъ ничего не могъ придумать и насилу дошелъ до Кугельсъ-орта.

XXIV.

И такъ жребій брошенъ; участь любви Шарлоты должна была рѣшиться, и для такого, какъ ея, сердца, это участь всей жизни; и, странная вещь: съ тѣхъ поръ, какъ смѣлою рукою она перерѣзала послѣдній канатъ, который такъ долго удерживалъ у домашняго берега корабль ея, сердцу ея стало легче; она чувствовала себя свободною, радовалась, сама не зная чему, и безъ боязни смотрѣла на потокъ, который увлекалъ ее въ то неизвѣстное море, гдѣ бодрость духа испытывается въ буряхъ, гдѣ любовь разбивается иногда о скалы, иногда попадаетъ въ пучины, а иногда, что впрочемъ весьма рѣдко случается въ подобныхъ обстоятельствахъ, вѣруя въ путеводную звѣзду свою, она благополучно пристаетъ къ берегу супружескаго счастія. Находясь въ первый разъ въ неизвѣстной ей стихіи, на которую съ такою грустью глядѣла издали, Шарлота думала, что она ощущаетъ то самое, чего такъ долго и напрасно искала съ безпокойствомъ и томленьемъ; теперь она понимала почему находилась въ постоянномъ колебаніи, такъ, что даже само искусство, воздающее ей столь сильный восторгъ, не могло наполнить собою пустоты ея ноющаго сердца. Такъ какъ надъ нею вѣчно парили идеальные и поэтическіе образы, съ которыми она жила неразлучно, она всею душею, со всѣмъ пыломъ юности исключительно предавалась искусству своему, какъ самому важному предмету жизни и чистѣйшему наслажденію ума и сердца, и

только изрѣдка, въ припадкахъ страстнаго, непонятнаго томленія, чувствовала, что между фантазіею и настоящими радостями и страданіями есть разница, и если наконецъ, сердце увлекается прелестью воображенія, то все-таки воображеніе никогда не можетъ удовлетворить его.

Можно-ли послѣ этого удивляться, что душа, палимая такими жгучими желаніями, искала спасенія не въ фантастической страсти, а въ любви полной и дѣйствительной, и привязалась къ человѣку столь не похожему на нее во всѣхъ отношеніяхъ? Бурный, сангвиническій темпераментъ Зильбурга почти столько же нравился Шарлотѣ, сколько и его непринужденные пріемы, обхожденіе и величественная, важная осанка. До сихъ поръ она знала только такихъ людей, которые приносили дань восторговъ знаменитой актрисѣ и какъ тонкіе знатоки цѣнили рѣдкій талантъ ея. Баронъ же, напротивъ, покланялся ей, какъ женщинѣ, и предпочиталъ личность ея таланту, который даже забывалъ въ присутствіи ея; но за то явно восторгался красотою Шарлоты и всѣми милыми качествами, которыя выказывались въ тѣсномъ, дружескомъ кругу; однимъ словомъ, обхожденіе Зильбурга съ Шарлотою было таково, что она ясно видѣла въ немъ скорѣе человѣка, который желаетъ нравиться и быть любимымъ, чѣмъ тонкаго знатока или восторженнаго поклонника ея таланта.

Этимъ Зильбургъ выигралъ больше другихъ, и такъ скоро овладѣлъ сердцемъ дѣвушки, что самъ этому удивился, и въ то еще время, когда Шарлота, не находя въ немъ идеала, боролась съ сердцемъ своимъ и старалась задушить привязанность, которая хотя и нравилась ей по новизнѣ ощущеній, однако не была основана на глубокомъ и истинномъ уваженіи. Наконецъ любовь взяла свое и окончательно опутала эту юную душу, преданную до тѣхъ поръ служенію чистыхъ и непорочныхъ музъ.

Зильбургъ не замедлилъ отвѣтомъ. На другой день утромъ, когда Шарлота отправилась на репетицію, съ нею повстрѣчалась женщина, скромно и почти бѣдно одѣтая. Остановивъ Шарлоту на порогѣ театра, она увлекла ее въ темный корридоръ, ведущій въ уборныя актеровъ, сунула ей въ руку записку и ушла поспѣшно.

Шарлота узнала почеркъ Зильбурга, спрятала записку за корсажъ, ушла потомъ въ уголокъ и прочитала тайкомъ, съ сильнымъ біеніемъ сердца, изъявленіе живѣйшей благодарности серд-

ца, упоеннаго блаженствомъ. Каждое слово дышало страстью; Зильбургъ увѣрялъ въ чистотѣ чувствъ своихъ, въ неизмѣнномъ постоянствѣ, и умолялъ Шарлоту довершить его благополучіе и явиться въ Кугель-ортъ на свиданіе съ нимъ, и если можно, то немедленно послѣ представленія.

— О! я напередъ знала, что онъ добръ и благороденъ, подумала Шарлота, дрожа всѣмъ тѣломъ и придерживая рукою грудь, которая колыхалась отъ счастія. Только благороднѣйшіе люди думаютъ, что недостойны счастія, котораго вполнѣ стоятъ.

Да, я всегда думала, что темныя облака останавливаются только на вершинѣ высокихъ горъ... Такъ и клевета... Она не касается мелкой личности. Однако, предложеніе Зильбурга видѣться у гадальщицы, заставило Шарлоту призадуматься.

— Это невозможно, подумала она, онъ не обдумалъ... Это неприлично. Будетъ и того, что я одинъ разъ поговорила съ такой женщиной... но я принуждена была обратиться къ ней; теперь слава Богу, она не нужна намъ.

Между тѣмъ Шарлота думала, думала, не зная, гдѣ назначить свиданіе и пришла въ такой же тупикъ, какъ и наканунѣ, когда надо было отправить письмо къ Зильбургу.

Наконецъ надо же было на что нибудь рѣшиться, и она снова подумала о Кугель-ортѣ. Нѣтъ!.. это невозможно, вскричала Шарлота, и вдругъ лучъ надежды сверкнулъ передъ нею: она вспомнила о другѣ своемъ Софіи Унцеръ, которой признается во всемъ и отдастъ любовь свою подъ покровительство этой доброй и умной женщины. Шарлота колебалась однако, боялась признаться; а между тѣмъ любила съ такимъ упоеніемъ и такъ гордилась этою любовью, что готова была объявить цѣлому міру. Но вообще люди чувствительные и преисполненные радостью не долго колеблются; по большей части они бываютъ откровенны, особенно въ радости, потому что всѣ помыслы и чувства ихъ до того благородны, что имъ нечего скрывать. Къ тому жъ, кто болѣе Софіи Унцеръ заслуживалъ ея довѣрія... Это единственное существо въ цѣломъ мірѣ, которое понимаетъ меня и отдаетъ справедливость Зильбургу, думала Шарлота, но еслибъ даже она и не любила его... все таки я хочу убѣдить ее, что это единственный человѣкъ въ мірѣ, съ которымъ я могу соединить судьбу свою, злую или счастливую... это мнѣ все равно!

Сердцу дѣвушки стало легче; какъ гора спала съ плечъ ея, и она насилу могла дождаться вечера, такъ ей хотѣлось видѣть

скорѣе совѣтницу. Благородная душа имѣетъ свои привиллегіи, она легко понимаетъ другую, и бросаетъ вѣрный взглядъ въ самые сокровенные изгибы ея.

Читатель знаетъ уже, какая тѣсная дружба связывала Шарлоту со старушкою Унцеръ; дружба эта была основана на глубокой симпатіи и составляла для каждой изъ нихъ какъ бы двойную жизнь; это была заря и близкій закатъ или сумерки жизни, которые заимствовались другъ у друга тихими и ясными лучами свѣта.

И вдругъ сверхъ горизонта этого должно было разостлаться золотистое, огненное небо любви.

Услышавъ признаніе Шарлоты, совѣтница до того была поражена и удивлена, что не могла выговорить слова, несмотря на то, что въ обыкновенной жизни, непредвидимое находило ее всегда твердою и спокойною и не мѣшало глядѣть вблизи или изъ-далека ясными глазами на вещи. Это правило не было однакожъ безъ исключенія для совѣтницы, особенно когда дѣло шло о любви, волненіе ея и даже боязнь доходили до крайности. Совѣтница жила въ ту сухую и прозаическую эпоху, когда строгій законъ нравственности клеймилъ позоромъ какъ за капитальное преступленіе, каждаго, кто не умѣлъ скрывать нѣжной привязанности, еслибъ даже она была чиста и свѣтла, какъ снѣгъ на высокихъ горныхъ вершинахъ; и потому совѣтница, проживя почти цѣлый вѣкъ, не знала, что такое романическая любовь. Въ эпоху тяжеловѣсныхъ сундуковъ и шкаповъ, набитыхъ бѣльемъ и другимъ приданымъ, въ сношеніяхъ мужчинъ съ женщинами царствовало такое неумолимое жеманство, что не позволяло молодымъ людямъ любить иначе другъ друга, какъ съ разрѣшенія семейнаго совѣта, зрѣло и заранѣе обдуманнаго и составленнаго изъ всѣхъ тетушекъ, бабушекъ, дядюшекъ и всѣхъ составляющихъ родство нареченныхъ, которыхъ, послѣ долгихъ мытарствъ, благословляли наконецъ торжественно и всенародно. Впрочемъ, женихъ и невѣста, предназначаемые другъ другу, любили съ такою же важностью и натянутостью, какъ маріонетки въ такъ называемыхъ комедіяхъ, каковы были, напримѣръ: «*Влюбленный тиранъ Асфалидъ*» или «*Бетзабея*» широко раскрывали челюсти отъ скуки и дремоты, и напыщенно давали полетъ своимъ нравственно-трагическимъ чувствованіямъ.

Съ подобными воспоминаніями молодости, добрая совѣтница, не смотря на свободный образъ мыслей и поэтическую чувстви-

тельность, не могла удержаться отъ безпокойства, глядя на перемѣну, возникшую въ образѣ мыслей настоящей эпохи, которую обыкновенно называли сентиментальнымъ періодомъ, или періодомъ Вертеровымъ; всѣ почти теперь чувствовали и смотрѣли на вещи совершенно иначе, какъ въ ея время. Это стремленіе новаго поколѣнія къ восторженности чувствъ, стремленіе часто болѣзненное, и эта борьба гигантовъ, угрожающихъ низвергнуть міръ, были непонятны для старушки, особенно, когда она сравнивала бурные эти порывы съ кроткимъ послушаніемъ, съ которымъ молодые люди прошлаго столѣтія гнули головы подъ иго брачнаго, цвѣтущаго скипетра.

Старушка, какъ мы уже сказали, онѣмѣла, услышавъ признаніе Шарлоты, такъ, что величайшее чудо, какъ напримѣръ, паденіе луны или солнца, не такъ бы удивило ее, какъ то, что и Шарлота, милая ея Шарлота тоже заразилась современною болѣзнію сентиментальной любви, и въ то время, когда совѣтница воображала, что кромѣ искусства, да еще пожалуй идеала своего она неможетъ ничего любить. А къ довершенію всего она узнаетъ, что Шарлота мало того, что любитъ, но любитъ еще... кого же?.. Зильбурга! Зильбурга, котораго за нѣсколько дней передъ тѣмъ сама бранила. Нѣтъ, это слишкомъ! А что больше всего огорчало совѣтницу, такъ то, что она сама безвинно, и не подозрѣвая ничего содѣйствовала любви этой, которую заступничествомъ своимъ укоренила въ сердцѣ друга своего. Она до того была разстроена, что глядя на обѣихъ, трудно было рѣшить которой изъ нихъ слѣдовало утѣшать другую, и которой по праву слѣдовало выходить изъ себя.

Шарлота насилу могла уговорить ее успокоиться и съ трудомъ увѣрила, что между ею и Зильбургомъ не было еще никакой серіозной связи; но что для спокойствія своего, она хочетъ знать о намѣреніяхъ барона, и можетъ-ли дать волю сердцу своему. Но совѣтница и этого боялась, и не хотѣла содѣйствовать развитію любви, которой въ сущности можетъ-быть еще и не было, но послѣ свиданія и переговоровъ съ барономъ, она могла вспыхнуть, развиться и довести до серіозной связи, однимъ словомъ, совѣтница такъ волновалась и была въ такой нерѣшимости, что Шарлота, для достиженія цѣли своей, принуждена была прибѣгнуть къ хитрости.

Будучи увѣрена, что рѣшительностью она скорѣе поставитъ

на своемъ, чѣмъ просьбами и увѣреніями, Шарлота вдругъ перемѣнила тонъ и сказала съ твердостью :

— Хорошо!.. такъ ты не хочешь защитить меня... помочь мнѣ?... Въ такомъ случаѣ я обойдусь и безъ тебя!.. Мнѣ необходимо говорить съ барономъ... а какъ мнѣ негдѣ принять его, то я обращусь къ Фанни изъ Кугельсъ-орта, къ которой ты, хотя и въ шутку, однако посылала меня однажды.

— Боже мой!.. что говоришь ты, Шарлота! вскричала остолбенѣвшая совѣтница. И ты увѣряешь, что это не любовная интрига?! И тебѣ не стыдно, тебѣ, благовоспитанной дѣвушкѣ, прикасаться къ подобной твари? Несчастная!.. что должна я о тебѣ думать... Да ты съ ума сошла, или меня свела!.. Погоди!.. нѣтъ-ли какого другаго средства?.. Такъ баронъ непремѣнно хочетъ говорить съ тобою?.. Это еще можно какъ-нибудь устроить... разумѣется... кромѣ обыкновеннаго разговора тутъ ничего быть не можетъ!..

— А чего-же тебѣ еще хочется?.. вскричала Шарлота, громко захохотавъ. Я буду говорить съ нимъ здѣсь, при твоихъ глазахъ, въ этой комнатѣ, и не болѣе получаса. Я хочу удостовѣриться, должна-ли я вѣрить тому, что онъ говоритъ въ письмахъ.

— Такъ ты воображаешь, что въ полчаса можешь узнать человѣка и рѣшиться, можетъ-быть, на всю жизнь... Нѣтъ, Шарлота, не думаю, чтобъ для этого было достаточно получаса.

Наконецъ старушка согласилась, хотя и противъ воли, принять барона на другой день, но съ условіемъ, чтобъ послѣ этого свиданія все было кончено между ними, или, въ случаѣ, если они сойдутся въ чувствахъ, то дѣло представить на благоусмотрѣніе матери Шарлоты, которая дожна все знать.

Шарлота охотно приняла это условіе, не сомнѣваясь въ послѣднемъ предположеніи, и будучи увѣрена, что Зильбургъ посватается за нее.

Что могло сравниться съ ея счастіемъ? Съ какою признательностью она благодарила совѣтницу, незамѣчая въ порывѣ восторга, что она все болѣе и болѣе хмурилась и задумывалась.

Софія Унцеръ думала о своемъ сынѣ, надежды котораго должны были навсегда разбиться; она страдала и за сына, и за себя, и смутно боялась чего-то въ будущемъ.

Шарлота не обратила сначала вниманія на то, что совѣтница, не перестававшая выхвалять Зильбурга, вдругъ начала говорить совершено противное; но вѣдь это было не въ первый разъ; она

терпѣть не могла, когда любовь завязывалась въ ея домѣ, выходила изъ себя и не переставала упрекать себя въ легкомысліи и недальновидности. Не смотря на умъ свой и доброту сердца, она не могла понять подобнаго заблужденія и не постигала, какимъ образомъ и для чего молодые люди безъ всякой необходимости жертвовали собою и всѣми радостями жизни, для какой-то вымышленной любви, какъ-будто они не могли любить другъ друга просто-за-просто, какъ любили встарину.

— Проклятый Вертеръ! онъ причина всему злу! говорила она, часто вздыхая; слѣдовательно будущій патріархъ германской литературы не пользовался благосклонностью и хорошимъ мнѣніемъ совѣтницы.

Она не переставала горевать и бранить Зильбурга.

— Я не понимаю тебя! вскричала наконецъ Шарлота съ досадой; еще недавно ты была самой ревностной заступницей и покровительницей Зильбурга, а теперь...

— А теперь мы перемѣнились ролями!.. перебила запальчиво г-жа Унцеръ. Какъ хочешь, такъ и разсуждай о моихъ мнѣніяхъ, но будь только въ одномъ увѣрена, еслибъ я могла подозрѣвать, что баронъ твой способенъ на подобныя продѣлки, то ужъ не переступилъ-бы онъ черезъ порогъ моего дома!.. въ этомъ я даю тебѣ честное слово! Онъ мнѣ именно тѣмъ-то и нравился, что я считала его холоднымъ и совершенно равнодушнымъ къ женщинамъ: я почитала его человѣкомъ серіознымъ, солиднымъ, глубокомысленнымъ, а вовсе не романическимъ вздыхателемъ, зѣвающимъ на луну. Я думала наконецъ, что это человѣкъ, который пережилъ уже многое, остепенился и сдѣлался наконецъ настоящимъ человѣкомъ... Да найдется-ли въ цѣломъ мірѣ хоть два существа, которыя-бы такъ мало походили другъ на друга, какъ ты и онъ! И чѣмъ-же онъ занимается, спрашиваю я тебя?.. Ѣздитъ верхомъ, набираетъ рекрутовъ и дѣлаетъ ученья и разводы!.. вотъ все его призваніе! да прибавь еще къ этому порядочно злой характеръ и ужасную напыщенность!.. и вотъ за кого вамъ угодно выйти! за человѣка, который вовсе вамъ не партія... Надо выбирать равныхъ себѣ, а не увлекаться гордостью, которой онъ уже успѣлъ научить тебя!

— Стало быть, мнѣ можно итти только за актера?.. спросила Шарлота съ удивленіемъ; а такъ-какъ, кромѣ Экгофа здѣсь нѣтъ хорошихъ актеровъ, то вамъ придется услышать скоро о нашей помолвкѣ... Только вотъ что жаль .. онъ такъ старъ въ

сравненіи со мною, что могъ-бы мнѣ быть отцомъ... а какъ вы изволили сказать, прибавила Шарлота со смѣхомъ, что во всемъ должно быть равенство... то надо ужъ будетъ прибавить мнѣ нѣсколько лѣтъ или ему сбавить... тогда мы будемъ совершенно равны... нѣтъ!.. и тогда еще...

— Сдѣлай милость, не представляй мнѣ комедій, перебила съ сердцемъ совѣтница, а не то я освищу тебя такъ, что ты навсегда оглохнешь...

— Послѣ этого мнѣ остается только низвергнуться въ адъ среди грома и молній гнѣва твоего!.. сказала Шарлота улыбаясь и цѣлуя своего безпокойнаго друга, которому обѣщала все, что только отъ нея требовали.

XXV.

Въ тотъ самый день, какъ Зильбургъ приглашаемъ былъ на вечеръ къ совѣтницѣ, онъ только и думалъ о счастіи видѣть Шарлоту; но не смотря на это былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, потому-что узналъ отъ Олафа, котораго рано утромъ послалъ удостовѣриться, точно-ли пріѣхала графиня Линденкронъ, что графиня точно находится въ городѣ, гдѣ намѣрена поселиться. Такъ баронъ не ошибся!.. вѣсть эта не давала ему покоя.

Графиня Ульрика возвратилась въ Гамбургъ: тутъ кажется не было ничего такого, что могло-бы повергнуть въ боязнь и нерѣшимость человѣка съ такимъ характеромъ, каковъ былъ Зильбургъ? а между-тѣмъ ему было неловко, какъ-будто онъ былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, и никакъ не могъ побѣдить боязни своей, которая парализировала всѣ его дѣйствія. Зильбургъ, столь увѣренный въ побѣдахъ,—а на женщинъ это сильно дѣйствуетъ, потому-что это все равно, что полнобѣды,— вдругъ почувствовалъ какую-то давно забытую робость, какъ-будто сейчасъ только увидѣлъ, чѣмъ рискуетъ въ отношеніи такой дѣвушки, какова была Шарлота. Это было тяжкое сознаніе давно-забытаго проступка, напоминающее, что проступокъ этотъ требуетъ возмездія... и напоминаніе это бросало роковую тѣнь поперегъ дороги его, не смотря на то, что въ настоящую минуту дорога эта была гладка, и самъ баронъ находился въ весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Вотъ почему чувство недовѣрія къ самому себѣ овладѣло

барономъ, когда онъ вошелъ къ совѣтницѣ; а это чувство, какъ всѣмъ извѣстно, поражаетъ въ самую критическую минуту всѣ дѣйствія наши.

Шарлота уже ожидала его у Софіи Унцеръ.

Робость, столь несвойственная Зильбургу, блѣдность лица его, волненіе во взглядѣ и во всѣхъ движеніяхъ произвели благопріятное впечатлѣніе на совѣтницу; она вообразила, что онъ въ самомъ дѣлѣ любитъ, и совершенно успокоилась, особенно когда посмотрѣла на Шарлоту, которая по-видимому была увѣрена въ Зильбургѣ какъ въ самой себѣ.

— Теперь я могу ихъ оставить, подумала старушка, и пользуясь первымъ предлогомъ, встала, и все еще колеблясь немного, вышла изъ комнаты.

Зильбургъ и Шарлота остались одни. Робость его исчезла; онъ съ восторгомъ схватилъ руку дѣвушки, и покрывая ее поцѣлуями, вскричалъ въ упоеніи блаженства:

— Такъ я могу еще вѣрить въ звѣзду счастія моего! такъ сердце мое, такъ жестоко обманутое, можетъ еще биться отъ восторга, и лучъ надежды не угасъ еще для несчастнаго, который увидѣвъ и услышавъ васъ, возвращается къ упоительнымъ берегамъ любви, отъ которыхъ бѣжалъ съ ужасомъ... Да, Шарлота, вы одни имѣете власть и могущество призывать къ жизни тѣхъ, которые отказались уже отъ нея, и только въ горькой насмѣшкѣ противъ свѣта и людей искали, вмѣсто упоительныхъ сновидѣній, послѣдняго возмездія за всѣ претерпѣнныя утраты сердца. Благодаря вамъ, Ширлота, я снова нахожу сновидѣнія молодости, я, человѣкъ угрюмый, давно уже забывшій томленія любви, съ восторгомъ снова вижу эту роскошную область душевныхъ наслажденій. Вы одни можете объяснить мнѣ, какимъ образомъ сдѣлали вы такое чудо? Все это какое-то волшебство, которое не даетъ мнѣ опомниться, или я въ первый разъ испытываю настоящую любовь; и все, что я досихъ-поръ терпѣлъ изъ-за любви, не была любовь, а только одинъ обманъ... Теперь только я чувствую какимъ сокровищемъ обладаю!.. вскричалъ баронъ, падая на колѣна передъ Шарлотой. Боже мой, какъ я былъ безуменъ!.. хотѣлъ бѣжать отъ васъ, спасаться отъ чаръ вашихъ!.. Нѣтъ, мѣсто мое у ногъ твоихъ, дивная Шарлота; повелѣвай мною, какъ рабомъ своимъ.

Шарлота дрожала всѣмъ тѣломъ отъ восторга; въ упоеніи

блаженства, положивъ руку на голову Зильбурга, она сказала съ восторженною нѣжностью:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты одинъ будешь повелѣвать, Максъ, а я буду повиноваться тебѣ и служить, какъ единственному властелину и божеству моему. Развѣ я не знала, гордецъ, что ничто не спасетъ меня отъ твоей власти, развѣ только одна нѣжная и вѣрная любовь, что всѣ пути, по которымъ я хотѣла бѣжать отъ тебя, неминуемо и непремѣнно должны были привести меня въ твои объятія! И какъ ускользнуть отъ человѣка, который владѣлъ сердцемъ моимъ уже тогда, когда отвергалъ его и уступалъ права на меня другому!

— Чѣмъ могу искупить подобное преступленіе! сказалъ Зильбургъ, сжимая Шарлоту въ своихъ объятіяхъ, и восторгъ его выразился самыми нѣжными ласками.

— Боже мой!.. оставь меня!.. вскричала Шарлота внѣ себя. Такъ ты это называешь искупленіемъ?.. Чтожъ будетъ тогда преступленіе?..

— Я твой до послѣдняго вздоха! Тебѣ принадлежитъ каждое біеніе моего сердца, клянусь тебѣ Шарлота... или я самый презрѣнный человѣкъ! Не бойся ничего! я защищу тебя противъ всѣхъ, кто захочетъ тебя у меня оспаривать. Клянусь...

— Не клянись, другъ мой!.. Вѣдь мы нашли другъ друга: стало быть, найдемъ и дорогу, по которой намъ придется итти съ тобою. Къ чему клятвы? Оставимъ все на волю Божію, и съ веселымъ сердцемъ ввѣримся путеводной звѣздѣ нашей; я твоя и всегда буду твоею... вотъ моя клятва!

Сказавъ это, она пристально посмотрѣла на Зильбурга, какъ-будто глубокимъ и свѣтлымъ взоромъ своимъ хотѣла проникнуть въ сердце любимаго человѣка, и освѣтить его, и согрѣть лучами любви своей. Наконецъ Шарлота, приложивъ горячее лицо свое къ лицу Зильбурга, прибавила:

— Встань, Максъ!... старушка скоро придетъ... Не становись никогда передо мной на колѣна... развѣ тогда только, когда ужъ очень будешь виноватъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее задумчиво, всталъ, невольно вздохнулъ и сдѣлался грустенъ. Шарлота замѣтила перемѣну. Онъ серьозно и тоскливо глядѣлъ на нее. Сомнѣніе и какое-то безотрадное чувство омрачило лицо его. Онъ съ горькою улыбкою покачалъ головою и судорожно прижалъ Шарлоту къ своему сердцу.

Шарлота умоляла его сказать, что за причина его грусти;

но Зильбургъ старался отдѣлаться молчаніемъ; наконецъ, будучи не въ силахъ бороться, онъ схватилъ руки Шарлоты и сказалъ съ волненіемъ:

— Ты спрашиваешь, ангелъ мой, что тревожитъ меня? Я достигъ величайшаго блаженства, которое могутъ у меня похитить... Я твой, но ты, ты не моя еще... Твой братъ, сестра и даже добрая мать твоя, захотятъ-ли, чтобъ ты вышла изъ своего круга?...

Такой неожиданный вопросъ до того испугалъ Шарлоту, что она смутилась и не знала, что отвѣчать, какъ-будто въ первый разъ его слышала. Она вспомнила споры и сопротивленіе всего семейства, съ которымъ ей приходилось уже ссориться изъ за барона она въ уныніи опустила было голову, но скоро опять ободрилась, приподняла ее и сказала спокойно:

— Такъ мы, женщины, храбрѣе васъ, мужчинъ? .. вы тогда только и выказываете храбрость и энергію въ любви, когда хотите побѣдить насъ; но если вамъ придется страдать и бороться со свѣтомъ, который вырываетъ насъ изъ вашихъ объятій, то вы падаете духомъ. Ахъ! милый другъ, за какую ты считаешь меня трусиху! Никто въ мірѣ не собьетъ меня съ толку и не въ состояніи заставить измѣнить тебѣ. Вѣдь я не даромъ-же такъ долго упражнялась въ драматическомъ искусствѣ, и не сброшу съ себя мантіи въ ту минуту, когда и для меня настала пора показать въ дѣйствительности, что я умѣю любить и быть твердой не на однихъ словахъ, но и на дѣлѣ.

Баронъ, по-видимому, успокоился; одно только заботило его: гдѣ будетъ онъ въ послѣдствіи видѣться съ Шарлотой?

Но Шарлота подумавъ немного, разрѣшила эту задачу.

— Я увѣрена, сказала она, что совѣтница, позволившая намъ такъ великодушно назначить у себя свиданіе, не согласится, чтобъ это продолжалось... Да и къ чему это дѣлать, когда мы можемъ преспокойно сидѣть въ моей комнатѣ, гдѣ намъ никто не помѣшаетъ?

— Да какимъ-же образомъ попаду я въ домъ вашъ? спросилъ баронъ съ явнымъ смущеніемъ и даже испугомъ.

— Очень простымъ, отвѣчала смѣясь Шарлота; ты попадешь сперва во дворъ, потомъ въ домъ нашъ, а потомъ въ мою комнату. Завтра утромъ, за кофеемъ, я сообщу все матери, ты пріѣдешь къ четыремъ часамъ, и я отрекомендую тебя всѣмъ, какъ жениха своего.

Зильбургъ остолбенѣлъ; онъ не зналъ, что отвѣчать, и чуть было не выдалъ себя. Шарлота же не понимала, почему человѣкъ, которому приписывали столько любовныхъ побѣдъ и котораго считали вовсе не изъ робкаго десятка, до того могъ быть недовѣрчивъ къ самому себѣ, что какъ будто боялся счастія, которое находилось у него подъ рукою.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! душа моя, сказалъ баронъ, самъ не зная, что говоритъ и что намѣренъ сказать. Подумай сама, чему мы подвергаемся, если неравно родные твои откажутъ намъ въ своемъ согласіи, или станутъ требовать какихъ нибудь условій, на которыя мнѣ нельзя будетъ согласиться...

— Условія!... Какія условія?.. сказала Шарлота съ безпокойствомъ. Я увѣрена, что никто серьозно не станетъ противиться, а тѣмъ болѣе мать моя, которая любитъ меня безпредѣльно; надо только, чтобъ она узнала тебя и удостовѣрилась, что ты составишь мое счастіе.

— Если я до сихъ поръ не бросился еще къ ногамъ матери твоей и не просилъ ея благословенія, такъ это потому, что одно обстоятельство мѣшаетъ этому, хотя оно до насъ вовсе не касается, однако весьма важно для меня. Надо тебѣ сказать, что датскіе законы запрещаютъ офицеру жениться безъ позволенія короля... Будь увѣрена, прибавилъ Зильбургъ, обнимая Шарлоту, что никто больше моего не проклинаетъ этого варварскаго закона; однако законъ существуетъ, и долгъ предписываетъ повиноваться ему; иначе меня разжалуютъ, и я буду лишенъ чести и дворянства.

— А если король не позволитъ тебѣ жениться на актрисѣ?... спросила Шарлота съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, король согласится, отвѣчалъ Зильбургъ съ увѣренностью. Въ этомъ мнѣ ручается доброта его; къ тому жъ онъ любитъ меня... а ты вѣдь не обыкновенная актриса, а знаменитая артистка, слава Гамбурга; но если предположить даже, что король смотритъ на тебя, какъ на актрису, а не съ артистической точки зрѣнія, и станетъ препятствовать нашему браку, въ такомъ случаѣ я выйду въ отставку и отстраню такимъ образомъ послѣднюю преграду; если же и тогда станутъ мѣшать мнѣ быть счастливымъ, я прощусь съ титломъ своимъ, перемѣню фамилію и сдѣлаюсь тоже артистомъ.

— Послушай, Максъ, сказала Шарлота, подумавъ немного, я вотъ что выдумала: ты говоришь, что король согласится,.. да?..

ну, такъ до тѣхъ поръ свѣтъ не долженъ ничего знать; а чтобъ намъ можно было видѣться безопасно, я сообщу все матери моей и сестрѣ; онѣ предобрыя и не выдадутъ нашей тайны; ты же, въ ожиданіи отвѣта короля, будешь ѣздить къ намъ, какъ другъ дома, что не должно никого удивлять.

Баронъ посмотрѣлъ на Шарлоту съ озабоченнымъ видомъ, потомъ отвѣчалъ весело:

— Очень хорошо! — и такъ рѣшено, завтра я являюсь къ вамъ съ визитомъ; но я рискую, что г-нъ Шрёдеръ приметъ меня за переодѣтаго журналиста.

Тутъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ г-жи Унцеръ, которая, посмотрѣвъ на Шарлоту, съ перваго взгляда догадалась, что у нихъ было объясненіе, однако притворилась будто ничего не замѣтила, и такъ хорошо притворилась, что сама Шарлота была удивлена, видя такую недогадливость или простосердечіе.

Во время разговора, старушка бранила Зильбурга, зачѣмъ онъ не женится и восхваляла супружеское счастіе.

— Вѣроятно у васъ хватитъ состоянія, прибавила она, посматривая лукаво на Шарлоту, чтобъ воспитать прилично дѣтей своихъ.

Шарлота вспыхнула, а Зильбургъ, цѣлуя почтительно руку проповѣдницы, обѣщалъ исправиться.

Вскорѣ потомъ начали съѣзжаться пріятели старушки, и разговоръ сдѣлался общимъ. Сама-же она въ глубинѣ сердца благодарила Бога, что свиданіе это такъ благополучно кончилось.

XXVI.

На другой день утромъ, Доротея первая узнала отъ Шарлоты, что она и Зильбургъ дали другъ другу слово.

— Неужели это правда?! вскричала она, блѣднѣя. Не знаю почему, но я не могу глядѣть на Зильбурга безъ тайнаго ужаса!

— Не говори этого при мнѣ, отвѣчала кротко Шарлота. Это выборъ моего сердца, я ничего не боюсь, и жду спокойно судьбы своей. Можетъ-быть, мнѣ предстоятъ испытанія; но любовь моя такъ сильна и такъ безпредѣльна, что я готова на все, только не на разлуку съ нимъ.

Рѣшимость Шарлоты тронула Доротею, ей стало жаль сестры. Боясь за нее, она вскричала:

— А мать наша и братья.. что они скажутъ?

— А вотъ мы сейчасъ узнаемъ, отвѣчала спокойно Шарлота; я намѣрена сегодня-же объявить все матушкѣ и почти увѣрена въ ея согласіи; она знаетъ по собственному опыту (когда выходила за отца нашего), какія странныя обстоятельства соединяютъ иногда души людей по видимому вовсе несродныхъ. Чтоже до Фридриха, то я стану сопротивляться ему до тѣхъ поръ, пока онъ наконецъ уступитъ мнѣ; а если будетъ надобность, то призову на помощь доктора, который уговоритъ его.

— Не дѣлай этого, умоляю тебя, сказала Доротея съ грустною и лукавою улыбкою. Я лучше твоего знаю, что думаетъ докторъ о баронѣ. Не разсчитывай на его помощь, прибавила она дрожащимъ голосомъ, и яркая краска выступила на лицѣ ея.

Ясно было, что происходило въ душѣ бѣдной Доротеи.

— Неуже-ли ты въ самомъ-дѣлѣ воображаешь, что Унцеръ влюбленъ въ меня и ревнуетъ къ барону? спросила Шарлота съ удивленіемъ. Кромѣ самой чистѣйшей и искренней дружбы, я ничего никогда не замѣчала.

— Деликатные люди только такимъ образомъ и высказываютъ любовь свою, отвѣчала Доротея, напрасно старавшаяся скрыть свое смущеніе.

Двѣ жгучія слезы выкатились изъ глазъ Доротеи; она бросилась на грудь сестры, и сказала рыдая:

— Такъ онъ навсегда теперь несчастливъ! И ты могла предпочесть *ему* человѣка, котораго почти не знаешь, и характеръ котораго такъ недавно еще внушалъ тебѣ справедливое недовѣріе! Я готова была уже на все, да, на все!.. даже на женитьбу Унцера и ощущала какое-то самодовольствіе, что не завидую твоему счастію.. Но жертвовать Карломъ для Зильбурга, нѣтъ, я не могу этого понять!.. и не знаю, за кого должна больше бояться... за тебя или за него? за него, котораго я люблю больше всего въ мірѣ! Да, продолжала она, переставъ рыдать, но еще съ большимъ одушевленіемъ въ голосѣ и лицѣ: да, мнѣ не для чего больше скрываться и таить отъ тебя любовь, которая наполняетъ все существо мое и которая навсегда осталась-бы тайною, еслибъ ты вышла за него. Ты одна въ цѣломъ мірѣ можешь составить его счастіе. Ты не должна никого любить, кромѣ него. Да можно-ли тебѣ итти за Зильбурга, когда ты любима Унцеромъ, который обладаетъ всѣми сокровищами ума и сердца!

Шарлота съ удивленіемъ и восторгомъ смотрѣла на сестру; и готова была упасть на колѣна передъ нею; выраженіе такой любви, которая съ радостью жертвовала собою для счастья любимаго предмета, трогало ее до глубины души.

Шарлота не имѣла понятія о подобномъ самоотверженіи, никогда не видала подобной покорности, заливаясь слезами она вскричала:

— Боже мой, Боже мой!.. возможно ли, чтобъ могли отвергать такое сердце какъ твое? Тогда нѣтъ любви на свѣтѣ, нѣтъ сочувствія... а не то, онъ любилъ-бы тебя; видно одни мечтатели вѣрятъ симпатіи... ее нѣтъ, если онъ не любитъ моей дивной Доротеи. И ты хочешь чтобъ я любила человѣка, для котораго ты готова умереть, и хочешь чтобъ я обманывала его и обманывая приковала на всю жизнь къ себѣ?.. Да мы всѣ будемъ несчастливы!.. Нѣтъ! сердце знаетъ чего желаетъ; истина озарила твою и мою душу, и мы обязаны покоряться ея влеченію. Я поклялась Зильбургу въ любви и вѣрности, и отдала ему, какъ ты отдала Унцеру, свое сердце. Это будетъ тогда двойная измѣна; а я неспособна обманывать. Богъ знаетъ, что дѣлаетъ; Онъ указалъ каждой изъ насъ цѣль, къ которой мы должны стремиться; не указалъ только Унцеру; такъ мы это сдѣлаемъ, и Карлъ твой узнаетъ тогда, которая изъ насъ должна быть его женою.

— Я не понимаю тебя, сказала Доротея съ испугомъ.

— Да и не нужно понимать, отвѣчала Шарлота. Я понимаю тебя и увѣрена, что ты любишь доктора, и этого достаточно. Я сама наведу доктора на путь истинный, только не мѣшай мнѣ въ этомъ дѣлѣ; а въ моемъ собственномъ, личномъ дѣлѣ, помоги мнѣ, какъ добрая сестра.

Шарлота подробно и съ наслажденіемъ передала сестрѣ весь ходъ и развязку любви своей и заключила разсказъ, объявивъ, что баронъ желаетъ скрывать бракъ этотъ до поры, до времени, представивъ причины, заставляющія его дѣйствовать такимъ образомъ.

Доротея не возражала, только боялась, что матери ихъ будетъ трудно согласовать это требованіе съ приличіями свѣта. А затѣмъ она поцѣловала Шарлоту и обѣщала помогать ей по мѣрѣ силъ и умѣнья.

Мать была скорѣе удивлена, чѣмъ взволнована при вѣсти, что дочь ея выходитъ за неизвѣстнаго имъ человѣка

Мадамъ Аккерманъ, часто вспыльчивая, строгая и даже настойчивая, была спокойна и снисходительно слушала дочерей. Правда, она долго молчала, но тѣмъ внимательнѣе слушала разсказъ любви Шарлоты, которая во все это время сохраняла спокойный и натуральный видъ. Потомъ она впала въ глубокую задумчивость, и какъ-будто забыла, что дѣло идетъ объ ея материнскомъ согласіи, такъ, что Доротея два раза принуждена была спросить ее, что она объ этомъ думаетъ.

— Что могу я вамъ сказать? сказала она съ такою разсѣянностью, что было даже смѣшно въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ. Я бы не желала такой партіи для тебя, Доротея.

— Для меня?.. спросила удивленная Доротея.

— Для тебя или Шарлоты, не все-ли равно, отвѣчала она съ досадой, захлопнувъ со стукомъ табакерку. Прежде всего я желаю, чтобъ мужья ваши имѣли какое-нибудь значеніе въ свѣтѣ, чтобъ это были люди съ кредитомъ и основывали-бы будущность свою на какихъ-нибудь выгодныхъ занятіяхъ. Человѣкъ съ состояніемъ можетъ лишиться его, и если не умѣетъ ничѣмъ заняться, не имѣя въ самомъ себѣ достаточныхъ средствъ къ существованію, что будетъ съ нимъ въ послѣдствіи? это легко угадать. А любовью, все равно какъ нектаромъ или амврозіей жить нельзя, она невкусна покажется, когда пройдутъ медовые мѣсяцы и настанутъ полынные годы... тогда начнутся супружескія испытанія, и тогда только жена узнаетъ, чего можетъ ожидать отъ мужа; къ тому-жъ мы совсѣмъ не знаемъ его. Знатнымъ барышнямъ можно выходить за франтовъ, имъ все прощается, все съ рукъ сходитъ, даже неосторожность; знатные родственники вступятся, если неравно мужъ станетъ обижать жену; а намъ, грѣшнымъ, надо быть поосторожнѣе... Такъ-то дѣти мои!

Старушка, живая еще, не смотря на лѣта свои и толщину, продолжала говорить то нѣжнымъ, то воркливымъ тономъ объ опасностяхъ, могущихъ произойти отъ поспѣшности и опрометчивости въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ замужство. Она ораторствовала болѣе получаса, а все еще нельзя было догадаться, рада она, или нѣтъ сватовству этому. По-видимому она боялась ясно выразить свою мысль и желала выиграть побольше времени, чтобъ не дать согласія безъ вѣдома сына. Она также боялась произнести рѣшеніе свое, какъ дочери боялись услышать его.

Но Доротея, знавшая хорошо мать свою, и боясь вліянія на нее брата, довела ее наконецъ до рѣшенія:

— Сколько несчастныхъ браковъ видимъ мы, сказала она. а между тѣмъ обстоятельства и условія были таковы, что все повидимому предвѣщало счастіе, и никто не подозрѣвалъ даже, чтобъ молодая чета когда нибудь могла не только что поссориться, но даже надуться другъ на друга; а между тѣмъ тотчасъ послѣ брака выходило совершенно противное. Бывали и такіе браки, что услышавъ о нихъ, добрые люди вздыхали и покачивали головою, а Господь ниспосылалъ на нихъ свое благословеніе. Не помню, гдѣ я читала... кажется, въ театральномъ альманахѣ, что одна знаменитая актриса, молодая и прекрасная вдова, встрѣтила втораго мужа своего пощечиной, когда онъ въ первый разъ явился къ ней и заикнулся о любви своей. Чтожъ вышло? Черезъ нѣсколько недѣль она была его женою; и кто получилъ пощечину, не такъ досадовалъ, какъ тотъ, кто далъ ее.

— И что это былъ за человѣкъ, вскричала мадамъ Аккерманъ, съ чувствомъ посмотрѣвъ на портретъ своего мужа, висѣвшаго надъ диваномъ.

Доротея пользуясь благодатною минутою, когда въ сердцѣ матери ея воскресло воспоминаніе о счастливой порѣ ея жизни, сказала Шарлотѣ:

— Не думаю, чтобъ баронъ твой, еслибъ ты приняла его такъ, какъ мамаша наша изволила однажды принять бѣднаго отца нашего, возвратился снова къ тебѣ? Судя по наружности его, я увѣрена, что онъ не принялъ бы такъ благосклонно подобное доказательство любви. Какъ ты думаешь, Шарлота, попробуй-ка сегодня.

Мадамъ Аккерманъ, услышавъ подобное предложеніе, перемѣнилась въ лицѣ; но Доротея, какъ будто не замѣчая этого, начала разсказывать съ веселымъ видомъ и не давая ей времени возражать, что баронъ будетъ сегодня къ четыремъ часамъ; но какъ онъ не спрашивалъ и не получалъ еще королевскаго позволенія на бракъ съ Шарлотой, то ей можно принять его ласково, какъ знакомаго, а не какъ будущаго зятя; слѣдовательно ей нечего еще безпокиться, потому что до ея материнскаго согласія еще далека пѣсня.

Такое странное положеніе вовсе не нравилось М-мъ Аккерманъ, такъ, что дочерямъ ея большаго стоило труда упросить, чтобъ она принимала барона, пока придетъ позволеніе, какъ друга дома. Наконецъ она согласилась, но съ условіемъ,

чтобъ Шарлота не давала еще слова, потому что старушкѣ не пріятно было чтобъ въ семействѣ ея происходили такія вещи, которыя надо будетъ скрывать; она привыкла дѣйствовать всегда честно, открыто и глядѣть всѣмъ прямо въ глаза.

Кромѣ того она непремѣнно хотѣла знать мнѣніе Шредера; ему одному, говорила она, слѣдуетъ рѣшать въ такомъ дѣлѣ, которое неразлучно съ честью и достоинствомъ всего семейства. Рѣшеніе это повергло Шарлоту въ отчаяніе. Могла ли она надѣяться на благопріятный отвѣтъ брата, зная ненависть его къ Зильбургу. Къ тому же, соглашаясь на бракъ Шарлоты, Шредеръ терялъ въ ней первую и знаменитѣйшую актрису всей Германіи. Нѣтъ! онъ никогда на это не согласится, думала Шарлота; но по какому праву?.. Кромѣ власти матери и Макса я не признаю надъ собою другихъ властей! Шарлота несправедливо обвиняла брата въ корысти. Онъ дорожилъ ею, какъ артисткою, но не какъ актрисою, добывающею хорошіе сборы.

Но при мысли оставить сцену, сердце дѣвушки сжалось; она не могла вспомнить безъ слезъ, что настанетъ время, когда ей придется навсегда проститься съ искусствомъ, то есть, съ жизнью. Въ лишеніи этомъ она видѣла уже заранѣе борьбу съ любовью, которая повлечетъ ее по совершенно новой для нея дорогѣ и сдѣлаетъ внезапный и неожиданный переворотъ во всемъ существѣ ея.

Шарлота не безъ основанія боялась и съ нетерпѣніемъ желала знать какое впечатлѣніе произведетъ на брата это происшествіе, потому что онъ скорѣе могъ ожидать паденія солнца или луны, чѣмъ видѣть сестру свою невѣстою такого человѣка, который во всѣхъ отношеніяхъ ему не нравился. Строгія правила Шредера, управляющія какъ личными его поступками, такъ и сужденіями на счетъ ближнихъ, не могли согласоваться съ правилами и поступками такого человѣка, каковъ былъ Зильбургъ, характеръ и репутація котораго не пользовались большею славой, и о которомъ всѣ говорили какъ объ искателѣ любовныхъ похожденій и даже какъ о весьма безнравственномъ человѣкѣ?

Когда мать, въ присутствіи Доротеи, сообщила ему роковую вѣсть, онъ выслушалъ ее спокойно, хотя и мать и дочь ясно видѣли, какъ страшно подѣйствовало на него это извѣстіе. Но когда онъ узналъ, что наканунѣ г-жа Унцеръ допустила въ домъ у себя свиданіе, рѣшившее судьбу Шарлоты, и что въ слѣдствіе его баронъ сегодня же долженъ представиться семейству,

какъ женихъ Шарлоты, Шрёдеръ въ сильномъ волненіи вскочилъ съ мѣста, и обращаясь къ матери, вскричалъ задыхающимся голосомъ:

— И вы позволили?

— Нѣтъ еще, сынъ мой, прежде всего я хочу знать твое мнѣніе, отвѣчала старуха Аккерманъ кротко, но твердо; объ одномъ только прошу: не горячись и не выходи изъ себя, иначе мы не будемъ понимать другъ друга. Тутъ дѣло идетъ не о насъ и не о Зильбургѣ, а только объ одной Шарлотѣ, счастіе которой зависитъ отъ нашего рѣшенія..... Вотъ почему я умоляю тебя не предаваться слѣпому гнѣву, а обдумать все это основательно. Мы можемъ, судя по характеру Шарлоты, надѣлать ей много зла какимъ нибудь необдуманнымъ поступкомъ или опрометчивымъ рѣшеніемъ; но поправимъ ли его потомъ... вотъ вопросъ весьма важный.

Краткія, нѣжныя и благоразумныя сужденія матери произвели благопріятное впечатлѣніе на Шредера; онъ съ благодарностью поцѣловалъ руку матери и сказалъ съ чувствомъ:

— Вы совершенно правы; дѣло идетъ о слишкомъ важномъ предметѣ, чтобъ я позволилъ себѣ пылить. Я буду спокоенъ, совершенно спокоенъ и буду владѣть собою какъ только можно, когда увижу, что сбываются страшныя предчувствія и сбываются наистрашнѣйшимъ образомъ. Какъ давно я ожидалъ со страхомъ и томленіемъ той минуты, когда Шарлота полюбитъ! Какъ часто, слѣдя изъ-за кулисъ за игрою Шарлоты на сценѣ, я сравнивалъ силу ея трагическихъ ощущеній, артистической ея геніяльности, съ слабымъ, деликатнымъ ея сложеніемъ и впечатлительною ея натурою, тогда я невольно спрашивалъ самого себя, что будетъ если сердце ея наполнится теми чувствами, которыя она такъ дивно выражаетъ на сценѣ, и какъ перенесетъ она не на сценѣ и не въ костюмѣ Эмиліи Галотти или Рутландъ, горе и отчаяніе презрѣнной или обманутой любви?

— Ты высказалъ то, что я давно думала, сказала Доротея. Я не полагала чтобъ Шарлота когда нибудь влюбилась, и не могла представить себѣ человѣка, который могъ-бы внушить ей настоящую привязанность. Изъ-всѣхъ, кто ухаживалъ за нею, ни одинъ не возбуждалъ въ ней довольно сильнаго интереса, чтобъ я могла предполагать и бояться, что сердце ея въ опасности. Даже тѣ, которые отличаются особеннымъ умомъ, достоинствами или

любезностью... и тѣ не привлекали ея вниманія... Такъ, что слушая иногда сужденія Шарлоты о характерахъ людей этихъ, я была часто поражена непонятливостью ея и даже неразборчивостью на этотъ счетъ.

— Выборъ Зильбурга доказываетъ это! вскричалъ Шредеръ, хотя я не могу причислить его ни къ людямъ особеннаго ума, ни даже къ особенно любезнымъ людямъ. Можно ли было ожидать, чтобъ дѣвушка съ такимъ умомъ и воспитаніемъ, какъ Шарлота, могла влюбиться въ человѣка, въ которомъ нѣтъ ничего кромѣ хорошихъ манеръ.

Шрёдеръ, скрестивъ руки, ходилъ длинными шагами взадъ и впередъ по комнатѣ; вся наружность его показывала лихорадочное волненіе и даже отчаяніе. Мать тоже была въ безпокойствѣ, глядя на сына; оставалось одной Доротеѣ обдумать дѣло и предостеречь семейство свое отъ опрометчивости. Она боялась, чтобъ въ первую минуту они не употребили крайнихъ средствъ и не стали бы строгими мѣрами принуждать Шарлоту отказаться отъ Зильбурга и навсегда съ нимъ разстаться. Доротея понимала, что это было невозможно.

— Это значитъ подливать масло въ огонь! сказала она, когда Шредеръ объявилъ намѣреніе силою разлучить Шарлоту съ Зильбургомъ. Тебѣ вѣроятно хочется развить любовь эту и довести ее до самой сильной страсти, между тѣмъ, какъ въ сущности чувства Шарлоты не заслуживаютъ даже, быть можетъ, этого названія. Не забывайте, ради Бога, что имѣете дѣло съ дѣвушкою болѣзненнаго организма, пылкое воображеніе которой не имѣетъ границъ; сама того не зная и не понимая, она жаждала любви и потому попалась во власть человѣка, который первый заговорилъ о ней. Всѣ обожатели ея любили нѣжно, робко, деликатно, а потому не осмѣливались высказываться. Зильбургъ же поступилъ иначе; къ тому жъ всѣ они любили одинаково, а онъ не походилъ на другихъ; и кто наконецъ не пойметъ страннаго противорѣчія сердца ея съ этою любовью? она сама этого не подозрѣваетъ! Въ подобныхъ обстоятельствахъ слѣдуетъ вести себя съ нею какъ можно умѣреннѣе, а главное безъ насилій. Предоставимъ ей полную свободу любить въ Зильбургѣ то, что ей нравится, или то, что она находитъ въ немъ милымъ и не станемъ мѣшать ей узнать его покороче. Она сама удостовѣрится, можетъ быть, въ своемъ опасномъ ослѣпленіи; она почувствуетъ тогда всю разницу между собою и этимъ человѣкомъ,

сравнитъ свои чувства и понятія съ его понятіями, и вѣроятно сама откажется отъ него.

Сначала Шредеръ находилъ, что предложеніе это во многихъ отношеніяхъ опасно и возставалъ противъ него; но услышавъ, что мать соглашается съ мнѣніемъ Доротеи, призналъ однако что предложеніе это имѣетъ только ту выгоду, что дастъ имъ возможность поближе наблюдать за барономъ. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, Шредеръ согласился, что дѣло зашло уже слишкомъ далеко, и положеніе было слишкомъ затруднительно и щекотливо, чтобъ можно было надѣяться чего нибудь хорошаго отъ явнаго сопротивленія любви Шарлоты. И потому рѣшено было принять барона учтиво и ласково; притворяться будто ничего незнаютъ о сватовствѣ его; не препятствовать влюбленнымъ разговаривать, чтобъ Шарлота лучше могла узнать его; а если представится какой-нибудь особенный случай, то наблюдать, разузнавать о слухахъ, носящихся о характерѣ и нравственности его, и въ какой степени должно имъ вѣрить, чтобъ имѣть въ рукахъ доказательства противъ него и удалить окончательно отъ дома или принять предложеніе его. Намѣреніе это тѣмъ менѣе должно возмущать насъ, что Шредеръ, этотъ великій артистъ, этотъ благородный и откровенный человѣкъ, поступалъ такъ не изъ личныхъ выгодъ, а изъ преданности къ любимой сестрѣ; тутъ дѣло шло о счастіи и спокойствіи всей ея жизни. Только изъ уваженія къ столь важной причинѣ, онъ превозмогалъ себя, и если рѣшился сдѣлаться, такъ сказать, шпіономъ Зильбурга, такъ потому только, что слишкомъ высоко цѣнилъ честь своего семейства.

XXVII.

Хотя все семейство Аккерманъ неохотно согласилось принять Зильбурга, однако приняло его ласково, когда онъ пріѣхалъ; и, странно, противъ всякаго ожиданія, первое его посѣщеніе произвело на всѣхъ пріятное впечатлѣніе. Мать нашла, что наружность и манеры его очень благородны, а когда онъ уѣхалъ, то даже Доротея объявила, что на этотъ разъ онъ ей гораздо больше понравился, чѣмъ прежде, когда она съ нимъ встрѣчалась. Шредеръ же не высказывалъ своего мнѣнія, потому что не хотѣлъ признаться что при другихъ обстоятельствахъ онъ и ему-бы сильно понравился. Баронъ такъ достойно, и между тѣмъ такъ скромно держалъ себя съ нимъ, и въ продолженіе разговора

такъ дѣльно судилъ о театрѣ Шредера и о сильномъ вліяніи его на драматическое искусство въ Германіи, что Шредеръ, артистъ на дѣлѣ и въ душѣ, принужденъ былъ отдать справедливость обработанному и просвѣщенному уму своего новаго знакомаго, и готовъ былъ приписать любовь барона впечатлѣнію, произведенному на него игрою Шарлоты. Такой тонкій знатокъ и смышленый цѣнитель талантовъ долженъ былъ полюбить въ Шарлотѣ дивную арстистку, думалъ самъ про себя Шредеръ, стало быть, онъ не только извинялъ Зильбурга, но даже находилъ, что иначе и быть не могло, если баронъ такъ глубоко понималъ и цѣнилъ драматическое искусство.

Зильбургъ съ своей стороны былъ такъ радъ, что познакомился съ домомъ Аккермановъ, что единственною его заботою было упрочить за собою эту радость и продолжать двойную роль свою: явнаго друга дома и тайнаго жениха Шарлоты. Что могъ онъ выдумать пріятнѣе такой связи, которая позволяла ему продолжать холостую , независимую жизнь, а между тѣмъ представляла всю прелесть и всѣ наслажденія, посредствомъ которыхъ для счастливаго жениха сокращается дорога, ведущая его отъ земли на небо? Пріятный домъ, пріятная собесѣдница и къ-тому же знаменитая... чего же лучше для такого человѣка какъ Зильбургъ: вѣтреннаго, непостояннаго, не любящаго принужденій и церемонности? и для воображенія и для самолюбія хорошо! Тутъ нѣтъ ни стѣснительныхъ обязанностей, ни скучной принужденности; стоитъ только обходиться вѣжливо съ родными Шарлоты и держать себя человѣкомъ нравственнымъ и солиднымъ, тогда онъ можетъ смѣло дѣлать все, что угодно.

Таковы были размышленія барона, когда онъ возвращался отъ Аккермановъ послѣ перваго своего посѣщенія. Онъ былъ еще въ упоеніи отъ счастія, потому что Шарлота, провожая его, спустилась до конца лѣстницы, и въ ту минуту, какъ дверь растворилась, порывъ вѣтра задулъ свѣчу. Влюбленные воспользовались темнотою и распростились понѣжнѣе, чѣмъ бы слѣдовало; потомъ Шарлота взбѣжала поспѣшно наверхъ, оставивъ Зильбурга въ темнотѣ, дрожащаго отъ удивленія и счастія.

Баронъ тогда только вышелъ изъ этой сентиментальной восторженности, когда хозяинъ гостиницы, поджидавшій возвращенія его, подалъ ему письмо отъ друга его, маіора фонъ Т.

изъ Копенгагена. Маіоръ писалъ Зильбургу, что начальство позволяетъ ему остаться въ Гамбургѣ. На счетъ же сношеній его съ Шарлотой, Т. мало распространялся и говорилъ только то, что всегда говорилось какъ прежде, такъ и теперь между волокитами, когда они бесѣдуютъ о своихъ любовныхъ продѣлкахъ. Между тѣмъ, кончая письмо, маіоръ говорилъ, что интрига съ такой дѣвушкой какъ Шарлота, можетъ дорого обойтись другу его, и что ему не слѣдуетъ употреблять здѣсь обыкновенныхъ своихъ способовъ съ женщинами. Письмо кончалось дружескимъ совѣтомъ оставить лучше эту интригу, на которую уйдетъ много времени, и забавляться, по обыкновенію всѣмъ, что встрѣтится ему на улицѣ.

Зильбургъ отъ души расхохотался совѣтамъ и безпокойству своего друга. Ему нечего было бояться: все шло такъ хорошо, даже лучше, чѣмъ онъ могъ надѣяться. Шарлота предалась ему всѣмъ существомъ своимъ; семейство ея вовсе не было такъ строго, какъ онъ предполагалъ сначала, не дѣлало большихъ затрудненій и допускало его, когда угодно, къ возлюбленной Шарлотѣ; чего-жъ больше? Теперь, если неравно онъ захочетъ жениться, ему остается только испросить и получить позволеніе короля, формально посвататься за Шарлоту, повести ее къ алтарю и съ тріумфомъ ввести въ Копенгагенъ, пока другъ его Т. станетъ продолжать забавляться, по обыкновенію своему, всѣмъ, что встрѣтится ему на улицѣ.

Странная вещь! посреди великолѣпныхъ и романическихъ грезъ этихъ непріятное чувство овладѣло Зильбургомъ: какая-то неясная и необъяснимая досада на Шарлоту. «Ей хочется, можетъ быть, замужъ, перемѣнить плебейскую фамилію свою на знатное имя баронессы Зильбургъ? Хоть она и знаменита, а все таки актриса. Вѣдь это еще не любовь!» думалъ баронъ.

Но самъ Зильбургъ?.. любилъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ Шарлоту? Вѣдь и это не любовь: желать обладать дѣвушкой, не дѣлая съ своей стороны никакихъ пожертвованій. Зильбургъ самъ не понималъ, отчего ему было неловко, непріятно... Не оттого ли, что когда сбывается неожиданное счастье, на которое мы не смѣли разсчитывать, въ насъ является послѣ первыхъ минутъ восторга какая-то пустота? Или баронъ не былъ доволенъ собой и своимъ положеніемъ, или, можетъ быть, ему надоѣли успѣхи? Не слишкомъ ли легко ему досталась Шарлота, ему, который ужъ такъ часто ставалъ судьбу свою на карту?

Какъ мореходецъ, вышедшій на твердую землю, качается съ боку на бокъ, такъ и Зильбургъ не зналъ, на что рѣшиться; какой-то новый воздухъ обхватилъ его и вѣялъ на него вѣстью, что послѣ долгихъ и многихъ заблужденій ему пора наконецъ пристать къ берегу и что берегъ этотъ близокъ. Въ домѣ Аккермана онъ понялъ въ этотъ день, что такое семейное счастіе, совершенно неизвѣстное ему и о которомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, къ которому надо поддѣлаться и покориться, коль скоро войдешь въ область его.

Да, вотъ что сжимало сердце его посреди фантастическихъ сновидѣній его новаго Эльдорадо. Онъ вдругъ вспомнилъ впечатлѣніе, произведенное на него домомъ и семействомъ Аккерманъ, впечатлѣніе, которое онъ забылъ, предаваясь мечтамъ своимъ; но оно было таково, что Зильбургъ не могъ сомнѣваться, что счастье его зависѣло только отъ этихъ условій. Баронъ воображалъ найти тамъ совершенно противное; но увидѣвъ строгую нравственность, мѣщанскую простоту, тихій семейный бытъ, порядокъ, изящество, соединенное съ экономіею, онъ задумался. Семейство это во всѣхъ привычкахъ и пріемахъ своихъ представляло патріархальную семью Гамбургскаго гражданина. Не было и слѣда безпечности, нерадивости и страннаго безпорядка, такъ часто виданнаго имъ въ домахъ актеровъ; въ домѣ же Аккерманъ никогда не забывалось приличіе, ничто не напоминало, что находишься между людьми, которыхъ товарищи заимствуютъ краску стыда и невинности только изъ банки съ румянами; не было замѣтно и самонадѣянности, которая почти всегда неразлучна съ актеромъ, избалованнымъ публикою, рукоплесканіями и вызовами, и въ домашнихъ даже отношеніяхъ сбивающими на закулиснаго героя.

Тогда только Зильбургъ убѣдился, что слишкомъ опрометчиво предался надеждамъ своимъ обладать Шарлотой, не давъ ей своего имени; что семейство ея ни подъ какимъ видомъ не потерпитъ какихъ бы то ни было сношеній, которыя могутъ помрачить честь дома, что онъ имѣетъ другіе виды, а не формальное и гласное предложеніе руки своей.

Когда Зильбургъ поуспокоился и пораздумалъ, то разсужденія убѣдили его, что Аккерманы, принимая его наивѣжливѣйшимъ образомъ, не позволяли ему однако слишкомъ близкихъ сношеній съ Шарлотой, особенно Шредеръ въ обхожденіи съ нимъ наблюдалъ самую церемонную манеру.

Но чего-же я хочу наконецъ?! вскричалъ онъ, вскакивая съ креселъ и бросая съ досадой письмо друга своего, котораго считалъ единственною причиною страннаго расположенія духа, въ которомъ теперь находился. Не дуракъ ли я, что вѣрю человѣку, который не знаетъ ни Шарлоты, ни обстоятельствъ нашихъ? Вѣдь Шарлота моя, она поклялась мнѣ?... а я... принадлежу ей до послѣдней капли крови! Правда, что до сихъ поръ я почти не думалъ о бракѣ, хотя и показывалъ часто видъ будто хочу жениться; иногда мнѣ и въ самомъ дѣлѣ приходилъ этотъ капризъ, но не надолго; но кто-же изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ я любилъ мимолетно и мимоходомъ, можетъ сравниться хотя приблизительно съ моею ненаглядною Шарлотою? Разумѣется, что ни одна, хотя многія изъ нихъ кричали обо мнѣ, какъ о человѣкѣ коварномъ, вѣтренномъ, который губитъ бѣдную невинность и отъ котораго неопытныя дѣвушки должны бѣжать, какъ отъ огня, ха! ха! ха! Какъ будто я единственный человѣкъ въ мірѣ, которому пришлась по вкусу философія Казановы!

Зильбургъ еще подумалъ немножко; потомъ всталъ рѣшительно, подошелъ твердымъ шагомъ къ письменному столу и написалъ другу своему, что онъ такъ любитъ Шарлоту, что рѣшается жениться, потому-что иначе нельзя. Въ письмѣ этомъ Зильбургъ просилъ друга похлопотать о позволеніи короля и немедленно прислать формальную бумагу. Приэтомъ Зильбургъ написалъ просьбу, которую Т. долженъ былъ самъ лично передать королю, при первомъ удобномъ случаѣ, и если понадобится, то доставить необходимыя объясненія. Зильбургъ описалъ бытъ Аккермановъ и воспитаніе Шарлоты. Кончая письмо, онъ говорилъ:

«Ревностная дружба твоя ручается мнѣ за успѣхъ дѣла, которое, надѣюсь, ты не станешь откладывать, иначе пламя страсти моей можетъ всего меня сжечь, превратить въ пепелъ, или отъ слишкомъ большаго нетерпѣнія можетъ само погаснуть безъ моего вѣдома. Я не весталка, и потому не сумѣю можетъ быть сохранить священный огонь. Виноградъ, который мнѣ хочется достать, виситъ высоко, это правда; но такой ловкій молодецъ, какъ я (вспомни окно хорошенькой моей Агнесы) непремѣнно схватитъ его, или благородно сломаетъ шею при смѣломъ предпріятіи. Графиня возвратилась и живетъ весьма уединенно. По правдѣ сказать, мнѣ пріятнѣе было бы знать ее на концѣ свѣта, чѣмъ въ Гамбургѣ. Я боюсь, чтобъ

она... а тебя, прошу и умоляю: до новаго моего предписанія не говорить никому ни слова о театральныхъ моихъ амурахъ, особенно нашимъ старымъ полковымъ кумушкамъ! Прощай, товарищъ! Надѣюсь забыть скоро въ объятіяхъ моей Эмиліи Галотти всю горечь и тернія прошлаго. *Honny soit qui mal y pense!*»

XXVIII.

Баронъ правду говорилъ, когда писалъ другу своему въ Копенгагенъ, что графиня ведетъ очень уединенную жизнь. Она бросила почти всѣ прежнія свои знакомства и ограничилась маленькимъ кружкомъ вѣрныхъ и преданныхъ друзей. Къ томужъ, преждевременная смерть графа разогнала рой мнимыхъ друзей, которые бывало собирались къ веселому, гостепріимному графу и его восхитительной супругѣ. Но графиня вовсе не думала еще открывать дома своего для блестящихъ собраній, и тѣмъ менѣе сдѣлать изъ свободы своей и состоянія (на что многіе надѣялись) такое употребленіе, какое обыкновенно дѣлаютъ молодыя вдовы по истеченіи траурнаго года.

Мы знаемъ уже какъ Ульрика испугалась, когда узнала, что баронъ, котораго она полагала въ Шлезвигѣ, находится еще въ Гамбургѣ. Сосѣдство ненавистнаго человѣка этого казалось ей страшнымъ предзнаменованіемъ. Но когда Франциска, возвратясь однажды домой, разсказала графинѣ внѣ себя отъ ужаса, что встрѣтила Зильбурга и утверждала, что онъ слѣдилъ за нею, Ульрика убѣдилась, что онъ замышляетъ противъ нея какія нибудь козни.

За то какъ обрадовалась она и какъ успокоилась, когда нѣсколько дней спустя, старикъ, дядя ея, или лучше сказать второй отецъ, полковникъ Кольбахъ пріѣхалъ неожиданно изъ Копенгагена и поселился въ ея домѣ. Я потому пріѣхалъ, говорилъ онъ племянницѣ, что придворный воздухъ мнѣ вреденъ, я схватилъ тамъ насморкъ и пріѣхалъ сюда лечиться. Дѣло-же само по себѣ вотъ въ чемъ было: старый воинъ, благодаря строптивому и упрямому характеру своему, перессорился почти со всѣми вліятельными лицами, почему и вышелъ въ отставку. Въ слѣдствіе непріятностей этихъ, нравъ его сдѣлался страшно угрюмъ; онъ не переставалъ ворчать и нападать на свѣтъ и на людей, называя ихъ неблагодарными и коварными, отвергалъ въ нихъ

все хорошее, и по привычкѣ большей части стариковъ, утверждалъ, что благодатныя времена прошли и не возвратятся больше.

По правдѣ сказать, этотъ дядя Антоній былъ престранный оригиналъ съ своимъ тощимъ лицомъ, сухимъ и длиннымъ какъ палка станомъ, огромнымъ чернымъ пластыремъ на лѣвомъ глазу, котораго лишился въ морскомъ сраженіи противъ Тунисскихъ пиратовъ. Добрый по природѣ и кроткій, какъ ребенокъ, онъ сдѣлался такимъ сердитымъ и настойчивымъ, въ слѣдствіе усталости и интригъ по службѣ, что надо было знать его такъ-же коротко, какъ Ульрика, чтобы ужиться съ нимъ. Въ характерѣ его было странное смѣшеніе доброты, грубости, простосердечія и упрямства; онъ выходилъ изъ себя, когда дѣло касалось чести, и разъ принявши какое-нибудь намѣреніе, настаивалъ и былъ непоколебимъ въ своемъ мнѣніи, еслибъ даже весь свѣтъ возставалъ противъ него. Скорѣе можно было вынуть у него пулю, которую болѣе двадцати лѣтъ онъ носилъ въ боку, чѣмъ отговорить отъ намѣренія однажды принятаго. Эта настойчивость характера такъ ясно, рѣзко и краснорѣчиво выражалась во всей его особѣ, что при первомъ взглядѣ онъ производилъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, и каждый охотно уступалъ ему дорогу, чтобъ только быть подальше отъ сварливаго полковника. Разговоръ его былъ такъ же страненъ, какъ и его особа; ему трудно было сказать три слова сряду и ясно передать мысль свою. Онъ заикался и безпрестанно кашлялъ, такъ, что каждая начатая фраза кончалась конвульсіями въ лицѣ и непонятнымъ шепеляньемъ, въ которомъ только одна буква *р* сохраняла свое настоящее значеніе; остальныхъ буквъ невозможно было разобрать, всѣ онѣ сливались въ неясные, неуловимые звуки; между-тѣмъ, огромный свѣтлоголубой глазъ его непріятно смотрѣлъ на васъ и металъ искры изъ глубины своей орбиты, какъ будто глазъ этотъ, видя, что языкъ владѣльца, истощивъ весь запасъ словъ и слоговъ, не въ состояніи больше шевелиться, досказывалъ выраженіемъ своимъ остальную мысль его.

Единственное слово, которое дядя Антоній произносилъ явственно, не запинаясь, такъ что всякій могъ понять его, было: «*откровенно*», онъ употреблялъ его ежеминутно и при всякомъ удобномъ случаѣ. Слово это вертѣлось на языкѣ полковника, такъ что съ помощью его онъ могъ высказывать все, что у него было на сердцѣ. Приходилось ли ему проклинать

кого, или благословлять, выражать гнѣвъ, досаду или радость, слово «*откровенно*» выручало его изъ бѣды.

Вотъ человѣкъ, который былъ вторымъ отцомъ Ульрики во время первой ея молодости, и которому она обрадовалась, какъ ангелу-хранителю, ниспосланному самимъ небомъ, чтобъ защитить ее въ одиночествѣ.

Полковникъ, который при жизни графа, ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ бывать у племянницы, вскорѣ освоился въ ея домѣ; ему было ловко и пріятно, а большой и роскошный городъ Гамбургъ нравился ему гораздо больше Копенгагена.

Когда этотъ старый, худощавый и сѣдой воинъ съ своимъ огромнымъ чернымъ пластыремъ на глазу и прямымъ упругимъ станомъ, показывался на улицѣ, дѣти, увидѣвъ суроваго старика, прятались по домамъ. Но такъ какъ его никто не зналъ, а надо же было называть какъ-нибудь, то въ кварталѣ, гдѣ находился домъ графини, его прозвали сотникомъ изъ Капернаума. Прозвище это переходило изъ устъ въ уста, по-мѣрѣ того, какъ полковникъ дѣлался популярнымъ.

Около этого времени на гамбургскомъ театрѣ готовились дать *Отелло* Шекспира, и вся образованная публика, исключая, разумѣется, ревностныхъ защитниковъ старой школы и нѣсколькихъ ханжей, которые считали-бы за преступленіе хоть одинъ разъ побывать въ театрѣ, принимала живѣйшее участіе въ первомъ представленіи этой трагедіи.

Ульрика любила театръ, а какъ въ дружескомъ кругу ея, съ нѣкотораго времени, только и говорили объ *Отелло*, то она рѣшилась ѣхать съ Франциской въ театръ, первый разъ, какъ будутъ играть *Отелло*. Графиня не могла однако уговорить дядю Антонія ѣхать туда съ нею, потому-что онъ не находилъ ничего отвратительнѣе театра, и говорилъ *откровенно*, что драмы, оперы и комедіи ведутъ прямо въ сумасшедшій домъ.

Шредеръ, по обыкновенію своему въ важныхъ случаяхъ, ничего не упустилъ изъ виду, чтобъ возбудить въ высшей степени ожиданія публики и воспроизвести на нѣмецкой сценѣ великаго Шекспира такъ, чтобъ все соотвѣтствовало величію его генія. За то, за нѣсколько дней до представленія, всѣ мѣста были уже разобраны, а вечеромъ, въ день представленія, съѣздъ такъ былъ великъ и народу такъ много, что полиція принуждена была разставить солдатъ по театральной площади и Гусиному рынку (Gänsenmarkt). Зала была биткомъ набита;

съ самаго представленія Рутландъ не было еще никогда такого огромнаго стеченія народа. А между тѣмъ, та, которая имѣла особенное право привлекать толпу, не играла въ этотъ вечеръ; Шредеръ отдалъ роль Десдемоны старшей сестрѣ ея, которой шелъ во всѣхъ отношеніяхъ этотъ идеалъ, типъ женщины, этой Десдемоны, о которой собственный отецъ говоритъ, что она краснѣетъ при каждомъ движеніи души, и что даже имя ея «такъ свѣтло и ясно, какъ ликъ Діаны». Брокманъ взялся за роль Отелло; это былъ «страстный, свирѣпый Отелло», какъ выразился одинъ современный критикъ. Шредеръ, въ роли Яго, какъ будто укралъ себѣ на нѣсколько часовъ душу изъ самаго ада, такъ отчетливо, хорошо и вѣрно онъ передалъ характеръ этого холоднаго, коварнаго и хитраго злодѣя, который произноситъ судъ надъ самимъ собою, говоря:

«*Найдти подобнаго мнѣ человѣка, невозможно!*» Графиня, сидѣвшая съ Франциской въ первомъ ярусѣ, слѣдовала, какъ всѣ вообще зрители, за ходомъ дѣйствія съ невыразимымъ интересомъ, и, съ самаго перваго акта, вздрагивала каждый разъ, какъ Яго появлялся на сценѣ. Воображеніе ли, талантъ ли актера, или что другое, только фигура Яго такъ сильно дѣйствовала на графиню, что ей казалось будто фигура эта сливалась во-едино съ тѣмъ человѣкомъ, который игралъ при особѣ ея подобную же роль. Какъ истинный артистъ, Шредеръ не преувеличивалъ роли, не выставлялъ въ яркихъ краскахъ пороковъ этой личности, не прибавилъ ни одной рѣзкой черты, и представлялъ такъ, какъ поэтъ создалъ ее; онъ развивалъ медленно и постепенно этотъ адскій характеръ, и только одними переходами, почти неосязаемыми, но понятными внимательному зрителю, показывалъ изъ-за человѣческой фигуры, наистрашнѣйшее орудіе, которымъ когда либо судьба разрушала земное блаженство. Зрители съ замираніемъ сердца принуждены были вѣрить этому изображенію человѣческой искаженной натуры, потому что артистъ умѣлъ развертывать ее медленно предъ ихъ глазами, а между тѣмъ не перешелъ за черту поэтической истины.

Настала сцена, когда коварный Яго ядовитою клеветою своею вонзаетъ жало ревности въ сердце неумолимаго Отелло: образы и даже слова поэта напомнили еще больше графинѣ то странное время, когда баронъ дѣйствовалъ точно такъ же съ ея Албертомъ, и также покушался погубить ее во мнѣніи мужа. Ей казалось, что передъ нею развертывается и проходитъ, какъ

навернутая на палку картина, ея собственная исторія до той роковой минуты, когда ея собственный Яго ослѣпляетъ графа своими хитрыми клеветами. Вдругъ въ эту минуту, когда Яго подаетъ роковой платокъ Мавру и Отелло, вполнѣ убѣжденный такимъ неоспоримымъ доказательствомъ, произноситъ медленно: «Такъ ты говоришь, что... О! теперь я припоминаю.. и воспоминаніе это носится надо мною, какъ черный воронъ, предвѣщающій смерть около зачумленнаго дома... и воспоминаніе это носится надъ живымъ еще, но близкимъ трупомъ... оно тоже грозитъ смертію...» Ульрика вскрикиваетъ, блѣднѣетъ, наклоняется къ Францискѣ и дрожжащимъ голосомъ говоритъ:

Смотри, Франциска, вотъ нашъ Яго, вонъ въ этой ложѣ... Онъ улыбается, радуется вѣрному своему изображенію, и разговариваетъ что-то слишкомъ фамильярно съ дамой, что сидитъ въ сосѣдней ложѣ... О еслибъ я могла предупредить эту хорошенькую дѣвушку быть осторожнѣе.

Франциска отыскала скоро глазами Зильбурга, сидѣвшаго противъ нея въ глубинѣ ложи. Пока вниманіе всѣхъ устремлено было на сцену, онъ тайкомъ, и повидимому съ большимъ жаромъ и безцеремонно разговаривалъ съ какою-то дамой, сидѣвшею въ сосѣдней ложѣ, а дама эта внимательно и робко слушала этотъ шепотъ. Ульрика видѣла какъ дама то вспыхивала, то блѣднѣла, наконецъ Зильбургъ всталъ, значительно посмотрѣлъ на свою хорошенькую сосѣдку, которая кивнула ему головою, и вышелъ изъ ложи. Спустя нѣсколько минутъ, она тоже исчезла.

Послѣ этой сцены, для графини не существовало ни Отелло, ни Десдемоны, ни Яго; всѣ мысли ея были прикованы къ прекрасной дѣвушкѣ, такъ недавно сидѣйшей передъ нею. Даже встрѣча съ самимъ Зильбургомъ, котораго Ульрика ужъ очень давно не видала, не такъ занимала ее, какъ боязнь за незнакомку, въ которой она видѣла новую жертву злодѣя. Они вышли вмѣстѣ изъ театра и не возвращались. Ульрика была довольно проницательна, слѣдовательно, судя по наружности и манерамъ дамы, она убѣдилась, что это была благовоспитанная дѣвушка, изъ честнаго семейства, и дрожала при мысли ожидающаго ее несчастія.

Пьеса кончилась посреди всеобщей мертвой тишины; впечатлѣніе было такъ сильно, что когда завѣса опустилась, никто не шелохнулся; не было ни одного аплодисмента; наконецъ всѣ

встали въ молчаніи и поспѣшили домой, какъ будто торопясь стряхнуть съ себя страшную тяжесть.

Не смотря на это, Шредеръ попробовалъ дать Отелло на другой день; но публики было очень мало. Самые ревностные поклонники Шекспира утверждали въ одинъ голосъ, что это слишкомъ сильно потрясаетъ нервы и слишкомъ раздражаетъ чувствительность гамбургскихъ жителей, и что лучше было-бы, еслибъ коварный Яго былъ наказанъ, а не безвинная Десдемона. А когда нѣсколько недѣль спустя, Шредеръ объявилъ третье представленіе Отелло, то гамбургскій совѣтъ потребовалъ, чтобъ онъ уничтожилъ тѣ сцены, которыя такъ страшно и раздражительно дѣйствуютъ на зрителей, а главное, чтобъ не было кровавой катастрофы, отъ которой дамы падаютъ въ обморокъ. Благодаря такой разумной мѣрѣ, принятой мудрыми совѣтниками Гамбурга, Отелло во время третьяго представленія, не смотря на жаръ африканской крови своей, сдѣлался гораздо благоразумнѣе, и принимая въ соображеніе, что между Кипромъ, островомъ полуязыческимъ и городомъ Гамбургомъ, добрымъ нѣмцемъ, есть маленькая разница, понялъ наконецъ, что нельзя же убивать въ глазахъ почтеннаго сената, хотя и театральнымъ кинжаломъ, добрую, невинную женщину за то только, что ему вздумалось приревновать ее, вѣдь это и неловко, и конфузно для господъ совѣтниковъ, которымъ непріятно видѣть, какъ мужъ и жена ссорятся, и тѣмъ болѣе такъ кровопролитно. И такъ въ уваженіе къ общему благу, Отелло не убиваетъ Десдемону, а напротивъ, супруги, въ трогательной сценѣ примиряются; такъ, что вѣрность и любовь торжествуютъ надъ хитростью и клеветою. Яго одинъ подвергается заслуженному наказанію. Его безъ всякой жалости убиваютъ, а нѣжные супруги возвращаются благополучно въ Венецію.

Одни только люди набожные не соглашались, чтобъ играли *Новаго Отелло* (такъ называлась на афишахъ эта піеса, изъ трагедіи превратившаяся въ драму), и при этомъ случаѣ теологи поссорились съ театромъ. Ревнители требовали чтобъ теологическій факультетъ Геттингена утвердилъ рѣшеніемъ мнѣніе свое на счетъ безнравственнаго направленія современной драматургіи и театра. Началась борьба, и съ каѳедры перешла въ печать, гдѣ журналисты торжественно доказали теологамъ, что театръ, который претерпѣваетъ отъ нихъ столько нападокъ, имѣетъ на духъ и нравственность народа самое благодѣтельное вліяніе.

XXIX.

Съ тѣхъ поръ какъ баронъ былъ принятъ въ домѣ Аккерманъ и какъ семейство молча соглашалось съ намѣреніями его, миръ и веселье, которымъ оно всегда наслаждалось, исчезли изъ среды его. Во всемъ чувствовалось вліяніе посторонняго лица, которое было чуждо какъ общему духу дома, такъ и обывателямъ его отдѣльно, и исключительное положеніе котораго требовало тягостныхъ предосторожностей, какъ въ отношеніи свѣта, такъ и въ отношеніи самихъ себя. Шрёдеръ просилъ и настаивалъ, чтобы въ домашнемъ кругу вовсе не говорили о свадьбѣ до тѣхъ поръ, пока можно будетъ это объявить всѣмъ и каждому. Такое рѣшеніе совершенно согласовалось съ нравственною деликатностью; но въ отношеніи къ влюбленнымъ вовсе не было благоразумно. Съ одной стороны имъ позволялось втайнѣ то, чего не позволили бы публично, а съ другой родные Шарлоты дѣйствовали какъ будто ничего не видятъ, что подъ конецъ повлекло за собой непріятныя слѣдствія, чего впрочемъ должно было ожидать.

Ежедневныя посѣщенія барона, который ни съ того, ни съ сего такъ неожиданно былъ принятъ въ число домашнихъ друзей, вызвали толки, подходящіе ближе къ истинѣ, чѣмъ могли предполагать сами Аккерманы.

Шредеръ, къ великому своему горю, увидѣлъ скоро, что многимъ изъ старинныхъ и преданнѣйшихъ друзей его было какъ-то неловко съ Зильбургомъ; чистосердечіе и непринужденность исчезали по немногу изъ этого веселаго, задушевнаго кружка отъ присутствія этого иностранца; нѣкоторые даже спрашивали съ удивленіемъ и любопытствомъ кто таковъ этотъ баронъ фонъ Зильбургъ и какой сильной рекомендаціи обязанъ онъ такимъ особеннымъ вниманіемъ. Однимъ словомъ, Шредеръ увидѣлъ скоро, что онъ и мать его весьма дурно поступили допустивъ короткость, которая по неопредѣленному характеру своему возбудила непріятные толки. Если самые близкіе друзья Аккермановъ дѣлали не совсѣмъ выгодныя для нихъ предположенія, чего же было ожидать отъ враговъ и завистниковъ, которымъ невозможно было отнять или уничтожить славу артистовъ? такъ почему жъ врагамъ этимъ было не пользоваться случаемъ и не навлекать подозрѣній на домашнюю жизнь артистовъ и не обви-

нять въ чемъ нибудь такомъ важномъ, что навѣки заклеймило бы то, что стояло выше ихъ во всѣхъ отношеніяхъ?

Мучимый подобными непріятностями, заваленный дѣлами и работой, Шредеръ, обыкновенно столь твердый и спокойный, сдѣлался сердитымъ, раздражительнымъ съ окружающими, и самъ не замѣчалъ этого. Безпокойство и неудовольствіе его увеличивались по мѣрѣ того, какъ связь Зильбурга съ Шарлотой продолжая существовать, оставалась въ неопредѣленныхъ условіяхъ. Баронъ ѣздилъ къ нимъ ежедневно, и поведеніе его ясно доказывало какъ онъ умѣлъ пользоваться выгодами, предоставленными ему снисхожденіемъ семейства Аккерманъ. Не будучи еще слишкомъ близкимъ съ Шарлотой, онъ часто имѣлъ однако случай говорить съ нею наединѣ, и бралъ все болѣе и болѣе власти надъ нею; Шредеру пришло даже въ голову, что Зильбургъ не довольствуясь этими разговорами, имѣлъ съ сестрою его свиданія внѣ дома, чему репетиціи и продолжительныя прогулки Шарлоты очень способствовали; къ тому же, она подъ разными предлогами могла на долго отлучаться изъ дому. Внимательный глазъ брата видѣлъ, что Шарлота была постоянно въ какомъ-то волненіи, которое старалась скрывать; оно истощало силы ея и бросало изъ одной крайности въ другую. Онъ часто видѣлъ, какъ она краснѣла, блѣднѣла или вздрагивала безъ всякой видимой причины; если же оставалась одна, то слышно было какъ она разговаривала вслухъ сама съ собою, а съ окружающими дѣлалась робка и боязлива, какъ будто ей вездѣ было неловко, словно всѣ смотрятъ на нее съ подозрѣніемъ. Шарлота сдѣлалась нерадива къ искусству своему, была разсѣянна, какъ на сценѣ, такъ и на репетиціяхъ, и немогла больше играть ролей, которыя наиболѣе любила, а главное въ тѣхъ пьесахъ, въ которыхъ такъ нравилась публикѣ своею игривостью, остроуміемъ и кокетствомъ; а пантомимы и танцы совершенно опротивѣли ей, хотя въ нихъ она наиболѣе пріобрѣтала рукоплесканій.

Наблюденія эти ставили Шредера въ жестокое недоумѣніе, тѣмъ болѣе, что справки, которыя онъ наводилъ на счетъ прежней жизни Зильбурга, подтверждали дурное мнѣніе, которое онъ имѣлъ о немъ съ самаго начала.

Безграничная преданность Шредера къ Шарлотѣ, которую онъ считалъ украшеніемъ семейства и славою театра, не давала

ему покоя, а главное онъ упрекалъ себя что содѣйствовалъ и какъ будто потакалъ еще этой несчастной страсти, которая приводила его въ отчаяніе. Онъ говорилъ, что это первый, съ его стороны, неблагородный поступокъ, и не зналъ, какъ бы поправить и загладить его, и потому рѣшился посовѣтоваться съ самымъ задушевнымъ другомъ своимъ, докторомъ Унцеромъ, излить горе свое въ его сердце и найти какое нибудь средство выйти наконецъ изъ такого невыносимаго положенія.

Чрезъ нѣсколько дней Шредеръ снова отправился къ Унцеру въ загородный домъ его. Вечерѣло когда онъ подъѣхалъ къ уединенному жилищу доктора. Свѣта небыло въ окнахъ; садовая калитка была замкнута, и хотя Шредеръ постучался довольно громко, и нѣсколько разъ съ ряду, отвѣта не было и никто не пришелъ отворить ему. Снѣгъ и холодный вѣтеръ вывели изъ терпѣнія Шредера; онъ перелѣзъ чрезъ каменную стѣну. Глубокая тишина царствовала кругомъ дома; только вѣтеръ завывалъ въ вѣтвяхъ и качалъ деревья. Дверь террасы была заперта; Шредеръ обошелъ кругомъ дома и подошелъ къ столовой, находящейся въ нижнемъ этажѣ; тамъ сквозь ставни онъ увидѣлъ наконецъ свѣтъ, и въ ту-жъ минуту ему показалось какъ будто слышитъ голосъ доктора; онъ потихоньку открылъ ставню, которая была только притворена къ окну, и устремилъ боязливый взоръ въ комнату. Сначала онъ не понималъ что происходило передъ его глазами: видѣніе это или дѣйствительность? потому что вовсе не ожидалъ быть свидѣтелемъ подобнаго зрѣлища.

Посреди комнаты, на столѣ, покрытомъ тонкою бѣлою тканью, стоялъ гробикъ, окруженный нѣсколькими серебряными канделабрами, въ которыхъ горѣло множество свѣчей, а въ гробикѣ, посреди цвѣтовъ, лежалъ усопшій младенецъ. Зрѣлище это вовсе не напоминало о смерти, а скорѣе походило на радостное ожиданіе праздника Рождества Христова, когда, наканунѣ, зажигаютъ для дѣтей елку; можно было подумать, что ребенокъ спитъ, убаюканный разсказами лежащихъ кругомъ него розъ и лилій о невидимомъ мірѣ цвѣтовъ, откуда онѣ пришли за нимъ. Во всей картинѣ этой было столько прелести, что Шредеру, не смотря на холодную зимнюю ночь, показалось будто на него вѣетъ теплымъ дыханіемъ весны. Онъ не посмотрѣлъ даже на друга, который сидѣлъ молча, погрузясь въ размышленіе, и то смотрѣлъ на

дитя, то осторожно поправлялъ кругомъ него цвѣты, и какъ будто боялся разбудить маленькое это существо, которому не суждено уже было играть съ этими цвѣтами и улыбаться яркому свѣту этихъ огней. Но Шредеръ остолбенѣлъ, когда посмотрѣлъ на лицо друга своего: онъ былъ блѣднѣе ребенка, лежавшаго въ гробѣ, и лицо его скорѣе согласовалась съ мыслію о смерти, чѣмъ роскошные цвѣты эти и праздничное освѣщеніе канделабръ.

Желая узнать, что значили такія странныя похороны, которые своимъ великолѣпіемъ напоминали обряды южныхъ странъ, Шредеръ задними дверями вошелъ въ переднюю, то ключница Унцера, увидѣвъ его, крайне обрадовалась. Думая что позднее посѣщеніе Шредера относится къ тому, что такъ сильно занимаетъ ея господина, она вскричала съ чувствомъ:

— Слава Богу, что вы пришли, господинъ Шредеръ! вы утѣшите его, по-крайней-мѣрѣ... Горе его приводитъ меня въ отчаяніе; если-бъ хоть вы положили конецъ этой несчастной исторіи. Вотъ уже третій день, какъ онъ не ѣстъ, не пьетъ, и какъ вкопанный сидитъ надъ трупомъ ребенка, котораго нашелъ неизвѣстно гдѣ и какъ... Уговорите его, любезный господинъ Шредеръ! хоть-бы онъ успокоился немного и не истощалъ-бы такъ силъ своихъ; вѣдь это не родное дитя, а найденышъ... нечего по немъ такъ убиваться... никто даже не знаетъ, кто его родители... Богъ знаетъ, что дѣлаетъ, онъ въ премудрости своей взялъ его къ себѣ изъ милосердія, потому что бѣдняжкѣ этому нечего было ожидать хорошаго на землѣ.

Унцеръ, услышавъ голосъ ключницы, отворилъ дверь. Увидѣвъ Шредера, онъ какъ будто смутился, но скоро оправился, обнялъ его и сказалъ:

— Не слушай Маргариту, Шредеръ; пойдемъ!.. Посмотри, какой милый образъ приняла смерть, войдя въ домъ мой. Послѣ я все разскажу тебѣ... потомъ мы помолимся, благословимъ малютку и закроемъ гробикъ, а завтра, рано утромъ, отвеземъ его на кладбище.

Шредеръ съ стѣсненнымъ сердцемъ послѣдовалъ за другомъ своимъ въ освѣщенную комнату; Унцеръ подвелъ его къ гробу, и показывая на бѣднаго малютку, сказалъ съ горькою улыбкой:

— Отгадай теперь, Фридрихъ, почему смерть этого ребенка такъ сильно огорчаетъ меня; почему я окружаю его, среди скорби и печали, радостными символами жизни, и почему не могу разстаться съ нимъ? Нѣтъ!.. тебѣ нельзя отгадать, если-бъ даже я сказалъ тебѣ, что ребенокъ этотъ уноситъ съ собою въ могилу мою послѣднюю радость, послѣднюю мою любовь и надежду... Какъ весна, отлетая уноситъ съ собою послѣдній цвѣтъ свой... такъ и дитя это...

Унцеръ зарыдалъ не досказавши своей мысли.

— Карлъ!.. что съ тобою?.. скажи ради Бога!.. вскричалъ Шредеръ внѣ-себя. Зачѣмъ, окружать смерть такими загадками, которыя мнѣ непонятны? развѣ она сама по себѣ не есть уже тайна нашей жизни?

— Не называй смерть тайною, сказалъ Унцеръ голосомъ, выражавшимъ невыразимую тоску. Жизнь... это другое дѣло; это самый неумолимый сфинксъ; вотъ она-то своими темными загадками толкаетъ насъ въ объятія смерти.

Здѣсь, въ груди живаго человѣка, лежитъ загадочная тайна существованія; Провидѣніе начертало тамъ непонятными буквами судьбу нашу, и тотъ кто захотѣлъ-бы и сумѣлъ-бы разобрать ихъ, потеряетъ разсудокъ или перестанетъ вѣрить всему прекрасному, всему святому и даже самимъ небесамъ. Нѣтъ, нѣтъ!.. прости меня Господи!.. горе увлекаетъ меня.. Да я не вѣрю прекрасному, не вѣрю тому, что считалъ святымъ; но тебѣ, Господь, поклоняюсь и вѣрю въ тебя!.. Ребенокъ этотъ, продолжалъ онъ, сжимая судорожно руку Шредера, ребенокъ этотъ умеръ, угасъ какъ только-что зажженный свѣтильникъ, когда его вносятъ въ сырой, смрадный и холодный подвалъ... Тутъ нѣтъ еще ничего загадочнаго но есть другая смерть... настоящая, страшная смерть!.. послѣ которой благородная жизнь, полная самыхъ высокихъ стремленій, красоты, добродѣтели, геніяльности, божественнаго вдохновенія, жизнь чистая, непорочная—исчезаетъ во мракѣ, уносимая вражьею силою и сожигающими страстями! Вотъ это настоящая смерть, Фридрихъ... Когда геній покидаетъ свѣтлую, прямую тропинку свою, думая что слѣдуетъ за такимъ же свѣтлымъ геніемъ, какъ онъ самъ, тогда онъ совершенно погибаетъ, ибо бѣжитъ за призракомъ собственнаго безумія!

— Но что жъ тутъ общаго съ этимъ ребенкомъ? спросилъ Шредеръ.

— Ты правъ, отвѣчалъ Унцеръ съ грустною улыбкою; я виноватъ передъ этимъ ангеломъ, что сливаю горе свое съ его смертью; онъ не виноватъ, что я несчастливъ, все-равно какъ цвѣты эти не виноваты, что его самого нѣтъ съ нами. А между тѣмъ я не могу отдѣлить малютку эту отъ собственной утраты; она носила то-же самое имя... и какъ я уже сказалъ тебѣ, съ нею завяла послѣдняя моя роза.

Шредеръ не понималъ смысла рѣчей своего друга, котораго онъ никогда не видалъ въ такомъ сильномъ волненіи и въ такой раздражительной восторженности, подходящей къ безумію. Но какъ былъ пораженъ Шредеръ и въ какое пришелъ отчаяніе, когда докторъ объяснилъ ему въ двухъ словахъ свое горе, похоронныя эти приготовленія и наконецъ тайну души своей и тайну этого ребенка.

Это было то самое дитя, которое такъ неожиданно было похищено изъ Кугельсъ-орта, и похищеніе это объяснилось наконецъ Шрёдеру.

Но Шрёдеръ все-таки не понималъ таинственныхъ словъ друга своего, и о чемъ онъ еще скорбѣлъ, говоря, что смерть ребенка не такъ раздираетъ душу его, какъ утрата послѣднихъ надеждъ. Подумавъ немного, Шрёдеръ догадался. Ребенка звали Шарлотой, какъ сестру его

— Такъ вотъ почему ты покинулъ насъ? Вотъ почему смерть ребенка этого сливается съ несчастіемъ твоимъ? Карлъ! скажи мнѣ прямо и откровенно... умоляю тебя нашей дружбой, что общаго между ребенкомъ, тобой и Шарлотой?

Мадамъ Фанни изъ Кугельсъ-орта лучше моего объяснитъ тебѣ, что все это значитъ, отвѣчалъ докторъ удушливымъ голосомъ, устремивъ глаза на трупъ дѣвочки. Да, Фридрихъ, Фанни должна это знать; сестра твоя, то-есть меньшая, бываетъ у нея часто, но не одна, это было-бы неприлично!.. и потому ее сопровождаетъ каждый разъ вашъ новый другъ, баронъ Максъ фонъ-Зильбургъ.

— Какъ? вскричалъ Шрёдеръ, задыхаясь отъ гнѣва, и поблѣднѣвъ, какъ смерть. Шарлота бываетъ въ домѣ подобной жен-

щины?.. и еще съ Зильбургомъ?!.. О!.. я давно подозрѣвалъ, что тутъ кроется что-то недоброе! Но какъ узналъ ты?.. самъ видѣлъ?.. И не уже ли нѣтъ надежды, что ты ошибся?..

Унцеръ покачавъ печально головою, отвѣчалъ медленно, съ разстановкой:

— Неуже-ли ты думаешь, что мнѣ легко рѣшиться говорить такія вещи о Шарлотѣ? Мнѣ стоило неимовѣрныхъусилій заставить себя повѣрить этому несчастью. Неуже-ли ты думаешь, что я могъ-бы разрушить собственное свое небо, о которомъ мечталъ такъ долго, считая обладаніе Шарлотой высшимъ блаженствомъ? Развѣ ты не знаешь, съ какимъ жестокимъ томленіемъ любящее и страстное сердце ищетъ удостовѣриться въ своемъ несчастіи; съ какою жадностью ищетъ слѣдовъ его; какъ томится оно въ истязаніяхъ сомнѣнія и ревности; какъ страшится этой рѣшительной казни, и лучше соглашается оставаться долго въ клещахъ пытки, чѣмъ покориться своему несчастію, удостовѣриться въ томъ, чему не хочетъ вѣрить? Да, Фридрихъ, это такъ... Зильбургъ не довольствуется тѣмъ, что мать моя была такъ слаба и рѣшилась сблизить его съ Шарлотою, не довольствуется даже и тѣмъ, что твоя мать и ты самъ позволяли ему такія вольности, какія допускаются только послѣ помолвки, рѣшился проскользнуть тайкомъ съ сестрою твоею въ домъ мадамъ Фанни, и устроилъ въ Кугельсъ-ортѣ жертвенникъ любви своей...

— О! замолчи, замолчи! вскричалъ Шрёдеръ, закрывая лицо руками и падая на диванъ.

— Теперь ты знаешь зачѣмъ я съ такою любовью украсилъ гробикъ этотъ и придалъ всему праздничный видъ... Я хотѣлъ оплакать любовь свою надъ трупомъ этой малютки и похоронить ихъ вмѣстѣ. Завтра, послѣ похоронъ, я думалъ итти къ тебѣ и разсказать все; да, это было твердое мое намѣреніе; слава Богу, что кончилось все сегодня!

Сказавъ это, Унцеръ взялъ Шрёдера за руку и увелъ въ сосѣднюю комнату. Шрёдеръ понемногу пришелъ въ себя и согласился съ докторомъ, что тутъ слѣдуетъ дѣйствовать хладнокровно и осторожно, чтобъ не потерять послѣдняго преимущества надъ барономъ и не подвергнуть всего семейства стыду и сраму. Друзья сговорились, что Шрёдеръ при первомъ удобномъ

случаѣ изобличитъ обольстителя, выскажетъ и докажетъ недостойное его поведеніе въ отношеніи къ такому почтенному семейству, и навсегда прекратить съ нимъ всякое сношеніе.

— Ужъ я докажу ему дружбу! вскричалъ Шрёдеръ, съ трудомъ удерживая гнѣвъ свой!.. Клянусь тебѣ, Карлъ, что нога его не будетъ въ нашемъ домѣ, еслибъ даже мнѣ пришлось среди бѣлаго дня вышвырнуть на улицу этого храбраго полковника, увѣшаннаго орденами, титулами и крестами!

— Ради Бога не горячись и не торопись! отвѣчалъ испуганный докторъ: этимъ ты испортишь все дѣло и обезславишь сестру свою. Одно средство избѣжать скандала, это сказать барону на ухо все, что узналъ о немъ и присоединить къ этому какое тебѣ угодно краснорѣчивое движеніе, въ смыслѣ котораго онъ не могъ бы ошибиться. Люди его сорта не считаютъ обязанностью защищать честь свою, коль скоро поступки ихъ уже открыты, и Зильбургъ устроитъ дѣло такъ, чтобъ не попадаться тебѣ больше на глаза.

Шрёдеръ, успокоясь, одобрилъ совѣтъ и обѣщалъ исполнить просьбу доктора, который убѣдительно просилъ его не говорить ни слова Шарлотѣ о томъ что онъ все знаетъ.

— Если Шарлота когда-нибудь сознается въ непонятномъ легкомысліи своемъ, сказалъ Унцеръ, то станетъ обвинять себя больше, чѣмъ можно ожидать отъ самаго свѣта. Ею овладѣетъ тогда уныніе, и она погибнетъ какъ для семейства, такъ для себя и для сцены. Къ тому-же не надо забывать, что ей извинительнѣе было пасть, чѣмъ всякой другой женщинѣ; восторженныя чувства ея, живое, подвижное воображеніе, безъ которыхъ Шарлота никогда не была-бы такою великою артисткою, много содѣйствовали ея проступку. Да и какое другое искусство можетъ болѣе способствовать къ развитію въ молодомъ сердцѣ такихъ чувствъ, которыя уже сами по себѣ ищутъ исхода и тревожатъ юную душу небесными желаніями, не смотря на то, что душа эта не избрала себѣ еще предмета, а просто желаетъ любить и потому безусловно предается какому-нибудь негодяю, который употребляетъ во зло довѣріе бѣдной, неопытной дѣвушки. Вотъ оправданіе Шарлоты; любовь ея скорѣе можно назвать выдумкою воображенія, чѣмъ настоящею привязанностью сердца.

Шрёдеръ отвѣчалъ съ горечью:

— Можетъ быть ты и правъ, потому-что есть вещи, которыя кажутся возмутительными и безнравственными въ другихъ людяхъ, въ насъ-же, актерахъ, самыми обыкновенными, и никого не возмущаютъ. Что мудренаго, что комедіянтъ попираетъ ногами нравственность и пристойность? Свобода искусства освобождаетъ его отъ многаго, безъ чего не можетъ обойтись честный человѣкъ... прибавилъ Шрёдеръ съ горькою досадой; потомъ помолчавъ немного, сказалъ болѣе мягкимъ голосомъ: А по моему, такъ я не понимаю, какъ можетъ человѣкъ умный, образованный, съ истиннымъ дарованіемъ, находить наслажденіе въ томъ, что низко и глупо? Не знаю такъ-ли, но мнѣ кажется, что постоянное, такъ-сказать, сліяніе съ поэзіей, должно сначала сформировать артиста, чтобъ артистъ въ свою очередь передавая поэзію публикѣ, могъ дѣйствовать на нее сильнѣе и благодѣтельнѣе? Повѣрь мнѣ, что законы искусства нашего также осуждаютъ болѣзненную сентиментальность Шарлоты, какъ осудило бы ее за это и свѣтское мнѣніе. Никогда ни Рутландъ, ни Эмилія Галотти, ни Юлія, не назначили-бы свиданія неизвѣстному человѣку, а можетъ быть и бродягѣ, укравшему титулъ и фамилію (вѣдь все можетъ-быть, мы его почти не знаемъ), въ постыдномъ домѣ отвратительной свахи. Подобное заблужденіе такъ-же несвойственно нашему искусству, какъ отрава вашей науки, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ вы употребляете ядъ съ такою-же пользою, какъ и драма употребляетъ пороки и злодѣянія для излеченія нравственной стороны человѣка.

Друзья разговаривали и спорили, а между-тѣмъ ночь проходила своимъ чередомъ, и сильное волненіе обоихъ собесѣдниковъ незамѣтно уступило мѣсто болѣе успокоительнымъ чувствамъ; какъ тотъ, такъ и другой ощущали благодѣтельное дѣйствіе обоюднаго утѣшенія, которое мы всегда находимъ въ дружбѣ, когда послѣ долгихъ лѣтъ спокойствія насъ неожиданно постигаетъ общее горе. Унцеръ разсказалъ Шредеру исторію любви своей, начиная съ перваго біенія сердца и до того роковаго вечера, когда во время представленія Отелло, онъ увидѣлъ, какъ Шарлота его нырнула съ Зильбургомъ въ домъ гадальщицы; онъ сдѣлался до того откровеннымъ, что объявилъ даже желаніе своей матери на счетъ Доротеи, и началъ сравни-

вать двухъ сестеръ; тутъ Шредеръ увидѣлъ до чего Унцеръ, ослѣпленный геніяльностью Шарлоты, видѣлъ въ ней достоинства́, которыя въ сущности принадлежали Доротеѣ и отражались только изъ ея души въ душѣ младшей сестры.

Шредеръ, изъ снисхожденія къ другу, остался ночевать и проговорилъ до утра, а когда день прорѣзался сквозь снѣговыя облака, то бо́льшая часть горя, убивавшаго ихъ наканунѣ, разсѣялась вмѣстѣ съ сумракомъ ночи, и они распростясь другъ съ другомъ, рѣшились привести въ исполненіе днемъ то, что задумали ночью.

III.

ЛУКАВЫЙ ПОПУТАЛЪ.

(Разсказъ В. И. Р.)

—

Прошедшимъ лѣтомъ я ѣхалъ въ свою деревню, состоящую К.... губерніи. Недоѣзжая верстъ двадцать, я долженъ былъ своротить съ почтовой дороги и повернуть проселкомъ. На послѣдней почтовой станціи я простился съ почтовою тройкою, не разъ воспѣтою нашими поэтами, и долго хлопоталъ найти вольныхъ лошадей, такъ какъ моего пріѣзда въ деревню не ждали и лошадей за мною не выслали. Пора была рабочая, и не мало стоило труда найти лошадей. Наконецъ, послѣ немалыхъ хлопотъ, нашелся одинъ мужичекъ, который согласился везти меня, взявъ довольно дорогую цѣну. Онъ запрягъ въ небольшую четырех-колесную телѣжку пару рыженькихъ лошадокъ, и мы поѣхали. Ѣхали мы весьма нескоро. Мужичекъ, везшій меня, попался большой говорунъ и почти безъ умолку болталъ всю дорогу, то разсказывая что-нибудь (даже не заботясь о томъ, слушалъ я его или нѣтъ), то дѣлая замѣчанія о предметахъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, то обращаясь къ своимъ рыженькимъ лошадкамъ съ какою-нибудь увѣщательною рѣчью.

Такъ мы проѣхали нѣсколько верстъ по узкой проселоч-

ной дорогѣ, которую то стѣсняли съ обѣихъ сторонъ вѣтви деревъ, то выбѣгала она изъ лѣсу и сѣрою лентою ложилась по зеленому лугу, то по обѣимъ сторонамъ ея желтѣли пажити. Такъ проѣзжали мы черезъ села, деревни и усадьбы, переправлялись въ бродъ чрезъ небольшія рѣки, то тряслись по какому-нибудь не слишкамъ крѣпкому и не очень хитро устроенному мостику.

— Ну, ну, голубчики, ну, ну, съ Богомъ, родныя! говорилъ мой ямщикъ своимъ рыженькимъ. Ну, ну, съ горки на горку, дастъ баринъ на водку—эй вы, рыженькія!

Мы подъѣхали къ селу съ маленькою пятиглавою церковью, окруженною низенькою оградой.

Дорога, не входя въ село, огибала одну сторону каменной церковной ограды и шла подлѣ нея.

У самаго поворота находились ворота. Въ К. губерніи нѣтъ пастуховъ, а поля огораживаются заборами изъ жердей, и потому на дорогахъ ворота встрѣчаются очень часто.

Проѣхавъ ворота, телѣга наша однимъ своимъ колесомъ взъѣхала на небольшую продолговатую холминку, находившуюся у самой церковной ограды, и едва не опрокинулась!

— Эхъ, Микита, Микита, промолвилъ мой кучеръ, и мертвый-то ты не даешь покою, вишь, чуть-чуть было насъ не вспрокинулъ.

Я спросилъ, что это за холминка у самыхъ воротъ, какъ-будто похожая на могилку.

— Да вишь ты баринъ, отвѣчалъ мой возничій—тутотка могилка и есть, одинъ нашъ сосѣдній мужичекъ схороненъ; вишь не своей смертью померъ, лукавый знать попуталъ, самъ на себя руки наложилъ, удавился; ну, такъ въ ограду-то, гдѣ православные-то хоронятся, его и невпустили, вѣстимо чорту баранъ — а мужикъ-то добрый былъ, покойникъ, прости Господи его великія согрѣшенія! Такъ мы и положили его къ оградѣ поближе: все ему лежать-то по привольнѣе, статься можетъ, будетъ къ храму Божьему поближе.

— А отчего онъ удавился? спросилъ я.

— А Богъ вѣсть—видно лукавый попуталъ, — отвѣчалъ мужикъ съ разстановкою и въ раздумьи. Тутъ дѣло мудреное, баринъ, темное дѣло — кто тутъ растолкуетъ? Всяко говорятъ, никто завѣрное-то не вѣдаетъ... На душѣ никто у кого не былъ,

душа-то чужая потемки... видно ужъ такъ, грѣхъ такой попуталъ, лукавый смустилъ.

— Да говорятъ-то какъ?

— Да какъ говорятъ, всяко говорятъ. Вишь, батюшка баринъ, мудреное дѣло тутъ... отчего-бы, кажись, Микитѣ вдругъ вздумать, да руки на себя наложить: мужикъ-то онъ былъ малый работящій, заправный, всего вдоволь было у него, не нужу какую терпѣлъ и повинности никакія за нимъ не стояли; да и домъ-то словно полная чаша былъ, чего хочешь, того просишь, душѣ въ мѣру; знатный мужикъ, ну, какъ-бы кажись... нѣтъ, ужъ видно такъ лукавый попуталъ. Говорятъ бабы, что будто онъ отъ жены руки на себя наложилъ, да пустое мелютъ бабы: мужикъ изъ-за бабы да штобъ въ петлю полезъ,—какое ужъ эвто дѣло. Вѣстимо лукавый смустилъ не спроста, а мужикъ знатный былъ, богатѣющій, по малярному ремеслу занимался, и знатный маляръ былъ, по чужой сторонѣ все ходилъ, да вотъ какое недоброе на умъ взбрело. Живи онъ все у насъ въ деревнѣ, кажись, и въ голову-бы ему эвтого не пришло, а то вишь...

— Что-же съ нимъ случилось?

— Вишь, батюшка баринъ... какое-то-есь дѣло-то эвто... Покойника Микиту еще мальчишкой маленькимъ въ Питеръ увезли, да въ ученье и отдали, да и потомъ онъ все по пачпорту въ Питеръ ходилъ; работящій былъ, и ремесло зналъ, такъ денегъ много и давали. Когда въ деревню-то онъ пришелъ, такъ словно купецъ какой,—и не узнаешь нашего Микитку; и денегъ-то кучу съ собой принесъ... оброкъ взнесъ за себя барину весь безъ доимочки и съ гостинцомъ еще, избу поставилъ новую, колпакомъ покрылъ, самъ и расписалъ всю, да какъ знатно-то—залюбоваться можно; хотѣлъ было опять въ Питеръ идти, да тутъ по сосѣдству барскую усадьбу въ тѣ поры отдѣлывали, онъ и снялъ по усадьбѣ-то всю малярную работу. Да ужъ расписалъ барскій-то домъ знатнѣющимъ манеромъ, т. е. знатнѣющимъ манеромъ изукрасилъ. Самъ баринъ хвалилъ... Ну, Микитка, говоритъ, исполать тебѣ, славно отдѣлалъ; хоть нѣмцу, такъ въ пору.

Эвто-то, то есь, работа-то и задержала Микитку въ деревнѣ. Неча сказать, молодецъ былъ Микитка; бывало пройдетъ по селу въ синей поддевкѣ, такъ всѣ и бабы-то и дѣвки на него зарятся.—А втѣ-поры была у нихъ по деревнѣ дѣвка Параш-

ка, тоже знатная дѣвка, высокая, здоровая, бѣлая, румяная, ну, заглядѣться почитай можно, словно краля писаная,—знатная дѣвка. Да одно только бѣда—не изъ богатаго дома. Да кого ужъ Богъ поиметъ: Парашка-то Микитѣ и приглянулась, сталъ свататься... ну, такому жениху вѣстимо радымъ радешеньки... Отцу-то да маткѣ Парашкинымъ и во снѣ не снилось такого жениха, гдѣ имъ голякамъ... думали чай, гдѣ свиньѣ на небо глядѣть, а тутъ самъ ладонъ на домъ. По рукамъ да и за свадебку.

— А Параша-то любила Никиту?

— А кто ее знаетъ. . Вѣстимо дѣло, плакала, когда выдавали—да сговоренка-то всегда плачетъ, ужъ то что и за сговоренка, которая и выть-то не воетъ. Такую засмѣютъ у насъ. Да для ча, кажись, не любить? Микитка парень знатный былъ, женихъ не ей черномазой чета. Хоть самъ бурмистръ будь, и тотъ-бы обѣими руками за Микиту дочку отдалъ, а ей денно и нощно надо было Бога молить за такаго жениха. Не спрашивали, любитъ она его, али нѣтъ, а просто выдали... у насъ вѣдь, батюшка, не то што у васъ: дѣвки спрошать не станутъ, хочешь замужъ, али нѣтъ... Непригоже спрашать-то, а просто выдадутъ, да и дѣло съ концемъ. . Да дѣло-то мудреное, баринъ, тутотко... Бывало, кажись, всѣ и дѣвки и бабы, такъ и льнутъ къ Микитѣ-то, она одна, какъ почитай, отъ него и рыло воротитъ. Ну, батюшка, женился Микита на Парашкѣ, нарядилъ онъ ее словно барыню какую, не наглядится на нее, не налюбуется, словно сыръ она у него въ маслѣ катается: захочетъ, пойдетъ на работу, а то нѣтъ, не неволилъ, работницу про нее наймавалъ, а она сидитъ словно барыня, да въ пяличкахъ разные узорчики къ ширинкамъ вышиваетъ, бѣлоручка эвтакая... У батьки съ маткой небось все дѣлала. Да ужъ Микитѣ-то больно люба пришлася. Словно съ маленькимъ ребенкомъ нянчился, правотко, словно неспроста. Чего только ея душенька захочетъ, всего, хоть изъ земли достанетъ, а ужъ готово. Жила она, красовалася. А въ тѣ-поры работа-то по усадьбѣ кончилась, а другой на нашей сторонѣ, по малярной то-есь части, на тѣ поры не прилучилося, а Микитѣ не безъ работы сидѣть; знамо дѣло, человѣкъ мастеовой. Ну, и почалъ въ Питеръ сбираться. А ужъ какъ плакалъ-то онъ, какъ съ женою прощался, навзрыдъ, словно баба, аль малый ребенокъ. Ну, попрощался и ушелъ въ Питеръ... Не все-же въ деревнѣ сидѣть, да на бабу зариться. Съ годъ про-

шло, какъ живетъ нашъ Микита въ Питерѣ. Дѣла ладно у него идутъ. Вотъ онъ и началъ писать женѣ, чтобъ она въ Питеръ къ нему пріѣзжала по чугункѣ;—говоритъ: дѣла знатно идутъ, самъ я хозяиномъ, пишетъ, свою артель держу, а хозяйки нѣтъ, такъ пріѣзжай, слышь ты баринъ, хозяйничать. А она, глупая, взяла да и не поѣхала... Вишь ты баринъ по што она и не поѣхала: Микита-то какъ пошелъ въ Питеръ-то, такъ нанялъ ей работника,—ишь ее проклятую жалѣлъ, чтобы она не маялась, чтобы работникъ ей всяку работу справлялъ. А въ работники онъ ей нанялъ Митрія табашника. А Митрій-то этотъ вмѣстѣ съ Микитою въ ученьи жилъ въ Питерѣ. Вмѣстѣ и ремеслу учились. Да вишь какъ вышелъ-то онъ изъ ученья, Микита-то за работу принялся, а тотъ-то забубенная головушка, въ первые-же годы пить зачалъ, въ деревню ни копѣйки, да и барину оброкъ не высылаетъ. Баринъ-то и не далъ ему пашпорта, да изъ Питера его въ деревню и выписалъ. Давай оброкъ, говоритъ баринъ, а оброку-то у Митрія и не бывало, въ Питерѣ все спустилъ. Баринъ и постращалъ Митюху-то, тотъ испужался. А втѣ-поры Микита въ деревнѣ былъ, усадьбу отдѣлывалъ; Митюха къ Микитѣ, да въ ноги, говоритъ: выручи, дай денегъ, оброкъ барину заплатить. Микитѣ жаль его стало, въ Питерѣ, вишь ты, баринъ, они ладно жили,—вѣстимо свои, изъ одной деревни, тамъ на чужой-то сторонѣ свои-то и ладнѣе. Онъ и дай Митюхѣ денегъ, да и взялъ его къ себѣ въ работники. А какой онъ работникъ? Дѣло-то ему на умъ нейдетъ, за то ужъ пѣть да плясать собаку съѣлъ, аль про Питерское житье поразскажетъ, такъ заслушаешься, баринъ,—мастеръ, собака, турусы на колесахъ подпускать.

Какъ началъ Микита въ Питеръ сбираться, онъ и говоритъ Митюхѣ-то.

— Слышь ты, Митюха, ты у меня въ батракахъ останешься, обиды не будетъ, всѣмъ домомъ пожалуй заправляй, только не гнѣви Господа Бога, вспомянь, что выручилъ, оброкъ за тебя заплатилъ.

— Спасибо-тѣ, Никита Иванычъ,—говоритъ Митюха, ввѣкъ твоей милости не забуду.

— То-то-же, гуляй-то ты поменѣ, а работай поболѣ, такъ ладно и будетъ, чтобы Парасковья-то моя изъ-за тебя никакой нужы не знала; ты ей всякую работу справляй. На тебя, Ми-

тюха, палагаюся больше, чѣмъ на всякаго другаго; тебя я выручилъ, чай побоишься Бога, не забудешь послуги моей. И попомнилъ Митюха послугу Микитину, заплатилъ онъ ее ему, проклятый, по-своему. Ушелъ Микита въ Питеръ, а онъ съ женою и сгулялся, такъ, что милѣе ей мужа сталъ. А толи обѣщался онъ, проклятый? Мужъ изъ Питера пишетъ, штобъ Парашка-то въ Питеръ къ нему ѣхала, а ей съ дружочкомъ милымъ разстаться не хочется. Говорятъ у нихъ и ребенокъ былъ, въ чужіе люди подкинули. Стали доходить и до Микиты слухи, что дома-то небольно ладно. Не вытерпѣлъ Микита, бросилъ въ Питерѣ все, и хозяйство, и работу, артель бросилъ, ничѣмъ не подорожилъ, и пошелъ въ деревню. Видно онъ больно любилъ ее, проклятую!

— Умный, неча сказать,—продолжалъ мой возница,—былъ парень Микита, а тутъ больно сглуповалъ не на шутку. Задалъ-бы женѣ баню хорошую, Митюхѣ-бы нагрѣлъ хорошенько подзатыльникъ, такъ и дѣло-бы съ концомъ, небось перестали-бы приблажничать. А онъ пришелъ, пальцемъ не тронулъ ее, некошную, только Митюху изъ работниковъ сослалъ, а то какъ-будто и не знаетъ ничего. Совѣсть-ли штоли зазрила ихъ обоихъ, Парашку-то да Митюху, али спужались они Микиты-то, но только дѣло-то на первыхъ порахъ какъ будто и призатихло, а опосля-то и пошло попрежнему. Не стерпѣлъ Микита, онъ было и честью, и ласкою, и угрозою-то, да ужъ ништо не помогло, видно ужъ больно лукавый-то попуталъ, слюбились крѣпко они, проклятые.

Жутко стало Микитѣ, больно по сердцу была ему она. Вотъ и зачалъ онъ пить, а прежде въ ротъ капельки хмѣльнаго не бралъ. Сначала съ горя чарочку, а потомъ и изъ кабака нейдетъ. Да и ходитъ словно ошеломленный такой, на людей глядѣть стыдится, а никому не жалится, про свое житье бытье не расказываетъ. Бывало спрошаешь его: што, Микитушка, невеселъ, буйну голову повѣсилъ?—Да такъ што-то не здоровится видно, сердечушку тошнехонько, и на людей-то, да и на свѣтъ Божій не смотрѣлъ-бы! сердечушку больно тошно. А спросишь, не жена-ли што, Микитушка? такъ онъ только осерчаетъ, выругаетъ, да и прочь пойдетъ, да прямо въ кабакъ, да пьянъ и напьется. А сваху Устюху такъ просто приколотилъ, когда она стала ему про жену разныя шашни разсказывать; говоритъ: «Не

твое дѣло, самъ знаю, не болтай пустяковъ.» Эхъ-хе, славный былъ парень Микитушка, да не за грошъ сгинулъ! Пересталъ ремесломъ заниматься, а началъ хмѣльное потреблять, такъ все подъ гору и пошло. Вѣстимо дѣло, нашему брату рабочему рюмочку-другую подъ часъ выпить для здоровья можно, да все надо въ мѣру, а тутъ не пилъ, не пилъ, да и запилъ. Неладно дѣло, самому на людей стыднехонько взглянуть, самъ ходитъ, какъ угорѣлый, ну, и не пошло къ добру... Разъ, говорятъ, пришелъ домой, а у него сидитъ Митюха, а жена его угощаетъ. Што ужъ тутъ у нихъ было—не вѣдаю, одинъ Богъ вѣсть, только въ тотъ-же день пошелъ въ лѣсъ за лошадью—ждать пождать, ночь, а его нѣтъ, какъ нѣтъ. Ждемъ день, ждемъ другой—нѣтъ парня... дали знать сотскому, собрали окольныхъ да и пошли искать всѣмъ міромъ. Кричимъ, аукаемъ, а онъ не откликается; чуемъ, што ужъ што-нибудь да недоброе прилучилося... А тутъ ребятишки ходили по-ягоды, бѣгутъ къ намъ да кричатъ: подтека, подте сюда, Микиту-то нашли. Штожъ, батюшка баринъ, приходимъ, а Микита прицѣпилъ кушакъ за сучекъ, да и повѣсился, помяни его Господи.—А знатный мужикъ былъ!

Дали знать становому, пріѣхалъ судъ, разспрашивали, допрашивали, обѣденное угощеніе міромъ справили, слѣдствіе цѣлое дѣлали, ну и открыли, что отчего Микита-то повѣсился—Богъ вѣсть. И насъ спрашали, а мы почемъ знаемъ, вѣдь онъ намъ вѣстимо не сказывалъ, нашего сужденія не спрашивалъ, какъ на умѣ затѣялъ это недоброе.

Одна только тетка Устюха и начала была разсказывать становому, какъ все то-есь дѣло было, какъ жена Микиты-то полюбила Митюху, какъ онъ, статься можетъ, и отъ эвтаго, да становой и слушать не сталъ, махнулъ рукой, да и сказалъ:

— Ряхнулась штоли баба, ну повѣсится-ли изъ-за того мужикъ, што жена его съ другимъ слюбилась; ужъ подлинно говорится: у бабы-то волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Высѣкъ огня, да и закурилъ трубку, а въ дѣлѣ-то прописали, што вотъ такой-то крестьянинъ Микита Ивановъ лишилъ себя жизни самовольно, а по какой то-есь причинѣ неизвѣстно. И вѣстимо дѣло, становой правду сказалъ. Мужикъ изъ-за бабы не повѣсится, вѣстимо дѣло не повѣсится, а ужъ это такъ лукавый его попуталъ! прибавилъ разскащикъ, какъ-бы въ раздумьи. Вѣстимо дѣло, чорту баранъ.

Разскащикъ замолчалъ, снялъ шапку и почесалъ въ затылкѣ, озираясь на всѣ стороны.

— Ну, а что Митюха? спросилъ я.

— А што Митюха? Што?—спился съ круга, въ солдаты и отдали.

— А Прасковья?

— А кто ее знаетъ, шатается гдѣ-то, ушла изъ деревни говоритъ, не могу жить въ домѣ, тошно больно, все Микита ей мерещится... ну и ушла, а гдѣ она теперь—Богъ вѣсть.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МѢСТО.

Разсказъ Гр. Григоренко.

—

Живя постоянно въ Петербургѣ и привыкнувъ къ здѣшнимъ болотамъ, которые хотя и украшены, и скрыты искусствомъ нельзя однако-жъ не смотря на привычку, не чувствовать, что они чрезвычайно утомительны для глаза своимъ однообразіемъ и повсюду ровною плоскостью. Вотъ почему я посѣщалъ не разъ Финляндію. Люблю я эту дикую, невоздѣланную природу, люблю эти суровыя темныя картины, эти глыбы гранита, которыя какъ-бы накинуты одна на другую, посреди большихъ развѣсистыхъ сосенъ, посреди озеръ, ручейковъ, каскадовъ, которые постояннымъ своимъ шумомъ какъ-то особенно дѣйствуютъ на воображеніе.

Но кто хочетъ видѣть Финляндію во всей ея красѣ, тотъ не долженъ слѣдовать большимъ почтовымъ трактомъ, надо проникнуть въ сердцевину страны, чтобъ отыскать мѣста дивныя, поэтическія, почти еще никому неизвѣстныя.

Тамъ вы только сроднитесь съ этою темною мрачною зеленью, съ этими обрывами краснаго гранита, которые оттѣнены разноцвѣтнымъ мхомъ, тамъ вы встрѣтите и каскады, и равнины, гдѣ колосится рожь; и голые утесы, гордо возвышающіеся надъ пропастію, и тогда только поймете всю дикую прелесть этихъ чудныхъ картинъ природы, тогда только найдете въ нихъ истинную поэзію.

Разъ какъ-то, въ іюлѣ мѣсяцѣ, я былъ въ Финляндіи. Живши въ моемъ маленькомъ имѣніи, я часто выходилъ рано утромъ,

съ ружьемъ на плечѣ, въ сопровожденіи одного изъ тамошнихъ жителей—и странствовалъ такимъ образомъ по всѣмъ окружнымъ мѣстностямъ. Только поздно вечеромъ, иногда даже ночью, возвращался я домой.

Мой вожатый, Финляндецъ, бывалъ когда-то въ Петербургѣ и научился кое-какъ русскому языку; я любилъ говорить съ нимъ, онъ распространялся самъ съ удовольствіемъ обо всемъ, что меня интересовало.

Лицо у него было радушное и доброе, свѣтлорусые волосы его падали по плечамъ; онъ носилъ маленькую куртку синяго сукна, двубортный жилетъ того-же цвѣта, украшенный стеклянными плоскими пуговицами, что-то въ родѣ сѣрыхъ шальваръ, да кожаные высокіе сапоги,—но все это было чисто, прилично, опрятно.

Михельсонъ, такъ его звали, считался однимъ изъ лучшихъ охотниковъ, я же довольно плохо стрѣляю, особенно отъ непривычки—стало-быть его искусство мнѣ много помогало—вѣдь совѣстно-же возвратиться домой съ пустыми руками, а Михельсонъ съ удовольствіемъ, за лишній полтинникъ, увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что я самъ, собственноручно убилъ и перепела, и дупеля, и что вамъ угодно. Такимъ образомъ, ходя то по скаламъ, то по опушкѣ лѣса, я все болѣе и болѣе любовался прелестью окружающей меня природы, а Михельсонъ дѣлалъ чудеса съ помощію мѣтнаго ружья и своей удивительной лягавой собаки. Какъ видите, я совершенно не охотникъ, я не имѣлъ даже своей собственной собаки.

Вошли мы какъ-то разъ въ самую гущу лѣса. Сосны, хотя въ добромъ разстояніи другъ отъ друга, до того были высоки, что въ самый полдень почти ничего нельзя было разглядѣть — я выбралъ эту дорогу по совѣту Михельсона: онъ зналъ въ этомъ лѣсу маленькую тропинку и обѣщалъ меня скоро привести къ чудному мѣсту.

Михельсонъ былъ не глупый малый; онъ замѣтилъ скоро что охота была для меня только предлогомъ любоваться природой.

Онъ мнѣ давно говорилъ про это мѣсто, хвалилъ прелесть его видовъ—и какъ Михельсонъ не легко удивлялся, и рѣдко любовался, то я былъ увѣренъ, что эта мѣстность дѣйствительно представляетъ, что нибудь особенное. Давно хотѣлось мнѣ ее видѣть; но какъ-то все не удавалось, наконецъ я рѣшился, и мы пошли лѣсомъ, который и самъ по себѣ былъ диковинка для жителя

столицы. Долго шелъ я по бархатному мху и немогъ надышаться этимъ чистымъ и ароматическимъ воздухомъ, который вы встрѣтите только въ сосновой рощѣ.

Лѣсъ сталъ рѣдѣть, проявились просвѣты между деревьями— я ускорилъ шагъ, Михельсонъ за мною, ему не было возможности здѣсь стрѣлять, и потому эта прогулка не слишкомъ его занимала.

Наконецъ дошли мы до самой опушки — и въ правду видъ былъ очарователенъ. Лѣсъ кончался крутымъ оврагомъ, на противуположной сторонѣ котораго возвышался прямой утесъ изъ гранита, словно конусъ съ обрѣзанной неправильно вершиной, нѣсколько болѣе отлогою съ одной стороны. На этой вершинѣ, покрытой густымъ мхомъ, стояла сосна, сухая, но огромная, съ толстымъ краснымъ стволомъ.

Она подымалась ровно, прямо, гордо и на извѣстной только вышинѣ раздѣлялась на три главныя вѣтви. Одна изъ нихъ шла прямо вверхъ, другія-же двѣ были распростерты надъ пропастью. Изъ-подъ корня этого дивнаго дерева выбѣгалъ игриво ручеекъ, который проточилъ себѣ русло въ самомъ гранитѣ утеса, и падалъ съ особеннымъ мелодическимъ журчаніемъ въ оврагъ. Втрѣчая на каждомъ шагу какой нибудь камень, онъ разбивался объ него и, распадаясь въ брызги, снова соединялся, чтобъ продолжать свое теченіе. Этотъ ручеекъ, казалось мнѣ, какъ баловень ребенокъ, подшучивалъ надъ встрѣчаемыми преградами и какъ-бы вѣчно смѣясь, несся между гранитомъ и мхомъ.

Я былъ пораженъ этою картиною и безмолвно стоялъ передъ нею, какъ очарованный.

Михельсонъ прервалъ мою мечтательность.

— А знаете, баринъ, сказалъ онъ мнѣ, вѣдь это мѣсто заколдовано; добро днемъ, а ночью я сюда ни за-что не пойду.

— Какъ, заколдовано? спросилъ я его.

— Да, баринъ, отвѣчалъ Михельсонъ, здѣсь происходила ужасная исторія—не даромъ этотъ ручеекъ такъ шумитъ между камнями, да не даромъ стоитъ и это дерево, какъ-бы желая уловить его.

— Какая исторія, разскажи, пожалуйста, меня это очень занимаетъ.

Михельсонъ, хотя и говорилъ по-русски, но не совсѣмъ пра-

вильно и понятно для непривычнаго, поэтому я позволю себѣ нѣсколько измѣнить его слогъ; но сущность его разсказа состояла вотъ въ чемъ:

Тому назадъ очень давно, началъ онъ.... мой отецъ говорилъ, что его дѣдъ ему разсказывалъ эту исторію, а тотъ еще слышалъ ее отъ своего отца. Когда-то недалеко отъ сюда жилъ старикъ Христіанъ и его сынъ Петеръ. Петеръ былъ малый шестнадцати лѣтъ, красивъ собою, уменъ, разстороненъ, хорошо работалъ, словомъ, вполнѣ заслуживалъ любовь своего отца. Христіанъ былъ богатый фермеръ, у него всегда водилось много хлѣба въ житницѣ, много скотины на дворѣ. Его плугъ, косы и бороны были всегда въ исправности—и говорили даже, что у Христіана было кое-что отложено на черный день или на составленіе приданаго будущей женѣ Петера, котораго онъ хотѣлъ женить какъ можно лучше.

Христіанъ и его семейство жили припѣваючи — избушка у нихъ была чистенькая и считалась лучшею въ околоткѣ, и довольство отражались во всемъ образѣ ихъ жизни.

Петеръ, возвратившись весело послѣ цѣлаго дня работы, и поклонясь отцу и матери, когда старики ложились спать, садился обыкновенно у дверей своей избы, чтобы полюбоваться прекрасною лунною ночью, а потомъ возвращался въ свою комнатку. Запретъ, бывало, двери и ляжетъ спокойно спать.

Душа Петера была очень чувствительна, лучшимъ для него удовольствіемъ было сидѣть у своей избы, и смотрѣть вдаль, гдѣ предъ густымъ сосновымъ лѣсомъ разлилось озеро. Долго бывало любуется онъ, какъ блестящая луна отражается въ спокойныхъ водахъ озера, какъ-будто купаясь въ нихъ; подуетъ вѣтерокъ, зыбь пробѣжитъ по водѣ, она будто окунется и потомъ опять покажется на поверхности воды.

Такъ сидѣлъ онъ разъ ночью, и смотрѣлъ на это чудное озеро. Вдругъ что-то возмутило воду, какое-то странное движеніе показалось на самой его срединѣ озера, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ отражалась луна.

Петеръ сталъ пристально смотрѣть, чтобъ объяснить себѣ это явленіе; и чтожъ—вода все болѣе и болѣе колыхалась—показались настоящія волны, и вдругъ посреди ихъ явилась красавица, царица этого озера: волосы распущены, бѣлое прозрачное платье обрисовываетъ станъ; глаза томны, какъ-бы об-

литы водою, ротикъ маленькій розовый, сложенный въ поцѣлуй—на головѣ и на снѣжной шеѣ по ниткѣ бриліянтовъ, словно снизки крупныхъ водяныхъ капель.

Петеръ не могъ наглядѣться на нее, глаза его впились въ это чудное явленіе, онъ мысленно перенесся къ озеру, обнималъ ее и чувствовалъ, что какая-то невольная сила влечетъ его къ ней.

Царица приплыла къ берегу, вышла изъ воды, встрепенулась и побѣжала прямо къ нему.—Петеръ въ недоумѣніи вскочилъ съ мѣста. Она подошла къ нему, обвилась, какъ змѣя, вокругъ его шеи, ласкала его, цѣловала. Онъ былъ какъ помѣшанный.

— Я царица этого озера, сказала она ему: я люблю тебя, Петеръ, люблю и ты будешь счастливъ. Петеръ кинулся было къ ней, но царица все убѣгала отъ него, онъ никакъ не могъ ее уловить, она точно ужъ скользила изъ его объятій.

— Послушай Петеръ, сказала она, я не земная женщина, я дочь Нека меня нельзя такъ любить, какъ любятъ у васъ на землѣ.—Дай мнѣ обѣщаніе, и я твоя, твоя навсегда.

— Какое обѣщаніе? спросилъ Петеръ.

— Послѣ узнаешь, прежде обѣщай, что ты его исполнишь.

— Исполню.

— Навѣрно?

— Честное слово.

— Поклянись — поклянись надъ этимъ озеромъ—и я тебѣ повѣрю.

— Клянусь, сказалъ Петеръ, торжественно подымая руку.

— Ты неопытенъ, Петеръ, сказала царица: ты поклялся, незная еще, чего я отъ тебя потребую, и я могла-бы сдѣлать тебя несчастнымъ—но я люблю тебя, и вотъ моя воля: Ты не долженъ отнынѣ любить никакой женщины—не вступишь въ бракъ ни съ кѣмъ—будешь мнѣ вѣренъ всегда, во всемъ — даже въ мысли.

— Еще разъ клянусь, вскричалъ Петеръ.

— Смотри, если ты не сдержишь слова, тебѣ будетъ худо, берегись, я тебѣ говорю, худо будетъ!

— Никогда, никогда! я буду тебѣ вѣренъ по гробъ... и слова Петера были прерваны звукомъ страстнаго поцѣлуя, кото-

рый какъ бы сладкая мелодія пробѣжалъ по горамъ и замеръ вдали.

Солнце встало и освѣтило всю землю, птички запѣли, прославляя утро. Старикъ Христіанъ, сбираясь на работу, хотѣлъ позвать Петера, но Петера не было. Полагая, что онъ уже въ полѣ, Христіанъ вышелъ изъ избы—и чтожъ! Петеръ лежалъ у самыхъ дверей, которыя остались отворены всю ночь. Старикъ испугался было, но Петеръ ему сказалъ, что заглядѣвшись на озеро, онъ заснулъ, самъ не знаетъ какъ, у дверей.— Христіанъ давно замѣтилъ любовь сына къ луннымъ ночамъ, но какъ Петеръ исполнялъ дѣло свое всегда аккуратно, то онъ и не препятствовалъ ему въ этомъ удовольствіи.

Днемъ вѣтеръ нагналъ тучи, пошелъ проливный дождь, Петеръ не могъ болѣе оставаться у порога своей избы.

Такъ прошло нѣсколько дней; настали опять лунныя ночи, но никого не было, царица не являлась. Петеръ сталъ унылъ, печаленъ, исхудалъ; никто не могъ разгадать его недуга, а онъ все тосковалъ да тосковалъ. Такъ прошло два года, мало-помалу Петеръ сталъ рѣже вспоминать про свою странную ночь и наконецъ совсѣмъ забылъ ее. Онъ, казалось, даже выздоровѣлъ, поправился, становился день ото дня веселѣе. Старикъ Христіанъ радовался этому отъ души. Петеру минуло двадцать лѣтъ. Христіанъ и подумалъ: пора-бы женить сынка, я становлюсь старъ, а будетъ у него жена, пойдутъ дѣтки, мой домъ не пропадетъ, Петеръ будетъ добрымъ мужемъ; хорошимъ хозяиномъ, у меня-же на примѣтѣ есть для него славная дѣвушка, Христина, устроить-бы это дѣльце.

Петеру не хотѣлось противорѣчить словамъ отца, онъ конечно вспоминалъ свою странную ночь, но подумавъ, вѣдь это несбыточно, это былъ, вѣроятно, сонъ, махнулъ рукой—и согласился. Онъ расказалъ даже разъ отцу о своемъ ночномъ видѣніи; но отецъ увѣрилъ его еще болѣе, что это былъ сонъ и что думать о немъ глупо. Свадьба была назначена, все устроено.

Наканунѣ вѣнчанія, луна поднялась плавно изъ-за озера и покрыла всю мѣстность голубоватымъ своимъ неопредѣленнымъ свѣтомъ. Петеръ въ послѣдній разъ сѣлъ одинъ у избы своей и съ любовью сталъ смотрѣть на озеро. Невольно вспомнилъ онъ о прошедшемъ, невольно вспомнилъ о царицѣ

озера, и вдругъ вода опять всколыхалась посреди озера, и царица выплыла на поверхность. Легко выпрыгнула она на землю, снова во всей красѣ предстала очарованному Петеру, но когда онъ хотѣлъ бросится въ ея объятія, пристально взглянула на него и остановила движеніемъ руки.

— Такъ-то ты держишь свое слово? грустно сказала она.

Петеръ былъ уничтоженъ, онъ упалъ предъ нею на колѣна.

— Встань и пойдемъ со мною, сказала она.

Петеръ всталъ и не смѣлъ ослушаться. Шли они долго, наконецъ привела она его на самую вершину голаго утеса и тутъ остановилась.

— Ты хочешь женить ся? свадьба твоя назначена завтра, — а что ты мнѣ обѣщалъ? и царица зарыдала.

Петеръ стоялъ, какъ вкопаный, предъ нею; онъ долго смотрѣлъ на нее и немогъ оторваться, такъ она была очаровательно хороша. Ему хотѣлось-бы обнять ея гибкій станъ; ему хотѣлось испить сладкій, долгій поцѣлуй, но протянутыя руки не двигались, онъ не понималъ самъ, что съ нимъ происходитъ.

— Послушай, Петеръ, сказала она, ты любишь меня, а я природа. Тотъ, кто влюбится въ природу всею душою, какъ ты, не сотворенъ для земнаго счастія. Но ты мнѣ измѣнилъ—и царица снова зарыдала. Долго она плакала, плакала, слезы лились ручьями, катились по граниту. Наконецъ она вся превратилась въ слезы, которыя и брызжа, и разбиваясь о камни, потекли опять къ тому озеру, откуда она вышла. Петеръ остался на мѣстѣ, онъ все смотрѣлъ ей вслѣдъ, старался ее уловить, но нѣтъ! ему не поймать ручья, онъ быстро бѣжитъ по скалѣ, и своимъ журчаніемъ повѣствуетъ намъ о своей несчастной любви къ земному, о любви слишкомъ чистой, слишкомъ идеальной для насъ, людей.

На другое утро старикъ Христіанъ, не находя сына, вышелъ изъ избы, но какъ не звалъ несчастный отецъ, Петеръ! Петеръ! каскады, ручьи, самъ вѣтеръ, какъ-бы отвѣчали ему, Петера уже нѣтъ на землѣ. Христіанъ въ ужасѣ воротился домой, и сосны, которыя стояли предъ его домомъ, качаясь вершинами своими то вправо, то влѣво, какъ-бы повторяли ему: не ищи его! Его нѣтъ! его нѣтъ!

Тутъ рука Михельсона, дрожа указала мнѣ на сосну, и онъ со страхомъ проговорилъ: Вотъ онъ!

Я самъ вздрогнулъ, при взглядѣ на сосну — она и вправду показалась мнѣ человѣкомъ, который съ вершины утеса жадно слѣдитъ за бѣгомъ ручья, простирая къ нему объятія.

Было уже поздно, когда Михельсонъ кончилъ свой разсказъ.

— Пойдемте, баринъ, домой, уже темнѣетъ, а я ни зачто не останусь здѣсь ночью. Заколдованное мѣсто, такъ оно и прозвано въ околоткѣ.

Я долго не могъ оторваться отъ этой скалы, долго еще смотрѣлъ на эту картину, и припоминалъ фантастическій разсказъ моего спутника; наконецъ убѣжденный просьбою Михельсона, я согласился возвратиться, но все еще былъ въ раздумьи и даже во снѣ мнѣ не переставали грезиться и заколдованное мѣсто, и царица озера.

КРАСНОКОЖІЕ.

—

НАЧАЛЬНИКЪ ИЗЪ БѢЛЫХЪ.

I.

Красная Рѣка (Red River) принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ притоковъ Миссисипи. Она вытекаетъ изъ подошвы скалистыхъ горъ, орошаетъ индійскія земли, направляется по Техасу, отъ запада къ востоку, и потомъ впадаетъ въ Миссисипи, пониже Натшеца.

Индійская земля, омываемая Красною Рѣкою, населена каманшесами; пони-пиктами, викосами и другими племенами; всѣ они слывутъ народомъ лицемѣрнымъ, и вообще дурно расположеннымъ къ бѣлымъ. Какъ на верховьяхъ Миссури, американское правительство нашло необходимымъ охранять торговцевъ и населеніе крѣпостными пушками, такъ и на отдаленныхъ границахъ Арканзаса и Техаса, для такой-же цѣли приняты тѣ же мѣры.

Хотя гарнизонъ крѣпости Гибсонъ и грозный видъ ея пушекъ держатъ индійцевъ въ нѣкоторомъ страхѣ, однако, не смотря на это, дикари совершаютъ безнаказанно многія шалости и даже преступленія. Лѣтъ за двадцать предъ симъ было гораздо хуже. Правительство не принимало надлежащихъ мѣръ и не проходило дня, чтобъ не случилось какого-нибудь похищенія или убійства; между-тѣмъ друзья индійцевъ находили средства все это извинять или считать такіе случаи за выдумку.

Эліасъ Буренъ, одинъ изъ богатѣйшихъ табачныхъ плантаторовъ въ Луизіанѣ, принадлежалъ къ числу самыхъ жаркихъ противниковъ американской политики, въ отношеніи къ индій-

цамъ, достойнымъ, по его мнѣнію, полнаго сочувствія образованнаго міра. Эліасъ преданъ былъ всею душею дикарямъ американскихъ пустынь. Онъ жалѣлъ даже, что ихъ такъ мало въ Сѣверной Америкѣ. Табачный плантаторъ имѣлъ поводъ для оправданія своего расположенія къ индійцамъ; его убѣжденія основывались не на одной теоріи. Чтобъ не имѣть и тѣни сомнѣнія, онъ въ одно лѣто поднялся по Красной-Рѣкѣ выше Іонесбора, на границѣ Техаса, разбилъ свою палатку на землѣ индійцевъ, и цѣлое лѣто охотился тамъ, не будучи нисколько тревожимъ своими дикими сосѣдями. Онъ возвратился весьма-довольный своею поѣздкою, которая ему стоила нѣсколько ведеръ водки. Послѣ того, когда говорили ему про индійцевъ, у него была наготовѣ стереотипная фраза:

— Посмотрите на меня, я жилъ между ними, какъ ихъ другъ и братъ, и остался цѣлъ и невредимъ! Клянусь вамъ, это настоящіе агнцы.

— Потерпите! отвѣчали ему.

— Вы любите пророчить дурное! вскричалъ Эліасъ Буренъ, но я вамъ докажу, что вы ошибаетесь и въ будущемъ. Я намѣренъ поселиться въ томъ мѣстѣ, откуда возвратился, и взять съ собою жену и сына!.. Вы мнѣ сказали: потерпите, прибавилъ онъ насмѣшливо... хорошо, потерпимъ и увидимъ!..

II.

Дѣйствительно ли Эліасъ Буренъ былъ внутренно убѣжденъ, что ему нечего опасаться индійцевъ, или затронуто было его самолюбіе, только онъ сдѣлалъ какъ сказалъ, и на слѣдующее лѣто отправился въ индійскія земли съ женою и сыномъ Ричардомъ, мальчикомъ по осьмому году. Онъ поселился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ жилъ прежде, и разбилъ свою палатку на манеръ вигамовъ, своихъ индійскихъ пріятелей, съ которыми возобновилъ знакомство.

Мистрисъ Буренъ, надо сказать правду, не слишкомъ была довольна своимъ новымъ обществомъ; маленькій-же Ричардъ до того испугался, увидѣвъ перваго индійца, что невольно вскрикнулъ. Эліасъ Буренъ былъ ловкій и отважный стрѣлокъ, и потому индійцы посвятили его во всѣ тайны своихъ охотъ. Охота на буйволовъ считается у нихъ главнѣйшею; самая опасность въ борьбѣ съ сильнымъ и свирѣпымъ звѣремъ составляетъ для нихъ

особую прелесть. Буйволы ходятъ по пустынямъ Америки большими стадами. Сторожевые индійцы, завидѣвъ ихъ, бѣгутъ съ крикомъ по деревнямъ, и немедленно всѣ бросаются на лошадей съ оружіемъ въ рукахъ. Толпа охотниковъ раздѣляется на двѣ партіи, которыя сначала берутъ противоположныя направленія, такъ, чтобъ одна партія была впереди, а другая позади стада буйволовъ. Тогда обѣ партіи начинаютъ сходиться, и наконецъ окружаютъ все стадо. Буйволы, почуявъ охотниковъ, бросаются въ бѣгство, но повсюду встрѣчаютъ неумолимыхъ непріятелей, поражающихъ ихъ стрѣлами и оглушающихъ страшнымъ крикомъ. Разъяренные буйволы ревутъ и нерѣдко распарываютъ своими рогами лошадей и всадниковъ. Индіецъ, лишившійся лошади, иногда спасается, вскакивая на спину неукротимаго звѣря, и мчится съ нимъ по пустынѣ. Случается, что стадо изо ста и болѣе буйволовъ, менѣе чѣмъ въ часъ, совершенно истребляется. По окончаніи охоты, всѣ сбираются въ кружокъ, выкуриваютъ нѣсколько трубокъ въ честь великаго духа, и возвращаются въ деревни, поручая своимъ женамъ изрѣзывать убитаго звѣря въ куски для приготовленія кушанья и сохраненія шкуръ. Эліасъ, возвращаясь домой съ первой охоты, вошелъ въ свою палатку въ самомъ жалкомъ состояніи, забрызганный кровью, грязью и съ подвязанною рукой. Испуганная мистрисъ Буренъ дала себѣ обѣщаніе не пускать болѣе своего мужа на такія опасныя удовольствія.

III.

Можетъ-быть, Эліасъ въ душѣ своей и былъ согласенъ съ женою, тѣмъ болѣе, что онъ тщетно предъявлялъ права свои на шкуру превосходнаго буйвола, имъ самимъ убитаго; но его добрые друзья сказали ему наотрѣзъ, что буйволы составляютъ исключительную собственность дѣтей пустыни, что бѣлолицые, завладѣвъ у нихъ многимъ, не должны по-крайней-мѣрѣ имѣть притязанія на добычу ихъ буйволовой охоты. Эліасъ находилъ такую логику довольно странною, не смѣлъ однако-жъ настаивать, хотя и видѣлъ, что понятія индійцевъ о правѣ ихъ слишкомъ произвольны. Эта первая непріятность не помѣшала Эліасу Бурену принять участіе въ охотѣ другаго рода на буйволовъ, не столь опасной, какъ первая. Тутъ нападаютъ на звѣря по средствомъ обмана, наряжаясь въ волчью шкуру, и подползая-

на четвереньках къ подмѣченному животному. Отъ страха или отъ самоувѣренности, буйволы не бѣгутъ при видѣ этихъ ложныхъ волковъ, а приготовляются встрѣтить ихъ своими рогами. Наряженные индійцы съ луками и стрѣлами приближаются на такое разстояніе, что не могутъ дать промаха, и звѣрь не имѣетъ уже времени ни защищаться, ни убѣжать. Индійцы умѣютъ, впрочемъ, хорошо наряжаться и подражать волку во всѣхъ его движеніяхъ. Этотъ родъ охоты также приноситъ имъ не малую добычу. Эліасъ, наученный опытомъ, не требовалъ уже себѣ двухъ буйволовъ, которыхъ самъ убилъ. Онъ удовольствовался похвалами начальника, пригласившаго его на слѣдующій день охотиться на антилопу. Въ этой охотѣ индійцы прибѣгаютъ къ хитрости, которая почти всегда удается. Антилопа очень красивый, но крайне недовѣрчивый звѣрокъ, она не подпускаетъ къ себѣ на близкое разстояніе охотника, и притомъ отличается быстротою своего бѣга. Не смотря, однако-жъ, на свою робость, она очень любопытна, чѣмъ и пользуются индійцы. Чтобъ убить антилопу, охотникъ ложится на траву, и втыкаетъ въ землю шестъ съ лоскутомъ ткани красной или другаго цвѣта. Антилопы гуськомъ, одна за другою, подкрадываются къ этой приманкѣ, между-тѣмъ какъ скрытый охотникъ пускаетъ стрѣлу, или стрѣляетъ изъ ружья, и бѣдный звѣрокъ наказывается смертью за свое любопытство.

Вскорѣ Эліасъ Буренъ удостовѣрился, что пріятели его индійцы не имѣютъ яснаго понятія о томъ, что право, и что не право. Какъ-бы то ни было, даже и поверхностная въ нѣкоторыхъ штатахъ союза цивилизація предпочтительнѣе варварства и природной простоты дѣтей пустыни. По-крайней-мѣрѣ, въ европейскомъ обществѣ знаешь, къ кому обратиться, въ случаѣ обмана или обиды, и гдѣ получить удовлетвореніе. Восторгъ нашего филантропа сталъ простывать. Къ несчастію, ему вздумалось отмстить нѣкоторымъ своимъ друзьямъ, отказавъ имъ въ водкѣ, которою сначала надѣлялъ ихъ очень щедро. Отсюда возникли сперва холодность, потомъ отчужденіе, напослѣдокъ угрозы. Мистрисъ Буренъ хорошо видѣла, что пора снять палатку и пуститься домой по Красной-Рѣкѣ, къ табачнымъ плантаціямъ, и твердила о томъ мужу съ утра до вечера.

IV.

За недѣлю предъ тѣмъ, партія торговцевъ и звѣролововъ переправлялась чрезъ индійскія земли, чтобъ углубиться на западъ. Сверхъ товаровъ у нихъ былъ порядочный запасъ всякаго рода оружія. Они просили каманшесовъ быть ихъ проводниками до границъ пони-платовъ. Условія были заключены: за услугу должно было заплатить частью деньгами, частью спиртными напитками, частью оружіемъ; и вотъ караванъ пустился въ дорогу. Бѣлые, имѣя подъ руками ружья и кинжалы, наблюдали, чтобъ вожатые ихъ были всегда впереди, тѣмъ-болѣе, что число вызвавшихся и условленныхъ проводниковъ при самомъ началѣ пути удвоилось, и потомъ возрасло до того, что бѣлые начали безпокоиться. Достигнувъ до мѣста, гдѣ надлежало разстаться, оказалось, что индійцевъ было въ шесть разъ болѣе противъ условленнаго числа. Когда дѣло дошло до разсчета, индійцы надменно представили самыя непомѣрныя требованія.

Индійцы настаивали, чтобъ условленная часть товара, напитковъ и оружія на каждаго проводника, выдана была на наличное число проводниковъ въ томъ-же самомъ размѣрѣ.

— Но вѣдь мы наняли только двадцать проводниковъ, возразилъ одинъ изъ торговцевъ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ одинъ индіецъ, но мы почли неблагоразумнымъ пускаться въ дорогу въ маломъ числѣ. Бѣлолицые обѣщали каждому проводнику назначенную часть товара, денегъ, водки и оружія. Ну, что-жъ! мы и требуемъ этой платы.

Сосчитали присутствующихъ каманшесовъ, и оказалось, что если выдать каждому требуемую часть, бѣлые останутся съ пустыми руками.

— Да намъ того и надо, сказалъ съ твердостью воинъ индійскій, иначе вы продадите оружіе врагамъ нашимъ пони-платамъ, которые на другой-же день нападутъ на насъ и всѣхъ перестрѣляютъ!

Послѣ этихъ словъ, измѣннические замыслы проводниковъ обнаружились. Ясно было, что они сначала обезоружатъ несчастныхъ путешественниковъ, а потомъ умертвятъ ихъ. Оставалось одно—защищать себя и имущество свое. Торговцы и охотники, рѣшающіеся пускаться въ американскія пустыни—народъ отважный; они не боятся опасностей и любятъ приключенія. По данному однимъ изъ нихъ знаку, всѣ мгновенно бросились на ин-

дійцевъ, и пошла страшная рѣзня. Чрезъ два часа, индійцы обратились въ бѣгство, оставивъ не малое число своихъ на полѣ битвы. Они удалились съ бѣшенствомъ въ сердцѣ, съ угрозою въ устахъ.

V.

Несчасный Эліасъ Буренъ былъ обреченною жертвою за этотъ бѣдственный случай.

Вотъ характеристическая черта американскихъ дикарей: если бѣлый человѣкъ обидитъ индійца, и тотъ не успѣетъ отмстить ему, все равно, онъ вымѣщаетъ свою обиду на комъ-нибудь другомъ изъ бѣлаго же племени, хотя бы тотъ нисколько не былъ виноватъ и даже считался другомъ индійцевъ. Эліасъ Буренъ былъ обреченъ жертвою для мстительныхъ каманшесовъ. Дѣйствительно, чрезъ два дня по возвращеніи въ деревню, каманшесы напали на вигамъ Бурена, и безъ всякаго со стороны его повода, убили Бурена, жену его и двухъ служителей негровъ. Казалось, послѣдніе могли бы ожидать себѣ пощады: ни чуть не бывало. Индійцы ненавидятъ негровъ и мулатовъ, точно такъ же, какъ и бѣлыхъ. Бѣлыхъ считаютъ они своими врагами, къ неграмъ и мулатамъ чувствуютъ непреодолимое отвращеніе, и презираютъ ихъ. Каманшесы пощадили одного Ричарда Бурена и унесли его съ собою, какъ иногда охотникъ уноситъ волчёнка, или львёнка, котораго находитъ въ логовищѣ, чтобъ сдѣлать его ручнымъ и потомъ потѣшаться имъ. Бѣдный мальчикъ кричалъ и плакалъ, оставляя мѣсто, гдѣ совершилось страшное злодѣяніе, котораго онъ былъ свидѣтелемъ; лицо его обрызгано было кровью отца и матери. Ричардъ отвезенъ былъ въ деревню индійцевъ и взятъ въ семейство начальника. Ричардъ былъ красивый мальчикъ, съ умными, живыми глазами и крѣпкимъ тѣломъ. Его руки и мускулы обнаруживали необыкновенную силу. Сначала его ровесники чуждались его, чувствуя отвращеніе къ цвѣту его кожи, но Ричардъ не замедлилъ пріобрѣсть надъ ними верхъ успѣхами своими въ кулачныхъ бояхъ и ловкостью во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, къ которымъ пріучаютъ молодыхъ индійцевъ. Съ самаго ранняго возраста, индійцы обязаны переносить всякія трудности, и развивать свою силу. Ихъ заблаговременно посвящаютъ во всѣ воинскія хитрости. Каждый день, одинъ изъ старыхъ воиновъ, которому отдаютъ ихъ въ науку,

подстрекаетъ мальчиковъ къ примѣрнымъ сраженіямъ. Индійцы обоего пола умѣютъ также превосходно плавать. Впрочемъ это искусство составляетъ для нихъ необходимость, ибо имъ нерѣдко случается переплывать чрезъ быстрыя рѣки, когда они спасаются отъ непріятеля. Женщины въ этомъ случаѣ переносятъ на себѣ дѣтей своихъ. Поэтому каждое утро мальчики и дѣвочки купаются въ рѣкѣ. Ричардъ Буренъ во всѣхъ этихъ упражненіяхъ пріобрѣлъ неоспоримое преимущество, почему и назвали его Ма-та-по-ма-а (дитя, преобразованное небомъ).

Отъ прежняго воспитанія, отъ прежней жизни у сына несчастнаго плантатора не осталось и воспоминаній. Глядя на него, всякій принялъ бы его за мальчика, родившагося въ Американскихъ пустыняхъ подъ буйволовою кровлею индійскаго вигама.

Но право индійскаго, такъ сказать, гражданства, пріобрѣтенное Ричардомъ въ дѣтствѣ, опять у него было оспариваемо въ возрастѣ юношескомъ. Съ гнѣвомъ и презрѣніемъ попрекали ему его происхожденіе, о которомъ онъ и самъ не могъ дать себѣ отчета. Чтобъ восторжествовать надъ завистью и ненавистью, онъ долженъ былъ во всѣхъ случаяхъ являть отвагу: такъ онъ однажды принесъ въ даръ великому духу два свои пальца. Спокойствіе и равнодушіе, съ какими молодой человѣкъ вытерпѣлъ эту болѣзненную операцію, внушили индійцамъ высокое о немъ мнѣніе. Между тѣмъ наступала минута, когда Ричардъ Буренъ могъ торжественнымъ образомъ доказать силу своего характера. Онъ достигъ возраста, въ которомъ долженъ былъ подвергнуться сильному испытанію «двухъ дней»—испытанію, послѣ котораго каждый молодой человѣкъ получаетъ титло воина, право имѣть жену и помѣряться въ борьбѣ съ непріятелемъ.

VI.

Обрядъ «двухъ дней» почти одинаковъ у всѣхъ индійцевъ, и бываетъ однажды въ годъ. Это годовщина, празднуемая ими въ воспоминаніе потопа, называемаго ими Ми-ни-ро-ка-га-ша. Праздникъ этотъ сопровождается такъ называемою пляскою буйволовъ, которая, по мнѣнію индійцевъ, имѣетъ силу привлекать къ себѣ этихъ животныхъ. Посреди деревни каманшесовъ находится обширная площадь, родъ общественной арены, гдѣ совершаются всѣ игры и обряды. Въ центрѣ этой арены ставится символическій боченокъ съ предметами, употребляемыми для при-

готовленія великихъ таинствъ. Насупротивъ боченка возвышается священный вигамъ, убѣжище мудраго, пещера таинственности. Смотря на приготовленія, предшествующія обряду, и на благоговѣніе, съ какимъ каманшесы приближаются къ боченку и священному вигаму, нельзя и подозрѣвать, что порогъ этого зданія обагряется потомъ человѣческою кровью. — Съ самаго утра—въ день, назначенный для обряда, вся деревня была въ тревогѣ. Всѣ крыши вигамовъ усѣяны были группами женщинъ и дѣтей, устремившихъ взоры свои на западъ. Съ этой стороны человѣкъ важнаго вида шелъ медленными шагами прямо къ деревнѣ. Сдѣлалась общая тревога, какъ бы селенію угрожала опасность; воины натянули луки свои, и приготовились точно къ настоящему бою. «Человѣкъ отъ запада» приближался мѣрнымъ и спокойнымъ шагомъ. Такъ онъ дошелъ до самой площади, гдѣ, для встрѣчи его, собрались всѣ воины. Они протянули къ нему руки и привѣтствовали его, какъ стариннаго знакомца, называя его по имени Ни-мо-мукъ-а-на, т. е. первый человѣкъ. Одежда этого человѣка состояла изъ четырехъ шкуръ бѣлаго волка, накинутыхъ на плеча, и изъ двухъ вороньихъ чучелъ на головѣ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ трубку, предметъ, достойный величайшаго почитанія. Поздоровавшись съ воинами, онъ направился къ священному вигаму, и отворилъ его. Пробывъ тамъ нѣкоторое время, онъ вышелъ и обошелъ всю деревню, останавливаясь у порога каждаго вигама.

— Чего ты хочешь? спросилъ его начальникъ таинственнымъ голосомъ.

— Разсказать тебѣ про былое, отвѣчалъ Ни-мо-мукъ-а-на.

Затѣмъ онъ разсказалъ по-своему бѣдствіе потопа и окончилъ словами:

— Я только одинъ человѣкъ, спасшійся отъ этого великаго наводненія. Я доплылъ до вершины великой горы на западѣ, и съ тѣхъ поръ тамъ проживаю.

Роль главнаго лица въ этой комедіи имѣетъ нѣкоторое сходство съ тропическимъ Нептуномъ, когда суда переходятъ экваторъ. Сходство это тѣмъ разительнѣе, что разсказъ о потопѣ оканчивается слѣдующею фразою, обращаемою къ каждому отцу семейства: «Ну, такъ дай же мнѣ для священнаго убѣжища подарокъ, угодный великому духу, иначе прійдетъ новый потопъ и покроетъ всю землю.» И индійцы спѣшатъ давать кто оружіе, кто кусокъ мяса, кто собаку, кто шкуру звѣря, словомъ кто

чѣмъ богатъ. Послѣ того Ни-мо-мукъ-а-на исчезаетъ, и его не видятъ до разсвѣта. Между тѣмъ во всю ночь огни не угасаютъ; всѣ ожидаютъ чего-то печальнаго и таинственнаго. Съ разсвѣтомъ дня допотопный человѣкъ отправляется въ священное убѣжище, гдѣ собраны были двадцать юношей, и въ числѣ ихъ Ричардъ, приготовляющихся къ страданіямъ.

VII.

По прибытіи Ни-мо мукъ-а-на, двадцать юношей, сидѣвшіе на корточкахъ въ священномъ убѣжищѣ, встали и окружили допотопнаго человѣка. Послѣдній, выкуривъ трубку, и сдѣлавъ воззваніе къ великому духу, произнесъ молодымъ людямъ увѣщательное слово, и потомъ передалъ свою власть старѣйшему изъ мудрыхъ, назвавъ его О-ки-па-ка-се-ка (начальникомъ церемоній), затѣмъ скрылся, пройдя торжественно чрезъ всю деревню. Три дня заключенные въ священномъ вигамѣ двадцать юношей приготовляли себя къ ожидавшимъ ихъ пыткамъ. Въ продолженіе этого времени на большой площади не прекращались игры и пляски. Плясуны раскрашивали себя съ головы до ногъ черною, бѣлою и желтою красками: восьмеро изъ нихъ, нарядясь въ буйволовую шкуру, имѣли на спинѣ клочекъ травы. Въ первый день плясали по одному разу на главныхъ пунктахъ горизонта, во второй по два, а въ третій по три раза. Мудрый, предсѣдательствующій на церемоніи, курилъ свою трубку на сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ, смотря по тому, гдѣ пляска совершалась. Наконецъ, на третій день, по данному знаку, плясуны подошли къ таинственному вигаму; начальникъ церемоніи вышелъ изъ священнаго убѣжища, и сталъ въ свою очередь плясать, горланя какую-то заунывную пѣсню, и приближаясь къ символическому боченку, на который и уперся наконецъ головою. Тогда четыре старца подошли къ порогу вигама, и взяли четыре мѣха изъ буйволовой кожи, наполненные, по ихъ словамъ, водою отъ четырехъ частей свѣта во время потопа. Эти мѣха поставлены были вокругъ боченка, и всѣ присутствующіе огласили воздухъ страшнымъ крикомъ и адскою музыкою, что продолжалось съ четверть часа, послѣ чего четыре старца взяли опять мѣха съ водою, и отнесли ихъ въ вигамъ. Вдругъ посреди площади явилось какое-то черное чудовище: оно прыгало и кривлялось страннымъ образомъ. Мудрый, оставивъ боченокъ, подошелъ къ

черному чудовищу, и подалъ ему трубку; чудовище какъ бы оцѣпенѣло, и все собраніе разразилось дикимъ хохотомъ. Таинственная сила трубки оказала дѣйствіе—чудовище побѣжало и скрылось въ пустынѣ. По совершеніи этого заклинанія, начальникъ обряда, предшествуемый музыкою, вошелъ въ священное убѣжище, въ сопровожденіи служителей пытокъ. Онъ расположился передъ небольшимъ огнемъ, и выкурилъ еще трубку. Это послужило знакомъ началу пытокъ, называемыхъ покъ-гонгъ.

Два человѣка схватили одного изъ юношей, стоявшаго на четвереньках. Одинъ изъ нихъ ущемилъ ему тѣло на обоихъ плечахъ и прокололъ захваченную кожу ножемъ, а другой вставилъ въ раны кусочки дерева, къ которымъ привязали веревки. Послѣ этой операціи, страждущій приподнятъ былъ кверху, такъ, чтобъ ноги его едва касались земли; потомъ прокололи ему кожу на локтяхъ, ляшкахъ, колѣнкахъ, и всунули такія же деревяшки съ веревками; это продолжалось минутъ пять или шесть, послѣ чего страдальца вздернули аршина на четыре отъ земли, и напослѣдокъ опустили.—Трудно представить себѣ, съ какою твердостью переносятъ эти неслыханныя мученія молодые индійцы, сохраняя притомъ совершенно бодрый видъ.

VIII.

Въ продолженіе пытокъ старшины замѣчаютъ отважнѣйшихъ и терпѣливѣйшихъ, для того, чтобъ предоставить имъ потомъ почетнѣйшія званія во время войны.—По окончаніи обряда, главный церемоніймейстеръ всѣ предметы, принесенные въ даръ священному убѣжищу, бросилъ въ воду, нашептывая молитвы, послѣ чего начались опять пляски. Молодые люди, подвергшіеся пыткѣ, отданы были на руки индійскимъ врачамъ, которые пользовали ихъ по-своему. Нѣкоторые выздоровѣли, а многіе померли. Ричардъ былъ въ числѣ выздоровѣвшихъ. Необыкновенное хладнокровіе и мужество, обнаруженное имъ при жесточайшихъ мукахъ, доставили ему общее уваженіе каманшесовъ. Слава его распространилась за предѣлы деревни. Начальники другихъ селеній являлись къ нему съ поздравленіемъ. Ричардъ былъ помолвленъ съ молодою индіянкою, которая принесла ему въ приданое восемь коней. Предъ совершеніемъ брачной церемоніи, его посѣтили нѣсколько начальниковъ сосѣдственныхъ селеній. Трое изъ нихъ изъявили желаніе имѣть его своимъ зятемъ. Первый

предлагалъ ему свою дочь въ замѣнъ двухъ коней. Ричардъ на это согласился. Подобный торгъ заключенъ былъ и съ остальными двумя. Многоженство между индійцами допускается ихъ обычаями; по этому поступокъ Ричарда оправдывался, но все таки надлежало имѣть много самоувѣренности, чтобъ осмѣлиться такъ дѣйствовать. Ричардъ отправился къ отцу первой своей невѣсты и сказалъ ему: Ты обѣщалъ мнѣ свою дочь, отдай ее мнѣ, время настало. Тутъ было заспорили три начальника, пришедшіе въ деревню изъ ближнихъ селеній съ своими дочерьми. Ричардъ подощедъ къ одному изъ нихъ, сказалъ: ты обѣщалъ мнѣ сегодня отдать свою дочь, а я обѣщалъ тѣбѣ отдать пару лошадей, такъ ли?—Такъ.—Вотъ пара лошадей, я беру твою дочь.—Но ты и съ нами сдѣлалъ такое же условіе, вскричали другіе два начальника, подступая къ нему съ угрозою.—Да, и я не отступаюсь отъ моего слова. Пара лошадей назначена каждому изъ васъ, берите ихъ, онѣ на лицо, а я беру вашихъ дочерей, согласны ли?—Согласны,—На что мнѣ восемь лошадей? для охоты и войны достаточно и пары: я предпочитаю имѣть четырехъ женъ. Начальники вскочили на лошадей, и взявъ еще по одной лошади за поводья пустились въ обратный путь по извилистымъ тропинкамъ, проложеннымъ въ равнинѣ, покрытой высокою травою. Съ минуту видны были ихъ бѣлыя изъ буйволовой кожи плащи, развѣвавшіеся по вѣтру, потомъ они исчезли, раздавался одинъ только конскій топотъ. Ричардъ, собравъ всѣхъ своихъ четырехъ женъ, отвелъ въ свой вигамъ, при удивленіи и ропотѣ всей деревни. Оставивъ молодыхъ индіянокъ подъ кровлею своего дома, Ричардъ возвратился на площадь, гдѣ толпы народа подняли крикъ за дерзость молодаго воина.

— Что вы шумите? сказалъ онъ имъ. Развѣ я не былъ въ правѣ такъ поступить? Сколько между вами есть воиновъ, которые имѣютъ по семи и восьми женъ; вся разница въ томъ, что вы берете себѣ женъ не вдругъ, а я взялъ ихъ разомъ. Но если кого поступокъ мой оскорбляетъ, тотъ можетъ оспаривать любую изъ моихъ красавицъ лукомъ и томагакомъ.

Никто не сказалъ слова.

— Притомъ же, прибавилъ Ричардъ, наши караульные открыли толпу бѣлыхъ охотниковъ, съ которыми завтра или послѣ завтра мы будемъ драться. Я покажу вамъ, какъ человѣкъ, берущій разомъ четырехъ женъ, умѣетъ охотиться на бѣлыхъ. Толпа народа разошлась и Ричардъ возвратился въ свой ви-

гамъ, гдѣ четыре жены, примирившіяся съ своею участью, занимались уже хозяйственными дѣлами.

IX.

Хищническіе поступки каманшесовъ въ отношеніи къ бѣлымъ охотникамъ, разсѣяннымъ по Американскимъ пустынямъ, заставили послѣднихъ соединиться въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ, чтобъ дать хорошій урокъ пріятелямъ своимъ, краснокожимъ. Сторожевые индійцы дали знать объ этомъ по всѣмъ ближайшимъ селеніямъ, и всѣ приготовились къ защитѣ. Въ одно утро отрядъ каманшесовъ изъ пяти или шести человѣкъ прискакалъ во весь духъ извѣстить начальника, что два индійца пали уже отъ вражескихъ пуль на берегахъ Красной Рѣки, и что бѣлые, на разстояніи двухъ миль, заняли высоту, на которой укрѣпились. Немедленно сдѣлалась тревога: всѣ воины собрались на площадь, проплясали четверть часа воинственную пляску и съ дикимъ воплемъ ринулись впередъ.

Вскорѣ каманшесы открыли непріятелей своихъ, и битва началась сперва на дальнемъ разстояніи. Американскіе охотники такъ же искусно стрѣляютъ изъ ружей, какъ индійцы искусно пускаютъ свои стрѣлы. Ружье въ рукахъ первыхъ, равно какъ лукъ въ рукахъ послѣднихъ, рѣдко даютъ промахъ; пуля и стрѣла почти всегда достигаютъ своей цѣли При началѣ сраженія съ той и другой стороны были значительныя потери, и побѣда, казалось, склонялась въ пользу бѣлыхъ. Но этотъ минутный перевѣсъ и былъ причиною ихъ гибели: ободренные успѣхомъ, они оставили высоту, крутизны которой служили имъ защитой, и аттаковали индійцевъ. Битва въ открытомъ полѣ выгоднѣе для каманшесовъ. Они борются тутъ одинъ на одинъ, употребляютъ въ свою пользу разныя хитрости, ибо одарены гибкостью членовъ и необыкновенною силою, и не останавливаются ни предъ какимъ звѣрскимъ поступкомъ.

Въ этой битвѣ каманшесы были несравненно многочисленнѣе своихъ непріятелей; на каждаго бѣлаго приходилось по три индійца. Притомъ они были озлоблены смертью своего начальника, пораженнаго въ грудь пулею. Надлежало отмстить. Они не поколебались отъ нападенія охотниковъ, но испускали ревъ и вопли, какъ дикіе звѣри. Побѣда склонилась на сторону индійцевъ. Разбитые охотники предались бѣгству, и только малая ихъ

часть избавилась отъ преслѣдователей. Ричардъ явилъ себя въ этомъ сраженіи героемъ.

Ему необходимы были трофеи, которыми гордятся индійцы. Представился случай и Ричардъ вполнѣ имъ воспользовался. Когда каманшесы возвратились въ свою деревню, на поясѣ молодаго воина развѣвались волосы трехъ скальпированныхъ имъ непріятелей. Ричардъ не пощадилъ и одного старца; ставъ ему на грудь, онъ сказалъ: «Дни твои на этой землѣ были сочтены; ты умираешь теперь отъ моей руки, завтра могъ бы умереть на охотѣ. Я называюсь Ма-та-по-ма-а, молодой воинъ, ищущій въ первой битвѣ славы. Ты придешь въ обитель духовъ и встрѣтишь тамъ тѣнь отца моего, котораго я не знаю. Скажи этой тѣни, что Ма-та-по-ма-а послалъ тебя къ ней.» Сказавъ эти слова, онъ вонзилъ свое копье въ горло старца, и пригвоздилъ его къ землѣ. Ричардъ не могъ однакожъ удержать себя отъ внутренняго волненія, замѣтивъ горестный взглядъ жертвы, когда произносилъ слова: «тѣнь отца моего, котораго не знаю.» Добивая старика, онъ чувствовалъ, что рука ему измѣняетъ. Ричардъ, или Ма-та-по-ма-а, какъ звали его индійцы, искусно отдѣлилъ отъ черепа кожу, величиною въ ладонь, съ волосами; остальные на головѣ волосы обрѣзалъ для украшенія ими своей одежды. Говоря о скальпированіи, мы должны присовокупить, что индійцы рѣдко скальпируютъ живыхъ непріятелей, исключая раненыхъ, лежащихъ на полѣ сраженія. Впрочемъ операція эта дѣлается весьма искусно: индійцы отдѣляютъ одну верхнюю кожицу ни сколько не касаясь у самаго черепа.

Ма-та-по-ма-а вошелъ въ деревню побѣдителемъ, а каманшесы приготовились отпраздновать побѣду разными играми и плясками. *Пляска скальпа* считается главнѣйшею и служитъ выраженіемъ побѣднаго восторга. Но въ настоящемъ случаѣ радость умѣрялась потерею начальника, павшаго въ битвѣ. Надлежало прежде веселья оплакать потерю великаго воина. Для выраженія этой скорби есть особая пляска, называемая *пляскою храбраго*. Ею и почли память героя. Пляска храбраго длится восемь дней, по одному часу въ каждый день, предъ вигамомъ умершаго, передъ входомъ котораго вдова вѣшаетъ священный мѣшокъ на сучкѣ дерева. Всѣ воины, держась за руки, составляютъ кружокъ, въ срединѣ котораго молодые люди размахиваютъ волосами скальпированныхъ ими непріятелей. Пляска эта сопровождается жалобными воплями на разные тоны, и пѣсня-

ми, въ которыхъ восхваляютъ подвиги умершаго на полѣ битвы. По окончаніи обряда, каждое семейство приноситъ вдовѣ и дѣтямъ подарки, чтобъ они ни въ чемъ не нуждались. Нельзя отвергать, чтобъ этотъ обычай не имѣлъ нравственнаго значенія. Индійцы, подобно европейцамъ, обезпечиваютъ семейства воиновъ, геройски павшихъ.

X.

По окончаніи *пляски храбраго*, которая сопровождалась рыданіями индійцевъ, приступили они къ совершенію *пляски скальпа*; послѣ слезъ въ память умершихъ, надлежало торжествовать побѣду живыхъ. *Пляска скальпа* продолжалась пятнадцать ночей сряду, при свѣтѣ факеловъ. Сверхъ уваженія военныхъ подвиговъ, она служитъ и къ освященію трофеевъ, принесенныхъ съ поля битвы. Только послѣ такого обряда, воины могутъ украшать себя волосами скальпированныхъ ими непріятелей. Горящіе вокругъ обширной площади огни озаряли эту фантастическую сцену какимъ-то зловѣщимъ свѣтомъ. Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, неподвижно стоявшихъ всрединѣ, держали длинныя жерди съ привѣшенными къ нимъ скальпами, воины вокругъ ихъ плясали, размахивая оружіемъ и подскакивая обѣими ногами вдругъ. Въ то же время они потрясали воздухъ пронзительнымъ крикомъ, ударяли оружіемъ однимъ о другое съ такою силою, что, казалось, оно должно было разбиться въ куски. Глаза ихъ сверкали, зубы скрежетали, какъ будто въ пылу самаго сраженія. Трудно описать это странное зрѣлище. Послѣ *пляски скальпа* приступили къ избранію начальника. Большинство голосовъ было въ пользу Ричарда, но завистники приводили противъ молодаго воина его происхожденіе, а это значило много. Ричардъ, хотя и одичалъ съ малыхъ лѣтъ, но когда вошелъ въ совершенный возрастъ, слѣды перваго воспитанія стали въ немъ пробуждаться; иногда онъ задумывался, и по временамъ поступки индійцевъ возмущали его душу. Однакожъ его молодечество, храбрость, обнаруженная въ разныхъ случаяхъ, высокій умъ—склонили голоса на его сторону. Ричардъ сдѣлался начальникомъ тѣхъ самыхъ каманшесовъ, которые нѣкогда убили отца его и мать, а его унесли какъ добычу, какъ игрушку, для забавы. Избраніе начальника было тѣмъ необходимѣе, что сторожевые повѣстили о соединеніи разбитыхъ въ

послѣднемъ сраженіи охотниковъ съ новою партіею торговцевъ, которые подкрѣплены были еще отрядомъ войскъ американскаго правительства; такимъ образомъ сбиралась грозная экспедиція для отмщенія индійцамъ за послѣднюю ихъ побѣду.

По совѣту Ричарда, каманшесы немедленно выступили въ походъ, чтобъ напасть на непріятеля въ расплохъ и до соединенія всѣхъ его силъ. Успѣхъ превзошелъ ожиданія молодаго начальника. Два или три удачныя нападенія на передовые отряды охотниковъ—возбудили въ индійцахъ самоувѣренность и отвагу. Они отправились далѣе и показались даже въ предѣлахъ Арканзаса. На берегахъ рѣки, давшей названіе этому штату, они встрѣтили отрядъ регулярнаго войска, который, послѣ кровопролитнаго сраженія, обратилъ ихъ въ бѣгство, причемъ нѣсколько индійцевъ взяты въ плѣнъ. Въ числѣ ихъ находился и Ричардъ Буренъ. Присутствіе между бѣлыми и ихъ языкъ стали пробуждать въ немъ давнишнія воспоминанія. Сравнивая нравы бѣлыхъ съ тѣми, о которыхъ онъ имѣлъ какое-то смутное понятіе, Ричардъ столько же пораженъ былъ этимъ, сколько и самые бѣлые. Стали распрашивать о его прошедшемъ, о жизни его между индійцами, отвѣты, сначала неопредѣленные, дѣлались мало по малу яснѣе, положительнѣе, и напослѣдокъ не осталось сомнѣнія въ томъ, кто былъ этотъ индійскій начальникъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ вспомнили истребленіе индійцами семейства Эліаса Бурена, и всѣ удостовѣрились, что въ молодомъ начальникѣ видятъ Ричарда Бурена, сына Эліаса; это было тѣмъ очевиднѣе, что на мѣстѣ убійства найдены были только трупы отца его и матери. Всѣ смотрѣли на молодаго человѣка въ возрастающимъ любопытствомъ; его заставили разсказать подробности его жизни у индійцевъ. Ричардъ отвѣчалъ теперь свободно на всѣ распросы, довольный, что очутился между своими. Когда дѣло дошло до недавно одержанной индійцами побѣды, онъ не могъ безъ внутренняго волненія разсказать сцены объ убитомъ имъ старцѣ, котораго бѣлые волосы носилъ за своимъ поясомъ, и присовокупилъ: «Съ тѣхъ поръ видъ этого старца меня не оставляетъ и даже теперь жжетъ мнѣ глаза...» И когда Ричардъ описалъ наружность этого старика, многіе изъ бывшихъ тутъ вскрикнули: «Это братъ мистрисъ Буренъ!» Ричардъ испустилъ дикій вопль и безъ чувствъ упалъ на землю.

XI.

Американцы рѣшились требовать отъ каманшесовъ добровольно покорности, и какъ Ричардъ имѣлъ на нихъ большое вліяніе, то предложили ему быть въ этомъ дѣлѣ посредникомъ, обѣщая свободу ему, а въ случаѣ успѣха, и всѣмъ плѣннымъ. На вопросъ, можетъ ли онъ взяться за это дѣло, онъ отвѣчалъ: «Могу и долженъ... Я совершилъ большое преступленіе, и если устрою дружбу между краснокожими и бѣлолицыми, то это вмѣнится мнѣ въ заслугу, и великій духъ, можетъ быть, проститъ меня. Я готовъ взяться за это дѣло.»—Если успѣешь въ этомъ предпріятіи, великій духъ, конечно, проститъ твое преступленіе, сказали американцы. — «Ѣду!» — вскричалъ Ричардъ.

Ему однако же показалось, что американцы какъ бы сомнѣваются въ его добросовѣстности, а съ другой стороны и плѣнные опасаются, что онъ не возвратится къ бѣлолицымъ. Ричардъ важно сѣлъ на пень срубленнаго дерева и, снявъ съ себя мокасины, бросилъ ихъ. Индійцы поняли эту пантомиму и молча поклонились ему. Американскій начальникъ спросилъ, что это значитъ?

— Это значитъ, отвѣчалъ Ричардъ, что обѣщаніе мое свято, и если я его нарушу, великій духъ осудитъ меня ходить всю жизнь босикомъ.

Потомъ онъ закурилъ свою трубку, и пускалъ дымъ то къ небу, то къ землѣ; этимъ пополнялся священный его обѣтъ. Ричарду подвели коня. Садясь на сѣдло, онъ выпилъ полный стаканъ водки, предложенный ему начальникомъ американцевъ, и сдѣлавъ прощальный знакъ присутствовавшимъ, пустился къ своей деревнѣ, обѣщая скоро возвратиться и привезти покорность каманшесовъ.

Ночь настигла его посреди кустовъ хлопчатника, неподалеку еще отъ американскаго лагеря.

Ричардъ, послѣ всего имъ видѣннаго и слышаннаго, постоянно былъ задумчивъ. Образъ старца, дяди его, безпрестанно его преслѣдовалъ. Ему казалось, что онъ стоитъ предъ нимъ, указываетъ перстомъ на свою смертельную рану, на бѣлые источающіе кровь волосы. Ричардъ цѣпенѣлъ отъ ужаса и каждый разъ, когда конь его, испуганный чѣмъ нибудь, ржалъ или бросался всторону, онъ испускалъ вопль отчаянія, въ каждой тѣни, отбрасываемой деревомъ, скалою и даже имъ самимъ, ему

мерещился призракъ убитаго имъ старца. Ричардъ рѣшился скакать всю ночь, чтобъ скорѣе достигнуть своей деревни; но въѣхавъ въ хлопчатникъ, онъ услышалъ необыкновенный звукъ, происходившій отъ копытъ его лошади. Казалось, что онъ ѣдетъ по мосту между двумя глубокими пропастями, хотя на дѣлѣ ничего подобнаго не было. Лошадь испугалась, но Ричардъ пришпорилъ ее и понесся впередъ, полагая, что этотъ случайный звукъ умолкнетъ. Но чѣмъ далѣе онъ ѣхалъ, тѣмъ болѣе странный звукъ усиливался. Въ тишинѣ ночи необыкновенный гулъ раздавался впереди и позади. Бодрая его лошадь чуть держалась на ногахъ. Ричардъ, напрягая вниманіе свое, сталъ прислушиваться.

— Это разгнѣванныя тѣни предковъ моихъ, шепталъ онъ, пробужденныя ударами копытъ моей лошади, они изъ-подъ земли кричатъ мнѣ: убійца презрѣнный! И блѣдный отъ ужаса, онъ взывалъ къ великому духу и клялся искупить свое преступленіе всѣми средствами.

Мы должны сказать причину этого страннаго явленія, испугавшаго Ричарда. Между рѣками Красною и Вашитою находятся два пласта земли, весьма любопытные для науки, о существованіи которыхъ молодому начальнику не было извѣстно. Одинъ пластъ состоитъ изъ раковинъ и ракушекъ, сохранившихъ прежній свой цвѣтъ и блескъ, такъ, что дорога по нимъ похожа на гололедицу. Другой состоитъ какъ бы изъ выпуклой желѣзной корки, по которой ударъ лошадинаго копыта звучитъ, какъ молотъ по наковальнѣ. Напослѣдокъ странный звукъ исчезъ, и Ричардъ остановился, увѣренный, что его воззваніе умилостивило великаго духа и разгнѣванныя тѣни его предковъ. Ему оставалось только найти достойное себѣ наказаніе. Онъ привязалъ лошадь свою къ дереву, и легъ на землю, внимательно прислушиваясь. Сонъ настигъ его въ этомъ положеніи, и ему мерещились странныя грезы. Онъ видѣлъ во снѣ старца, который шепталъ ему: искупи мою смерть—смертью какого нибудь живаго существа, человѣка, или животнаго. Индѣйцы имѣютъ большую вѣру въ сновидѣнія. Они приписываютъ ихъ внушеніямъ великаго духа, и данное во снѣ велѣніе исполняютъ во что бы то ни стало. Когда Ричардъ проснулся, потъ катился съ него градомъ; лицо омыто было слезами. Очевидно онъ былъ подъ вліяніемъ сновидѣнія. Лишь только стало свѣтать, Ричардъ пришпорилъ свою лошадь и помчался по безконечной равнинѣ. Конскій топотъ пробудилъ

трехъ буйволовъ, спавшихъ въ высокой травѣ. Два изъ нихъ побѣжали, третій остановился. Вдохнувъ въ себя широкими ноздрями воздухъ, онъ поднялъ ревъ и, бороздя рогами и передними копытами землю, какъ будто вызывалъ на бой молодаго индійца.

— Сонъ въ руку! воскликнулъ Ричардъ, и, натянувъ лукъ, пустилъ стрѣлу въ буйвола, который, почувствовавъ рану, бросился на лошадь и опрокинулъ ее вмѣстѣ съ всадникомъ. Страшное животное, пренебрегая лошадью, устремилось на болѣе достойнаго противника. Началась гомерическая борьба между разъяреннымъ буйволомъ и индійцемъ, рѣшившимся дорого продать свою жизнь. Пять или шесть стрѣлъ, пущенныхъ въ животное, не причинили ему смерти. Скорѣе раздраженный, чѣмъ ослабленный буйволъ, весь въ крови, съ дымящимися ноздрями, понуривъ голову и уставивъ страшные рога, бросился на Ричарда.

Молодой начальникъ сохранилъ въ этой борьбѣ рѣдкое хладнокровіе: бросивъ лукъ и стрѣлы, онъ ждалъ своего разъяреннаго непріятеля съ однимъ ножемъ въ рукахъ, и прежде чѣмъ тотъ успѣлъ вонзить въ него свои рога, распоролъ ему лѣвый бокъ. Рана была смертельная. Буйволъ упалъ, но упалъ такъ, что всею тяжестью своего тѣла придавилъ бѣднаго Ричарда. Между тѣмъ лошадь, поднявшись на ноги, пустилась бѣжать къ американскому лагерю и примчалась туда съ распоротою грудью. При видѣ ея плѣнные индійцы вскрикнули, дознавъ гибель своего начальника. Отрядъ американскихъ воиновъ, предшествуемый каманшесами, направился на мѣсто битвы; кровавый слѣдъ Ричардовой лошади показывалъ дорогу. Ричарда нашли, хотя и побѣдителемъ, но задохшимся подъ тяжестью буйвола, и облитымъ его кровью.

— Это наказаніе великаго духа, прошепталъ одинъ индіецъ; но все равно: его тѣнь пойдетъ въ жилище храбрыхъ.

Порученіе, данное Ричарду, возложено было на другаго плѣннаго. Каманшесы, прельщенные нѣсколькими боченками водки, согласились на заключеніе мира, однакожъ американцы нашли лучшимъ охранять этотъ миръ пушками крѣпости Гипсонъ, воздвигнутой за предѣлами Арканзаса, на землѣ индійцевъ.

Дѣйствительно, пули и ядра — самыя вѣрныя средства для поддержанія союза съ краснокожими и для сохраненія дружескихъ съ ними сношеній.

—

ДЖОНЪ СМИТЪ И ПОКАХОНТАСЪ.

I.

Открытіе новаго свѣта Христофоромъ Коломбомъ породило въ Европѣ рядъ новыхъ идей, и между образованными націями возникло благородное соревнованіе для извлеченія изъ нихъ возможныхъ себѣ выгодъ. Безсмертный мореплаватель нашелъ только глыбу мармора; христіанству, цивилизаціи предстоялъ подвигъ ее обработать.

Франція, Англія, Голландія соперничали съ Испаніей въ морскихъ открытіяхъ. Всѣ желали пріобрѣтать новыя земли, для проложенія новыхъ путей торговлѣ и эмиграціи.

Надобно однакожъ согласиться, что первыя попытки въ этой двойной цѣли не имѣли сначала большихъ успѣховъ. Первые мореплаватели, устремившіеся по слѣдамъ Коломба, на каждомъ шагу останавливаемы были новыми открытіями, и, можно сказать, въ подробностяхъ предмета терялась главная цѣль ихъ экспедицій.

Во всякомъ случаѣ, наука предшествовала завоеваніямъ и торговымъ видамъ.

Чтобъ скорѣе прійти къ настоящему предмету нашей статьи, мы бѣгло скажемъ, что Нью-Фаундлендъ открытъ двумя англичанами Каботами, а Флорида изслѣдована (1524) флорентинскимъ адмираломъ Веррацано, которому покровительствовалъ Францискъ I-й.

Спустя шесть лѣтъ, французъ Жакъ Картье открылъ заливъ Св. Лаврентія и рѣку того же имени, по которой проникнулъ въ Канаду, гдѣ радушно былъ принятъ индійцами. Онъ назвалъ землю, ими обитаемую, Mont-Royal, которую потомъ переименовали въ Монтреаль.

Въ 1541 г., испанецъ, Фердинандъ де-Сото, отправясь изъ Кубы для завоеванія Флориды, открылъ Миссисипи, въ шести миляхъ выше ея устья.

Въ 1584 г., серъ Валтеръ Ралейгъ изслѣдовалъ Каролину и лежащія отъ нея къ сѣверу земли; по возвращеніи своемъ въ Англію, онъ такъ восхитительно ихъ описывалъ королевѣ, что Елисавета, по словамъ историка, желала, чтобъ эту плодородную страну наименовали Виргиніей, въ память того, что она была открыта въ царствованіе королевы-дѣвственницы.

Въ 1602 г., Варѳоломей Гонольдъ, на пути изъ Фальмута

въ Виргинію, открылъ въ заливѣ Масачусетскомъ мысъ, названный мысомъ трески, по множеству этого рода рыбы, тутъ встрѣчаемой.

Изъ всѣхъ этихъ открытій, и повторяемыхъ плаваній, мало или даже ничего не было сдѣлано въ отношеніи къ колонизаціи.

По прошествіи ста пятидесяти лѣтъ съ открытія Санъ-Сальвадора Христофоромъ Коломбомъ, европейцы не имѣли ни одного еще поселенія въ этихъ богатыхъ и превозносимыхъ земляхъ Сѣверной Америки.

Но вотъ мы дошли теперь до первой серьозной попытки къ водворенію труда и цивилизаціи въ эти страны.

Съ этой попыткой, награжденною успѣхомъ, соединяется одинъ интересный эпизодъ, составляющій легенду въ исторіи американскаго союза. Эпизодъ касается индійской принцессы Покахонтасъ, въ которомъ настоящій основатель Виргинской колоніи, капитанъ Смитъ, играетъ важную роль.

Здѣсь, какъ и вездѣ, можно будетъ упрекать индійцевъ въ лукавствѣ и ненависти къ бѣлымъ, скрываемой подъ личиною дружбы. Но прекрасный поэтическій образъ Покахонтасъ освѣщаетъ эту мрачную, кровавую картину. Восходя къ баснословнымъ временамъ Америки, къ временамъ битвъ между колонистами и индійцами, этотъ образъ въ соединеніи съ энергическимъ характеромъ Смита, возбуждаетъ симпатію и жалко было бы предать его забвенію.

II.

Въ 1607 г., караванъ изъ ста пяти человѣкъ, на трехъ судахъ, подъ командою Христофора Ньюпорта, прибылъ изъ Европы къ берегамъ Виргиніи, пройдя напередъ, по проложенной дорогѣ, Антильскимъ моремъ. Сильнымъ порывомъ вѣтра бросило суда въ заливъ Чисапекскій, и этому случаю обязаны открытіемъ превосходнѣйшаго залива, прозваннаго американцами *Царицею водъ*.

Американцы, говоря мимоходомъ, любятъ давать громкія названія; такъ, напримѣръ, Нью-Іоркъ величаютъ они «*городомъ императорскимъ*», Новый Орлеанъ—«*Южною Царицею*».

Флотилія капитана Ньюпорта вошла подъ всѣми парусами въ заливъ Чисапекскій и поднялась на пятьдесятъ миль по рѣкѣ Погатанъ, которую переименовали въ рѣку Джемса, въ честь Короля Іакова I, бывшаго тогда на Англійскомъ престолѣ, а два

мыса, почти замыкающіе входъ въ заливъ, получили имена Генриха и Карла. Мѣсто, гдѣ колонисты высадились на берегъ, названо было Джемстоунъ; это имя оно сохраняетъ и понынѣ, не смотря на то, что отъ прежняго населенія ничего тамъ не осталось, кромѣ нѣсколькихъ развалившихся хижинъ.

Болѣзни, голодъ, безпрестанные набѣги индійцевъ весьма уменьшили эту небольшую колонію. Спасеніемъ своимъ отъ конечнаго истребленія она обязана была мужеству капитана Смита, котораго презирали и оскорбляли тѣ самые, для кого въ послѣдствіи не жалѣлъ онъ ни трудовъ, ни усилій, ни самой жизни.

Люди, предназначаемые для высшихъ цѣлей, не рѣдко подвергаются сильнымъ испытаніямъ. Нужно перенести имъ много горя, чтобъ очиститься, какъ золоту въ горнилѣ, пройти тяжкую науку терпѣнія, закалить себя въ борьбѣ съ противниками, и получить самоувѣренность. Поэтому, если человѣкъ истинно достойный, одаренный умомъ и душевною силой, безмолвенъ среди окружающей его ненависти и зависти, можно ожидать отъ него многаго.

Капитанъ Смитъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые бывъ гонимы сегодня, завтра спасаютъ своихъ гонителей.

Смитъ, отличаясь необыкновеннымъ умомъ и достоинствами, навлекъ себѣ этими самыми преимуществами недовѣріе и отчужденіе.

Первая обида, нанесенная ему обществомъ, состоявшимъ изъ ста пяти человѣкъ, было исключеніе его изъ правительственнаго совѣта, имъ же учрежденнаго, которымъ натурально онъ думалъ руководствовать. Чтобъ уронить его въ общемъ мнѣніи, враги обвинили Смита въ измѣнѣ,—обвиненіе столь же нелѣпое, какъ и неправдоподобное! Но, какъ бы то ни было, при самомъ вступленіи на берегъ, его арестовали, и, послѣ продолжительнаго заточенія, принялись было судить; въ это время начальникъ экспедиціи объявилъ, что поднимаетъ паруса для возвращенія въ Европу.

Враги Смита воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ показать въ отношеніи къ нему мнимое великодушіе и предложили ему отправиться лучше съ Ньюпортомъ, нежели быть судиму въ Джемстоунѣ. Къ счастію для колоніи, Смитъ не поддался на это притворное великодушіе, потребовалъ суда и былъ совершенно оправданъ.

Положеніе колоніи, по уходѣ флотиліи, день отъ дня стано-

вилось болѣе критическимъ и даже отчаяннымъ, сколько отъ голода, столько и отъ непріязненнаго расположенія индійцевъ.

Смитъ, раздраженный неуспѣхомъ предпріятія, на которомъ основывались его надежды, взялъ такъ сказать приступомъ начальство надъ колоніею при послѣднемъ ея издыханіи. Заточивъ избраннаго врагами своими президента, какъ главнаго виновника всѣхъ бѣдствій, постигшихъ это небольшое общество, онъ взялъ на свою отвѣтственность судьбу Виргиніи. Смитъ издалъ самые строгіе законы, назначилъ часы работъ для каждаго колониста, опредѣлилъ свойственныя каждому занятія, и поставивъ колонію на военную ногу, управлялъ ею самовластно.

Джонъ Смитъ происходилъ отъ почетной фамиліи въ Линкольнширѣ. Съ живымъ умомъ и предпріимчивымъ духомъ, онъ прошелъ, какъ говорится, огонь и воду, бывши морякомъ и сухопутнымъ офицеромъ.

Рыская по свѣту, онъ не накопилъ богатства, но снискалъ славу храбраго и отважнаго воина, а такой человѣкъ и нуженъ былъ для учредителей колоніи въ Виргиніи.

Находясь, во время скитальческой своей жизни, въ соприкосновеніи съ людьми разнаго рода, онъ пріобрѣлъ вѣрность взгляда и удивительную опытность. Кромѣ душевныхъ качествъ, Смитъ обладалъ крѣпкимъ сложеніемъ, предохранявшимъ его отъ болѣзней, не смотря на труды и лишенія. Къ этому надобно прибавить, что онъ былъ религіозенъ; это чувство удерживало его всегда на прямомъ пути; поселяло въ немъ увѣренность и придавало ему необыкновенное достоинство.

Вообще въ обстоятельствахъ труднѣйшихъ, Смитъ былъ человѣкъ незамѣнимый!

Смитъ, принявъ на себя бразды правленія и учредивъ строгій внутренній порядокъ, тотчасъ позаботился войдти въ пріязненныя сношенія съ индійцами; увѣривъ ихъ въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, онъ не забылъ однакожъ укрѣпить границы своихъ владѣній.

Исполнивъ это, онъ съ нѣсколькими преданными ему колонистами занялся изслѣдованіемъ мѣстности; нерѣдко углубляясь въ дремучіе лѣса, презирая опасности, онъ успѣлъ искусствомъ своимъ и ловкостью пріобрѣсть расположеніе и дружбу индійцевъ, изъявившихъ готовность оказывать пособіе возникающей колоніи и снабжать ее всякими запасами.

Предпріимчивый духъ Смита не могъ ограничиться этими первыми успѣхами. Ему хотѣлось проникнуть далѣе въ индійскія земли и подняться по рѣкѣ Чикагомини, для изслѣдованія береговъ ея.

Эта рѣка, данница Джемсовой колоніи, протекала по владѣніямъ могущественнаго начальника, по имени Погатана, который не показалъ ни добраго, ни дурнаго расположенія къ колонистамъ при первоначальномъ ихъ водвореніи на индійской землѣ. Но этотъ сахемъ имѣлъ брата Опекакануга (такъ его звали), не скрывавшаго опасеній своихъ, что бѣлые завладѣютъ ихъ землями; эти опасенія онъ успѣлъ внушить и Погатану.

Появленіе Смита на Чикагомини казалось подтверждало подозрѣніе Опекакануга, которому братъ его поручилъ наблюдать за движеніями бѣлаго начальника. Смитъ сдѣлалъ родъ плота и отправился на немъ вверхъ по рѣкѣ, съ трудомъ подымаясь отъ шедшаго по ней въ то время льда. Отплывъ нѣсколько миль, онъ присталъ къ берегу и вышелъ съ тремя своими товарищами. Намѣреваясь углубиться во внутренность страны, Смитъ приказалъ своимъ людямъ не оставлять плота до его возвращенія.

Индійцы, скрытно наблюдавшіе за всѣми движеніями Смита, не препятствовали ему удалиться отъ берега, и когда онъ скрылся въ лѣсу, напали на людей, бывшимъ на плоту, взяли ихъ въ плѣнъ и требовали объявленія намѣреній Смита. Не смотря на клятвы бѣлыхъ, что намѣренія ихъ честны и миролюбивы, индійцы не дали имъ вѣры.

Отважный капитанъ находился миляхъ въ десяти отъ того мѣста, гдѣ вышелъ на берегъ, какъ вдругъ увидѣлъ себя окруженнымъ толпою индійцевъ. Онъ тотчасъ бросился въ топкое болото, покрытое тонкимъ льдомъ; индійцы не смѣли тамъ его преслѣдовать, боясь, что ледъ подъ ногами ихъ обломится; они довольствовались окружить это болото, чтобъ блѣднолицый не могъ отъ нихъ ускользнуть.

Смитъ провелъ всю ночь въ этомъ бѣдственномъ положеніи; на утро индійцы увидѣли, что онъ распростертъ на льду безъ всякаго движенія, можетъ быть уже и умеръ. Одинъ индіецъ рѣшился подойти къ нему и поднялъ его; оказалось что капитанъ еще живъ, но окоченѣлъ отъ холода.

Его положили близъ огня, около котораго Индійцы ночью грѣлись. Мало-по-малу Смитъ пришелъ въ себя, силы его во-

зобновились, и онъ пожелалъ видѣть начальника, чтобъ съ нимъ говорить.

Опекаканугъ явился.

Видъ этого дикаря ничего не говорилъ въ его пользу. Смиту довольно было на него взглянуть, чтобъ понять, что ласкою на него не подѣйствуешь.

Нашъ герой испыталъ многое на свѣтѣ и умѣлъ найдтись во всякомъ случаѣ.

— Я не могу его разжалобить, сказалъ самъ себѣ Смитъ, но могу удивить и даже озадачить,—приступимъ же къ дѣлу.

Онъ подошелъ къ индійскому начальнику съ полнымъ хладнокровіемъ, которое умѣютъ показывать находчивые люди.

— Знаешь ли ты это? спросилъ онъ начальника, подавая ему зрительную трубку.

— Что это? сказалъ Опекаканугъ, вертя въ рукахъ инструментъ.

— Хорошо, подумалъ Смитъ, я спасенъ!

И онъ сталъ раздвигать зрительную трубку во всю длину ея. Опекаканугъ и всѣ индійцы отступили, озадаченные чуднымъ свойствомъ вещи, которая можетъ увеличиваться и уменьшаться по произволу.

— Это волшебство! воскликнулъ начальникъ.

— Это волшебство науки, возразилъ Смитъ хладнокровно.

Тогда онъ попросилъ начальника приставить глазъ къ маленькому стеклышку, и сыскавъ для глаза фокусъ, направилъ трубу на отдаленный пригорокъ. Опекаканугъ вскрикнулъ отъ удивленія и протянулъ руку, чтобъ схватить видимые имъ въ трубѣ предметы. И вдругъ замѣтивъ въ трубѣ стадо лосей, пробирающееся по тропинкѣ холма, онъ бросился за своимъ лукомъ и натянулъ его, но не видя болѣе и холма, онъ обмеръ предъ таинственностью, вынутою капитаномъ изъ кармана брюкъ.

Труба переходила изъ рукъ въ руки, и всякій разъ, какъ глазъ прикладывался къ стеклышку, слышались новыя восклицанія.

— Хорошо! подумалъ Смитъ, потирая руки, теперь я спасенъ!

И оборотясь къ Опекаканугу, сказалъ ему:

— Не хочешь ли за это волшебство дать мнѣ свободу?

Индіецъ съ минуту подумалъ.

— Съ условіемъ, отвѣчалъ индійскій начальникъ, если ты

приблизишь стадо лосей, которое я видѣлъ въ твоей заколдованной трубѣ, на полетъ нашихъ стрѣлъ.

— Вотъ тебѣ разъ! пробормоталъ Смитъ.

И прежде, чѣмъ капитанъ успѣлъ вымолвить слово, Опекаканугъ велѣлъ каждому воину натянуть свой лукъ, чтобъ быть готовымъ пустить стрѣлы по знаку, который имъ дастъ.

Въ тоже время онъ приложилъ глазъ къ стеклу и началъ водить трубу, покуда не отыскалъ стада лосей, преспокойно лежавшихъ съ обращенными къ нему головами. Опекаканугъ поднялъ руку, и дождь стрѣлъ упалъ между имъ и стадомъ лосей, изъ которыхъ ни одна даже не пошевелилась. Кровь бросилась въ голову индійцу; швырнувъ на землю телескопъ, онъ съ гнѣвомъ вскричалъ:

— Ты насмѣхаешься надъ нами; заговариваешь наши стрѣлы: посмотримъ, умѣешь ли ты такъ хорошо заговорить себя самого, какъ лосей.

Онъ схватилъ Смита, который тщетно старался вбить въ эту тупую, раздраженную голову законы оптики. Съ помощію своихъ воиновъ, Опекаканугъ привязалъ къ дереву, какъ живую цѣль, бѣднаго капитана, продолжавшаго разсказывать ему теорію прохожденія лучей сквозь оптическія стекла.

Вдругъ индійцу показалось, что онъ начинаетъ какъ будто что-то понимать, и въ ту самую секунду, какъ первая стрѣла должна была непремѣнно вонзиться въ сердце плѣнника, онъ велѣлъ пріостановить убійство, чтобъ отнестись объ этомъ казусномъ дѣлѣ къ брату своему, мудрость котораго должна была рѣшить участь великаго магика.

Онъ объявилъ объ этомъ Смиту.

— Доволенъ и этимъ, отвѣчалъ капитанъ, ведите меня къ Погатану.

Капитанъ, крѣпко связанный, былъ отнесенъ индійцами на плечахъ къ жилищу сахема.

III.

Резиденція другаго индійскаго начальника была на нѣсколько миль далѣе, именно около того мѣста, гдѣ находится нынѣ городъ Ричмонъ. Мѣстоположеніе это такъ было восхитительно, что индійцы прозвали его на своемъ языкѣ: *безподобнымъ*.

Дорогою Смитъ предавался размышленіямъ.

— Если моя труба не могла имѣть ожидаемаго успѣха у Опекакануга, это не значитъ еще, что средство мое не удастся. Можетъ быть, что Опекакануръ столько же глупъ, сколько братъ его уменъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ главный здѣсь начальникъ. Притомъ я увижу, что нужно будетъ прибавить къ моимъ оптическимъ началамъ, чтобъ онъ лучше ихъ понялъ.

Прибывъ въ «Безподобное» Опекакануръ разсказалъ брату своему о всемъ случившемся и представилъ ему плѣнника, какъ высокаго магика, участь котораго подлежитъ теперь его рѣшенію.

Могущественный сахемъ принялъ Смита привѣтливо, велѣлъ приготовить роскошный обѣдъ, къ которому пригласилъ плѣнника, посадивъ его между собою и дочерью Покахонтасъ, по тринадцатому году.

Молодая индіянка, съ своей стороны, смотрѣла съ участіемъ и любопытствомъ на капитана, который тотчасъ замѣтилъ, какою нѣжностью исполненъ отецъ къ дочери, и выводилъ отсюда благопріятное заключеніе для полученія свободы.

Смитъ началъ опять показывать свою трубу. По открытому и прекрасному здѣсь мѣстоположенію, успѣхъ капитана былъ колоссальный: замѣтно было, что Погатанъ гораздо лучше понималъ теорію стеколъ, чѣмъ братъ его; что касается до молоденькой индіянки, она вся была вниманіе.

— А другихъ заколдованныхъ вещей не имѣютъ блѣднолицые? спросилъ сахемъ.

Смитъ подумалъ, что пришло время раскрыть весь запасъ своей учености. И онъ сталъ говорить о географіи, астрономіи, космографіи.

Погатанъ слушалъ обо всемъ съ вниманіемъ, котораго не ожидалъ найти въ немъ плѣнникъ; молоденькая же Покахонтасъ изумила его бѣглостью, съ которою такъ хорошо все понимала.

Когда наступилъ вечеръ, Погатанъ велѣлъ отвести плѣнника въ особый вигамъ, гдѣ должны были стеречь его надежные воины и не упускать изъ вида во всю ночь.

— Завтра, сказалъ начальникъ, отпуская его, узнаешь свою участь.

— Участь мою, прошепталъ Смитъ, укрываясь буйволовою шкурой, которую дали ему на мѣсто постели, участь моя кажется не сомнительна: завтра я буду свободенъ.

Погатанъ, оставшись одинъ, сталъ разсуждать о дѣйствіяхъ

оптики, о космографіи, астрономіи и географіи. Капитанъ ему открылъ удивительныя вещи.

— Когда «блѣднолицые» знаютъ такія вещи и умѣютъ такъ хорошо передавать ихъ другимъ, очевидно, что они существа высшія противъ насъ бѣдныхъ «краснокожихъ». Особливо этотъ плѣнникъ, изумившій меня своими знаніями, долженъ быть человѣкъ превосходнѣйшій и между своими.

Эти разсужденія такъ озадачили Погатана, что онъ вскочилъ отъ бѣшенства.

— Если это люди высшей противъ насъ породы, сказалъ онъ самъ себѣ, тѣмъ они опаснѣе для насъ; оставить ихъ господами на нашей землѣ, значитъ приготовить себѣ погибель. Въ особенности этотъ капитанъ сильно меня безпокоитъ. Онъ долженъ быть главою народа. Возвратить ему свободу все равно, что дать оружіе нашимъ врагамъ. Когда они лишатся того, кто даетъ имъ свѣтъ, намъ легче будетъ справиться съ ними. Плѣнникъ невозвратится въ лагерь бѣлыхъ — онъ умретъ!

О наука! знаніе! геній! неужели вы будете во всѣхъ странахъ неизсякаемыми источниками безконечныхъ золъ и страданій для всѣхъ тѣхъ, кому Провидѣніе ихъ даровало?

На другой день, лишь только Смитъ проснулся, проведя ночь въ самыхъ обворожительныхъ сновидѣніяхъ, какъ позванъ былъ къ Погатану. Вообразите же его изумленіе, когда объявили ему смертный приговоръ. Онъ хотѣлъ было оправдываться, но не было на то времени.

Покахонтасъ, узнавъ о пагубномъ рѣшеніи отца, бросилась предъ нимъ на колѣна, и громкими воплями умоляла его пощадить плѣнника, котораго слова, какъ лучи свѣта, озарили ея темный разсудокъ.

Восторженная, молодая индіянка была чѣмъ-то въ родѣ новой Элоизы.

Но Погатанъ былъ непреклоненъ къ ласкамъ, мольбамъ и слезамъ дочери. Смитъ осужденъ былъ на смерть, и ему надлежало покориться своей участи.

Его привели къ широкому камню, связали на спину руки и положили на него лицомъ внизъ.

Въ ту секунду, какъ по данному начальникомъ знаку, два индійца съ поднятыми томагаками должны были одинъ разбить ему лобъ, а другой члены, — Покахонтасъ, вырвавшись изъ от-

цовскаго вигама, трепеща и задыхаясь, бросилась къ страдальцу и обвивъ его голову своими руками, закричала отцу:

— Теперь пусть убиваютъ насъ! вмѣсто одной, у васъ будутъ двѣ жертвы!

Погатанъ, натурально, приказалъ воинамъ остановиться, даровалъ жизнь Смиту и поспѣшилъ отпустить его въ Джемстоунъ, снабдивъ припасами для колоніи.

Въ Вишингтонѣ, въ большой ротондѣ Капитолія есть барельефъ, изображающій эту сцену. Это замѣчательное произведеніе принадлежитъ рѣзцу итальянскаго художника Капеллано—ученика Кановы. Главный недостатокъ барельефа состоитъ въ томъ, что Покахонтасъ изображена въ греческой одеждѣ; Погатанъ похожъ на грека, Смитъ на грека и два индійца, пополняющіе группу, тоже на грековъ! Можетъ быть, скульпторъ хотѣлъ, чтобъ его произведеніе гармонировало съ самымъ памятникомъ, воздвигнутымъ по образцу греческихъ.

Смитъ, возвратясь въ Джемстоунъ, послѣ семинедѣльной отлучки, нашелъ колонію въ совершенномъ разстройствѣ и уменьшившеюся до тридцати семи человѣкъ, готовившихся отправиться въ Европу. Смитъ просьбами, упреками, строгостью и угрозами заставилъ ихъ отказаться отъ пагубнаго ихъ намѣренія.

Покахонтасъ, какъ благотворительный геній этой горсти людей, чрезъ каждые два или три дня посылала Смиту необходимые припасы для маленькой колоніи, которая, не имѣя болѣе недостатка въ матеріяльныхъ пособіяхъ, начала ободряться и оживать духомъ, что необходимо для успѣха каждаго предпріятія.

Смитъ начиналъ пожинать плоды своихъ, можно сказать, свыше человѣческихъ усилій. Колонія не только стала процвѣтать, но онъ пріобрѣлъ огромное вліяніе на индійцевъ, которые слушались его, какъ оракула, познакомилъ ихъ и съ христіанскими правилами, которымъ они дивились.

Прибывшіе вновь изъ Англіи сто двадцать эмигрантовъ усилили колонію и открыли для нея блистательную будущность. Къ несчастію, между новыми колонистами было не малое число ювелировъ и мастеровъ золотыхъ дѣлъ, привлеченныхъ молвою, что въ водахъ одной малой рѣчки, впадающей въ рѣку Дженсъ, находится золотой песокъ. Тогда случилось то, что случается и нынѣ: колонисты бросили землепашество и стали искать золота. Смитъ прибѣгнулъ къ мѣрамъ строгости; онъ между про-

чимъ объявилъ, что каждый колонистъ обязанъ по шести часовъ въ день работать въ полѣ, подъ угрозою лишиться продовольствія. По неволѣ пришлось повиноваться. Въ тоже время онъ писалъ въ Англію, чтобы впредь присылали ему земледѣльцевъ, а не искателей золота.

Между этими искателями фортуны, лишившимися отъ строгихъ мѣръ Смита надежды на скорое обогащеніе, нашлось много недовольныхъ. Не внемля ничему, кромѣ своей злобы, они передались съ оружіемъ и багажемъ на сторону индійцевъ. Соединясь съ племенемъ, которымъ начальствовалъ Погатанъ, они нашли въ свирѣпомъ Опекаканугѣ достойнаго себѣ помощника, умѣвшаго дружбу сахема и его воиновъ перемѣнить на ненависть къ бѣлымъ.

Бѣглецы составили настоящій заговоръ, имѣвшій цѣлію истребить поселеніе въ Джемстоунѣ и убить всѣхъ колонистовъ, въ томъ числѣ перваго Смита.

Но они забыли о благотворительномъ геніи колоніи, о Покахонтасѣ.

Молодая индіянка пришла въ темную, бурную ночь къ Смиту и объявила о составленномъ противъ него заговорѣ. Капитанъ сжалъ въ своихъ объятіяхъ неустрашимую дѣвушку и спросилъ ее:

— Чѣмъ могу вознаградить тебя за такую важную услугу?

Покахонтасъ, потупивъ глаза, отвѣчала:

— Я вполнѣ уже вознаграждена... твоею дружбою.

Смитъ не медля выступилъ противъ индійцевъ, которые тоже подвигались впередъ, полагая напасть въ расплохъ на Джемстоунъ. Внезапное появленіе Смита такъ изумило ихъ, что они совершенно растерялись. Капитанъ умѣлъ этимъ воспользоваться; пристыженные имъ индійцы заключили съ нимъ вновь дружескій союзъ и выдали ему измѣнниковъ-колонистовъ.

Между тѣмъ новый союзъ послужилъ къ постепенному устройству и улучшенію колоніи въ Джемстоунѣ.

Смитъ почтенъ былъ титломъ «отца Виргиніи», титломъ вполнѣ имъ заслуженнымъ. Онъ много потрудился для этого, нынѣ процвѣтающаго, штата, и сдѣлалъ бы еще болѣе, еслибъ одинъ важный случай не принудилъ его возвратиться въ Англію. Онъ былъ раненъ въ плечо разорвавшимся въ его рукахъ ружьемъ и долженъ былъ для излѣченія ѣхать въ Европу. Въ октябрѣ 1609 г. Смитъ оставилъ Виргинію.

Отбытіе Смита было пагубно для колоніи. Она лишилась умнаго, твердаго, искуснаго руководителя. Начальники, замѣнившіе его, дѣлали ошибки за ошибками. Дисциплина ослабѣла, назначенные часы для работы отмѣнились.

Индійцы, удерживаемые прежде страхомъ и уваженіемъ, которые внушалъ имъ Смитъ, стали презирать колонію и прервали съ нею всѣ сношенія. Покахонтасъ тоже охладѣла къ своимъ союзникамъ, дорожа лишь дружбою одного Смита.

Колонисты, оставаясь въ бездѣйствіи, лишенные пособій отъ индійцевъ, пришли опять въ безнадежное положеніе. Тщетно просили они Погатана о присылкѣ имъ припасовъ, онъ не удостоивалъ ихъ даже отвѣтомъ. Чтобъ заставить его исполнять заключенный имъ съ Смитомъ дружественный трактатъ, они прибѣгнули къ хитрости, которая могла имъ очень дорого стоить.

Капитанъ Аргаль посланъ былъ на берега Потомаки вести съ индійцами переговоры о доставленіи колонистамъ хлѣба. Узнавъ, что близъ этого мѣста, живетъ въ уединеніи Покахонтасъ, не перестававшая скорбѣть объ отъѣздѣ Смита, котораго она считала уже умершимъ, онъ рѣшился похитить индійскую принцесу и отвезти, какъ заложницу, въ Джемстоунъ, надѣясь получить за нее отъ отца всѣ нужные для колоніи припасы. Ему удалось привлечь молодую индіянку на судно, которое тотчасъ же снялось съ якоря, и не смотря на вопли ея и упреки, они привезли Покахонтасъ въ Джемстоунъ, оказывая ей впрочемъ всякія почести.

Погатанъ, раздраженный такимъ вѣроломнымъ поступкомъ, не хотѣлъ сначала и слышать о выкупѣ своей дочери, онъ объявилъ, что сожжетъ всѣ свои лѣса, и собственными руками выхватитъ Покахонтасъ изъ рукъ презрѣнныхъ блѣднолицыхъ. Но отцовское сердце поняло, что такимъ средствомъ не воротитъ любимой дочери; онъ обѣщалъ тогда бѣлымъ, если отдадутъ ему Покахонтасъ, снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ.

Колонисты знали по опыту, что нельзя слѣпо полагаться на обѣщанія индійцевъ.

— Прежде выкупъ, а потомъ уже свобода Покахонтасъ, отвѣчали они.

Погатанъ съ бѣшенствомъ и отчаяніемъ въ сердцѣ вступилъ съ войскомъ, чтобъ внести огонь и разрушеніе въ колонію Джемстоуна.

Но непредвидѣнное обстоятельство, которое могло имѣть ве-

личайшее вліяніе на отношенія индійцевъ къ бѣлымъ, обезоружило Погатана.

Во время плѣна Покахонтасъ въ Джеумстоунѣ, она внушила къ себѣ страсть молодому англійскому офицеру Рольеру, который за нее посватался. Погатанъ съ радостію принялъ это предложеніе и присутствовалъ при торжественномъ бракосочетаніи, совершенномъ въ небольшой часовнѣ, которой развалины и теперь еще существуютъ, и гдѣ Покахонтасъ приняла св. крещеніе.

Бракъ Покахонтасъ съ Рольеромъ былъ причиною положительнаго и твердаго союза между индійцами и новыми поселенцами на американской землѣ. Колонія, воспользовавшись миромъ, быстро распространялась и преуспѣвала.

Такъ продолжалось до самаго отъѣзда Покахонтасъ въ Англію. Ей обязаны были поддержаніемъ дружбы между индійцами и бѣлыми. Съ отъѣздомъ ея, дружба эта опять охладѣла.

Опекаканугъ, всегда взиравшій недобрымъ глазомъ на слабость своего брата къ блѣднолицымъ, былъ распространителемъ воинственныхъ идей, которыя такъ легко возжечь въ индійцахъ.

Покахонтасъ, получившая имя Ревекки, между тѣмъ прибыла въ Лондонъ.

Король и королева пожелали ее видѣть и осыпали ласками. Покахонтасъ, узнавъ, что Смитъ въ живыхъ и находится въ Лондонѣ, не могла скрыть душевнаго волненія.

Когда онъ навѣстилъ ее, она не могла устоять на ногахъ и упала въ кресла, закрыла лицо руками, залилась слезами и нѣсколько времени не могла произнести ни одного слова. Напослѣдокъ, протянувъ къ капитану руки, называла его «отцемъ своимъ» и сохранила имя это до послѣднихъ минутъ своей жизни. Она родила въ Лондонѣ сына и готовилась возвратиться въ Америку, но скоропостижно умерла на двадцать второмъ году.

Покахонтасъ принадлежала къ числу замѣчательныхъ женщинъ. Рѣдко можно встрѣтить столько душевной силы и столько глубокой преданности даже и въ такихъ жанщинахъ, которыя взлелѣяны въ образованныхъ обществахъ.

Смитъ описываетъ, что Покахонтасъ одарена была необыкновенною красотою, хотя на лицѣ ея всегда замѣтна была какая-то задумчивость.

Въ Вашингтонѣ есть картина, изображающая крещеніе Покахонтасъ. Художникъ, американецъ Чапманъ, изобразилъ ее идеаломъ красоты. Впрочемъ красота была наслѣдственною принадлежностью въ родствѣ Покахонтасъ. Братъ ея Пантакасъ изображенъ на картинѣ также весьма красивымъ мужчиной.

Первоначальное имя Покахонтасъ было Матаока, что на индійскомъ языкѣ значитъ: «ручей, бѣгущій между двумя холмами;» въ послѣдствіи ее назвали «снѣжнымъ перомъ,» потому что бѣлизна ея лица уподоблялась снѣгу, а легкость движеній— перу.

Изъ этого слѣдуетъ, что и индійцамъ свойственна этого рода поэзія, и что Покахонтасъ имѣла неотъемлемыя права на красоту, которая во всѣхъ климатахъ, у всѣхъ народовъ, составляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ даровъ природы.

П. Н.

ПИСЬМА ОБЪ ИТАЛІИ,

Н. П. Мундта.

—

Римини.

Мы пріѣхали въ Римини около полудня. Городъ этотъ когда-то стоялъ у самаго Адріатическаго моря и имѣлъ хорошій портъ; теперь море отошло отъ него, и городъ омывается рѣкою Марекою (древній Ariminium). При самомъ въѣздѣ поражаетъ васъ великолѣпный мостъ изъ бѣлаго мармора, построенный при императорахъ Августѣ и Тиберіи, на самомъ соединеніи двухъ консульскихъ дорогъ Фламиньевской и эмальенской. Здѣсь, въ средніе вѣки владычествовали синьоры Малатеста, о которыхъ Сисмонди говоритъ, что они были извѣстны своимъ предательствомъ и измѣнами. Пользуясь смутами Италіи, эти воинственные кондотіери продавали свой мечъ тому, кто давалъ болѣе, и служили попеременно Флоренціи, Венеціи и Риму. Одинъ изъ нихъ, знаменитый Пандольфо Малатеста, въ 1363 году, будучи начальникомъ войскъ флорентійской республики, замышлялъ сдѣлаться властителемъ ея; онъ съ намѣреніемъ растянулъ свои войска и поставилъ ихъ въ такую позицію, что противнику его, начальствовавшему войсками пизанцевъ *Омо Санта-Марія*, было легко разбить ихъ. Пандольфо при самомъ началѣ сраженія покинулъ свою армію и прискакалъ во Флоренцію; оставался Ансискій замокъ, который могъ еще прикрывать городъ; Пандольфо пре-

далъ его непріятелю и встрѣтивъ бѣгущихъ солдатъ своихъ, присоединился къ нимъ и распространилъ ужасъ по всей Флоренціи. Тогда явился онъ въ совѣтъ республики и объявилъ, что не находитъ другаго средства спасти ее, какъ присоединить къ власти главнокомандующаго власть диктаторскую, чтобъ имѣть возможность водворить порядокъ. Въ такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ совѣтъ созвалъ чрезвычайное собраніе изъ гражданъ, пользовавшихся общею довѣренностью, и объявилъ имъ о предложеніи Малатесты. Тогда одинъ изъ гражданъ, *Симонъ Перуци* воскликнулъ: «Берегитесь облекать Пандольфо Малатеста новою властью; намѣренія его клонятся только къ тому, чтобъ подчинить все своему деспотизму; вспомните о герцогѣ Афинскомъ, о его обѣщеніяхъ и о томъ, какъ онъ въ послѣдствіи поступилъ съ вами; вы родились свободными, поддерживайте же свою независимость или умрите, защищая ее.» Слова эти спасли Флоренцію, требованіе Малатесты было отвергнуто, и когда вскорѣ за тѣмъ Пандольфо явно обнаружилъ свое предательство, допустивъ пизанцевъ грабить равнину Рапольскую и предавъ имъ въ жертву отрядъ свой, совѣтъ лишилъ его всякой власти, но не подвергнулъ никакому наказанію за измѣну, въ уваженіе прежнихъ заслугъ его.

Всѣ замѣчательнѣйшія зданія въ Римини воздвигнуты большею частію сеніорами Малатеста; когда имъ не было случая воевать, они употребляли свое время и богатство на украшеніе города. Замокъ и цитадель Риминійскіе, построенные въ 1446 году Сигизмундомъ Малатеста, замѣчательны, какъ памятники готическаго зодчества. Этому самому Сигизмунду Малатеста риминійскій историкъ Валуріо приписываетъ изобрѣтеніе пушекъ и бомбъ; воинственный кондотьери этотъ былъ извѣстенъ также своими еретическими мнѣніями, за которыя папа Пій II отлучилъ его отъ церкви; но Сигизмундъ, воевавшій прежде съ римскимъ дворомъ только на словахъ, отвѣчалъ, послѣ своего отлученія, на громы ватиканскіе громомъ своихъ пушекъ и бомбъ, полагая, конечно, что послѣднія были сильнѣе всякихъ другихъ аргументовъ. Это отважное и воинственное племя *дурныхъ головъ* (Mala-testa) въ послѣдствіи времени, когда Италія нѣсколько успокоилась, мало-по-малу переродилось, и послѣдній потомокъ этой столь буйной фамиліи умеръ монахомъ въ одномъ изъ палермскихъ монастырей, въ 1665 году.

Здѣсь жила также, воспѣтая Дантомъ, *Франческа ди Римини*

дочь *Гвидо да Полента*, властителя Равены. Но древній замокъ Риминійскій, поражающій своимъ готическимъ величіемъ, не былъ мѣстомъ, гдѣ бѣдная Франческа, упоенная любовью къ прекрасному Паоло предалась ему, и гдѣ страшный, безбрачный супругъ ея, Джіанчіотто Малатеста умертвилъ ее и своего роднаго брата, Палаццо, гдѣ произошла эта кровавая сцена, уже не существуетъ, на мѣстѣ его стоитъ теперь домъ Collegio delle celibate. Очаровательная прелесть, съ какою Дантъ, въ короткомъ эпизодѣ описалъ любовь Франчески и Паоло Малатесты, не подражаема. Окончаніе пятой пѣсни *Ада*, гдѣ Дантъ нѣсколькими стихами обезсмертилъ Франческу, оставляютъ за собою далеко пламеннѣйшія страницы Руссо и Гете. Эти дивные стихи влекутъ путника къ Римини сильнѣе, чѣмъ всѣ его древніе памятники, чѣмъ побѣдная арка Августа и великолѣпный мостъ Тиверія.

Старинная церковь св. Франциска, фамильный склепъ сеніоровъ Малатеста, построенная въ началѣ XV вѣка, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ зданіямъ города; въ ней спятъ непробуднымъ сномъ всѣ эти буйныя головы Малатестовъ, наполнявшихъ средневѣковую Италію своими подвигами, предательствами и злодѣйствами. И что осталось имъ отъ ихъ громкой славы, богатства и могущества? Однѣ проклятія неумолимой исторіи.

Побывавъ въ Римини, нельзя было не побывать въ Равенѣ, и хотя она лежала въ сторонѣ отъ нашего пути, но мы рѣшились ѣхать туда. Іеронимо, котораго мы, по пріѣздѣ въ Римини, уволили на четыре дня, успѣлъ уже побывать въ Пезаро съ какими-то англичанами и вернуться назадъ, сдавъ ихъ другому ветурино, своему пріятелю.

Дорога отъ Римини до Равены идетъ большею частію по берегу Адріатики, и кромѣ моря, мало представляетъ интереса. Весь этотъ путь совершается обыкновенно въ четыре часа времени, но нашъ сеніоръ Іеронимо протащилъ насъ шесть. У него безпрестанно были какія-то надобности, вездѣ встрѣчались знакомые и пріятели, одни поили его, другихъ поилъ онъ. Наконецъ это вывело насъ изъ терпѣнія, а горячій нѣмецъ мой Зисъ объявилъ ему, что если онъ еще остановится, то броситъ его въ первомъ трактирѣ и самъ сядетъ править лошадьми. Это подѣйствовало. Іеронимо уже не слѣзалъ съ козелъ, но за то, не смотря на наши безпрестанные возгласы avanti, avanti и на отвѣтъ его subito signori, subito, клячи его ползли шагомъ, и не было никакого средства заставить его ѣхать скорѣе.

Наконецъ мы кое-какъ дотащились и тутъ только увидѣли, что нашъ Іеронимо былъ, какъ говорится, совершенно готовъ. Вѣроятно онъ порядочно стянулъ съ англичанъ, которыхъ возилъ въ Пизаро, и потому-то былъ во всю дорогу такъ щедръ на угощенія. Высаживая насъ изъ кареты, онъ едва держался на ногахъ, а все-таки протянулъ руку съ вѣчною своею фразой: Signori una buona mana.

Равена одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Италіи, столица Ѳеодорика, мѣстопребываніе экзарховъ греческихъ императоровъ, считавшихъ еще себя владыками Апенинскаго полуострова, надъ которыми не имѣли уже никакой власти—играла важную роль въ исторіи, имѣла огромное вліяніе на послѣдующія судьбы цѣлаго міра. Въ Равенѣ взошла заря папскаго могущества; до отдачи Пепинымъ Короткимъ этого города и его области въ собственность римскаго престола, папа былъ не болѣе, какъ обыкновенный епископъ; но получивъ экзархатъ Равенскій, онъ сдѣлался владыкою значительной территоріи и соединилъ въ лицѣ своемъ двѣ власти, духовную и свѣтскую. Если-бъ Пепину не нужно было содѣйствіе папы, чтобъ прикрыть свое похищеніе престола благословеніемъ римскаго первосвященника, онъ никогда не подумалъ бы отдать ему столицу Лангобардовъ, никогда папы не получили-бы такой власти и такого вліянія, которыми пользовались въ послѣдствіи, никогда гордость ихъ не достигла-бы такихъ размѣровъ—и сколько міровыхъ событій не совершилось-бы тогда! Вся послѣдующая исторія была-бы другая. Тогда, вѣроятно, не случилось-бы разъединенія церквей восточной и западной, тогда не было-бы реформаціи, не было-бы тѣхъ страшныхъ религіозныхъ войнъ, заливавшихъ кровью западную Европу; вотъ почему Равена имѣетъ такое значеніе, и каждому любопытно посѣтить ее.

Въ Равенѣ множество древнихъ памятниковъ и церквей, поражающихъ богатствомъ; вездѣ марморъ, порфиръ, яшма, мозаика. Соборъ прекрасное зданіе, испорченное разными новѣйшими подновленіями; куполъ его и капелла Адобрандини расписаны фресками Гвидо-Рени; древняя церковь св. Виталія, прекрасное осьмиугольное зданіе, поддерживаемое бѣлыми марморными колоннами и украшенное мозаиками и барельефами. Въ одной изъ капеллъ церкви св. Іоанна Крестителя заслуживаетъ особеннаго вниманія мозаичный полъ, сохранившійся цѣлымъ съ пятаго вѣка. Въ церкви св. Аполлинарія поражаетъ васъ алтарь изъ порфира и восточнаго алебастра, а также трибуна, поддержи-

ваемая колоннами бѣлаго и чернаго мармора, покрытыми чудесною мозаикой. Дворцы Распони и Спрети богаты множествомъ картинъ великихъ мастеровъ болонской школы. На городской площади поставлены статуи Климента XII изъ бѣлаго мармора, и Александра VII изъ бронзы; вообще Равена заслуживаетъ вниманіе великолѣпіемъ и древностью своихъ памятниковъ.

Долго бродили мы по городу, переходя изъ одной церкви въ другую, наконецъ по одной длинной, довольно узкой улицѣ, дошли до францисканскаго монастыря; здѣсь, у самой церкви, остановила насъ гробница—мы сняли шляпы и благоговѣйно поклонились ей; передъ нами было мѣсто, гдѣ успокоились кости знаменитаго изгнанника неблагодарной Флоренціи—гробница эта заключала въ себѣ прахъ великаго *Данта-Алигіери.*

И такъ, вотъ гдѣ было суждено ему, бѣдному страдальцу, отдохнуть отъ тревогъ жизни; здѣсь, на берегахъ Адріатики, далеко отъ своей милой Флоренціи, томимый изгнаніемъ, закрылъ онъ глаза, и даже прахъ его не былъ возвращенъ отчизнѣ. Но Равена пріютила его во дни старости, дружба властителя *Гвидо-да-Полента* усладила его послѣднія минуты, и Равенѣ должны были принадлежать его бренные останки.

Дантъ, занимавшій должность пріора Флорентійской республики въ 1299 году, находился въ числѣ посланниковъ, отправленныхъ партіею *Бѣлыхъ* въ Римъ, въ 1302 году. Въ числѣ другихъ согражданъ своей партіи былъ онъ приговоренъ къ вѣчному изгнанію противною партіею *Черныхъ* въ томъ-же самомъ году, и никогда уже не могъ возвратиться въ отечество. Странствуя долго по Италіи, онъ нашелъ наконецъ гостепріимное убѣжище у Гвидо-да-Полента, владѣтеля Равены, гдѣ и умеръ въ сентябрѣ 1321 года, 56-ти лѣтъ. Въ своей безсмертной поэмѣ выводитъ онъ своего прапрадѣда *Какчіагвида,* который предсказываетъ ему горе и бѣдствія послѣднихъ дней его:

Tu lascerai ogdi cosa diletta
Piu cara mente, e questo è quello strale,
Che l'arco dell' csilio pria saetta
Tu proverai si come sà di sale
Il pane altrui, e come è duro calle
Lo scendere él salir per l'altrui scale *.

* Ты покинешь все, что любилъ съ наибольшею нѣжностью; это первая стрѣла, которую посылаетъ лукъ изгнанія.

Поэма Данта, какъ всѣмъ извѣстно, есть описаніе таинственнаго странствованія по аду, чистилищу и раю. Эпоха этого странствованія 1300 годъ, она начинается съ чистаго понедѣльника и оканчивается свѣтлымъ воскресеніемъ. Въ это время Данту было 35 лѣтъ. Адъ и чистилище Дантъ проходитъ въ сопровожденіи Виргилія, а по раю путеводитъ его Беатриче-да-Портинари, которую онъ любилъ въ своей юности и которая умерла въ 1290 году. Поэма эта раздѣлена на сто пѣсень; она удивляетъ творческимъ изображеніемъ всего этого міра мертвыхъ, величіемъ картинъ, глубокою задушевною теплотою нѣкоторыхъ эпизодовъ, богатствомъ идей и познаній автора.

Два писателя, родившіеся еще прежде смерти Данта, въ томъ числѣ и Бокачіо, и обогатившіе поэму его коментаріями, могли знать лучше, чѣмъ кто-либо, исторію его жизни. Они утверждаютъ, что Дантъ написалъ первыя семь пѣсень Ада прежде своего изгнанія. Доказательства, представленныя противъ этого Маффеемъ, Фламиніемъ-дель-Борго и другими, не могутъ быть приняты во вниманіе противъ авторитета современниковъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Дантъ нѣсколько разъ исправлялъ свою поэму и пополнилъ ее многими стихами. Трогательный эпизодъ Франчески-де-Римини, одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстъ поэмы, носитъ на себѣ печать снисходительности и уваженія Данта къ отцу Франчески, который принялъ его на старости къ себѣ въ домъ и былъ его покровителемъ до самой его смерти. Въ первой пѣснѣ отъ стиха 101 до 111 находимъ предсказаніе о Кане-де-ла-Скала, владѣтелѣ Веронскомъ, гдѣ упоминается о его будущемъ величіи; предсказаніе это могло быть написано никакъ не прежде 1318 года, когда Кане былъ избранъ предводителемъ Гибелиновъ. Всѣ коментаторы безъ исключенія упорствовали въ томъ мнѣніи, что поэмы начинали писать всегда съ перваго стиха и продолжали до послѣдняго, не возвращаясь никогда назадъ. Такимъ образомъ надобно было бы предполагать, судя по эпизоду Кане-дела-Скала, что Дантъ началъ свое безсмертное твореніе только за три года до своей смерти, тогда, какъ ему нужна была вся сила молодости, чтобъ задумать планъ его и много лѣтъ, чтобъ его исполнить. Все

Ты испытаешь какъ горекъ чужой хлѣбъ и какъ тягостенъ путь, когда надобно взбираться и сходить по лѣстницѣ чужаго дома.

(Рай, пѣснь XVII, стихъ 55).

доказываетъ, что онъ началъ свою поэму, когда еще находился подъ вліяніемъ вдохновеннаго своего учителя Брунетто Латина, умершаго въ 1294 году, и поддерживаемый ободреніями и совѣтами друга своего Гвидо Кавальканти, умершаго прежде изгнанія Данта въ 1302 году.

Къ избранію 1300 года эпохою своего таинственнаго странствованія Данта побудило, вѣроятно, обнародованіе папою Бонифаціемъ VIII юбилея. Эпоха эта, отдѣлявшая одинъ вѣкъ отъ другаго и людей одного поколѣнія съ другимъ, была самая благопріятная для посѣщенія обширнаго царства мертвыхъ. Къ тому-же въ этомъ вѣковомъ праздникѣ юбилея было что-то такое, что поражало воображеніе и заставляло умъ невольно обратиться въ прошедшее. Бонифацій VIII, основываясь на какихъ-то преданіяхъ, обѣщалъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ тѣмъ, которые послѣ исповѣди, въ продолженіе пятнадцати дней станутъ посѣщать для молитвы храмы св. Петра и Павла въ Римѣ. Одни только природные римляне, которымъ не нужно было предпринимать путешествія въ Римъ, вмѣсто пятнадцати дней обязаны были посѣщать эти храмы въ продолженіе 30-ти дней. Каждую пятницу и въ каждый праздникъ выставляли на поклоненіе пилигримовъ Плащаницу Спасителя, и хотя Бонифацій пользовался не очень большимъ уваженіемъ въ христіанскомъ мірѣ, однако же люди всѣхъ сословій стеклися въ Римъ, чтобъ воспользоваться его индульгенціями. Джіовани Валано, который самъ былъ въ числѣ пилигримовъ, увѣряетъ, что во все продолженіе года въ Римѣ было постоянно болѣе 200,000 иностранцевъ, стекавшихся туда для посѣщенія церквей. Этотъ приливъ и отливъ пилигримовъ со всѣхъ концовъ свѣта, которые тѣснились другъ передъ другомъ, для того, чтобъ предстать предъ верховнаго судью своего, очень похожъ на безпрестанно возобновлявшуюся толпу тѣней, которую Дантъ видѣлъ на берегахъ Ахерона.

Ed avanti che sien di la discese,
Anque di qua nuova schiera s'aduna (*)

Эпоха, въ которую Дантъ обнародовалъ свою поэму, также мало извѣстна, какъ и та, въ которую онъ началъ писать ее. Франко Сакети говоритъ, что еще прежде изгнанія Данта, про-

* Онѣ не достигли еще противуположнаго берега, а тамъ собирается уже новая толпа. (Адъ, пѣснь III, стихи 116).

стой народъ во Флоренціи распѣвалъ на улицахъ стихи его, и Дантъ часто сердился, слыша, какъ уродовали его созданіе.

Не смотря на всю строгость и несправедливость флорентинцевъ къ Данту, обнародованіе его поэмы, послѣ его смерти, поставило этого великаго гражданина на ту степень, которой онъ былъ достоинъ. Всюду стали появляться коментаріи на его сочиненіе; сыновья Данта, Піетро и Жакобо, были первые, которые обогатили его разными примѣчаніями. Іоаннъ Висконти, архіепископъ и владѣтель миланскій, собралъ въ 1350 году шесть ученѣйшихъ мужей Италіи, двухъ богослововъ, двухъ философовъ и двухъ антикваріевъ, и поручилъ имъ написать коментаріи на «Божественную комедію». Во Флоренціи была учреждена особая каѳедра въ 1373 году для того же предмета, и Боккачіо былъ первымъ профессоромъ этой новой науки; другая каѳедра была учреждена въ Болоніи, которую занялъ Бенвенуто д' Имола. Флорентинцы нѣсколько разъ просили у наслѣдниковъ Гвидо да Полента выдать имъ прахъ Данта, но всѣ попытки ихъ достигнуть этого остались напрасны, они выбили медали въ честь его и вѣнчали торжественно лаврами его бюстъ.

Дантъ соединялъ въ себѣ столько разнородныхъ познаній, что можетъ служить доказательствомъ, какіе успѣхи наука и философія сдѣлали уже въ его время. Многіе, кромѣ его, посвящали себя ученымъ трудамъ, и хотя между ими и Дантомъ лежитъ то неизмѣримое разстояніе, которое отдѣляетъ талантъ отъ генія, но за всѣмъ тѣмъ они свидѣтельствуютъ собою, что любовь къ наукамъ и стремленіе къ пріобрѣтенію литературной извѣстности были слабо развиты въ эту эпоху, и если Данту удалось возвыситься надъ всѣми ими, то это потому только, что онъ былъ выше своего вѣка, выше обыкновенной натуры человѣческой.

Окрестности Равены очень болотисты, но тутъ есть множество виноградниковъ, доставляющихъ довольно хорошее вино. Недалеко отъ города возвышается чудный сосновый лѣсъ, который тянется въ длину на 12, а въ ширину на 4 мили; близъ воротъ св. Маріи видѣнъ мавзолей Ѳеодорика.

Проведя въ Равенѣ четыре дня, мы вернулись въ Римини, и въ тотъ же день выѣхали по дорогѣ къ Пезаро.

Въ десяти миляхъ отъ Римини, вправо отъ большой дороги, возвышается перпендикулярно бѣлый утесъ—это гора Титановъ, и на ней лежитъ *Санъ - Марино*, единственная республика, уцѣлѣвшая еще въ Италіи.

Республика Санъ-Маринская основана въ четвертомъ вѣкѣ далматскимъ каменщикомъ Марино, который будучи жертвою какихъ-то гоненій въ своемъ отечествѣ, пришелъ въ Римини и поселился тамъ, занимаясь ремесломъ своимъ. Въ свободное время отъ работъ, гуляя часто по окрестностямъ города, онъ былъ пораженъ пустыннымъ и дикимъ видомъ горы Титановъ, вершина ея представляла ему безопасный пріютъ отъ дальнѣйшихъ гоненій, которыхъ онъ еще опасался, а множество камня доставляло возможность заняться своимъ ремесломъ. Переселясь туда, онъ устроилъ себѣ домикъ въ самомъ утесѣ, и развелъ вокругъ небольшой садикъ. Скоро пустынническая жизнь его и добродѣтели обратили на него вниманіе риминійскаго архіепископа Коденціуса, который сталъ употреблять его для разныхъ благочестивыхъ и богоугодныхъ порученій; онъ исполнялъ ихъ всѣ добросовѣстно, и архіепископъ отдалъ наконецъ въ его собственность голый, дикій утесъ, который Марино назвалъ по своему имени. Скоро утесъ Санъ-Маринскій сдѣлался извѣстенъ; его стали посѣщать набожные люди, любившіе покой и тишину, и нѣкоторые изъ нихъ, слѣдуя примѣру каменщика, выстроили тамъ себѣ домики, развели сады и поселились на горѣ.

Таково было начало свободной общины, которая сохранилась цѣлою въ продолженіе пятнадцати вѣковъ, тогда, какъ въ теченіе этого времени могущественныя имперіи и республики падали вокругъ нея. Незначительность ея территоріи, малое число жителей, простота нравовъ, ограниченность жизненныхъ средствъ и благоразумная бережливость спасли ее отъ мірскихъ треволненій, и республика Санъ-Маринская служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что въ жизни народовъ, какъ и въ жизни частнаго человѣка, лучшее средство къ достиженію возможнаго на землѣ счастія, состоитъ въ томъ, чтобъ не возбуждать ни въ комъ зависти.

Городъ Санъ-Марино расположенъ на самой вершинѣ утеса; онъ носитъ названіе вольнаго города и наслаждается всѣми благами мудраго правительства. На городскихъ воротахъ и на фронтонѣ его соборной церкви начертано слово Libertas, и слово это не ложь; жители дѣйствительно пользуются полною независимостью, хотя и живутъ посреди папскихъ владѣній. У подножія этого дикаго утеса междоусобныя войны Италіи, въ продолженіе многихъ вѣковъ, обагряли кровью землю. Но ни Гвельфы, ни Гибеллины никогда не нарушали спокойствія жителей Санъ-Марин-

скихъ, а если и случалось, что какой нибудь кондотьери или васалы мелкихъ феодальныхъ тирановъ являлись на вершинѣ Санъ-Марино, то они всегда уважали права этой небольшой вольной общины, и никогда никто не вмѣшивался въ ея внутреннее управленіе.

Только одинъ разъ въ теченіе пятнадцати вѣковъ республикѣ этой грозила опасность — лишиться независимости. Кардиналъ Алберони, папскій легатъ въ Романьи, землями которой республика эта окружена, воспылалъ ненавистью къ этому бѣдному городу, который одинъ только не признавалъ его власти, ввѣренной его начальству провинціи и не воздавалъ ему почестей, къ которымъ привыкъ гордый прелатъ. Онъ началъ съ того, что объявилъ себя покровителемъ шайки разбойниковъ, которыхъ правительство Санъ-Маринское осудило за разныя преступленія, и требовалъ ихъ помилованія, но требованіе его не было уважено, и бандиты получили достойную казнь.

Тогда-то, употребивъ во зло вліяніе свое на слабаго папу Климента XII, Алберони успѣлъ внушить ему, что политика римскаго престола требовала присоединенія къ церковной области республики Санъ-Маринской, которую онъ представлялъ, какъ другую Женеву, врагомъ Бога и папы. Небольшаго труда стоило ему получить согласіе Климента присоединить этотъ дикій утесъ къ обширнымъ папскимъ владѣніямъ. Съ папскою грамотою въ рукахъ, кардиналъ Алберони, въ октябрѣ 1739 года выступилъ изъ своего Сервальскаго замка съ отрядомъ папскихъ солдатъ и нѣсколькими сбирами. Одинъ крестьянинъ, подкупленный имъ, провелъ его по тайной и не оберегаемой никѣмъ тропинкѣ до самой вершины утеса, и Алберони явился вдругъ ночью, посреди маленькаго города, къ величайшему ужасу жителей, не предчувствовавшихъ ничего. Онъ занялъ немногіе военные посты, и на утро собравъ городской совѣтъ въ соборной церкви, объявилъ ему, что республика присоединяется къ папскимъ владѣніямъ, что они должны отказаться отъ формъ своего древняго правленія и присягнуть въ вѣрности папѣ. Тогда капитанъ *Джіанджа*, одинъ изъ значительнѣйшихъ гражданъ, выслушавъ присягу, которую продиктовалъ Алберони, выступилъ впередъ и громкимъ голосомъ сказалъ: «Клянусь и присягаю въ вѣрности законному государю этой республики, святому Марино!» Присяга эта была повторена всѣми. Восклицанія: Evviva San-Marino! Evviva Respublica! огласили своды древняго собора, и народъ, собравшійся

на улицѣ, повторилъ ихъ тысячью устами. Крики эти удивили и испугали гордаго кардинала, который никакъ не ожидалъ ихъ, и видя все народонаселеніе, готовое къ сопротивленію на смерть, съ яростью въ сердцѣ и со стыдомъ долженъ былъ спуститься съ утеса также скоро, какъ и взошелъ на него.

Дурной успѣхъ Алберони въ дѣлѣ присоединенія Санъ-Маринской республики къ владѣніямъ папы, имѣлъ слѣдствіемъ то, что никто не смѣлъ защищать его при дворѣ. Самъ папа, кардиналъ-секретарь и вся Curia Romana устыдились дѣла, которое не удалось. Въ Санъ-Марино былъ посланъ гонецъ съ извиненіями. Все было отнесено къ самоуправству Алберони, а самъ онъ переведенъ изъ легатства Романскаго въ Болонью.

Такъ миновалась гроза, висѣвшая надъ крошечною Санъ-Маринскою республикой и ее оставили въ покоѣ. Но этотъ удивительный XVIII вѣкъ, въ которомъ совершилось столько дивныхъ и уродливыхъ событій, и въ который Санъ-Марино едва не лишился своей независимости, готовилъ ему совершенно неожиданный сюрпризъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, у подошвы горы Титановъ засверкали штыки побѣдоносной французской арміи. Древнѣйшіе республиканцы міра съ высоты своего утеса смотрѣли съ любопытствомъ на воиновъ юной французской республики, и съ удивленіемъ узнали, что находясь такъ долго въ предѣлахъ самаго деспотическаго государства, республика ихъ вдругъ очутилась въ другой республикѣ.

Когда главнокомандующій италійскою арміею вступилъ побѣдителемъ въ Романью, то проходя мимо обнаженнаго, пустыннаго утеса, освященнаго послѣдними лучами заходящаго солнца, онъ спросилъ о его названіи. Узнавъ, что это Санъ-Марино, Бонапарте остановился. Долго смотрѣлъ онъ на эту вершину, гдѣ въ продолженіе 1400 лѣтъ, посреди дикой, безплодной природы существовала община вольныхъ людей; онъ, не щадившій ничего, рѣшился пощадить миніатюрную республику. Мало того, ему захотѣлось видѣть Санъ-Марино, но военныя обстоятельства не позволили ему оставить Пезаро, главную квартиру италійской арміи, и онъ, горя нетерпѣніемъ выразить этой республикѣ свое уваженіе, написалъ къ ней собственноручное письмо и назначилъ особую депутацію, въ главѣ которой былъ знаменитый Монжъ, членъ національнаго института, привѣтствовать ее отъ имени французской республики.

Представители Санъ-Марино отвѣчали на рѣчь Монжа въ выраженіяхъ энтузіазма къ великой націи и къ ея славному предводителю; но отказались отъ предложеннаго имъ побѣдителемъ Италіи увеличенія ихъ територіи, рѣшившись остаться въ тѣсномъ кругу своихъ владѣній, которому были частію обязаны продолжительностью своего существованія; они не приняли также и тѣ четыре пушки, которыя Бонапарте послалъ имъ въ подарокъ, по возвращеніи Монжа въ главную квартиру.

Такъ кончились сношенія Бонапарте въ Санъ-Марино. Италійская армія, перешедшая *Рубиконъ*, двинулась впередъ. Скоро трехцвѣтное знамя развѣвалось на замкѣ св. Ангела; Неаполитанскій Король долженъ былъ покинуть свою столицу и искать убѣжища на британскомъ флотѣ, но республика Санъ-Маринская осталась нетронутою и сохранила свою независимость. Мудрость, съ какою она отвергнула всѣ обольстительныя предложенія побѣдителя Италіи, была награждена въ послѣдствіи; Вѣнскій конгресъ, видя ничтожество этой вольной общины, не присоединилъ ее къ папскимъ владѣніямъ, и она до сихъ поръ сохранила свою независимость.

Оставивъ свою карету у подножія утёса, мы стали взбираться по его крутизнамъ, и наконецъ добрались до города. Онъ расположенъ на самой вершинѣ горы, посреди бѣлыхъ скалъ. Самый городъ имѣетъ не болѣе пяти тысячъ жителей; онъ очень чистъ и опрятенъ; значительныхъ зданій, кромѣ соборной церкви, нѣтъ. Совѣтъ, которымъ управляется республика, называется Aringo, и состоитъ изъ 60 членовъ, перемѣняющихся каждый годъ. Всѣ граждане безъ исключенія и избиратели, и избираемые; никто не имѣетъ права отказаться отъ должности, въ которую будетъ избранъ. Вообще народъ Санъ-Маринскій, живущій посреди дикихъ скалъ и снѣговъ, кажется наслаждается благоденствіемъ, и счастливѣе другихъ итальянцевъ, на долю которыхъ достались и богатство, и дивный климатъ, и самая роскошная природа.

Мы простились съ утесомъ Титановъ и ветурино нашъ, успѣвшій между тѣмъ покормить лошадей, скоро довезъ насъ до небольшаго городка *Католика*. Этотъ городокъ, или лучше сказать деревня, получилъ свое названіе потому, что служитъ убѣжищемъ католическимъ духовнымъ лицамъ, которые во время риминійскаго собора, отдѣлясь отъ епископовъ аріэнскихъ, укрылись въ это мѣстечко.

Дорога отъ *Католики* до *Пезаро* чрезвычайно живописна и представляетъ много прелестныхъ видовъ; окрестности же Пезаро восхитительны. Пезаро находится уже въ герцогствѣ Урбинскомъ. Въ немъ много прекрасныхъ зданій и церквей, богатыхъ картинами Гвидо и Бароша, городская площадь очень красива, на ней воздвигнута мраморная статуя папы Урбана VIII; улицы города вообще широки, и на одной изъ нихъ видѣнъ цѣлый рядъ дворцевъ пезарскихъ нобилей. Намъ показывали домъ, въ которомъ родился il maestro Россини.

Отсюда дорога идетъ по берегу моря до самаго *Фано*. Городъ этотъ представлаетъ видъ какой-то развалины и возбуждаетъ въ душѣ грустное чувство. Фано былъ когда-то знаменитъ своимъ театромъ, считавшимся лучшимъ въ Италіи.

Мы не останавливались въ Фано и продолжали свой путь до *Синигаліи;* этотъ городъ замѣчателенъ своею миловидностью, веселостью; вы чувствуете, что жители его наслаждаются довольствомъ; дѣйствительно, они ведутъ очень прибыльной торгъ хлѣбомъ, льномъ и шелкомъ, главный-же источникъ ихъ благосостоянія—большая ярмарка, на которую собирается множество народа и купцовъ почти изъ всѣхъ коммерческихъ городовъ Италіи. На улицахъ часто раздаются серенады, а это доказываетъ, что музыка не чужда этому промышленному народонаселенію. Синигалія родина знаменитой *Каталани*.

Наконецъ третьяго ноября добрались мы до Анконы, города, про который итальянцы говорятъ una citta fortificatissima ed inespugnabile, tanto per terra quanto per mare (городъ сильно укрѣпленный, неприступный ни съ суши, ни съ моря). Анкона возвышалась посреди своихъ песковъ и представляла величавый видъ; но попасть въ нее стоило намъ большаго труда. Церемонія прописки паспортовъ нигдѣ не была такъ продолжительна, какъ здѣсь; нигдѣ таможня не придиралась ко всему съ такою мелочностью и съ такимъ ожесточеніемъ — у меня отняли мои сигары, а у Зиса кисетъ съ табакомъ; онъ долго спорилъ, что кисетъ не подлежитъ конфискаціи; однакожъ его не послушали; не знаю, какъ удалось ему спасти свою трубку, настоящую нѣмецкую трубку, тоненькую и коротенькую, безъ которой онъ-бы пропалъ. Небольшіе остатки чая, бывшіе у меня въ чемоданѣ, также уцѣлѣли, хотя я и предлагалъ заплатить за него пошлину. Наконецъ намъ возвратили паспорты, обязавъ насъ представить ихъ въ полицію, и мы думали, что можемъ ѣхать—не тутъ-то было!

намъ надобно было еще дождаться позволенія отъ губернатора вступить въ городъ, а главное—мы должны были оставить своего Іеронима съ его каретой за городскими воротами, и отправиться въ городъ пѣшкомъ. Все это до того насъ взбѣсило, что мы были готовы отказаться отъ удовольствія посмотрѣть на Анкону, тѣмъ болѣе, что Іеронимъ увѣрялъ насъ, что тамъ нѣтъ ничего хорошаго, и что Анкона una citta ladra. Іеронимо было жаль съ нами разстаться, да и мы свыклись съ нимъ; къ тому-же онъ клялся намъ всѣми святыми, что въ Анконѣ мы ненайдемъ даже порядочныхъ ветурино, и что всѣ они отъявленные бездѣльники, а не такіе честные люди, какъ онъ. Ясно было, что онъ желалъ ѣхать съ нами далѣе; мы поняли его и подрядили до Рима, а сами между тѣмъ, получивъ письменное дозволеніе отъ губернатора, за которое должны были заплатить, потому-что въ Италіи платятъ за все, отправились въ городъ.

Іеронимо былъ правъ, Анкона гадкій, грязный городъ; главная его улица такъ узка, что по ней врядъ-ли можетъ проѣхать карета, и вотъ почему насъ не впустили въ городъ въ экипажѣ. Всего замѣчательнѣе въ ней обширная гавань, въ которой однакоже было не много судовъ; арка Траяна, другая арка въ честь папы Бенедикта XIV, соборная церковь св. Киріака, въ которой есть нѣсколько картинъ Гверчино, оборванный, грязный народъ, несмѣтное число нищихъ, толпа монаховъ и множество прекрасныхъ женщинъ—вотъ вся Анкона. Мы употребили не болѣе трехъ часовъ на осмотръ города, и вернулись въ Локанду, гдѣ оставили Іеронимо; онъ былъ такъ увѣренъ, что мы не загостимся въ Анконѣ, что готовился уже запрягать лошадей, когда мы пришли. Однакоже мы потребовали обѣда и насъ накормили самымъ скверным образомъ, содравъ страшную цѣну, однимъ словомъ, столица Анконской мархіи оставила въ насъ самое дурное впечатлѣніе и мы поторопились скорѣе распрощаться съ нею. Сидя уже въ каретѣ, мы вспомнили, что сдѣлали большую глупость, отдавъ себя совершенно даромъ на разграбленіе таможенныхъ прислужниковъ. Іеронимо объѣхалъ Анкону по какой-то окольной дорогѣ, и слѣдовательно намъ не зачѣмъ было предъявлять своихъ чемодановъ; я остался-бы съ своими сигарами, а Зисъ съ табакомъ и главное съ кисетомъ, который ему подарила на память въ Мангеймѣ какая-то чувствительная Гретхенъ, и о которомъ онъ не могъ вспомнить, не проклиная Анконы и ея таможенныхъ аргусовъ. Досталось и само-

му папѣ, и я смѣялся до слезъ, слушая антикатолическіе эпитеты, которыми мой раздражительный нѣмецъ честилъ il Santissimo Padre Pio nono.

Отъ Анконы сначала тянутся пески, обозначающіе морской берегъ, скоро однакоже вы оставляете ихъ за собою и, поворачивая вправо, начинаете подниматься въ гору. Дорога до Лоретто чрезвычайно гориста, отсюда начинаются Апенины, представляющіе самые живописные виды. Растительноссь измѣняется: вамъ попадаются сосны и ели, только нашей сѣверной березы не видно нигдѣ; подымаясь-же выше и выше, вы достигаете наконецъ горы, на которой стоитъ знаменитый, на всемъ западѣ, городъ Лоретто.

Здѣсь замѣчательна церковь, въ которой помѣщается такъ называемая Santistima casa di Nazarette, она вся обдѣлана бѣлымъ мраморомъ, украшеннымъ барельефами Микель-Анжело Браманте, а образъ Божіей Матери блеститъ золотомъ и дорогими каменьями. Сюда стекаются на богомолье тысячи поклонниковъ, и каждый по своимъ средствамъ приноситъ свой даръ милосердой Заступницѣ грѣшныхъ. Всѣ короли запада другъ передъ другомъ старались показать свое усердіе и обогащали дорогими вкладами часовню Богородицы, и украшали дорогими каменьями святое ея изображеніе, такъ, что трудно исчислить всѣ богатства, которыя собраны здѣсь. Послѣ толентинскаго мира французы обобрали всѣ драгоцѣнности и увезли даже самый образъ, и только по усиленнымъ просьбамъ папы Пія VII былъ онъ возращенъ въ 1811 году.

Въ городѣ до семи тысячъ жителей, но въ немъ такое огромное число нищихъ и они такъ неотвязчивы и наглы, что отъ нихъ нѣтъ рѣшительно прохода.

Мы оставались недолго въ Лоретто и спѣшили пріѣхать, до наступленія ночи, въ *Магерату*, надѣясь найти тамъ, по словамъ Іеронимо, хорошій трактиръ и сытный ужинъ. Все это подтвердилось, и съ этой минуты мы стали слѣпо вѣрить ему. Онъ вполнѣ заслуживалъ такую довѣренность, которая оправдывалась самыми положительными фактами. Signor Ieronimo сказалъ правду, назвавъ Сеньору Чечилію una bella ragazza; онъ не солгалъ, увѣряя, что Анкона—una citta ladra, и былъ совершенно правъ, что мы найдемъ въ Магератѣ una suparba Locanda. Дѣйствительно, трактиръ, въ который онъ привезъ насъ, отличался чистотою не-

итальянскою и могъ поспорить съ лучшими рейнскими гостиницами; ужинъ и вино были также очень хороши.

Магерата прекрасный, чистый городъ, съ широкими улицами, очень хорошо вымощенными; въ немъ до пятнадцати тысячъ жителей; онъ расположенъ по возвышеннымъ холмамъ, покрытымъ зеленью; народонаселеніе его чрезвычайно опрятно и, что всего удивительнѣе въ папскихъ владѣніяхъ, здѣсь нѣтъ почти нищихъ. Окрестности города очень живописны; въ долинѣ, у подножія холма, разбросаны красивые деревенскіе домики, окруженные изгородьями изъ миртъ, дорожки обсаженны пирамидальными тополями; множество садовъ и наконецъ вдали, синяя полоса Адріатики, все это представляетъ самую оживленную и прекрасную картину; можно сказать, что Магерата одинъ изъ самыхъ миловидныхъ и веселыхъ городовъ церковной области.

Отъ Магераты до Толентино всего одна итальянская почта или 3⅛ мили; городокъ этотъ не заключаетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, и мы проѣхали его, не останавливаясь. Толентино извѣстенъ миромъ, который былъ заключенъ здѣсь въ 1796 году между французами и папою Піемъ VI.

За Толентино начинаются уже настоящіе Апенины, и вы ѣдете ими до самаго *Фолиньо* около сорока миль. Мѣстность съ каждымъ шагомъ становится все болѣе и болѣе дика; дубовый лѣсъ покрываетъ всѣ окрестности, дорога во многихъ мѣстахъ очень узка, и по сторонамъ ея видны страшныя пропасти и обрывы. Отъ самой *Вальчимары* вы должны все подниматься вверхъ, посреди дикихъ утесовъ; наконецъ вы достигаете ponte della Trave, подъ которымъ реветъ и пѣнится быстрый потокъ. Отсюда до Serravalle, (узкая долина), отдѣляющей Анконскую мархію отъ Омбріи, мѣстность становится все болѣе и болѣе мрачною; дорога такъ узка, что два экипажа не могутъ разъѣхаться; густой туманъ виситъ въ воздухѣ и окропляетъ васъ холодною пылью; безпрестанно встрѣчаются оборванные люди съ звѣрскими лицами и съ карабинами въ рукахъ. Проходя мимо нашей кареты они посматривали на нее изъ подлобья, но нашъ Іеронимъ ласково имъ кланялся, привѣтствовалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ по-дружески, а между тѣмъ гналъ лошадей изъ всей мочи, присвистывая какимъ-то особеннымъ образомъ. Было уже поздно, когда мы пріѣхали въ Серавале, здѣсь надобно было остановиться и кормить лошадей. Усталые отъ дороги, мы обрадовались какому-то чулану, который отвели намъ, бросились, не

раздѣваясь, на постель, положили подлѣ себя, на всякій случай, по парѣ пистолетовъ и заснули крѣпкимъ сномъ.

Когда мы проснулись, солнце сіяло во всемъ блескѣ, прекрасный день смѣнилъ туманную и дождливую ночь; воздухъ былъ довольно свѣжъ отъ высоты мѣста, гдѣ мы находились; окрестныя горы, покрытыя кое гдѣ темными соснами, рисовались на синевѣ небесъ; двѣ скалы, стоявшія по сторонамъ узкой долины, отъ которой получила свое названіе бургада, гдѣ мы ночевали, торчали какъ два великана. За всѣ трудности утомительнаго пути отъ самой Лоретты были мы награждены истинно восхитительными видами, которые представляютъ здѣсь Апенины; но какъ будто въ противуположность роскоши и великолѣпія природы, страшная, отвратительная бѣдность народа выказывается вездѣ; всѣ жители, отъ перваго до послѣдняго, нищіе и видя ихъ блѣдныя лица, ихъ оборванную одежду, вы убѣдитесь, что все это народонаселеніе умираетъ съ голоду.

Отъ Серавале до Каза-Нуова природа все таже, но проѣхавъ это мѣстечко, дорога начинаетъ спускаться и взорамъ вашимъ открывается вдругъ самая роскошная, самая восхитительная долина, посрединѣ которой стоитъ древній городъ *Фолиніо*, онъ производитъ богатый торгъ бумагою и воскомъ: варенье, приготовляемое здѣсь, пользуется извѣстностью, но главная знаменитость этого города состоитъ въ томъ, что Рафаэль писалъ для него свою неподражаемую Мадону: Фолиньо однакоже не владѣетъ ею, она, какъ извѣстно всѣмъ, находится въ галереѣ Ватиканской. Недалеко отъ Фолиньо есть очень любопытная пещера изъ столактитовъ; но какъ было довольно затруднительно добыть ключъ отъ нея, хранящійся въ городской полиціи и какъ на это надо было употребить много времени, то мы отказались отъ удовольствія взглянуть на нее и продолжали свой путь до Сполетто.

Сполетто довольно большой, но мало населенный городъ. Онъ лежитъ у подошвы высокой горы; въ немъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго и онъ не стоитъ того, чтобъ останавливаться; въ двухъ съ половиною миляхъ отъ него вы начинаете подниматься на Сомму (La Somma) одну изъ высочайшихъ горъ въ этой части Апенинскаго хребта, проѣзжаете *Терни*, потомъ *Нарни* и оставляя за собою *Омбрію*, переправляетесь черезъ Тибръ по прекрасному мосту и вступаете въ предѣлы *Сабиніи*.

Чѣмъ ближе были мы къ Риму, тѣмъ нетерпѣливѣе желали

скорѣе пріѣхать туда; мы торопили нашего Іеронима и едва давали довольно времени выкармливать лошадей. У *Чивита-Кастеланы* мы бросили старинную Фламиніанскую дорогу и черезъ *Непи, Рокчиліони, Монпирази, Бокано и Стирію* пустились къ вѣчному городу.

Отъ Стиріи начинается Компанія римская; уже изъ Бокано виднѣется вдали Римъ и крестъ св. Петра. Дорога идетъ постоянно подъ гору, и передъ вами разстилается пустынная, невоздѣланная равнина, поражающая своимъ безплодіемъ. Между Стиріей и Понтемоле, близъ Тибра, налѣво отъ дороги, видна гробница Нерона. Римъ съ своими древними зданіями и множествомъ церквей все болѣе и болѣе раскидывается передъ вами; наконецъ вы достигаете Тибра и черезъ мостъ Эмилія Ponte-Milvio мимо monte Pinciano, въѣзжаете въ столицу католическаго міра.

Мы остановились въ Hôtel d'Angleterre, на площади Торлонія. Если успѣю, буду писать вамъ еще отсюда.

НЕВЫСКАЗАННАЯ БОЛЬ.

Разсказъ В. Негрескула.

—

. .Я согласился наконецъ видѣть больнаго, такъ много интересовавшаго нашъ кружокъ. Болѣзнь физическая или моральная, наводятъ на меня тоску невыразимую: долго я не могу освободиться отъ чувства тягостнаго, но непобѣдимаго.

Докторъ былъ такъ обязателенъ, что согласился самъ провести насъ къ паціенту.

Первое впечатлѣніе подтверждало увѣренія эскулапа, что нѣтъ надежды на выздоровленіе. Больной лежалъ навзничъ: насъ встрѣтили у самаго входа его глаза, большіе, свѣтящіеся дикимъ огнемъ; они не выражали ни удивленія, ни вниманія; напротивъ, они блуждали безъ цѣли, не останавливаясь ни на чемъ: ясно, сердце его закрыто для впечатлѣній внѣшняго міра; идеи его быстры, но безъ всякой послѣдовательности, внутренней связи; вся нервная система въ состояніи не нормальномъ.

На вопросы доктора онъ отвѣчалъ неохотно, безсвязно и едва внятно; этотъ сумасшедшій сохранилъ еще на столько сознанія, чтобъ питать антипатію къ тому, кто приказалъ его связывать: къ фельдшеру-же — исполнителю этого распоряженія, онъ былъ особенно ласковъ, называя его постоянно «lieber Alexander!..»

Первое впечатлѣніе смѣнилось другимъ чувствомъ...

Докторъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: не хочу-ли я поговорить съ больнымъ? Онъ такъ вопросительно глядѣлъ на меня, что я готовъ былъ пари держать, что въ немъ зараждается самая здравая мысль. Я не зналъ съ чего начать, и тихо спросилъ доктора, зачѣмъ его привязываютъ?

— Спросите больнаго.

— Помилуйте, это значитъ дать почувствовать его положеніе, обидѣть...

— Ничего, ничего, живо подхватилъ больной; я очень радъ: мнѣ такъ рѣдко приходится говорить съ кѣмъ-либо... все одинъ; скучно, такъ скучно!.. Lieber Alexander, зачѣмъ ты такъ рѣдко приходишь ко мнѣ?.. Онъ смотрѣлъ на него съ такимъ укоромъ и вмѣстѣ съ такою любовью; какъ горячо чувствуетъ этотъ сумасшедшій благодарность; какъ обезоруживаетъ его ласковое обращеніе фельдшера; онъ тихъ, покоренъ какъ дитя, за то съ другими онъ такъ грубъ, такъ дерзокъ, часто...

Я робко вступилъ съ нимъ въ разговоръ, повторивъ тотъ-же вопросъ, который сдѣлалъ доктору. Онъ улыбнулся: нужно-же дать употребленіе... рубахѣ, вѣдь она сшита для того... Онъ говорилъ это по-нѣмецки, посматривая искоса на доктора, какъ-бы стараясь прочитать на его лицѣ, понимаетъ-ли онъ его слова.

— Зачѣмъ поете вы все тотъ-же мотивъ?

Лицо его исказилось, глаза заискрились, бѣгая по сторонамъ, безъ цѣли... Не отвѣчая на вопросъ, онъ принялся напѣвать ту же пѣсню, которая раздается въ комнатѣ съ утра до ночи, каждый день, которая возвѣщаетъ прислугѣ время его сна и пробужденія... Онъ примѣшивалъ едва внятныя нѣмецкія слова, съ риѳмованными окончаніями; онъ импровизировалъ, но такъ тихо, что ничего нельзя было понять; слышно было только часто Vater... Mutter...

И въ этомъ напѣвѣ было столько меланхолическаго, раздирающаго душу... Онъ выдерживалъ каждую ноту съ такой строгой точностью, отчетливостью... казалось, видишь предъ собою артиста, въ головѣ котораго слагается что-то глубокое, потрясающее, великое...

Какъ согласить это чувство съ идеей о сумасшедшемъ!.. Напрасно я старался разгадать тайну его сердца, глубокій смыслъ его пѣсни: я терялся въ догадкахъ... внезапный крикъ: «карету!..» заставилъ меня вздрогнуть... Такъ кончалъ онъ всегда свое пѣніе.

Напрасно я распрашивалъ, отчего поетъ онъ все ту-же пѣсню, онъ глядѣлъ на меня такъ двусмысленно, что неоставалось никакого сомнѣнія: докторъ правъ, онъ сумасшедшій...

— Вамъ скучно здѣсь?

Онъ кивнулъ утвердительно головой.

— Вы любите по-крайней-мѣрѣ газеты?

Тотъ-же знакъ головой.

— Вы позволите мнѣ прислать вамъ книгъ? скажите только, въ какомъ родѣ и на какомъ языкѣ...

Онъ кивнулъ головой, въ знакъ благодарности, но указалъ глазами на связанныя руки. Я почувствовалъ неумѣстность предложенія и смѣшался. Докторъ очень кстати поспѣшилъ на помощь: вы спрашиваете, зачѣмъ его связываютъ?..

Больной напряженно глядѣлъ на него, какъ-бы ожидая для себя чего-то непріятнаго... Стало-быть, онъ *сознаетъ* что-либо за собой: сумасшедшій-ли онъ!..

— Приглядитесь къ его носу, продолжалъ докторъ, ноздрей уже нѣтъ: онъ выщипалъ ихъ ногтями; еслибы его не связывали, вѣроятно, у него не было-бы уже половины носа; взглянули-бы вы на его ноги: они изуродованы...

Несчастный, подумалъ я, до-чего довелъ его застой крови, отъ недостатка воздуха, движенія, отъ недѣятельности нервной системы...

— И больше вреда онъ не дѣлаетъ?

— Нимало: если разсердятъ — шумитъ, бранится, но потомъ опять тихъ и кротокъ; пытались выпускать его въ садъ— уходитъ или прячется въ кусты: поймать трудно... притомъ всегда въ крови: тамъ расцарапаетъ себя...

Я предложилъ ему папироску; докторъ сердился, но наконецъ позволилъ ему курить: онъ принялся за нее съ такой жадностью, глотая дымъ, какъ-будто онъ пьетъ нектаръ Олимпа...

— Сумасшедшіе любятъ наркотическія средства, сухо замѣтилъ докторъ, но это имъ вредно.

Да, подумалъ я, сколько милліоновъ несумасшедшихъ, не могутъ приняться за дѣло безъ этого наркотическаго!

Я обратился опять къ больному съ вопросомъ, на который предвидѣлъ отвѣтъ:

— Довольны-ли вы вашимъ положеніемъ?

— Дай Богъ, отвѣчалъ онъ, чтобъ всѣ были также довольны своимъ: спокоенъ, хлопотъ никакихъ не знаешь, все готово,— чего-же больше...

Онъ говорилъ это съ такимъ равнодушіемъ, безстрастіемъ, какъ человѣкъ, которому все равно *да* или *нѣтъ*, *хорошо* или *худо*. Трудно было рѣшить, горькая ли это иронія, или ужъ онъ такъ свыкся съ своимъ положеніемъ, что оно слюбилось ему, bon gré

mal gré, или наконецъ, онъ потерялъ совершенно сознаніе: онъ не понимаетъ своего положенія... Не имѣетъ онъ болѣе понятія о лучшемъ, или окончательно убѣдился въ невозможности его? вотъ вопросъ, который занималъ меня такъ сильно. Съумасшедшій ли онъ, или, сохранивъ сознаніе, подверженъ только ипохондріи, подчинился ideae fixae, воспоминаніямъ тягостнымъ и мрачнымъ, уничтоженъ страданіемъ, глубокимъ и безъисходнымъ и, при обстоятельствахъ жизни, болѣе благопріятныхъ, опять вспыхнула бы божественная искра яснаго самопознанія.

Фельдшеръ, по приказанію доктора, напомнилъ ему, что жена его умерла.

— Не правда, загремѣлъ онъ сквозь слезы, не правда: она жива, она войдетъ сейчасъ. Merie, entrez, il y a du monde!..

Онъ былъ взволнованъ, разогорченъ. Извините, продолжалъ онъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчаливаго ожиданія, она замѣшкалась, одѣваемся, но сейчасъ будетъ... Entrez donc, je vous prie... Она войдетъ сейчасъ: туалетъ отнимаетъ у нея много времени; она любитъ щеголять... Боже мой, какъ пріятно проводили мы время, у насъ собираются знакомые, родные, отецъ... мать... братья! у насъ большая семья... Лицо его стало свѣтлѣе: воспоминаніе счастливаго прошлаго посѣтило душу, согрѣло его давно забытымъ чувствомъ... Мы танцуемъ, играемъ на скрипкѣ, фортепіано, а братъ такъ хорошо акомпанируетъ намъ на флейтѣ, у него рѣшительный талантъ къ музыкѣ, жаль, что ему не позволили слѣдовать призванію... Marie entrez, je vous dis, заревѣлъ онъ, теряя терпѣніе. Mon dieu vous vous faites attendre toujours... Знаете ли, какая у насъ библіотека? тридцать тысячъ томовъ самыхъ рѣдкихъ сочиненій; самъ ѣздилъ по Европѣ, платилъ огромныя деньги... ха, ха, ха, ни въ одной публичной библіотекѣ нѣтъ этихъ рѣдкихъ экземпляровъ... Мери, кричалъ онъ, мери, ѣдемъ je te dis, сейчасъ же ѣдемъ: пора, мы опоздаемъ на балъ...

При послѣднемъ словѣ лицо его подернулось судорогами: онъ принялся опять за свой напѣвъ.

«*Карету, скорѣй карету..*» и утихъ.

— Одно удивляетъ меня: ваше мѣсто не здѣсь, тутъ больные кругомъ, а вы совсѣмъ здоровы.

— Нѣтъ, я болѣнъ, крѣпко болѣнъ: знаете-ли вы, я скоро умру, продолжалъ онъ печально. Здѣсь, здѣсь, показывалъ онъ на грудь: жжетъ, горитъ: пожаръ, котлы кипятъ... Я потря-

сенъ... сильно потрясенъ... весь организмъ... О, я не такой какъ мой братъ желѣзный... я, я чувствительный... я, я .. не такой, какъ братъ.

— Что же васъ потрясло такъ?

Мой вопросъ какъ будто заставилъ его проснуться, теперь только замѣтилъ онъ присутствіе посторонняго человѣка: онъ говорилъ съ собою и я жалѣлъ, что заставилъ его остановиться не кстати: я узналъ бы, быть можетъ, тайну его паденія и тогда легче было бы доктору понять его...

Онъ смотрѣлъ на меня долго, пристально, какъ будто силясь припомнить что-то, разгадать по чертамъ моего лица, достоинъ ли я его довѣрія, не пустое ли любопытство заставляетъ меня допрашивать его.

Онъ началъ потомъ говорить о семейной жизни. Боже, какъ счастливъ онъ *былъ*, а теперь... Я сталъ еще внимательнѣе къ его словамъ: состраданіе, глубокое сердечное участіе наполнило растроганную душу.

Да, если бы вы видѣли ее: не женщина, ангелъ, jeté sur terre pour ennoblir ma pauvre vie, какъ выразился Ламартинъ... О Ламартинъ, поэтъ сердца, какъ я люблю тебя. И Гюго хорошъ, но мраченъ, а я люблю жизнь, люблю веселое... Онъ остановился, водя глазами...

— Что же разрушило ваше счастье?..

Онъ вздрогнулъ; лицо приняло такое выраженіе, что я испугался за него, укоряя себя въ нескромности вопроса. Онъ отвѣчалъ опять тою же пѣснью, опять «*Карету!*» было финаломъ сколько торжественнымъ, столько же и печальнымъ финаломъ его семейной жизни... Я все понялъ...

— Боже мой, какъ жить мнѣ: всѣ *говорятъ*... говорятъ вздоръ, сплетни, подхватилъ я; вы нажили, вѣроятно, враговъ: вамъ мстятъ; умѣйте же презирать. Я свидѣтель, что все это вздоръ.

— Нѣтъ, правда, правда, правда! твердилъ онъ, не слушая меня, рыдая, какъ дитя. Я знаю, я самъ видѣлъ...

Карету! заревѣлъ онъ.

Мнѣ стало невыносимо тяжело; я взглянулъ на дамъ, желая предложить имъ выйдти, я видѣлъ предъ собою марморныя статуи, блѣдныя, недышущія...

Женщины, какой страшный урокъ вамъ!..

Я не могъ быть долѣе свидѣтелемъ рыданій мужчины, я не могъ оставаться у постели...

Прощаясь, я извинялся, что мы побезпокоили его и искренно пожелалъ ему скораго выздоровленія.

Онъ кивалъ головой, провожая меня глазами: въ нихъ я прочиталъ много благодарности.

— Докторъ, сказалъ я, выйдя за двери, какъ вы можете быть постояннымъ свидѣтелемъ такихъ ужасныхъ сценъ, такой грустной борьбы ума съ безумьемъ, жизни съ нравственной смертью.

— Докторъ, отвѣчалъ онъ лаконически, долженъ обладать равнодушіемъ палача: что вышло-бы, еслибъ онъ отдавался весь вспыхнувшему въ немъ чувству... тогда онъ сталъ бы палачемъ, убійцей, по-неволѣ, а въ первомъ случаѣ, онъ спаситель больнаго, палачъ лишь болѣзни его... consuetudo altera natura. Грустная пѣсня страдальца провожала насъ до воротъ, послѣднее эхо ея затерялось: гора отлегла у меня отъ сердца... Мрачныя мысли мало-по-малу разсѣялись, но впечатлѣніе такъ глубоко, что во всю жизнь, кажется, не оставитъ меня: печальный образъ страдальца будетъ представляться мнѣ, преслѣдуя воображеніе, сжимая сердце... Женщина! призванная облагородить, облегчить суровое поприще мужчины... вотъ твой посѣвъ.

СОВРЕМЕННОЕ.

Литерарура: Дѣвушка изъ Ротуруга. — **Театры, музыка, искусства**: Артистическій очеркъ. (*Статья Шмидта*). — **Открытія въ наукахъ и промышленности**: Общественное продовольствіе, хлѣбныя растенія и хлѣбъ. — Мехика, до завоеванія ея испанцами. — Составныя части чая. — Самое крошечное изъ извѣстныхъ нынѣ животныхъ. **Путешествія, сцены и нравы**; Смотръ войскамъ въ Китаѣ. **Мелкіе разсказы и повѣсти**. Англійскіе туристы въ Террачинѣ. — **Анекдоты, замѣчательные случаи и новости**: Замѣчательное спасеніе отъ ядовитыхъ змѣй. — Уборы древнихъ Египтянокъ. — Пальмерстонъ и два французскіе писателя. — Основаніе города Буффало.

—

I. ЛИТЕРАТУРА.

Дѣвушка изъ Ротуруга. *Новозеландская сказка.* Бывшій Новозеландскій губернаторъ Джоржъ Грей собралъ изъ разсказовъ туземцевъ многіе весьма интересные матеріялы для ихъ исторіи, миѳологіи и этнографіи. Въ сочиненіи его заключаются между прочимъ точные переводы новозеландскихъ народныхъ сказокъ, напоминающихъ намъ скандинавскія пѣсни; изъ нихъ одну мы здѣсь приводимъ, какъ образецъ поэтическихъ созданій народа, стоящаго еще на весьма низкой степени образованности: «Гине-Моа видала въ народныхъ собраніяхъ Тутанскаи, и какъ они часто поглядывали другъ на друга, то сердцу каждаго изъ нихъ другой показался пріятнымъ и достойнымъ любви, такъ, что въ груди ихъ возникла тайная взаимная страсть другъ къ другу. Однако Тутанскаи не зналъ, можетъ-ли онъ дерзнуть приблизиться къ Гине-Моа и взять ее за руку, чтобы испытать пожметъ-ли она

его руку: «потому-что», говорилъ онъ, можетъ-быть, я ей вовсе не нравлюсь». Съ другой стороны сердце Гине-Моа говорило ей: «Если ты пошлешь къ нему одну изъ своихъ подругъ сказать, что ты его любишь, то можетъ-быть онъ не будетъ этому радъ.»

Но послѣ многихъ, многихъ встрѣчъ, сопровождаемыхъ нѣжными взглядами съ обѣихъ сторонъ, Тутанскаи отправилъ къ Гине-Моа посла съ извѣстіемъ, что онъ любитъ ее, и когда Гине-Моа выслушала посла, то сказала: «О! такъ мы оба одинаково любимъ другъ друга.»

Вскорѣ потомъ Тутанскаи и его семейство возвратились въ свою деревню, и однажды вечеромъ два старшіе его брата, сидя въ большомъ домѣ, служащемъ для сходки жителей, говорили: «Кто изъ насъ получилъ отъ Гине-Моа знакомъ или пожатіемъ рукъ доказательство ея любви?» Одинъ утверждалъ, что онъ получилъ нѣкоторыя доказательства; другой говорилъ: «нѣтъ, я». Потомъ они спросили Тутанскаи, который сказалъ: «Я пожалъ руку Гине-Моа, и она отвѣчала мнѣ такимъ-же пожатіемъ», но его старшіе братья возразили: «Это неправда! Не думаешь-ли ты, что она станетъ заботиться о человѣкѣ такого низкаго происхожденія, какъ твое?» Онъ пожаловался на то отцу, потому-что онъ дѣйствительно получилъ отъ Гине-Моа доказательства ея любви, и даже они условились уже о знакахъ, по которымъ Гине-Моа должна была позволить увезти себя. На вопросъ дѣвушки: «Какой знакъ дашь ты мнѣ, чтобъ я къ тебѣ пришла?» онъ отвѣчалъ: «Ночью будетъ раздаваться звукъ трубы, и тогда отправляйся въ своей лодкѣ по этому направленію». И подлинно, Тутанскаи и другъ его Тики выходили каждую ночь на балконъ и играли одинъ на трубѣ, а другой на флейтѣ; Гине-Моа слышала ихъ и сердечно желала плыть въ лодкѣ къ Тутанскаи; но друзья ея возъимѣли подозрѣніе и постарались, чтобъ ни одна лодка не оставалась на водѣ, а вытаскивали всѣ на крутой берегъ озера, и это они дѣлали постоянно въ продолженіе многихъ дней и ночей.

Наконецъ она посовѣтовалась съ своимъ сердцемъ и сказала: «Какъ-бы мнѣ пробраться чрезъ озеро на островъ Мокоя? Ясно, мои друзья подозрѣваютъ, что у меня на умѣ.» И она сѣла на землю отдохнуть. Пріятные звуки Тутанскаева рожка достигали до ея слуха, и молодой прекрасной дочери старѣйшины казалось, что земля трясется подъ нею и гонитъ ее къ возлюбленному; но тутъ приходило ей на мысль, что нѣтъ ни одной лодки. Наконецъ она подумала: «Можетъ быть, я буду въ состояніи переплыть! И взявъ шесть сухихъ выдолбленныхъ дынь, прикрѣпила ихъ по три съ каждаго боку, чтобы не потонуть, взобралась на скалу, называемую Ири-Ири-

Капуа, а оттуда на берегъ, на мѣсто, называемое Ваиреревai, тамъ оставила свои платья и бросилась въ воду; потомъ она доплыла до пня одного погруженнаго до половины въ озеро дерева, которое тамъ зовутъ Гиневата, обхватила его руками и остановилась, чтобъ свободно подышать; когда усталость ея рукъ нѣсколько уменьшилась, она поплыла дальше, но когда снова утомилась, то уносимая дынями, предавалась теченію воды, а отдохнувши, снова принималась плыть. Темнота ночи не дозволяла ей разузнать направленіе, по которому она плыла, но путеводителемъ ея была сладкая мелодія Тутанскаева рожка; это былъ сигналъ, по которому она плыла прямо къ Вайкимикія, источнику теплой воды, за которымъ непосредственно находилась деревня Тутанскаи, и наконецъ она приплыла къ острову.

На мѣстѣ, на которомъ она достигла острова, находится теплый источникъ, отдѣленный отъ озера узкою скалистою полосою: его зовутъ, какъ я сказалъ, Ваикимикія. Гине-Моа погрузилась въ него, чтобъ согрѣться; она дрожала всѣмъ тѣломъ, частію отъ холода, потому-что переплыла ночью чрезъ широкое озеро Ротуруга, частію-же, можетъ быть, отъ стыда при мысли, что встрѣтится съ Тутанскаи. Въ то время, какъ дѣвушка грѣлась въ тепломъ источникѣ, Тутанскаи захотѣлось пить, и онъ сказалъ своему слугѣ: «Принеси мнѣ воды;» слуга пошелъ за водою, но Гине-Моа попросила у него напиться, а потомъ разбила его тыкву, и это повторилось два или три раза.

Тогда Тутанскаи одѣлся, взялъ булаву и прійдя къ источнику закричалъ: «Гдѣ тотъ, кто разбилъ мои тыквы»? Гине-Моа узнала голосъ друга своего сердца и спряталась подъ скалами, нависшими надъ источникомъ, не то, чтобъ совсѣмъ скрыться, а чтобъ Тутанскаи нашелъ ее не вдругъ, но послѣ долгихъ и трудныхъ поисковъ. Онъ прикасался руками къ берегамъ источника, искалъ повсюду, междутѣмъ какъ она сидѣла подъ скалою и выглядывала по временамъ, удивляясь, что онъ еще не отыскалъ ее. Наконецъ онъ схватилъ ея руку и крикнулъ. «Выходи! кто тамъ?» Гине-Моа отвѣчала: «Это я, Тутанскаи.» Но онъ сказалъ: «Но кто-же ты? Кто это я?» Тогда она сказала громче: «Это я, Гине-Моа.»—Возможно-ли? такъ ступай же ко мнѣ въ домъ. Она отвѣчала «пойдемъ,» поднялась изъ воды, прекрасная, какъ дикій, бѣлый ястребъ, и вступила на берегъ источника съ такою прелестью, какъ бѣлый, робкій журавль; онъ накинулъ на нее платье, и они пошли вмѣстѣ въ домъ его и отдохнули тамъ, и съ-тѣхъ-поръ были, по древнему закону Маориса, мужъ и жена.

—

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

АРТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ. *Статья Шмита.*

I.

Іосифъ Гайднъ былъ сынъ деревенскаго телѣжника, но телѣжника, *который, по окончаніи своей тяжелой работы искалъ,* обыкновенно, отдохновенія въ музыкѣ.

Всякое воскресенье, послѣ обѣдни, когда оканчивались занятія его по званію церковнаго привратника, онъ заставлялъ свою жену пѣть, а самъ акомпанировалъ ей на арфѣ. Маленькій Іосифъ вторилъ имъ, водя *маленькой палочкой по доскѣ,* которыя въ его воображеніи превращались въ смычекъ и скрипку.

Однажды случилось, что при такомъ домашнемъ концертѣ присутствовалъ двоюродный братъ телѣжника, бывшій школьнымъ учителемъ въ сосѣдней деревнѣ. Замѣтивъ удивительную вѣрность, съ какою мальчикъ билъ тактъ, онъ предложилъ отцу заняться музыкальнымъ образованіемъ маленькаго Іосифа; отецъ согласился, и, спустя нѣсколько времени, маленькій сынъ его игралъ уже на нѣсколькихъ инструмен*тахъ и пѣлъ чистымъ серебристымъ голосомъ. Ему было восемь лѣтъ,* когда услышалъ его пѣніе капельмейстеръ капеллы Св. Стефана, Рейтеръ, который тотчасъ-же понялъ, что голосокъ этотъ будетъ прекраснымъ пріобрѣтеніемъ для его пѣвческаго хора. Взявшись окончить музыкальное образованіе мальчика, столь счастливо начатое школьнымъ учителемъ, онъ увезъ его въ Вѣну. *И вотъ Іосифъ Гайднъ очутился* въ большомъ городѣ, въ знаменитой капеллѣ, окруженный всевозможными средствами изучить искусство, къ которому уже чувствовалъ непреодолимую страсть. Все время, *остававшееся свободнымъ послѣ пѣвческихъ* занятій, онъ посвящалъ игрѣ на скрипкѣ и фортепьяно, а также разбиралъ новую музыку и даже сочинялъ самъ, ибо инстинктъ творчества не замедлилъ проявиться въ немъ. Голосъ маленькаго Гайдна былъ прекрасенъ, и онъ могъ имъ блистать передъ огромною толпою *слушателей, наполнявшихъ въ праздники капеллу Св. Стефана.* Рейтеръ гордился своимъ ученикомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ неудовольствіемъ предвидѣлъ время, когда этотъ прелестный голосъ перемѣнится или совсѣмъ пропадетъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ; маленькій Іосифъ былъ все еще ребенкомъ, но эпоха возмужалости была уже недалеко, и кто могъ ручаться какого рода и достоинства будетъ его голосъ? Эта неизвѣстность мучила капельмейстера, и онъ наконецъ придумалъ планъ, который показался

ему прекраснымъ: и въ самомъ дѣлѣ, что тутъ было много хлопотать, слѣдовало только предупредить измѣненіе голоса, а для этого существовало вѣрное средство, котораго дѣйствительность доказана многими знаменитыми примѣрами. Оставалось только убѣдить мальчика въ необходимости этого средства, и Рейтеръ, забывъ всю гнусность и преступленіе, заключавшіяся въ этомъ средствѣ, надѣялся силою своего краснорѣчія одержать желанную побѣду.

— «Іосифъ, сказалъ онъ ему однажды, меня занимаетъ твоя будущность. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ ты былъ чѣмъ-нибудь замѣчательнымъ. Скажи, хочешъ-ли ты быть великимъ артистомъ, любимцемъ вельможъ и могуществомъ таланта пріобрѣсть несчетное богатство и обожаніе толпы? Маленькій Іосифъ вытаращилъ глаза на капельмейстера, непонимая, что онъ хочетъ сказать ему. Но слова: «великій артистъ, могущество таланта» поразили его и онъ невольно вспомнилъ обѣдню, которую тайно сочинялъ и уже приводилъ къ концу.

— Ну, что-же ты, отвѣчай! сказалъ капельмейстеръ, досадуя на молчаніе мальчика: сколько разъ надо тебѣ повторять? Хочешъ-ли ты найти въ музыкѣ славу и богатство?

— О, конечно! отвѣчалъ Гайднъ, пробужденный словомъ «музыка».

— Хорошо!.. Въ такомъ случаѣ возьми эту книгу и прочитай въ ней со вниманіемъ то мѣсто, которое я отмѣтилъ, а завтра ты мнѣ скажешь объ этомъ свое мнѣніе.

Книга, данная Рейтеромъ, заключала въ себѣ нѣсколько біографій знаменитыхъ современныхъ артистовъ и между прочимъ біографію пѣвца Фаринелли. Авторъ книги описывалъ весь блескъ и разнообразіе артистической жизни Фаринелли, но не забылъ также объяснить и жертву, которой онъ былъ обязанъ своимъ голосомъ и счастіемъ; причемъ распространился въ разглагольствованіяхъ даже о началѣ сопрано, объ условіяхъ его въ тогдашнее время и выгодѣ, какую музыка извлекла изъ сопрано.

Маленькій Гайднъ прочиталъ все это, но не безъ грустнаго размышленія о себѣ.

На другой день, рано утромъ, вошелъ въ скромную его келью Рейтеръ, и сказалъ съ улыбкою:

— Что, читалъ ты?

— Читалъ, учитель.

— Не правда-ли, чудная была судьба Фаринелли?

— Удивительная!

Отъ тебя зависитъ сдѣлаться славнымъ, какъ онъ, стоитъ только согласиться...

— Да, но я не соглашусь! вскрикнулъ ребенокъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ.

— Какъ!.. ты такъ глупъ, что не хочешь...

— Никогда!..

Это слово, сказанное еще рѣшительнѣе, поразило какъ громомъ капельмейстера. Великолѣпное зданіе славы и богатства, которое онъ создалъ для своего воспитанника, рушилось въ одну минуту.

Прости неподражаемое сопрано, которымъ онъ мечталъ подарить міръ! Рейтеръ сдался, но не безъ боя: онъ убѣждалъ, умолялъ мальчика, но тотъ остался непреклоннымъ и отказъ свой объяснилъ непремѣннымъ намѣреніемъ жениться. Мысль о женитьбѣ рисовала ему семейныя радости, которыми онъ былъ окруженъ съ колыбели, и которыя казались ему слишкомъ сладкими, чтобъ можно было отказаться отъ нихъ. Бѣдный Іосифъ и не предчувствовалъ тогда, въ какую бездну несчастія повергнетъ его женитьба.

Дочери парикмахера Келлера суждено было разочаровать его въ сладкихъ мечтахъ.

Кромѣ того Іосифъ замѣтилъ капельмейстеру, что всѣ, которые, подобно Фаринелли, отказались быть людьми, чтобъ пѣть, никогда не сочиняли музыки.

Все это, откровенно высказанное, внезапно объяснило учителю все.

— А каковъ этотъ мальчикъ? спросилъ онъ Рейтера, указывая. Что!.. ужъ не вздумалъ-ли ты сочинять? Да понимаешь-ли ты какъ и взяться-то за сочиненіе?

Говоря это, капельмейстеръ осматривалъ сверкающимъ взглядомъ всѣ углы комнаты, и строгій взоръ его упалъ на торчавшій изъ-подъ узла листъ нотной бумаги: это былъ неоконченный Gloria, спрятанный при входѣ учителя.

— А, тайна въ моихъ рукахъ! закричалъ капельмейстеръ. Обѣдня! ты смѣешь сочинять обѣдню!.. Гдѣ другіе листы? сейчасъ подай мнѣ ихъ, или я тебя сію минуту выгоню.

Бѣдный ребенокъ не заставилъ повторить себѣ приказаніе и принялся вытаскивать изъ своей постели такъ грозно требуемую обѣдню.

Едва только попалась она въ руки Рейтера, какъ онъ уже сталъ безжалостно критиковать ее. Возможно-ли, говорилъ онъ съ гнѣвнымъ презрѣніемъ,—ребенокъ, котораго я считалъ съ большими способностями... Гм, что за идеи!.. что за вкусъ и сколько ошибокъ!.. сколько ошибокъ!.. Несчастный! И для того, чтобъ сочинять такія нелѣпости, ты отказываешься отъ блистательной, знаменитой будущности!.. Я отъ

тебя отказываюсь, я презираю тебя!.. Поди, ты вѣчно будешь дрянным музыкантомъ, а я хотѣлъ сдѣлать тебя великимъ и богатымъ!

Капельмейстеръ вышелъ, бросивъ ноты въ лицо маленькаго Іосифа, который не могъ удержаться отъ слезъ, не столько огорченный гнѣвомъ своего учителя, какъ тѣмъ, что тотъ нашелъ его обѣдню дурною.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого происшествія, графиня де-Тунъ, знаменитая музыкантша и ревностная поклонница артистовъ, посѣтила Рейтера, который представилъ ей лучшихъ учениковъ, между которыми, разумѣется, поставилъ и Іосифа. Мальчикъ, или скорѣе молодой человѣкъ, потому-что время шло, и Іосифу Гайдну было уже четырнадцать лѣтъ, — молодой человѣкъ скромно стоялъ въ сторонѣ, бросая по временамъ на графиню робкій и грустный взглядъ. Графиня это замѣтила.

— А каковъ этотъ мальчикъ? спросила она Рейтера, указывая на вышедшаго изъ его милости ученика.

— Этотъ, отвѣчалъ учитель, шалунъ, изъ котораго ничего не выйдетъ и котораго я скоро прогоню.

II.

Обѣщаніе выгнать было скоро исполнено. Разсерженный однажды учитель выгналъ непослушнаго ученика, перваго сопрано въ мірѣ.

Іосифъ Гайднъ, свободный въ своихъ поступкахъ, предался удовольствію сочинять, не помышляя о пріисканіи средствъ къ существованію. Насмѣшки Рейтера и его собственное сужденіе убѣдили Іосифа, что онъ ничего не знаетъ. Ему нечѣмъ было платить за уроки. Купивъ нѣсколько старыхъ теорій музыки, онъ поселился на чердакѣ и принялся за работу. Онъ работалъ безъ устали; проводилъ дни и ночи передъ фортепьяно, полуизъѣденномъ червями, и, какъ самъ выражался, не завидовалъ и участи монарховъ.

Спустя нѣсколько времени, Іосифъ Гайднъ имѣлъ уже нѣсколько учениць и сочинялъ сонаты, вальсы и серенады, которые любилъ разыгрывать по ночамъ на улицахъ Вѣны съ двумя изъ своихъ пріятелей.

Одна подобная серенада, разыгранная подъ окнами арлекина Куртца, бывшаго актеромъ и директоромъ театра, доставила ему заказъ первой еще оперы «Хромоногій бѣсъ». Одна-же изъ сонатъ его принесла ему еще больше счастія: графиня де-Тунъ купила ее по рекомендаціи издателя, и такъ была восхищена ею, что пожелала познакомиться съ сочинителемъ сонаты, почему и послала просить его къ себѣ.

Іосифъ Гайднъ явился къ графинѣ, которая увидѣвъ его, сказала:

— Извините, но тутъ ошибка. Я желала видѣть г-на Гайдна, сочинителя этой сонаты, и послала за нимъ.

— Я Гайднъ, отвѣчалъ, краснѣя, молодой артистъ.

— Какъ! да если я не ошибаюсь, то видѣла васъ, не такъ давно, у Рейтера?

— Точно такъ.

— И онъ васъ выгналъ изъ своей школы, какъ ни къ чему неспособнаго шалуна?

Гайднъ потупилъ глаза и не отвѣчалъ ни слова.

— Но вѣдь вы сочинили эту сонату?

— И еще много другихъ, графиня.

— Принесите ихъ ко-мнѣ, вашъ стиль мнѣ очень нравится, и я хочу познакомиться съ вашею музыкой. Но прежде будьте откровенны... который вамъ годъ?

— Семнадцатый, графиня.

— Семнадцатый! это невѣроятно!.. Ну, говорите-же со мною, какъ съ матерью и признайтесь мнѣ, за что васъ выгналъ отъ себя Рейтеръ?

Гайднъ все болѣе и болѣе потуплялъ глаза и молчалъ.

— Ну, я вижу, что вы разскаяваетесь и это прекрасно. Ваше смиреніе и сознаніе вины располагаютъ къ снисходительности; но этого еще мало: я требую откровенной исповѣди, и только на этомъ условіи прощаю васъ.

Чѣмъ болѣе графиня настаивала, тѣмъ труднѣе становилось положеніе молодаго человѣка. Онъ не могъ придумать, какъ-бы ему поприличнѣе разсказать причину своего разрыва съ учителемъ. Наконецъ онъ пріободрился и рѣшился сказать.

— Графиня, читали-ли вы исторію Фаринелли?

— Конечно, и даже слышала его при испанскомъ дворѣ. Но, что общаго между этимъ пѣвцомъ...

— Господинъ Рейтеръ хотѣлъ...

— Ну, что-же, говорите... уже не хотѣлъ-ли онъ заставить васъ пѣть по методѣ Фаринелли?

— Точно такъ, графиня, вы отгадали.

Теперь пришла очередь графини потупить глаза и закусить губы.

Немного погодя, графиня почувствовала, что можетъ ужъ сохранить серьозный видъ, и сказала: и вы не согласились?

— Нѣтъ, графиня.

— И вашъ учитель не имѣлъ другой причины быть вами недовольнымъ?

— Рѣшительно никакой!

— Ну, если такъ, то я нахожу, что Рейтеръ былъ не правъ, и я одобряю ваше поведеніе. Фаринелли поетъ превосходно, но ему не сочинить-бы вашу сонату. Идите, другъ мой, и принесите мнѣ ваши сочиненія, а пока возьмите вотъ этотъ кошелекъ, и надѣйтесь на мое покровительство.

Въ кошелькѣ графини было двадцать пять червонцевъ, что для бѣднаго Гайдна составило богатство!

Благородная покровительница его сдержала слово и выхлопотала ему выгодное мѣсто. Молодой композиторъ радовался, что не захотѣлъ сохранить на цѣлую жизнь сопрано и пѣть по методѣ знаменитаго Фаринелли. Была этимъ очень довольна графиня, а музыкальный міръ долженъ еще болѣе быть доволенъ.

—

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ.

Общественное продовольствіе, хлѣбныя растенія и хлѣбъ. *(Изъ сочиненія Пейена).* Экономисты и ученые постоянно обращали вниманіе на различные трудные вопросы, относящіеся къ производству и распространенію кормовыхъ средствъ. Въ одно время занимались охраненіемъ народнаго здравія, въ другое-же приведеніемъ кормовыхъ запасовъ въ городахъ, крѣпостяхъ и на корабляхъ въ соотношеніе къ числу народонаселенія, гарнизона и экипажа. Но при разрѣшеніи сихъ важныхъ вопросовъ были еще очень недавно принимаемы въ руководство одни общіе факты, доставленные сомнительною практикою, и потому нельзя было избѣжать многочисленныхъ погрѣшностей и даже весьма опасныхъ промаховъ. Съ самой глубокой древности до конца послѣдняго столѣтія не было твердыхъ основаній, какія органическая химія и экспериментальная физіологія, въ-особенности въ связи одна съ другою, намъ нынѣ доставляютъ. Въ настоящее время, извлеченныя изъ этихъ наукъ познанія относительно народнаго здравія, сдѣлались въ такой степени общимъ достояніемъ, что каждый классъ народа, начиная съ богача и до тяжко-трудящагося работника, легко можетъ присвоить ихъ себѣ. И какой-же членъ общества не нуждается въ знаніи средствъ, которыя, сообразно съ его положеніемъ, могутъ доставить ему и сохранить это по справедливости завидное состояніе: mens sana in corpore sano, (здравый умъ въ здоровомъ тѣлѣ), безъ котораго нельзя себѣ представить земнаго блаженства. Главное-же условіе для достиженія этой цѣли—соразмѣрная и здоровая пища.

Но имѣютъ-ли наука и административныя мѣста въ государствѣ право дѣйствовать въ видахъ доставленія народу самыхъ здоровыхъ кормовыхъ средствъ? Во Франціи общественное мнѣніе признаетъ за ними это право; въ Англіи-же очень недавно преобладало совсѣмъ противное мнѣніе, какъ это видно изъ двухъ слѣдующихъ случаевъ, приведенныхъ сочинителемъ:

«Въ концѣ 1850 года, я былъ отправленъ министерствомъ земледѣлія въ Англію, для изученія тамъ нѣсколькихъ вопросовъ относительно кормовыхъ средствъ. Прежде изслѣдованія практическихъ данныхъ, касающихся до одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ—печенія хлѣба, и въ надеждѣ облегчить себѣ это изслѣдованіе, я счелъ нужнымъ изучить сперва постановленныя правительствомъ по этому предмету правила и возложенныя на булочниковъ Великобританіи обязанности. Всѣ увѣряли меня, что въ этомъ отношеніи лордъ Гренвиль можетъ мнѣ дать самыя лучшія наставленія, и я обратился къ нему. Вся его административная библіотека была предоставлена съ самою вѣжливою предупредительностью въ мое распоряженіе; кромѣ того лордъ Гренвиль совѣтовалъ мнѣ войти въ сношеніе съ начальникомъ полиціи, чтобъ узнать отъ него о мѣрахъ къ исполненію постановленій правительства и объ оказавшихся по этому предмету результатахъ. Удостовѣрившись, что по англійскимъ законамъ булочное мастерство свободно, что примѣсь къ хлѣбу всѣхъ питательныхъ хлѣбныхъ и стручковыхъ растеній позволительна, а употребленіе нездоровыхъ сортовъ соли и другихъ веществъ воспрещено, я отправился къ начальнику полиціи, который сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности дѣла. На вопросъ: легко-ли привести въ исполненіе предписанныя мѣры? онъ отвѣчалъ: «Могу увѣрить васъ, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, должность моя не представляетъ мнѣ никакихъ затрудненій, потому-что народъ вовсе невзыскателенъ. Англичане, знаете, желаютъ забавляться и скучать, ѣсть и пить, умирать и быть погребенными, по собственному своему обычаю, безъ содѣйствія правительства, и мы исполняемъ это желаніе, которое значительно сокращаетъ наши занятія.»

«Еще одинъ примѣръ: молодой ловкій химикъ, воспитанный въ парижскихъ лабораторіяхъ, поселился, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ Манчестерѣ и пріобрѣлъ сперва публичными лекціями, а потомъ химическими занятіями, примѣненными къ бѣленію, крашенію и металлургіи, почетную извѣстность. Его пріемы играютъ нынѣ важную роль во многихъ англійскихъ и французскихъ фабрикахъ, о чемъ свидѣтельствуютъ разныя издѣлія, привезенныя на всемірную выставку. Когда я сообщилъ ему о предметѣ моихъ занятій и просилъ у него совѣта,

онъ показалъ мнѣ описаніе многихъ произведенныхъ имъ разложеній муки и хлѣба, и изъ тщательной повѣрки результатовъ тѣхъ разложеній оказалось, что большая часть муки, привезенной въ 1847 и 1848 годахъ изъ Ливерпуля поддѣлана примѣсью риса, сорочинскаго пшена и простыхъ бобовъ; что кромѣ того хлѣбъ въ Манчестерѣ содержитъ въ себѣ почти всегда квасцы, худую соль и воду въ несоразмѣрномъ количествѣ. Занятія молодаго профессора, которыми онъ пріобрѣлъ себѣ признательность Манчестерской публики, были внезапно прерваны. Онъ самъ объяснилъ мнѣ это неожиданное происшествіе слѣдующими словами: «Я уже началъ передавать плоды моихъ трудныхъ химическихъ изслѣдованій о кормовыхъ средствахъ во всеобщее свѣдѣніе, посредствомъ изустныхъ сообщеній, какъ вдругъ появилась въ моей лабораторіи депутація отъ Манчестерскихъ и Ливерпульскихъ фабрикантовъ и купцовъ, и нѣкто изъ среды ея приступилъ, безъ всякаго предисловія къ дѣлу, объявивъ, что если стану продолжать знакомить публику съ моими мелочными изслѣдованіями въ отношеніи къ мукѣ, хлѣбу и разнымъ кормовымъ средствамъ, то я не долженъ разсчитывать на содѣйствіе ихъ къ ученію, которое безпокоитъ народъ и мѣшаетъ торговлѣ.» Понятно, что молодой химикъ принялъ тотчасъ-же другое направленіе, котораго полезные плоды не заставятъ долго ждать себя.

Это настроеніе умовъ нашелъ сочинитель въ Гласговѣ, Бельфастѣ, Эдинбургѣ, Бирмингамѣ, вездѣ въ трехъ королевствахъ преобладаетъ глубокое отвращеніе ко всему, что могло-бы сколько-нибудь затруднить ходъ и свободу торговли, не взирая даже на опасность для народнаго здравія. Однако въ новѣйшее время это настроеніе измѣнилось, и съ 1851 года Англія соперничаетъ съ Франціею и на этомъ важномъ поприщѣ общественнаго блага. Капиталисты, земледѣльцы и фабриканты обращаютъ свой трудъ и свою дѣятельность на умноженіе кормовыхъ средствъ, на продолжительное охраненіе ихъ отъ порчи и на усовершенствованіе приготовленія ихъ въ пищу.

Какимъ-же образомъ можно пріобрѣсти наидешевле и въ полезномъ для здоровья состояніи кормовыя средства изъ всѣхъ царствъ природы?

1. Хлѣбныя растенія и разводъ ихъ.

Подъ названіемъ хлѣбныхъ растеній понимаемъ мы питательное зерно многихъ породъ травъ, какъ-то: пшеницы, ржи, ячменя, овса, кукурузы (маиса) и риса. Нѣкоторые ученые причисляютъ къ этимъ растеніямъ черное и бѣлое просо, грѣчу и др. Мы станемъ говорить здѣсь о собственно тамъ называемыхъ хлѣбахъ. Пшеница имѣетъ семь различныхъ породъ, подраздѣляющихся на многочисленныя различія; но

смотря съ хозяйственной точки зрѣнія, всѣ классы приводятся къ одному, который заключаетъ въ себѣ три главные сорта: твердой, полутвердой и мягкой или бѣлой пшеницы.

Твердая пшеница—сверхъ наружныхъ признаковъ и именно своего крѣпкаго состава, способствующаго храненію ея долгое время—отличается отъ другихъ сортовъ обильностью азота и жира, и по справедливости признана самымъ питательнымъ родомъ хлѣба. Отъ нея отходитъ гораздо менѣе мякины, и получается болѣе муки, нежели отъ полутвердой пшеницы; но по причинѣ ея крѣпости, мука не такъ нѣжна, болѣе крупна, и кромѣ того не такъ бѣла.

Полутвердая пшеница, менѣе крѣпкая и труднѣе сохраняющаяся отъ порчи, употребляется во Франціи для приготовленія нѣжныхъ сортовъ муки.

Еще хрупче *мягкая* или *бѣлая* пшеница, которая даетъ хорошую муку; но крупу приготовлять изъ нея очень трудно.

Изъ обоихъ послѣднихъ сортовъ пшеницы крахмалъ и клей извлекаются безъ труда.

Посѣянная пшеница пускаетъ ростки послѣ извѣстнаго времени, которое почти вездѣ одинаково, хотя-бы средняя температура, которой она подвержена, была и очень различна; но дальнѣйшій ростъ и созрѣваніе пшеницы происходятъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ солнце и чѣмъ выше (до извѣстныхъ впрочемъ предѣловъ) поднимается температура. Такъ напримѣръ:

Въ окрестностяхъ Парижа при	13 градусахъ сред. тем.	пшеница созрѣваетъ	въ 160	дней,
близъ Цинцинати при	18-19 градусахъ	. . . . .	— 137	—
— Венецуэллѣ —	22 —	—	— 100	—
— Трухилло —	24 —	—	— 92	—

Согласно химическому разложенію, произведенному сочинителемъ вмѣстѣ съ Буссенго, пшеница, подверженная вліянію высшей температуры, даетъ больше азота, маслянистаго вещества и соли. На 100 частей.

Венецуэльской пшеницы состоитъ	22, 57 аз.,	2, 61 мас. и	3, 0 2 соли
Африканской — —	19, 5 —	2, 12 —	2, 71 —

Вообще твердая пшеница на югѣ обильнѣе азотомъ, чѣмъ мягкая на сѣверѣ, которая имѣетъ его только 16 и даже 12 %; но при сильномъ унавоженіи количество его можетъ возвыситься до 50 процентовъ.

Пшеница произрастаетъ только въ плотной песчаноглинистой почвѣ, заключающей въ себѣ нѣсколько процентовъ извести. Можно, правда,

выростить ее и на песчаной содержащей известь почвѣ, но безъ обильныхъ дождей она даетъ скудный урожай, который едва только покрываетъ издержки на обработку земли и обсемѣненіе. Тамъ, гдѣ пшеница не приноситъ прибыли, можно сѣять рожь; вообще же урожай бываетъ обильнѣе, когда почва имѣетъ достаточную глубину для произращенія плодовъ, требующихъ полотья и для заведенія искусственныхъ луговъ. И то и другое доставляетъ ту выгоду, что подавляетъ сорныя травы, умножаетъ количество навоза и возбуждаетъ дѣятельность почвы, потому что при собираніи плодовъ и при обращеніи луговъ въ пашни, земля глубоко вспахивается. Эта выгода значительно превышаетъ слабое удобреніе, происходящее отъ того, что земля, состоящая подъ паромъ, и произрастающія на ней травы всасываютъ изъ воздуха азотъ и другіе газы, которые при паханіи остаются въ почвѣ. Такимъ образомъ получаются во многихъ странахъ Англіи и Франціи богатыя жатвы.

Послѣ надлежащаго раздѣленія полей на смѣны, одно изъ главнѣйшихъ средствъ возвышенія урожайности есть осушка или дренажъ плотной или глинистой почвы. Въ этомъ отношеніи англійскіе земледѣльцы избрали самый вѣрный путь. Осушка почвы посредствомъ трубочекъ, располагаемыхъ въ землѣ въ извѣстномъ порядкѣ составляетъ величайшее улучшеніе земледѣлія въ XIX вѣкѣ, и въ пользѣ его никто уже не сомнѣвается. Теченіе застоявшейся прежде подземной воды даетъ воздуху доступъ къ корнямъ растеній; при томъ же убыль этой воды освобождаетъ почву отъ охлаждающаго ее вещества и позволяетъ растеніямъ пускать глубже корни. Наконецъ дренажъ, уменьшая сырость воздуха, отъ которой происходятъ мѣстныя лихорадки, имѣетъ также благотворное вліяніе на здоровье людей.

Сверхъ надлежащаго приготовленія почвы нужно еще тщательно выбирать посѣвное зерно, къ чему служатъ недавно открытыя весьма сильныя средства. Съ помощію Вашушевой машины здоровыя, назначенныя для посѣва зерна легко отдѣляются отъ слабыхъ, но эта предосторожность не всегда достаточна: въ здоровомъ по виду зернѣ, именно въ зарубкѣ между сѣмянными листками находится часто плодотворная пыль тунеядныхъ грибовъ. Для уничтоженія этой пыли употребляется съ давнихъ временъ негашеная известь, которую подмѣшиваютъ къ смоченному посѣвному зерну; въ настоящее время стали употреблять мышьяковую кислоту, мѣдный купоросъ и другія вещества, которыя вѣрнѣе, чѣмъ известь, приводятъ къ той же цѣли.

Количество посѣвнаго зерна состоитъ въ прямомъ отношеніи съ плодородіемъ почвы. Если хлѣба дороги, а плата работникамъ низка, то полезно сѣять зерно за зерномъ въ извѣстныхъ промежуткахъ, по-

тому что тогда можно разсчитывать на жатву, обильную въ отношеніи къ посѣву.

Время посѣва измѣняется сообразно съ климатомъ, положеніемъ поля и другими мѣстными обстоятельствами. Зимній посѣвъ долженъ быть вообще произведенъ заблаговременно, чтобъ растеніе могло развиться до той степени, что будетъ въ состояніи выдержать морозы.— Сѣяніе совершается въ Англіи и Сѣверной Франціи посредствомъ особой машины рядами; въ странахъ же, гдѣ почва не довольно плодородна, мало обработана и искрошена, этотъ способъ неудобенъ, и ему слѣдуетъ предпочесть сѣяніе въ разброску.

При жатвѣ англичане строго придерживаются правила, что вѣрнѣе, то лучше (the best is to make things sure). Жатва у нихъ производится, пока зерно еще мягко и не совсѣмъ зрѣло, причемъ не обращаютъ вниманія на погоду. Какъ только колосья срѣзаны косою, серпомъ или машиною, мужчины, женщины и дѣти спѣшатъ связывать ихъ въ снопы, которые ставятъ одинъ возлѣ другаго рядами, такимъ образомъ, что дождь не можетъ имъ повредить. Этотъ порядокъ, соблюдаемый также и при уборкѣ льна и стручковыхъ растеній предупреждаетъ потерю зеренъ, которыя при совершенной зрѣлости высыпаются отъ малѣйшаго движенія. Благодаря этому способу, земледѣлецъ получаетъ лучшее, тяжелѣйшее и удобно сохраняющееся зерно, котораго при молотьбѣ гороздо меньше убываетъ.

Во Франціи есть еще, къ сожалѣнію, много приверженцевъ старины, которые оставляютъ безъ вниманія каждый добрый совѣтъ, если примѣръ сосѣда, получившаго отъ примѣненія показанныхъ выше простыхъ правилъ лучшій урожай, не подстрекнетъ ихъ къ подражанію. Надѣемся, что поземельные владѣльцы, имѣющіе по своему образованію и положенію въ обществѣ призваніе подавать въ этомъ случаѣ примѣръ, не заставятъ долго ждать.

II Молотье хлѣба.

Чтобы понять извѣстныя причины порчи зерна, условіе полезнаго употребленія извести и другихъ показанныхъ выше веществъ и главные результаты различныхъ способовъ молотья, нужно знать устройство зерна и химическій составъ каждой части его. Возьмемъ въ примѣръ пшеничное зерно, которое отличается отъ другихъ хлѣбовъ только большимъ количествомъ клея.

Зерно состоитъ изъ внѣшней очень гибкой шелухи, изъ которой образуется мякина, и изъ внутренней, разсыпчатой части, дающей муку. Искусство мельника заключается въ томъ, чтобъ мякину совер-

щенно отдѣлить отъ муки и доставить такимъ образомъ мукѣ самую высшую бѣлизну.

По способу приготовленія крупичатой муки, употребляемому при молотьѣ мягкой или еще лучше полутвердой пшеницы, зерно проходитъ между двухъ нѣсколько отдаленныхъ одинъ отъ другаго камней, которые сдираютъ шелуху, и потомъ крупа послѣ просѣянія, мелется и даетъ прекрасную муку, изъ которой пекутъ самый нѣжный, бѣлый хлѣбъ.

Въ зернѣ пшеницы заключается шесть главныхъ питательныхъ веществъ:

а) *Крахмалъ*, которому приписываютъ свойство поддерживать въ живыхъ существахъ дыханіе и теплоту, бѣлое, мучное, легко свариваемое въ желудкѣ вещество, составляющее большую часть зерна.

б) *Азотныя вещества* (клей, волокно, сырное начало и бѣлокъ) которыя почти ничѣмъ не отличаются въ своемъ составѣ отъ мягкихъ частей въ тѣлѣ животныхъ, и потому считаются самыми питательными, такъ что питательность разныхъ кормовыхъ средствъ опредѣляется по количеству заключающихся въ нихъ означенныхъ веществъ.

в) *Декстринъ*, распускающійся въ водѣ, нѣсколько липкій, имѣетъ тотъ же химическій составъ и ту же питательность, что и крахмалъ, но еще легче сваривается въ желудкѣ.

г) *Жирныя вещества*, соотвѣтствующія разнымъ родамъ растительнаго масла; назначеніе ихъ питать въ животныхъ дыхательные органы и усиливать производство жира, т. е. они способствуютъ тучности.

д) *Клеточки*, изъ коихъ состоитъ ткань растеній, вѣроятно при химическомъ разложеніи превращаются въ крахмалъ или декстринъ.

и е) *Квасцы и земныя соли*, а именно: фосфористая известь и магнезія, имѣющія тотъ же составъ, что и минеральныя части костей, слѣдовательно назначеніе ихъ пополнять въ тѣлѣ животныхъ убыль сихъ частей и способствовать къ образованію костей.

Сравнивая количество этихъ веществъ въ разныхъ хлѣбныхъ растеніяхъ, усматриваемъ, что пшеница и въ-особенности твердая, изобилуетъ азотными веществами, овесъ и маисъ жирными, рисъ крахмаломъ, и какъ рисъ заключаетъ въ себѣ очень мало азотныхъ, жирныхъ и соляныхъ веществъ, то и даетъ самую тощую пищу.

Мякина содержитъ въ себѣ 40% несваримаго въ желудкѣ вещества, и потому можно-бы полагать, что достоинство муки безспорно состоитъ въ совершенномъ освобожденіи ея отъ этого непитательнаго вещества; между-тѣмъ еще и нынѣ есть отличные физіологи и химики,

которые желали-бы, чтобъ мука не была очищаема отъ мякины. Они основываютъ свое мнѣніе на томъ, впрочемъ истинномъ фактѣ, что въ мякинѣ находятся фосфорныя и другаго рода соли и органическія, какъ то: жирныя, крахмальныя, камедь и азотъ въ себѣ заключающіяся вещества, которыя способствуютъ пищеваренію. На это мы возразимъ: Дѣйствительно, мякина содержитъ въ себѣ вещества, растворяющія крахмалъ и облегчающія пищевареніе, и если-бъ человѣкъ былъ принужденъ питаться почти исключительно только хлѣбомъ, то въ такомъ случаѣ хлѣбная мука должна-бы заключать въ себѣ всю мякину. Но такъ не бываетъ, или по-крайней-мѣрѣ не должно быть въ образованной землѣ, даже между рабочимъ классомъ; напротивъ того, пища должна состоять, сверхъ хлѣба и замѣняющихъ его веществъ, (картофеля, риса, кукурузы) изъ мяса, рыбы, яицъ, сыра и т. п., и это нетолько потому, чтобъ она была здорова и вкусна, но даже для соблюденія экономіи. Работникъ, ограниченный въ своей пищѣ однимъ хлѣбомъ, долженъ съѣдать въ день около $4^1/_2$ фунтовъ и не смотря на то ослабѣетъ по причинѣ труднаго варенія этой пищи въ желудкѣ; но когда онъ употребляетъ мясо, положимъ не болѣе $^2/_3$ фунта въ день, тогда для него достаточно двухъ фунтовъ хлѣба, и притомъ пища его здоровѣе и крѣпительнѣе, что дознано многими опытами. Англійскіе подрядчики, которые требуютъ отъ своихъ работниковъ усиленнаго труда, поставляютъ имъ въ обязанность, чтобъ они употребляли смѣшанную (растительную и животную) пищу. Зажиточный классъ людей, по другимъ причинамъ, не ограничивается одною хлѣбною пищею; и потому, надобно заключить, что во всякомъ случаѣ выгоднѣе употреблять хлѣбъ, не заключающій въ себѣ мякины. Наклонность и даже, можно сказать, внутреннее побужденіе заставляетъ людей заботиться по возможности объ очищеніи муки отъ мякины, и на это нечего жаловаться: эта же самая мякина доставляетъ травояднымъ животнымъ пищу, до которой они очень жадны и которую перевариваютъ лучше нашего и ею замѣняютъ молоко и мясо, т. е. пищу, болѣе соотвѣтствующую потребностямъ нашего тѣла и вкуса.

На томъ основаніи начальства, завѣдующія продовольствіемъ армій и флота, постепенно уменьшали количество мякины въ хлѣбѣ и наконецъ совершенно ее устранили, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранили и одну изъ главныхъ причинъ порчи хлѣба: его броженіе.

III. Печеніе хлѣба.

Чтобы вполнѣ разрѣшить задачу: получить хорошій хлѣбъ и тѣмъ хотя посредственно дѣйствовать на здоровье людей, надобно сперва за-

ботиться о сохраненіи зерна и муки, а потомъ объ улучшеніи пріемовъ при мѣшеніи и печеніи хлѣба. Основательные и многочисленные опыты во Франціи представляютъ намъ главныя условія для разрѣшенія этой задачи.

Во-первыхъ, зерно должно быть защищено отъ насѣкомыхъ и сырости. Этой цѣли легче всего можно достигнуть, когда зерно сохраняется въ подземныхъ погребахъ, какъ въ Испаніи, Италіи и Алжирѣ; въ странахъ, имѣющихъ сырой воздухъ, слѣдуетъ употреблять для храненія зерна подвижные анбары съ отдушинами. Смотря по мѣстности, ссыпаютъ просушенное прежде зерно въ большія запертыя вмѣстилища. Для предупрежденія въ сырые годы порчи муки, нужно ее хорошо высушить.

Измѣненіе пріемовъ при заготовленіи хлѣбнаго тѣста нужно столько-же пекарямъ, сколько и потребителямъ: первые, при соблюденіи обыкновеннаго порядка, трудятся чрезмѣрно, послѣдніе же получили-бы отвращеніе къ хлѣбу, если-бъ знали о нѣкоторыхъ пріемахъ, которые сверхъ того не безвредны для здоровья. Обоимъ неудобствамъ можно пособить механическими квашнями, которыхъ модели въ десяти различныхъ видахъ были на парижской выставкѣ, и которые уже введены въ употребленіе въ большихъ богадѣльняхъ и въ слишкомъ 200 французскихъ (въ томъ числѣ 20 парижскихъ) булочныхъ. Многіе новаго устройства печи облегчаютъ труды работниковъ.

Приготовленіе хлѣба, гдѣ еще не употребляются новые сосуды, производится слѣдующимъ образомъ: закваска и мѣшеніе тѣста дѣлаются руками; мѣшеніе въ особенности требуетъ напряженныхъ усилій; рабочіе исполняютъ эту работу почти неодѣтые, и подвергаются чрезъ-то вредному дѣйствію быстрыхъ перемѣнъ температуры. Едва пройдетъ нѣсколько минутъ въ этомъ тяжеломъ трудѣ, какъ уже потъ льется съ нихъ градомъ и попадаетъ въ тѣсто, что нетолько отвратительно, но вѣроятно и вредно для здоровья потребителей, потому-что вовсе не доказано, что сильный, впрочемъ печной жаръ истребляетъ всѣ ядовитыя примѣси, могущія находиться въ хлѣбѣ. А между-тѣмъ это неудобство легко можетъ-быть устранено механическими средствами, при употребленіи которыхъ нуженъ только небольшой надзоръ со стороны пекаря. Улучшеніе въ пекарномъ мастерствѣ будетъ еще полнѣе, когда войдутъ въ употребленіе новыя печи, которыя нагрѣваются особеннымъ образомъ, такъ, что очагъ, на которомъ пекутъ хлѣбъ, не находится въ соприкосновеніи съ топливомъ. Чрезъ-то устраняется затруднительное сметаніе очага, на которомъ при теперешней методѣ остается всегда нѣсколько золы и угля, отчего корка хлѣба становится гряз-

ною. Другая, еще важнѣйшая выгода отъ новыхъ печей та, что работникамъ ненужно вытаскивать изъ нихъ раскаленные угли, дѣйствующіе вредно на зрѣніе.

Въ Англіи пекарное мастерство свободно и хлѣбъ не подверженъ таксѣ. Не смотря на соперничество пекарей, живущихъ внѣ городовъ, городскіе мастера придерживаются, по общему соглашенію, высокихъ цѣнъ, доставляющихъ имъ гораздо больше барыша, нежели французскимъ пекарямъ, обязаннымъ продавать хлѣбъ по таксѣ. Килограмъ (2½ фунта) хлѣба стоитъ въ Парижѣ пятьдесятъ и въ Лондонѣ 62 сантима (12 и 15 коп.)

Какъ во Франціи, такъ и въ Англіи устройство большихъ пекарныхъ заводовъ встрѣчаетъ донынѣ неодолимыя препятствія. Неоспоримо то, что подобный заводъ можетъ дѣйствовать съ пользою только тамъ, гдѣ ему обезпеченъ сбытъ хлѣба въ богадѣльни, училища и другія публичныя заведенія, что даетъ ему возможность употреблять силу паровъ и вводить другія улучшенія, которыхъ издержки могутъ-быть покрыты только значительнымъ сбытомъ.

Требованія, которымъ пекарное мастерство должно удовлетворять, бываютъ различны: съ одной стороны надобно приготовлять для зажиточныхъ людей высокаго сорта хлѣбъ, съ другой большинство народонаселенія обращаетъ вниманіе на дешевизну этого продукта. Понятно, что интересъ этого большинства играетъ здѣсь первую роль. Въ разныя времена появлялись мнимые изобрѣтатели средствъ дешево заготовлять хлѣбъ. Изслѣдованія спеціальныхъ коммиссій доказали, что всѣ эти изобрѣтенія состоятъ въ примѣси къ хлѣбному тѣсту картофеля, мякины или риса, толченаго или цѣльнаго.

Примѣсь значительнаго количества (15 30%) картофеля требуетъ предварительнаго сваренія, очищенія и затруднительнаго раздробленія картофеля, что значительно увеличиваетъ издержки на работу. Притомъ хлѣбъ, состоящій изъ смѣси картофеля и муки, темнѣе и тверже хлѣба, заготовленнаго изъ чистой муки, не такъ питателенъ, а обходится почти во столько-же, какъ и послѣдній. Во всякомъ случаѣ вареный картофель, употребленный въ пищу въ обыкновенномъ видѣ, дешевле того, который превращенъ въ хлѣбъ.

Мякина, подбавляемая къ мукѣ, должна-быть крѣпко промыта холодною водою или кипяткомъ, который насыщается притомъ крахмальною, липкою влагою и служитъ вмѣсто чистой воды къ разжиженію закваски. Отъ этой примѣси хлѣбъ выходитъ больше и тяжелѣе; но этою обманчивою прибавкою объема и вѣса онъ обязанъ водѣ, оставшейся въ немъ послѣ печенія; притомъ-же такой хлѣбъ вкусомъ и бѣ-

лизною далеко уступаетъ хлѣбу, изготовленному изъ чистой муки, и можетъ заключать въ себѣ болѣе или менѣе вредныя для здоровья вещества, прилипшія къ мякинѣ.

Третье средство даетъ на видъ удовлетворительные результаты. Если сварить 5 килограмовъ риса въ 65 килограмахъ воды и къ этой похлебкѣ прибавить 95 киллограм. муки, то выйдетъ 140—142 кил. хорошаго хлѣба, тогда какъ 100 кил. чистой пшеничной муки даетъ только 133—135 кил. хлѣба; но и здѣсь излишекъ вѣса состоитъ изъ воды, и слѣдовательно не имѣетъ, въ отношеніи къ питательности, никакого достоинства.

Находится-ли затѣмъ пекарь вовсе не въ состояніи содѣйствовать къ уменьшенію цѣнъ на хлѣбъ? Постараемся это разсмотрѣть.

Въ годы, когда недостаточность урожая хотя и не угрожаетъ голодомъ, но возвышаетъ цѣны на хлѣбъ, возвышеніе это происходитъ отъ дѣйствительнаго недостатка, составляющаго или превышающаго двухнедѣльную пропорцію потребности края. Каждое изъ упомянутыхъ выше улучшеній, одно безъ другихъ, въ состояніи покрыть этотъ недостатокъ, и какъ онъ составляетъ во Франціи едва 4% годовой потребности, то ясно, что примѣсь къ мукѣ $^1/_{24}$ части другихъ питательныхъ, способныхъ къ обращенію въ хлѣбъ веществъ, пополнило бы весь недочетъ, въ слѣдствіе чего цѣны на муку понизились бы и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшились бы издержки края на продовольствіе.

Способнѣе другихъ хлѣбныхъ растеній къ достиженію этой цѣли и безвреднѣе для здоровья: рисъ, маисъ, который принесъ значительное благодѣяніе Ирландіи во время голода, происшедшаго отъ болѣзни картофеля, бобы, ячмень и рожь. Небольшая прибавка этихъ веществъ къ хлѣбу понизила бы цѣнность его, не производя никакихъ другихъ неудобствъ. Но, спросятъ, почему же не употреблять вмѣсто хлѣба рисъ, сваренный въ водѣ, какъ въ Индіи, или маисъ въ видѣ густой массы, какъ въ Италіи, или наконецъ бобы, какъ особое блюдо? Зачѣмъ превращать сперва эти вещества въ хлѣбъ? Потому, что нигдѣ во Франціи народъ не станетъ довольствоваться этими средствами и не повѣритъ, что безъ извѣстной порціи хлѣба или того, что имѣетъ видъ хлѣба, можно быть сытымъ. Крестьяне въ Ландахъ пекутъ лепешки изъ маиса и даютъ имъ названіе хлѣба, который они ѣдятъ даже тогда, когда онъ уже заплеснѣлъ и сталъ очень вреденъ для здоровья. Въ Дофине заготовляютъ хлѣбъ огромныхъ размѣровъ не болѣе двухъ или трехъ разъ въ годъ; правда, что этотъ хлѣбъ твердъ, какъ камень, и что при сырой погодѣ на немъ растутъ грибы — это не мѣшаетъ; его ѣдятъ, какъ бы вредны ни были послѣдствія этой пищи: все же

она — хлѣбъ. При такомъ пристрастіи французскаго народа къ хлѣбу и при равнодушіи его къ матеріяламъ, изъ которыхъ хлѣбъ приготовляется, нѣтъ другаго средства, кромѣ предложеннаго нами къ покрытію недостатка въ хлѣбѣ.

Обратимся къ хлѣбу, составляющему предметъ роскоши. Въ Парижѣ и Лондонѣ пекутъ фантастическія булочки, которыя приносятъ булочникамъ значительный барышъ и позволяютъ имъ продавать обыкновенный хлѣбъ по низшимъ цѣнамъ. Въ Лондонѣ есть булочники, которые продаютъ свои булки всякихъ формъ и величины каждый разъ дороже; этотъ разсчетъ былъ бы непонятенъ тому, кто незнаетъ, что въ этой странѣ знать, а въ подражаніе ей и большая часть гражданъ, находитъ удовлетвореніе своего честолюбія въ томъ, чтобъ покупать все дороже, чѣмъ простой народъ. Этой отборной публикѣ предоставлены вездѣ первыя мѣста и первые, а иногда и вторые дни входа за извѣстную плату во всѣ зрѣлища.

Въ Лондонѣ хлѣбъ, составляющій предметъ роскоши, раздѣляется на три главные сорта. 1) Rolls, такъ названные отъ ихъ цилиндрической формы, бываютъ простые, двойные или плетенные, имѣютъ различную толщину. Въ сущности этотъ сортъ не отличается отъ обыкновеннаго хлѣба; только тѣсто мѣсится лучше, получаетъ больше дрозжей, и потому рыхлѣе простаго. 2) Muffins, бѣлые, легкіе кружки съ тонкою коркою; 3) третій сортъ только по имени принадлежитъ къ высшимъ сортамъ хлѣба, наравнѣ съ которыми имѣетъ высокую цѣну, потому что онъ состоитъ изъ муки, не совсѣмъ очищенной отъ мякины и иногда смѣшанной съ ржаною мукою. Этотъ сортъ хлѣба производитъ дѣйствіе легкаго слабительнаго и употребляется дважды или трижды въ недѣлю.

Въ Парижѣ дѣлаютъ болѣе десяти сортовъ хлѣба для богатыхъ людей. Есть, напримѣръ, хлѣба, имѣющіе видъ кубовъ, цилиндровъ, палокъ съ нѣжною, мало поджаренною коркою, булочки, которыя кушаютъ вмѣстѣ съ кофе, вѣнскія булки на молокѣ и т. п. Особеннаго вниманія достойно приготовленіе слѣдующаго сорта хлѣба: пшеничное тѣсто кладется подъ тонкую струю воды, которая извлекаетъ изъ него крахмалъ и растворяющіяся въ водѣ вещества, клей же, лишаясь такимъ образомъ нѣкоторыхъ составныхъ частей, стягивается и образуетъ тягучую, упругую массу, которая прилипаетъ къ стѣнкамъ сосуда. Этимъ простымъ способомъ легко отдѣляется отъ клея крахмалъ, который осѣдаетъ на дно въ водѣ: въ настоящее время способъ этотъ замѣнилъ прежній вредный порядокъ добыванія крахмала посредствомъ кислаго и гнилаго броженія.

Прежде для отдѣленія крахмала жертвовали клеемъ; теперь отдѣльно

отъ крахмала получается и клей, который весьма питателенъ. Иногда употребляютъ его съ супомъ вмѣсто самыхъ лучшихъ овернскихъ, ліонскихъ и италіянскихъ макаронъ, которымъ онъ ни въ чемъ не уступаетъ; иногда же подмѣшиваютъ его къ хлѣбу, который становится отъ того гораздо питательнѣе. Хлѣбъ, приготовленный изъ равныхъ частей муки и свѣжаго клея, легокъ, удобосваримъ и долго сохраняется. По мнѣнію Бушардо, хлѣбъ бываетъ еще полезнѣе для здоровья, если свѣжій, влажный клей, прежде смѣшенія съ мукою, подвергается жару отъ 60 до 100 градусовъ. Этотъ хлѣбъ стали съ нѣкотораго времени употреблять для противодѣйствія болѣзни, такъ называемаго сахарнаго мочеваго поноса, который бы могъ усилиться отъ употребленія обыкновеннаго хлѣба.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что наука имѣетъ рѣшительный голосъ при изслѣдованіи различныхъ вопросовъ, относящихся къ разведенію хлѣбныхъ растеній и къ приготовленію хлѣба. Значительнаго возвышенія урожая этихъ растеній слѣдуетъ ожидать отъ сѣянія на поляхъ широколиственныхъ растеній, отъ искусственныхъ луговъ и отъ осушки низменныхъ пространствъ. Новые способы сохраненія зерна отъ порчи предохраняютъ насъ отъ голода. Правильныя методы молотьбы и печенія хлѣба распространяются уже въ Англіи и Франціи. Въ Алжирѣ успѣхи колонизаціи развиваютъ земледѣліе. 1855 годъ своимъ, хотя и незначительнымъ недостаткомъ урожая, еще болѣе убѣдитъ въ необходимости примѣненія науки къ разведенію и приготовленію хлѣба, составляющимъ основаніе народнаго продовольствія.

—

Мехика, до завоеванія ея испанцами. Кто способенъ рѣшить задачу, описать Мехику, какъ она была до покоренія испанцами? Только тотъ, кто видѣлъ всѣ чудеса міра и избираетъ своихъ слушателей между людьми, которые жили въ Венеціи и въ Константинополѣ, взирали на Гренаду съ высотъ Альямбры и изслѣдовали развалины Ѳивъ, Вавилона и Ниневіи.

Принадлежности самыхъ великолѣпныхъ городовъ въ свѣтѣ были здѣсь (въ Мехико) соединены и то, чѣмъ единственно гордился какой-либо славный городъ, составляло только одну изъ многочисленныхъ прелестей этой царицы городовъ. И потому неудивительно, что необразованный испанскій воинъ (Берналь Діазъ) могъ найти что-нибудь подобное въ однихъ только фантастическихъ романсахъ своей родины.

Подобно Гренадѣ, окруженная горами, но не затемненная, какъ Венеція, украшенная и качаемая морскими волнами, величественная въ своихъ зданіяхъ, какъ древній Вавилонъ, и богатая садами, какъ Дамаскъ, Мехика была въ-то время прекраснѣйшій въ свѣтѣ городъ и донынѣ не имѣетъ въ этомъ отношеніи соперниковъ. На подобіе прелестной женщины, дочери двухъ царственныхъ родовъ, соединившей въ себѣ нѣжную, кроткую и тонкую обворожительность Юга съ бѣлокурою, голубоокою, скромною красотою Сѣвера и обладающей сердцами всѣхъ, кто ее видѣлъ, Мехика поднялась изъ пучинъ, увѣнчанная блестящими башнями, одѣтая цвѣтущими лугами и опоясанная величественными горами, и по женскому обычаю радовалась отблеску своей красоты, отражающейся въ ея безчисленныхъ улицахъ, дворахъ, чертогахъ и храмахъ.

Еще и въ томъ отличается этотъ городъ отъ многихъ своихъ сестеръ, что красота ихъ только издали заманиваетъ путешественниковъ, и по мѣрѣ приближенія къ городу уменьшается, пока наконецъ не перейдетъ въ положительное безобразіе; Мехика-же прекрасная въ отдаленіи, сохраняетъ все свое великолѣпіе даже тогда, когда ее разсматриваетъ въ-самомъ близкомъ разстояніи критическій взоръ наблюдателя. Она была столицею нетолько великаго государя, но и трудолюбиваго и богатаго народа.

Низойдя къ подробностямъ, мы убѣдимся, что описаніе это нисколько не преувеличено и не исполнено фантазіи. Мехика была расположена среди обширнаго солянаго озера, соединеннаго съ другимъ прѣснымъ озеромъ, къ ней вели три огромныя плотины, возведенныя изъ камня и широкія, говоря живописнымъ языкомъ испанцевъ, въ два копья. Одна изъ этихъ плотинъ имѣла въ длину двѣ, а другая полторы легоа, и обѣ эти дороги сходились въ центрѣ города, гдѣ возвышался большой храмъ. По концамъ плотинъ находились деревянные висячіе мосты, посредствомъ которыхъ можно было прервать всѣ сообщенія съ городомъ и обратить его въ цитадель. Былъ также и водопроводъ отъ материка къ городу, состоявшій изъ двухъ каменныхъ каналовъ, чтобы на случай поврежденія одного изъ нихъ, жители не терпѣли недостатка въ водѣ.

Постройка улицъ отличалась разнообразіемъ, какого не видѣлъ никакой другой городъ на землѣ. Однѣ шли по твердому грунту, другія были совсѣмъ въ водѣ; въ иныхъ находились вымощенные тротуары, между которыми оставалось мѣсто для лодокъ, такъ что пѣшеходцы могли бесѣдовать съ гуляющими по водѣ. Надобно замѣтить, что городъ, выстроенный такимъ-образомъ, требуетъ благоразумнаго и нравственно образованнаго народонаселенія.

Чертоги есть вездѣ, гдѣ обитаютъ государи; но помѣщеніе мехиканскихъ государей не имѣло ничего общаго съ бѣдными дворцами европейскихъ владѣтелей. Одинъ изъ самыхъ внимательныхъ между испанцами, которые первые увидѣли эти чудеса, говоритъ о дворцѣ Монтезумы, что въ немъ находилась зала, гдѣ могли съ удобствомъ помѣститься три тысячи человѣкъ, и что на крышѣ этого дворца, устроенной какъ терасса, можно было-бы сдѣлать блистательный турниръ. Главная площадь была вдвое больше той, которая находится въ Саламанкѣ, и окружена крытыми, опиравшимися на колоннахъ ходами, въ которыхъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ имѣли мѣсто для покупокъ и продажи.

Большой храмъ отличался соотвѣтственнымъ благолѣпіемъ. На планѣ города, находящемся въ одномъ изъ первыхъ появившихся въ Нюренбергѣ изданій писемъ Кортеса къ Карлу V, храмъ этотъ занимаетъ пространство въ двадцать разъ большее, нежели то, которое было подъ главною городскою площадью. Дѣйствительно, священная ограда заключала въ себѣ свой собственный городъ и Кортесъ, который рѣдко прерываетъ свой ужасный рапортъ похвалами или ненужными описаніями, говоритъ, что человѣческій языкъ не въ силахъ изобразить величіе и особенности этого храма. Кортесъ употребляетъ слово «храмъ», но скорѣе можно-бы назвать его «священнымъ городомъ», потому-что въ немъ заключались нетолько многочисленные храмы, но и жилища всѣхъ приставленныхъ къ нимъ жрецовъ и дѣвицъ, университетъ и арсеналъ. Онъ былъ окруженъ высокими каменными стѣнами, въ которыхъ находилось четверо воротъ съ башнями. Внутри стѣнъ возвышалось неменѣе двадцати усѣченныхъ пирамидъ, вѣроятно покрытыхъ снаружи порфиромъ и выше всѣхъ возносился храмъ, посвященный божеству войны. Онъ также имѣлъ видъ усѣченной пирамиды и былъ снабженъ кругомъ полочками, а на вершинѣ двумя башеньками, на которыхъ находились истуканы великаго божества войны Гуитцилопохтли и верховнаго божества, мехиканскаго юпитера, Тецкатлипука.

Къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что входъ въ эти, снаружи столь красивыя зданія, много способствовалъ къ уменьшенію удивленія, которое Мехика прежде возбуждала. Храмы и чертоги, стройныя блестящія башни, птичники, терассы, сады на крышахъ домовъ—плѣнявшіе взоръ различными красками цвѣтовъ, не такъ какъ въ Дамаскѣ, гдѣ были только розы и жасмины, однимъ словомъ, весь этотъ веселый, красивый, великолѣпный городъ уходилъ изъ памяти, при невыразимомъ отвращеніи, какое долженъ былъ возбуждать въ душѣ зрителя видъ гадкихъ, помазанныхъ кровью идоловъ, предъ которыми лежали трепе-

тавшія еще сердца только что убитыхъ жертвъ и которымъ одѣтые въ черныя платья, грязные, съ нечесаными волосами жрецы, подносили отвратительныя лепешки изъ муки и человѣческой крови.

«Пусть-же войдетъ страшный Кортесъ», можно-бы воскликнуть тому, кто былъ свидѣтелемъ этихъ ужасовъ и зналъ, что для прекращенія ихъ идутъ уже вооруженные люди.

За всѣмъ тѣмъ это совокупленіе красоты и преступленій, которое было въ Мехикѣ, вовсе не новое явленіе: почти вездѣ открывается что-нибудь подобное, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Просвѣщеніе идетъ рука объ руку, съ самыми гнусными мерзостями—эту противоположность находимъ и въ нынѣшнее время, можетъ-быть даже въ собственной нашей груди; слѣдовательно мы должны смотрѣть на приходъ въ Мехику мстителей съ нѣкоторымъ чувствомъ сожалѣнія къ жестокимъ и кровожаднымъ идолопоклонникамъ.

Чтобы читатель не упрекалъ историка въ слишкомъ большомъ снисхожденіи къ варварству мехиканцевъ, пусть онъ себѣ вообразитъ, что христіанство возникло не въ Старомъ, а въ Новомъ свѣтѣ, что перуанскій Коломбъ открылъ путь чрезъ Атлантическій океанъ съ Запада на Востокъ, и что мехиканскіе миссіонеры прибыли въ первомъ столѣтіи послѣ Рождества Христова въ Римъ. Принятые отъ Кесаря съ почестями, какъ посланники варварскаго государства и введенные съ придворною свитою въ колизей, съ какимъ отвращеніемъ, съ какимъ ужасомъ смотрѣли-бы эти благочестивые люди на зрѣлище, которое представилось-бы предъ ними. Люди, терзаемые хищными животными и не изъ сколько-нибудь уважительныхъ побужденій худо понятаго рвенія къ религіи, а единственно для удовлетворенія испорченной страсти римлянъ къ удовольствіямъ, изъ низкаго тщеславія учредителей этихъ зрѣлищъ и въ видахъ пріобрѣтенія ими постыдной популярности. «Посѣтители этихъ кровавыхъ зрѣлищъ настоящіе дикари» вскричали-бы наши миссіонеры, «и между ними находятся женщины! Въ нашихъ глазахъ золотые дворцы, марморныя колоннады, крытые ходы, безчисленныя, прекрасно изваянныя статуи, которыя мы видимъ у этого варварскаго римскаго народа, потеряли всю прелесть. Поспѣшимъ-же обратить его въ христіанство».

А между-тѣмъ Старый свѣтъ постоянно гордился своимъ Римомъ, и еще теперь говоритъ о римлянахъ, какъ объ образцахъ житейскаго усовершенствованія.

—

Составныя части чая. Сочинитель одной весьма поучительной статьи «Объ измѣненіяхъ, происшедшихъ съ XVI-го вѣка въ пищѣ европейскихъ народовъ, говоритъ между прочимъ: «Чайные листки содержатъ въ себѣ очень много питательныхъ веществъ, такъ, что употребляя ихъ, какъ зелень, мы могли бы питаться ими такъ же успѣшно, какъ горохомъ или бобами Характерическія частицы, заключающіяся въ чайныхъ листьяхъ, суть: теинъ, летучее масло и дубильная кислота. Послѣдняя придаетъ чайному отвару цвѣтъ. Она растворяется въ водѣ гораздо медленнѣе, нежели теинъ и летучее масло, и потому, когда чай долго настаивается, то подъ конецъ вода извлекаетъ изъ него почти исключительно одну только дубильную кислоту, отъ которой чай получаетъ стягивающій вкусъ, но вѣроятно не пріобрѣтаетъ нисколько свойственнаго ему оживительнаго дѣйствія на человѣческій организмъ, хотя впрочемъ и противное тому мнѣніе можно защищать. Дубильную кислоту извлекаютъ изъ дубовой коры, и какъ извѣстно, употребляютъ при дубленіи кожъ. Нашъ желудокъ подвергается также подобной выдѣлкѣ, когда мы употребляемъ чай, въ которомъ растворено много дубильной кислоты; онъ бываетъ буквально выдубленъ, въ слѣдствіе чего, по мнѣнію нѣкоторыхъ химиковъ, страстные охотники до чая, какъ напр., англичане, принуждены заправлять свой супъ пряными кореньями и употреблять въ такомъ излишествѣ горчицу, перецъ, соль и т. п. — Что дубильная кислота дѣйствительно находится въ нашихъ чайникахъ, въ этомъ каждый можетъ легко убѣдиться. Желуди, подобно чаю, содержатъ въ себѣ дубильную кислоту, которая вмѣстѣ съ растворомъ желѣзнаго купороса, даетъ письменныя чернила; влейте-же въ краснобурый отваръ чая нѣсколько растворенпаго желѣзнаго купороса, и получите довольно хорошія чернила. Во стѣ лотахъ чаю заключается одинъ лотъ летучаго масла, которое имѣетъ въ высокой степени запахъ и вкусъ чая. Вѣроятно наркотическое свойство чая происходитъ отъ этого масла, которое причиняетъ людямъ, пробующимъ чаи, головную боль и тошноту. Потому-то китайцы оставляютъ всегда чай на одинъ годъ безъ употребленія, чтобы въ это время часть масла улетучилась, а какъ годъ и болѣе времени проходитъ прежде, чѣмъ чай изъ Китая достигнетъ до насъ, то намъ нечего уже опасаться этого летучаго масла.

—

Самое крошечное изъ извѣстныхъ нынѣ животныхъ. Наименьшее изъ всѣхъ животныхъ, инфузорій, имѣетъ видъ точки; оно въ двѣ тысячи разъ меньше линіи (т. е. 20,000 разъ меньше дюйма), но можетъ

вырости до такой величины, что будетъ только пятьсотъ разъ меньше линіи. Въ одной каплѣ воды могутъ помѣститься пять милліоновъ этихъ животныхъ. У нихъ нѣтъ ни глазъ, ни хвоста. Цѣпляясь одно къ другому, эти животныя образуютъ разныя формы: нитки, винты, щетинистые кружки, рога и трубки, вложенныя одна въ другую, какъ трубки телескопа. Многія изъ нихъ, сжимаясь, получаютъ новыя формы: одни прикрѣпляются къ какимъ-либо предметамъ, другія плаваютъ свободно. — За этими живыми точками, слѣдуютъ животныя, имѣющія вокругъ рта волоски, которыми они производятъ въ водѣ волненіе и подвигаютъ къ себѣ кормъ. Они двигаются также посредствомъ этихъ волосковъ, которыми шевелятъ по произволу, они-же вмѣстѣ съ длиннымъ тонкимъ хвостикомъ служатъ имъ для управленія ихъ движеніями. Движенія эти бываютъ вращательны, кругообразны или совсѣмъ неправильны. По мнѣнію Либиха, въ водѣ, заключающей въ себѣ живыя инфузоріи, образуется подъ вліяніемъ солнечнаго цвѣта источникъ чистѣйшаго кислорода. Онъ говоритъ: «Съ той минуты, когда эти животныя появляются въ водѣ, она перестаетъ дѣйствовать вредно на растенія и высшихъ животныхъ. Мы должны считать самыхъ многочисленныхъ инфузорій (краснаго и зеленаго цвѣта) удивительною причиною удаленія изъ воды всѣхъ веществъ, вредныхъ для жизни высшихъ классовъ животныхъ, и источникомъ, изъ котораго растенія получаютъ пищу, а животныя необходимый для дыханія кислородъ; они не производятъ гніенія и не происходятъ отъ дѣйствія вредныхъ началъ, какъ это полагали прежде». Шредеръ думаетъ, что въ воздухѣ носятся маленькія тѣла: зародыши растеній и животныхъ, даже тогда, когда ихъ нельзя замѣтить. Воображеніе можетъ дѣйствовать здѣсь свободно. Если каждый солнечный лучъ наполненъ тѣлами, изъ которыхъ должна въ послѣдствіи произойти жизнь, то нечего удивляться, что инфузоріи, по причинѣ своей легкости, бываютъ уносимы бурею надъ цѣлыми морями и краями. Эренбергъ серьозно говоритъ, что раковинки на Берлинскихъ башняхъ занесены изъ южной Америки. Родоваго оплодотворенія яичекъ у инфузорій, согласно новѣйшимъ наблюденіямъ Штейна и другихъ, нѣтъ, а множатся они посредствомъ твердыхъ зернышекъ, находящихся въ мягкихъ частяхъ ихъ тѣла. По словамъ Гейнрихса, уже открыто 700 различныхъ видовъ инфузорій, и каждая мѣстность имѣетъ свойственную себѣ микроскопическую фавну и флору. Инфузоріи сцѣпляются вмѣстѣ ужасными громадами и придаютъ краску цѣлымъ прудамъ. Каждый кубическій дюймъ биллинскаго полирнаго камня состоитъ изъ четырехъ сотъ одиннадцати тыс. мил. инфузорій, которыхъ сто восемьдесятъ семь мил. идетъ на вѣсъ одного грана ($^1/_{20}$

золотника). Твердый кремень и мягкій черноземъ, а равно другія породы земель образованы изъ подобныхъ-же животныхъ.

—

IV. ПУТЕШЕСТВІЯ, СЦЕНЫ И НРАВЫ.

Смотръ войскамъ въ Китаѣ. Въ занимательной книгѣ: «Странствованія по Китаю,» сочиненія Гука и Габета, описанъ слѣдующимъ образомъ одинъ большой смотръ войскамъ: «Въ день смотра воины позавтракали, надѣли соломянныя шляпы и черные съ широкими алыми полосами кафтаны. На кафтанахъ спереди и сзади находился кусокъ бѣлой матеріи съ надписью пингъ, т. е. солдатъ. Мы, миссіонеры, отправились также поглядѣть на смотръ, который былъ сдѣланъ на песчаной равнинѣ передъ городомъ. Воины пришли малыми отрядами, вооруженные ружьями, луками, копьями, саблями, шпагами и даже пилами на длинныхъ шестахъ, щитами изъ бамбуковой плетенки и такъ называемыми полевыми змѣями, которымъ плеча двухъ солдатъ служили вмѣсто лафетовъ. Въ этой пестрой толпѣ мы замѣтили однако *одно* сходство: каждый солдатъ имѣлъ вѣеръ, трубку, многіе несли также и зонтики подъ мышкою. На одномъ концѣ площади сдѣлано было изъ досокъ возвышеніе, на которомъ стоялъ громадный зонтикъ, окруженный знаменами, вымпелами и фонарями; къ чему должны были служить послѣдніе, этого мы никакъ не могли понять, потому что солнце свѣтило ярко. На возвышеніи находились инспекторъ войскъ и высшіе гражданскіе и военные мандарины. Они позаботились о своемъ удобствѣ, усѣлись въ кресла, пили чай и курили табакъ; лакей ходилъ кругомъ съ горящимъ фитилемъ, не для того, чтобъ палить изъ пушекъ, а чтобъ зажигать табакъ въ трубкахъ. Въ разныхъ мѣстахъ были устроены передовыя укрѣпленія изъ бамбуковыхъ палокъ и крашеной бумаги. Парадъ начался: сигналъ былъ поданъ выстрѣломъ изъ полевой змѣи, при чемъ судьи, бывшіе на возвышеніи, зажали себѣ обѣими руками уши. Въ крѣпости выставили желтый флагъ; барабаны загремѣли; солдаты стали бѣгать въ разныя стороны, кричать, толпиться кругомъ знамени своей роты, и старались сколько-нибудь составить порядочный строй; но успѣли въ томъ только отчасти. Потомъ производился мнимый бой, съ разными движеніями. Едва-ли можно представить себѣ что-нибудь болѣе комическое, какъ этотъ китайскій смотръ. Солдаты бѣгаютъ впередъ, назадъ, скачутъ, прыгаютъ, прячутся за щитомъ, будто хотятъ высмотрѣть непріятеля, поды-

маются быстро, рубятъ вправо и влѣво и стремятся съ крикомъ: побѣда, побѣда! Можно подумать, что предъ вами толпа акробатовъ. Пока продолжается это потѣшное сраженіе, офицеры, стоящіе на возвышеніи, машутъ знаменемъ и показываютъ болѣе или менѣе быстрыми движеніями, какое жаркое дѣло тамъ происходитъ. Какъ только знамя наклонится, сражающіеся отдыхаютъ, и каждая рота отправляется на свое мѣсто. Послѣ этого большаго сраженія маневры производились отборными отрядами; они были довольно хорошо выучены, но и ихъ движенія показались намъ смѣшными. Англійская артиллерія легко управилась-бы съ людьми, которыхъ вся солдатская ловкость состоитъ въ томъ, что они дѣлаютъ разные прыжки и могутъ долго стоять на одной ногѣ, не теряя равновѣсія. Стрѣлки и лучники цѣлились въ кружокъ и показали большую ловкость. Китайскія ружья не имѣютъ прикладовъ, но у нихъ есть рукоятки, какъ у пистолетовъ, и потому стрѣляя, ихъ упираютъ не въ плечо, а въ бедро; прежде, чѣмъ прижгутъ затравку горящимъ фителемъ, всматриваются въ цѣль, не заботясь вовсе о ружьѣ. Мы убѣдились, что китайцы не прицѣливаются, а стрѣляя поступаютъ такъ, какъ мы, бросая камнемъ въ какой-либо предметъ.

Мы сказали уже, что полевыя змѣи не имѣютъ лафетовъ, а лежатъ на лѣвыхъ плечахъ двухъ солдатъ, которые придерживаютъ ихъ правыми руками. Эти человѣческія подпорки представляютъ во время стрѣльбы удивительное зрѣлище. Они стараются сохранить спокойствіе и величіе души, но положеніе ихъ столь критическое, что они содрогаются и дѣлаютъ гримасы. Правительство, въ своей отеческой заботливости объ этихъ змѣеносцахъ, сдѣлало умное распоряженіе, чтобъ уши ихъ были заложены хлопчатою бумагою, и мы убѣдились собственными глазами, что это распоряженіе исполняется. Что съ пушками этого рода не много можно сдѣлать, о томъ нечего и говорить. Смотръ кончился общимъ приступомъ къ передовымъ укрѣпленіямъ. Тактика осталась для насъ совершенно непонятною, и мы не могли угадать, что значатъ эти странные марши и движенія; но въ крикѣ не было недостатка. Наконецъ перестали махать знаменами; мандарины, сидѣвшіе на возвышеніи, встали и воскликнули: «побѣда», и вся солдатчина повторила троекратно всѣмъ горломъ тоже восклицаніе.

—

V. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ.

Англійскіе туристы въ Террачинѣ. * Есть островъ, а на этомъ островѣ королевство, которое носитъ громкое и длинное названіе Великобританіи. Жители этой сторонки британцы, или англичане, или проще энгличи—народецъ совершенно особеннаго устройства. Они очень любятъ свою родину, гдѣ имъ не житье, а раздолье, гдѣ они купаются въ туманахъ, гдѣ съ наслажденіемъ дышатъ ѣдкимъ дымомъ каменнаго угля. Не смотря на то, получивъ возможность разстаться съ милою родиною, англичане безъ оглядки спѣшатъ во вражебную Галлію, летятъ подъ благословенное небо Италіи, наводняютъ материки обоихъ свѣтовъ и все для того, вѣроятно, чтобъ послѣ, съ большимъ комфортомъ поперхнуться роднымъ дымомъ и зачахнуть въ родномъ туманѣ отъ полноты патріотическаго восторга. O patria! Для нихъ дѣйствительно—*и дымъ отечества и сладокъ и пріятенъ*, хотя онъ и портитъ бѣлье, и вредитъ легкимъ. Вѣчные странствователи—всюду скитаются они, во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ, съ сотнями футляровъ, шкатулокъ, бауловъ, мѣшковъ и чемоданчиковъ, и всюду нетерпимы за глупую надмѣнность и смѣшныя выходки британизма. Въ Европѣ или въ Америкѣ, если вы встрѣтите фургонъ, нагруженный англійскимъ семействомъ, то смѣло можете сказать, что видѣли Англію въ миніатюрѣ, или по-крайней-мѣрѣ, любопытнѣйшую часть этого острова, прогуливающуюся на четырехъ колесахъ по бѣлому свѣту.

Фургонъ обыкновенно вылощенъ, построенъ удобно, прочно, хоть два столѣтія катайся въ немъ, кузовъ покоится на такихъ эластичныхъ рессорахъ, что рытвины и толчки не мѣшаютъ путешественникамъ предаваться поэтическому созерцанію природы, а тѣмъ болѣе собственной личности. Нѣжно колеблемые, они странствуютъ въ сладостномъ раздумьи о вестфальскихъ окорокахъ, о пуддингѣ, портерѣ, честерѣ и джинѣ. Въ глубинѣ, сквозь дверцы, виднѣется широкая, раскраснѣв-

* *Террачина*, приморскій городъ, построенный въ древности Вальсками, которые назвали его *Anxur*, отсюда получилъ свое имя *Iupiter Anxurus*, упоминаемый Виргиліемъ. Фасадъ храма Юпитера еще существуетъ, онъ утвержденъ на толстыхъ марморныхъ колоннахъ. Здѣсь видны также развалины замка, принадлежавшаго Ѳеодорику и остатки Аппіевой дороги. Положеніе этого города, построеннаго на скалахъ бѣлаго камня, вѣрно обозначено Гораціемъ.—Террачина пользуется умѣреннымъ климатомъ, виды ея окрестностей живописны. Террачина—послѣдній городъ римской области и служитъ границею между Романіею и королевствомъ Неаполитанскимъ.

шаяся личность лондонскаго гражданина, рядомъ съ нимъ супруга его, муміеобразная барыня; на передней скамьѣ двѣ или три юныя дщери, съ свѣтлыми локонами, разсыпанными по плечамъ; иногда между сестрицами лѣпится угловатая фигура братца, въ бѣломъ галстухѣ, съ неопредѣленно-дерзкою улыбкой. На козлахъ господствуетъ жирный, краснорожій кучеръ, а за каретою возсѣдаютъ лакей, горничная и тощая миссъ гувернантка съ офиціально-форменной физіономіей.

Таковъ былъ экипажъ альдермана Попкинса, въ день его въѣзда въ Террачину въ 1855 году. Посланный имъ слуга опередилъ почтенное семейство, чтобъ все приготовить къ достойному пріему его. Посланный былъ неаполитанецъ, за словами въ карманъ не лѣзъ и, разумѣется насказалъ съ три-короба небылицъ о званіи и богатствѣ своего лорда. Трактирщикъ и жена его приняли альдермана Попкинса съ выраженіемъ глубочайшаго уваженія, расточая на каждомъ шагу, кстати и не кстати, титулы *Eccellenza, Illustrissimo, Magnifico и Principe.*

Всѣ совѣтовали его сіятельству взять отрядъ, для безопасности, до Итріи, но его сіятельство, съ чувствомъ собственнаго достоинства отвѣчалъ, что ему бояться нечего, что если кто коснется его имущества, то онъ принесетъ жалобу англійскому посланнику въ Неаполѣ и тогда преступленіе это сдѣлается народнымъ дѣломъ, возгорится война за оскорбленіе чести Англіи, и всю Италію превратятъ въ груду пепла, посредствомъ собственныхъ кораблей и наемнаго войска.

Принцесса Попкинсъ, съ своей стороны, питала слѣпую довѣренность въ могущество Великобританіи и своего достойнаго супруга, человѣка столь важнаго въ торговомъ ряду. Сеньорина Попкинсъ, твердо полагалась на храбростъ братца Тома, который когда-то учился драться на кулачкахъ, а братецъ Томъ гордо подтверждалъ, что ни одинъ итальянскій бандитъ не дерзнетъ помѣряться силами съ англичаниномъ, сильнымъ въ теоріи бокса. Трактирщикъ пожалъ плечами, выразительно показалъ на ладонь, и фургонъ *милорда* Попкинса отправился въ путь.

Дѣвицы Попкинсъ, одаренныя поэтическимъ воображеніемъ, приходили въ восторгъ отъ живописности мѣстоположенія, сравнивали природу съ описаніями англійскихъ поэтовъ и глубоко вздыхали, поднимая голубые глаза къ лазурному небу.

Между-тѣмъ фургонъ началъ подниматься на крутизну горы. Въ то время, какъ бѣлобрысыя дѣвы предавались поэтическимъ воспоминаніямъ, мистрисъ Попкинсъ, убаюканная качаніемъ фургона, предалась сладостному забытью; Томъ осыпалъ бранью почтарей, а мистеръ Попкинсъ, чтобъ разойтись, покинулъ свое сѣдалище и шествовалъ мѣрною по-

ступью. Потъ градомъ катилъ съ чела почтеннаго джентльмена, который поминутно вздыхалъ, произнося какія-то невнятныя междометія. Но несмотря на свое дородство, мистеръ Попкинсъ опередилъ фургонъ, тяжело поднимавшійся съ грузомъ мистрисъ Попкинсъ, мисъ Попкинсъ и отъѣвшейся челяди.

Достигнувъ вершины горы, почтенный альдерманъ остановился и вздохнулъ полною грудью. Важный трудъ былъ свершенъ — теперь оставалось спускаться по отлогому скату. Мистеръ Попкинсъ окинулъ взоромъ мѣстность. Боже! какая чудная мѣстность: горы, а тамъ пропасти, а тамъ еще горы, а тамъ опять пропасти—настоящая Италія. Этого въ туманномъ Альбіонѣ и съ фонаремъ не встрѣтишь.

Вотъ тамъ, на скалѣ, пріютился пастухъ, завернувшись въ длинный плащъ... кажется спитъ... надо взглянуть.. недалеко... Можно-ли англичанину не воспользоваться случаемъ потолковать съ пастухомъ и не взять у него урокъ итальянскаго языка? Вздумано-сдѣлано. Мистеръ Попкинсъ сворачиваетъ съ прямой дороги и отправляется знакомиться съ пастухомъ. Но по мѣрѣ приближенія къ желанной цѣли, почтенный альдерманъ чувствуетъ, что ему какъ-то становится неловко, даже очень неловко и страшно. Пастухъ отдыхалъ на скалѣ, закутавшись въ длинный плащъ, на головѣ у него была круглая остроконечная шляпа, съ широкими полями. Кажется—чего бы тутъ бояться,—но свирѣпое выраженіе смуглаго лица, но густыя брови, изъ-подъ которыхъ сверкали дикіе взгляды, но огромные усы и борода—уфъ! поневолѣ повѣришь мистеру Попкинсу! Увидѣвъ толстаго альдермана, пастухъ всталъ, подозвалъ свою собаку и подошелъ къ мистеру Попкинсу, которому онъ показался гигантомъ неизмѣримаго роста, потому-что бѣдный мистеръ Попкинсъ, обладая тучностью, не могъ похвалиться ростомъ: онъ былъ небольше лилипута, и люди средняго роста ему всегда казались голіаѳами. Необъяснимая тоска овладѣла смущенною душею лондонскаго гражданина, онъ уже началъ раскаяваться, что покинулъ фургонъ, что пріѣхалъ въ Италію; въ эту минуту онъ могъ-бы такъ спокойно присутствовать на торгахъ Лондонской биржи. Однако, скрѣпивъ сердце, онъ завязалъ съ пастухомъ разговоръ по-итальянски, *in-bocca inglese* о красотѣ итальянскаго неба, о жатвѣ, о цѣнѣ тонкорунныхъ овецъ...

Вдругъ пронзительные крики и шумъ прерываютъ бесѣду; мистеръ Попкинсъ глядитъ со скалы внизъ, и чтоже представляется его изумленному взору... Фургонъ окруженъ бандитами. Одинъ уперъ колено въ грудь толстому лакею, другой схватилъ Тома за накрахмаленный галстухъ и угрожаетъ ему пистолетомъ; третій потрошитъ ножемъ его чемоданъ; четвертый расправляется съ мистрисъ Попкинсъ и

выгружаетъ ея карманы; мисъ Попкинсъ и горничная ломаютъ руки и испускаютъ вопли отчаянія.

Боже! при этомъ зрѣлищѣ, мистеръ Попкинсъ объятъ тройнымъ гнѣвомъ мужа, отца и судьи; не разсчитывая на свои силы, онъ уже готовъ броситься на помощъ своему семейству, но желѣзная рука невиннаго пастуха схватываетъ его за грудь. Пастухъ вооруженъ, у него за поясомъ пистолеты. Что дѣлать? Окаменѣлый отъ ужаса, бѣдный альдерманъ принужденъ остаться невольнымъ зрителемъ хищничества. При его глазахъ опустошаются чемоданы съ удивительною быстротою; платья, драгоцѣнныя вещи разбросаны по землѣ въ безпорядкѣ вмѣстѣ съ венціянскими четками, римскими мозаиками; дамскими шляпками, чепчиками, поддѣльными цвѣтами и локонами! — Вотъ его собственные штиблеты, вотъ его ночные колпаки, жабо, накрахмаленные галстухи, а вотъ духи и помада несчастнаго Тома!

Глубокіе вздохи вылетали изъ груди достойнаго члена лондонскаго Сити при видѣ такого разбоя, но онъ молчалъ и не смѣлъ пошевельнуться... Пастухъ крѣпко держалъ свою жертву.

О Небо! злодѣи не довольствуются грабежомъ, они готовятся увезти мистрисъ Попкинсъ, обѣихъ миссъ Попкинсъ, Тома Попкинса, кучера, лакея... горничную. Вдругъ пронзительный свистокъ раздался въ ушахъ оцѣпенѣвшаго альдермана; мнимый пастухъ освободилъ его и исчезъ... Бандиты спасаются бѣгствомъ, покидая плѣнниковъ и плѣнницъ, но унося добычу... Изъ-за горы показываются солдаты—и всѣ спасены.

Черезъ минуту, мистеръ Попкинсъ находился уже въ объятіяхъ своей семьи и помогалъ женѣ, дочерямъ, сыну и слугамъ приводить въ порядокъ разбросанныя вещи... Можете себѣ представить какой безпорядокъ, какое опустошеніе надѣлали итальянскіе бандиты въ имуществѣ англичанина туриста!

Дѣлать нечего, семейство Попкинсъ усѣлись въ фургонъ и съ горемъ пополамъ возвратилось въ Фонди. (*) Дорогою достойный альдерманъ разобралъ дѣло по пунктамъ и осудилъ всѣхъ бандитовъ на ссылку въ Ботани-Бей; мистрисъ Попкинсъ держала сторону своего супруга, но юныя мисъ Попкинсы защищали виновныхъ: по ихъ мнѣнію, всѣ бандиты имѣли чрезвычайно романическія лица; ихъ начальникъ былъ вѣроятно какой-нибудь несчастный любовникъ, которому измѣнила не-

(*) *Фонди*, маленькій городокъ Неаполитанскаго королевства, расположенъ на довольно обширной равнинѣ, при озерѣ того же имени.

вѣрная, и онъ, съ отчаянія началъ разбойничать. Мисъ Попкинсъ очень нравилась *живописная* сцена внезапнаго нападенія.

Возвратясь въ гостиницу, мистеръ Попкинсъ принялся громко жаваться на безчестный поступокъ итальянскихъ бандитовъ.

— «Возможно-ли—говорилъ онъ,—обобрали меня кругомъ, меня, Попкинса, члена британскаго правительства.. да это неслыханное дѣло въ лѣтописяхъ міра... Годдемъ!.. я надѣюсь вся Британія вступится за мою честь... я десять лѣтъ сряду альдерманомъ былъ...

— А между тѣмъ, ваша честь, атаманъ шайки настоящій *galant uomo*!—отвѣчалъ флегматически трактирщикъ.

— Вѣжливъ! очень вѣжливъ! — повторилъ раздосадованный альдерманъ.. Въ Англіи я бы мигомъ повѣсилъ этого фешьонебля.

— Если *la sua Eccelenza* угодно будетъ выслушать меня, — возразилъ трактирщикъ,—я постараюсь доказать, что атаманъ настоящій *galant uomo!*

— Ахъ! папа, — вскричали въ одинъ голосъ мисъ Попкинсы, — пусть онъ разскажетъ исторію предводителя бандитовъ!

— Довольно и того, что меня ограбили его разбойники!

— Отъ этого намъ хуже не будетъ, если мы услышимъ занимательную исторію, — благоразумно замѣтила мистрисъ Попкинсъ.

— Ну, пусть расказываетъ! — отвѣчалъ смягченный альдерманъ, изъ этого мы еще извлечемъ новые пункты къ его обвиненію.

— Вы увидите, ваше сіятельство, — началъ трактирщикъ, — вы увидите, что атаманъ Джіакомо умѣетъ жить въ свѣтѣ.

«Вотъ есть здѣсь у насъ, въ Фонди, очень ученый человѣкъ, ростомъ-то онъ не великъ, да разумомъ его Господь не обидѣлъ. Онъ любитъ древнія развалины, какъ ваши англійскія сеньоры — хорошій сыръ, — а старыхъ медалей лучше ему и не показывай. Онъ ихъ набралъ порядочно, и всегда носитъ при себѣ въ кожаномъ мѣшечкѣ..... У насъ всѣ знаютъ маленькаго dottore и широкій карманъ его сюртука, въ которомъ всегда болтается толстая рукописная тетрадь.

«Однажды онъ собрался, чѣмъ свѣтъ, на поиски въ замокъ Ѳеодорика, котораго развалины громоздятся на крутыхъ скалахъ — надъ самой Террачиной. Не пилъ онъ, не ѣлъ — все рылся, и пробылъ тамъ до глубокой ночи... Вдругъ слишитъ шумъ... огладывается, мое почтеніе! что за сбродъ—не то поселяне, не то охотники... кто ихъ разберетъ... Рожи такія неприличныя... задорныя. Маленькій dottore съ разу понялъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло и струсилъ не на шутку. Ноги у него подкосились, а зубы застучали, какъ кастаньетты, когда наши дѣвушки тарантеллу выплясываютъ... Струсилъ-то онъ, видите, не

за деньги.... денегъ у него не водится... а за свои медали, за дорогую рукопись, за старые часы, величиною съ дыню, къ которымъ прицѣплено у него многое-множество допотопныхъ печатокъ, да за античное кольцо... а кольцо-то настоящій антикъ, ваше сіятельство, самый рѣдкій антикъ....

— Ну, и разбойники отняли у него все, какъ у насъ! вскричалъ съ нетерпѣніемъ альдерманъ.

— Вотъ и видно, что ваше сіятельство еще не знаете атамана Джіакомо!

— Я его незнаю, годдемъ! а кто-же меня держалъ за воротъ, когда несчастное семейство мое находилось въ опасности... Жена, дѣти, мои чемоданы, все погибало, а онъ меня держалъ... и я немогъ вырваться изъ его желѣзныхъ лапъ...

— Позвольте, ваше сіятельство, — атаманъ Джіакомо очень вѣжливъ... Маленькій dottore, не смотря на свой испугъ, пожелалъ добраго здоровья и хорошей удачи охотникамъ...

— Да вѣдь и я ему желалъ... Самъ, годдемъ, полѣзъ къ нему на скалу, да еще какъ раскланялся съ нимъ...

— Позвольте, ваше сіятельство... Охотники потрепали по плечу маленькаго dottore и пригласили его съ собою. Волею неволею добрячекъ поплелся за молодцами, хоть билось у него сердечко и подкашивались ноги. Самъ онъ мнѣ послѣ разсказывалъ... Есть на горѣ дрянной трактиръ, настоящая старая рухлядь (и трактирщикъ самодовольно оглядѣлся, какъ-бы сравнивая бѣдную корчму съ своей гостиницей). Джіакомо позвалъ доктора туда освѣжиться; dottore принялъ приглашеніе... отказаться-то было невозможно!.. У дверей поставили часоваго, сѣли за столъ, и бѣднякъ dottore, у котораго во весь день ни крошки во-рту небыло, съ удовольствіемъ пропустилъ стаканъ вина, потомъ другой, потомъ принялись ужинать. Старикъ хоть и дрожалъ, да виду не показывалъ. Пошла бесѣда, стали говорить о томъ, о другомъ, dottore увѣрился, что онъ встрѣтился съ настоящими бандитами... люди ничего-себѣ, учтивые... все такіе деликатные... просто, изъ шалости въ разбойники пошли...

— Слышишь, папа, они учтивые деликатные! вскричали чувствительныя миссъ Попкинсъ,—мы сами угадали это, по выраженію ихъ лицъ!

— Рожи, какъ у Ньюгетскихъ висѣльниковъ! проворчалъ альдерманъ Попкинсъ.

— Правду сказать,—продолжалъ трактирщикъ,—для этихъ молод-

цевъ укокошить человѣка все-равно, что зайца убить, а подстрѣлить путешественника у нихъ считается дѣломъ очень обыкновеннымъ...

— О Боже! трагически вскричала мистриссъ Попкинсъ, закрывая лицо руками, — они навѣрно застрѣлили-бы насъ, еслибъ мы стали защищаться.

— Безъ всякаго сомнѣнія, — ваша свѣтлость, — спокойно отвѣчалъ трактирщикъ. — Но, къ счастію его сіятельство, — и онъ насмѣшливо поклонился альдерману, — къ счастію, его сіятельство, оставаясь возлѣ атамана, воспрепятствовалъ кровопролитію!

— Будто-бы! воскликнулъ мистеръ Попкинсъ.

— Не скажу, чтобъ съ удовольствіемъ слушалъ *dottore* разсказы о грабежахъ и объ удачныхъ схваткахъ... нѣтъ, онъ потихоньку ощупывалъ свой завѣтный мѣшечекъ, медали, часы и рукопись и думалъ: «Скорѣе я самъ сдѣлаюсь разбойникомъ, а ужъ ни за-что въ мірѣ не отдамъ моихъ сокровищъ!

— Хороши сокровища!—проворчалъ альдерманъ, пожимая плечами. У меня они взяли не старыя мѣдныя медали, а свѣтленькія англійскія гинеи, которыя въ цѣлой Европѣ принимаются по курсу...

— А мои брильянты... кольца!... прибавила мистрисъ Попкинсъ.

— Что-же, они отняли драгоцѣнности у маленькаго антикварія?— съ любопытствомъ спросила миссъ Попкинсъ.

— Увидите, Signorina, увидите. Пришло время разставаться. Маленькій докторъ вздумалъ скрыть свои драгоцѣнности, вытащилъ другой кошелекъ, въ которомъ была кой-какая мелочь и хотѣлъ расплатиться, думая, что атаманъ не станетъ его обыскивать. — Стой! — сказалъ тогда синьоръ Джіакомо: Ты вѣдь богачъ... (при словѣ *богачъ* докторъ затрясся всѣмъ тѣломъ): да, ты богачъ, — повторилъ атаманъ, — но богатства твои у тебя въ головѣ... къ чему мнѣ твои драгоцѣнности, которыя ровно ничего не стоятъ!—Какъ къ чему! вскричалъ докторъ, забывая свой страхъ и думая только о важности своихъ антиковъ. Джіакамо разсмѣялся.

— Послушай,—сказалъ онъ,—вся твоя старая мѣдь, часы и поддѣльное кольцо...

— Кольцо мое — поддѣльное! неправда! — вскричалъ докторъ.

— За всю эту дрянь я и паоло не дамъ—продолжалъ Джіакомо. Но послушай меня, старина, не таскайся одинъ въ другой разъ по лѣсамъ... Воздухъ тамъ, видишь, не слишкомъ здоровъ, да и не всѣ штукари знаютъ, какъ Джіакомо, что голова антикварія не стоитъ ружейнаго заряда. Ты хорошо поужиналъ, я тебя угостилъ, теперь прощай и отправляйся съ Богомъ, куда знаешь!...

Вотъ вамъ и разсказъ, ваше сіятельство, — извольте видѣть, — прибавилъ трактирщикъ въ видѣ нравоученія, — атаманъ Джіакомо не простой бандитъ, онъ не станетъ убивать безъ причины... Джіакомо настоящій gallant uomo!...

— Твоему gallant uomo не миновать висѣлицы! — утвердительно сказалъ обиженный альдерманъ.

— Онъ ужъ давно болтался-бъ на веревочкѣ, еслибъ это случилось въ Англіи,—замѣтила мистриссъ Попкинсъ.

— Да, но мы не въ Англіи,—возразили бѣлокурыя сестрицы,— и если мы встрѣтимъ его въ другой разъ — непремѣнно помѣстимъ портретъ Джіакомо въ нашъ альбомъ.

Томъ ничего не сказалъ; у него еще горло болѣло отъ тисковъ, которыми наградила его рука мускулистаго бандита; впрочемъ онъ болѣе досадовалъ за измятое жабо; однакожъ, садясь въ фургонъ и видя военный отрядъ, который долженъ былъ ихъ сопровождать, онъ проворчалъ, съ британскою флегмою: «Я доволенъ этой встрѣчей; у Джіакомо хорошіе боксеры!... Я не надѣялся встрѣтить такихъ молодцовъ въ Италіи!»

—

VI. АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ И НОВОСТИ.

Завидная старость.—Не въ одномъ холодномъ климатѣ люди доживаютъ до глубокой старости, и въ тепломъ встрѣчаются подобные же примѣры. Италіянская газета «*Эхо*» расказываетъ объ одномъ невольникѣ, живущемъ близъ Ріо-Жанейро въ Бразиліи, что ему 109 лѣтъ отъ роду, фамилія его Томасъ-Сильва, родился онъ въ 1747 году. У него четырнадцать сыновей женатыхъ, а у нихъ 160 человѣкъ дѣтей. У внуковъ этого старика 70 внучатъ, у которыхъ въ живыхъ пятеро дѣтей. Всего же 235 человѣкъ въ четырехъ поколѣніяхъ. Императоръ Бразильскій удостоилъ Томаса пенсіи. Онъ человѣкъ крѣпкаго сложенія и въ состояніи пройти пѣшкомъ верстъ тридцать въ день.

Оригинальное письмо. Сафиръ, редакторъ Вѣнской газеты «Humoriste,» прошлымъ лѣтомъ былъ въ Парижѣ и не въ мѣру поистратился. Незная у кого изъ знакомыхъ занять денегъ, онъ рѣшился прямо обратиться къ барону Ротшильду, который зналъ его лично. По этому онъ написалъ ему слѣдующее письмо:

Милостивый Государь!

«Будьте такъ добры, одолжите мнѣ шесть тысячъ франковъ и навсегда забудьте преданнаго вамъ Сафира.»

Деньщикъ-поваръ. На дняхъ встрѣтился я съ однимъ знакомымъ, который выставя мнѣ сжатый кулакъ, спросилъ: четъ или нечетъ?

— Нечетъ, отвѣчалъ я.

— Онъ открылъ руку, въ ней были три монеты.

— Я угадалъ, сказалъ я, скажи же мнѣ, что я выигралъ?

— Я остался въ выигрышѣ, сказалъ онъ; дѣло состояло въ томъ, чтобъ знать, кто кого изъ насъ угоститъ обѣдомъ. Ты выигралъ обѣдъ, а я удовольствіе тебя угостить. Шесть часовъ, пора, пойдемъ обѣдать.

Я взялъ его подъ руку и собирался перейти улицу.

— Куда-же ты идешь?

— Да къ тебѣ.

— Ко мнѣ! нѣтъ, я тебя зову обѣдать именно потому, что не хочу обѣдать дома, зайдемъ въ этотъ трактиръ, онъ довольно хорошъ; но обожди, я только отправлю къ моему Шарлю вотъ это письмо.

— Какъ! къ твоему слугѣ?

— Да. Я ему пишу, что не обѣдаю дома, чтобъ онъ меня не ждалъ и ничего для меня не оставлялъ.

Во время обѣда я сказалъ своему знакомому:

— Хотѣлось-бы мнѣ спросить тебя кой-о-чемъ, да боюсь показаться нескромнымъ.

— Не бойся.

— Зачѣмъ приготовилъ ты дома письмо къ лакею, а не сказалъ ему просто чего хочешь?

— Неловко было. Вотъ въ чемъ дѣло: когда я, тому шесть мѣсяцевъ, вышелъ въ отставку, я успѣлъ выхлопотать отставку и моему бывшему деньщику Шарлю. Мы такъ привыкли другъ къ другу, что не возможно было намъ разлучиться.

— Баринъ, сказалъ онъ мнѣ, я знаю сколько вамъ назначено пенсіона, знаю сколько вы получаете изъ дому, тутъ роскошничать не на что, но я хочу, чтобъ вы держали лошадь и были всегда одѣты какъ слѣдуетъ полковнику. Уже съ годъ учусь я готовить кушанье у товарища, бывшаго поваромъ, и мнѣ кажется, что я теперь это дѣло понимаю не хуже его. Значитъ вамъ не нужна будетъ кухарка, не нуженъ и слуга: я за всѣхъ.

Мы устроились и все пошло ладно. Но, должно-быть, учитель Шарля былъ предрянной поваръ, ты себѣ не можешь представить какія онъ мнѣ иногда подаетъ блюда. Потерявъ терпѣніе, я ему сказалъ:

— Шарль, у тебя слишкомъ много дѣла, найми мнѣ кухарку.

— Полковникъ, вы можетъ-быть хотите мнѣ этимъ сказать, что я не умѣю готовить кушанье?

— Нѣтъ, любезный другъ, отъ стараго солдата и требовать больше нельзя...

— Вамъ не изъ чего нанимать кухарку, для этого пришлось-бы пожертвовать лошадью. Но если вамъ не нравится мой столъ, то я пожалуй отойду, я лишній въ домѣ.

Зная, что онъ человѣкъ съ рѣшительнымъ характеромъ, я ему сказалъ:

— Столъ твой очень хорошъ; но мнѣ кажется, я-бы охотнѣе обѣдалъ въ трактирѣ.

— Вамъ нельзя обѣдать въ трактирѣ, не пожертвовавъ кресломъ въ италіянской оперѣ. Но сдѣлайте одолженіе, скажите мнѣ прямо, что мой столъ вамъ не нравится, я отойду и пріищу вамъ вмѣсто себя человѣка, которымъ вы будете довольны.

— Но ты знаешь, Шарль, что мы разлучиться не можемъ.

— Въ такомъ случаѣ, я прошу не перемѣнять ничего въ заведенномъ порядкѣ.

На другой день онъ мнѣ подалъ соусъ и казался имъ очень довольнымъ. Я никогда и въ военное время не ѣдалъ такой гадости.

— Полковникъ, что-же вы не кушаете?

— Мнѣ ѣсть не хочется.

— Можетъ-быть вамъ это блюдо не нравится?

— Не то, чтобъ не нравилось, а просто аппетита нѣтъ.

— Я сдѣлалъ, что могъ; если вамъ не нравится какъ я готовлю, то я лучше поступлю опять въ полкъ.

— Оно мнѣ очень нравится.

— Это дѣло другое.

На другой день Шарль мнѣ подалъ тоже блюдо, подогрѣтое.

— Вчера вамъ это блюдо нравилось, надѣюсь что сегодня у васъ аппетитъ лучше.

Подобная сцена часто возобновлялась. Теперь у меня дома стоитъ языкъ подъ зеленью; языкъ этотъ долженъ сегодня въ третій разъ явиться на столъ, я былъ въ необходимости его или съѣсть, или обѣдать внѣ дома, вотъ я—подъ предлогомъ встрѣчи съ старымъ товарищемъ, котораго роль ты играешь, и обѣдаю въ трактирѣ.

Обѣдъ нашъ кончился, полковникъ прибавилъ:

— Дай мнѣ выйти одному: Шарль поджидаетъ меня у входа, я его видѣлъ изъ окошка. Онъ что-то подозрѣваетъ и знаетъ, что ты

не военный. Если я выйду одинъ, ему не будетъ извѣстно, съ кѣмъ я тутъ обѣдалъ.

— Такъ прощай, полковникъ, да незабудь, что завтра я тебя спасаю отъ твоего повара-эконома.

— Съ большимъ удовольствіемъ; во что-бы то ни стало надобно избавиться отъ этого проклятаго языка. Онъ можетъ быть намѣренъ и завтра его подать, и всѣ мои усилія кончатся тѣмъ, что я наконецъ принужденъ буду съѣсть его однимъ днемъ позже. Но у меня есть для избѣжанія этого другое средство, которымъ я дня за три воспользовался: я всталъ ночью и выбросилъ изъ окна подобное-же блюдо, сказавъ потомъ, что мнѣ страшно захотѣлось ѣсть, и что я все очистилъ.

—

Замѣчательное спасеніе отъ ядовитыхъ змѣй. Тому лѣтъ около двѣнадцати, расказываетъ англичанинъ, былъ я отправленъ на островъ Цейлонъ для разведенія кофейныхъ плантанцій въ тамошнихъ лѣсистыхъ мѣстахъ и для открытія такимъ образомъ новой отрасли промышлености, составляющей нынѣ одну изъ главнѣйшихъ во всей колоніи. Вся внутренность острова нынѣ покрыта кофейнымъ деревомъ, въ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли непроходимые лѣса, теперь получаются отъ деревъ этихъ значительные доходы. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я былъ назначенъ, лѣса находились далеко одинъ отъ другаго такъ, что мнѣ надобно было проѣхать десять англійскихъ миль, чтобъ попасть къ ближайшему европейскому сосѣду. Для пѣшехода дорога къ нему была самая трудная, верхомъ даже ее со страхомъ предпринимали, она проходила по скаламъ, оврагамъ, колючимъ растеніямъ, чрезъ глубокую рѣку, которую надо было переплывать на лошади.

Но это все пустяки, стоитъ только привыкнуть, главное, что европеецъ скоро теряетъ охоту и терпѣніе предпринимать подобныя путешествія; тогда ему необходимо, для сохраненія здоровья, перемѣнить мѣсто жительства на такое, гдѣ-бы заключалось болѣе удобствъ.

Въ такомъ пустынномъ уединеніи всѣ занятія поселенца дѣлаются наконецъ несносными, скучными, и человѣкъ поневолѣ долженъ искать развлеченія. Поэтому и я нашелъ себѣ разныя другія занятія: читалъ, писалъ, вычислялъ, чертилъ планы и велъ, посредствомъ почты, обширную переписку съ знакомыми въ Европѣ. Между прочимъ завелъ я у себя множество куръ и другихъ птицъ, но никогда изъ нихъ не зарѣзывали ни одной для стола, а нужныхъ для кушанья покупали у туземцевъ. Птицы жили у меня долгое время, дѣлались ручными, нравы ихъ и обычаи становились мнѣ до того извѣстными, что я назы-

валъ ихъ именами тѣхъ знакомыхъ, въ которыхъ замѣчалъ сходный съ ними характеръ. Многіе изъ читателей будутъ смѣяться, что я утверждаю, что между курами есть прилежныя, лѣнивыя, флегматическія, живыя, задорныя, мирныя, смѣлыя, трусливыя, могу однакоже увѣрить, что всякій тоже самое замѣтилъ-бы, еслибъ, подобно мнѣ, жилъ съ ними въ одной комнатѣ.

Ни въ чемъ не находилъ я больше удовольствія, какъ въ томъ, что число куръ моихъ возрастало. Я теперь самъ смѣюсь, вспоминая заботы мои о цыплятахъ, которые высиживались обыкновенно у меня подъ кроватью. Для защиты ихъ отъ разныхъ непріятелей стояло у меня въ углу комнаты двуствольное ружье, заряженное дробью. Однажды, въ темную ночь, крикъ курицы далъ мнѣ знать объ угражавшей молодому семейству опасности. Я тотчасъ всталъ, взялъ ружье, но невидѣлъ шумѣвшую курицу: она съ цыплятами своими сидѣла въ корзинкѣ подъ столомъ. Схвативъ корзинку нашелъ я, что въ ней нѣтъ курицы съ цыплятами, что она собравъ ихъ, за исключеніемъ одного, оставшагося въ корзинкѣ, сидѣла въ углу комнаты; необыкновенная тяжесть корзинки меня не мало удивила; въ эту минуту пришла мнѣ мысль, не змѣя-ли въ ней; долго не думая, выстрѣлилъ я въ корзинку и опрокинулъ ее.

Выстрѣломъ этимъ разбудилъ я своего слугу, который тотчасъ вошелъ со свѣчею. Мы посмотрѣли подъ корзинку и нашли двухъ змѣй отъ трехъ до четырехъ футовъ длины, убитыми. Это были не обыкновенныя змѣи, а двѣ изъ самыхъ ядовитыхъ, называемыхъ здѣсь полонга, которыхъ укушеніе смертельно. Спасшись такимъ-образомъ отъ смерти, я благодарилъ Провидѣніе, не допустившее меня коснуться змѣй руками, или разбудить ихъ при поднятіи корзинки. Странно также, что при попеченіи моемъ о цыплятахъ, мнѣ не пришло въ голову вынуть изъ корзинки оставшагося тамъ цыпленка. Явно, что самъ Богъ сохранилъ меня, иначе смерть моя была-бы неизбѣжна.

—

Уборы древнихъ Египтянокъ. Для Египетскихъ женщинъ, замѣчаетъ сочинитель занимательной въ особенности для дамъ статьи: *Серебряныя и золотыя издѣлія и украшенія*» гребенка была необходимою частію туалета. Гребенки были выдѣлываемы изъ дерева, слоновой кости и бронзы, съ золотыми украшеніями и имѣли видъ разныхъ животныхъ. Булавка, отъ трехъ до четырехъ дюймовъ въ длину, служила для прикрѣпленія къ волосамъ покрывала; у знатныхъ она была золотая съ богато-украшенною головою. Серьги состояли изъ большихъ широкихъ колецъ, золотыхъ и серебряныхъ, имѣвшихъ ино-

гда два или три дюйма въ поперечникѣ. Находили также серьги въ видѣ змѣй, съ драгоцѣнными камнями, иногда нѣсколько, до шести колецъ были приклѣплены одно къ другому. На простыхъ колечкахъ бывали шарики стекляные или изъ дорогихъ камней, также природныя или искусственныя жемчужины, раковины и украшенія изъ жженой глины, въ различныхъ видахъ. Изъ тѣхъ же веществъ были выдѣлываемы ожерелья, которыя состояли также изъ обдѣланныхъ кусковъ золота, перемѣшанныхъ съ зернышками аметистовъ, агатовъ, смарагдовъ и другихъ дорогихъ камней, и образовавшихъ длинныя нитки, обвитыя нѣсколько разъ вокругъ шеи. Крючки изъ золота и серебра въ фантастическихъ формахъ застегивали платья, у мужчинъ и женщинъ, на груди или на плечахъ. Браслеты и перстни были также въ употребленіи у лицъ обоего пола, и состояли у высшихъ классовъ общества изъ золота и серебра, рѣже изъ бронзы, желѣза и слоновой кости. Для низшихъ сословій они выдѣлывались изъ менѣе дорогихъ матеріяловъ. Видъ змѣи встрѣчается часто и въ браслетахъ, и перстняхъ; нерѣдко они были украшаемы камнями, рѣзьбою и гравировкою. На нихъ видны имена божествъ, славныхъ или почитаемыхъ людей, священныя животныя и цвѣты. Браслеты имѣли часто видъ простыхъ колецъ, широкихъ иногда въ нѣсколько дюймовъ. Перстни также состояли изъ кольца, на которое былъ надѣтъ жукъ. Деревянная египетская статуя въ британскомъ музеѣ объясняетъ намъ, какимъ образомъ женщины распредѣляли тогда кольца между своими пальцами. На лѣвой рукѣ находимъ одно кольцо на большомъ пальцѣ и одно на мизинцѣ; на указательномъ перстѣ три и на прочихъ двухъ пальцахъ по два кольца. Въ настоящее время мы считали бы такое обремененіе рукъ дюжиною колецъ истиннымъ торжествомъ безвкусія.

—

Пальмерстонъ и два французскіе писателя. Александръ Дюма разсказываетъ: «Однажды Викторъ Гюго и я были приглашены къ обѣду герцога Деказа. Въ числѣ гостей находились лордъ Пальмерстонъ и его жена. Это было, разумѣется, до февральской революціи. Въ половинѣ одиннадцатаго часа вечера подали чай; я сидѣлъ всторонѣ, возлѣ Гюго и разговаривалъ съ нимъ. Лордъ и леди Пальмерстонъ пришли поздно, такъ, что не было времени представить насъ имъ передъ обѣдомъ, а послѣ стола забыли о томъ, и потому, по англійскому обычаю, они не могли говорить съ нами. Тутъ молодой герцогъ Деказъ пришелъ къ намъ и сказалъ: «Любезный Дюма, лордъ Пальмерстонъ проситъ васъ оставить между вами и Викторомъ Гюго одинъ стулъ незанятымъ». Я поспѣшилъ исполнить это желаніе; мы отодвинулись

другъ отъ друга и поставили между собою стулъ. Тогда Пальмерстонъ всталъ, привелъ къ намъ свою супругу и посадилъ ее на порожнемъ стулѣ, а потомъ спросилъ ее: «Миледи, который часъ?» дама посмотрѣла на часы и отвѣчала: «тридцать пять минутъ одиннадцатаго.»— »Такъ замѣть-же, сказалъ ей лордъ, «что ты сегодня, такого-то числа и мѣсяца, вечеромъ въ тридцать пять минутъ одиннадцатаго, сидѣла между господами Александромъ Дюма и Викторомъ Гюго, честь, которая можетъ быть во-всю жизнь твою не придется тебѣ вторично». Потомъ онъ снова взялъ ее за руку и повелъ на прежнее мѣсто, не сказавши намъ ни одного слова, именно потому, что мы не были ему представлены».

—

Основаніе города Буффало. Городъ Буффало при озерѣ Эри еще очень недавно возникъ, но уже образуетъ важное торговое мѣсто, и между прочимъ имѣетъ улицу, которая шире и длиннѣе каждой изъ улицъ въ другихъ городахъ. Буффало обязанъ своимъ основаніемъ одному странному спекулатору. Нѣкто Р. выдалъ подложные векселя на десять милліоновъ, и каждый входящій вексель удовлетворялъ другимъ векселямъ; деньги-же, которыя онъ накопилъ такимъ-образомъ, обращалъ на ужасныя предпріятія, и такъ, между прочимъ, построилъ почти весь городъ Буффало и воздвигъ въ немъ большое театральное зданіе. Наконецъ подлогъ былъ открытъ, и Р. приговорили къ шестилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ. По истеченіи этого срока, всѣ жители Буффало вывели его изъ тюрьмы и носили съ тріумфомъ по городу, который имъ созданъ. Р. скончался недавно.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 11.

ПЛЕМЯННИКЪ ИЗЪ ИНДІИ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Я. И. ДЕМЕНТЬЕВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АНДЕРСОНЪ, негоціантъ.

МАРІЯ.
МАРГАРИТА. } его дочери.

Мадамъ ГРОМФУ, воспитательница этихъ дѣвицъ.

АВГУСТЪ, племянникъ Андерсона.

Слуга.

Прекрасно-меблированная комната, съ открытыми дверьми, посрединѣ сцены и съ боковъ.

I.

АНДЕРСОНЪ и АВГУСТЪ входятъ въ среднія двери.

Андерсонъ. Наконецъ-то я дождался давно-желаннаго счастія видѣть тебя лицомъ-къ-лицу. Дай же наглядѣться на тебя, позволь еще разъ прижать тебя къ моему сердцу, мой дорогой племянникъ изъ Индіи! Да, я неиначе стану теперь называть тебя, какъ «мой дорогой племянникъ изъ Индіи.» Согласенъ?

Августъ. Благодарю васъ, почтенный дядюшка.

Андерсонъ. Да, да, чѣмъ болѣе смотрю на тебя, тѣмъ болѣе вспоминаю моего брата, моего друга и благодѣтеля: твой отецъ—ты весь въ него, весь—съ головы до ногъ, и ужъ навѣрное такъ же добръ и благороденъ.

Августъ. Надѣюсь, почтенный дядюшка.

Андерсонъ. Какъ жаль однакожъ, что дочери мои на утренней прогулкѣ, а то бы...

Августъ. Не торопитесь, дядюшка, представлять меня вашимъ дочерямъ: на этотъ счетъ я имѣю важныя причины; вы ихъ сейчасъ узнаете.

Андерсонъ. Говори, дорогой племянникъ изъ Индіи.

Августъ. Вамъ, разумѣется, извѣстна главная цѣль моего пріѣзда; вы, конечно, помните, что, по завѣщанію покойнаго моего отца, я долженъ жениться на одной изъ вашихъ дочерей...

Андерсонъ. И я далъ ему торжественно письменное мое согласіе; но, надо согласиться, мой братецъ распорядился въ этомъ пунктѣ немножко самовластно.

Августъ. Напротивъ, я нахожу, что воля моего отца основана на

полномъ благоразуміи. Тутъ дѣйствовали вмѣстѣ и коммерческій разсчетъ и другое, болѣе нѣжное чувство. Приказывая мнѣ жениться на одной изъ вашихъ дочерей, онъ имѣлъ въ виду соединить оба коммерческіе дома нашей фамиліи подъ фирмою: «Андерсонъ — дядя и племянникъ. Андерсонъ—тесть и зять.» Такъ-ли?

Андерсонъ. Такъ-то такъ, но...

Августъ. При такомъ соединеніи, мы, то есть я и вы, дядюшка, управляемъ... т. е. будемъ управлять нашими капиталами неразрывно, и все это для того, чтобъ еще болѣе упрочить общее наше благосостояніе. Не такъ ли?

Андерсонъ. Конечно... но... я встрѣчаю маленькое препятствіе: ты несравненно богаче меня.

Августъ (*улыбаясь*). Въ Индіи, въ знаменитомъ домѣ вашего брата, а моего отца, я научился аккуратности и, повѣрьте, не обсчитаю себя.

Андерсонъ. Ай-да индійскій негоціантъ!

Августъ. Такимъ образомъ, почтенный дядюшка, вы ясно видите первое оправданіе благоразумія моего отца.—Но какъ всѣ условія его завѣщанія вамъ болѣе или менѣе извѣстны, то я и не стану говорить вамъ о дальнѣйшемъ порядкѣ нашихъ взаимныхъ дѣйствій по коммерціи, и проч. и проч., а приступлю прямо ко второй, важнѣйшей для меня статьѣ.

Андерсонъ. Хорошо, слушаю, приступай.

Августъ. Судя по портретамъ, которые вы прислали мнѣ года полтора тому въ Калькутту, обѣ ваши дочери прелестны. Но, не взыщите, дядюшка, одна мнѣ нравится больше, другая меньше, не по лицу—я ужъ сказалъ, что онѣ обѣ прелестны—а по выраженію, по физіономіи...

Андерсонъ. Которая-же, которая?

Августъ. Это мой секретъ.

Андерсонъ. А, ну, я уважаю чужія тайны. Но...

Августъ. Но, согласитесь, дядюшка, что я долженъ и могу жениться только на одной?

Андерсонъ. Ужъ конечно.

Августъ. Ну, а если я буду имѣть удовольствіе понравиться обѣимъ?

Андерсонъ. Непремѣнно понравишься.

Августъ. Какъ, обѣимъ?

Андерсонъ. Обѣимъ, вдругъ, разомъ: головой ручаюсь.

Августъ. Вы меня приводите въ ужасъ... Да вѣдь въ такомъ случаѣ я не женюсь ни на одной.

Андерсонъ. Да, въ-самомъ-дѣлѣ, твоя правда; объ этомъ я и не подумалъ.

Августъ. За то я подумалъ.

Андерсонъ. Вотъ какъ!

Августъ. Да. Ну, а что вы скажете, если на грѣхъ и я влюблюсь въ обѣихъ?

Андерсонъ. Полно тебѣ балагурить; развѣ это возможно?

Августъ. И какъ еще возможно-то!

Андерсонъ. О, да ты, просто, индѣйскій пѣтухъ!

Августъ. Нѣтъ, я только вашъ «дорогой племянникъ изъ Индіи.»

Андерсонъ. Браво, браво, браво!... Однакожъ, шутки въ сторону, что̀ ты тамъ придумалъ такое? говори.

Августъ. Безъ шутокъ, дядюшка, вотъ что̀, слушайте и не смущайтесь. Я сейчасъ ухожу и черезъ полчаса явлюсь къ вамъ въ самомъ безобразномъ, въ самомъ уродливомъ видѣ: въ гадкомъ парикѣ, съ горбомъ и проч. Вы представляете этого урода вашимъ дочерямъ въ качествѣ формальнаго жениха. Я объясняюсь съ ними напрямикъ; прикидываюсь бѣднякомъ—и тутъ-то раскрывается передо мной характеръ моихъ невѣстъ, ихъ причуды, капризы, чувства и проч. и проч.... Согласитесь, вѣдь все это будущему мужу необходимо знать?

Андерсонъ. Оно, конечно, такъ, да къ чему же, племянникъ, всѣ эти хитрости. Спроси обо всемъ меня.

Августъ. Не хочу, вы тутъ не поможете. Я самъ, лично, долженъ увѣриться.

Андерсонъ. И ты надѣешься въ одинъ, что называется, присѣстъ, разгадать внутреннія свойства женщины?

Августъ. Не женщины, дядюшка, — чтобы понять женщину мало цѣлаго вѣка, — я хочу только повѣрить собственно себя, испытавъ двухъ миленькихъ барышень, портреты которыхъ говорятъ—по-крайней-мѣрѣ для меня — не одинаково. Притомъ, мнѣ кажется, что мужчина, какъ ни будь безобразенъ, можетъ однакожъ встрѣтить въ дѣвушкахъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, маленькую конкуренцію. Вотъ почему, я думаю, нашему брату, при нѣкоторой наблюдательности, легко подмѣтить слабую или хорошую ихъ сторону; а этого только мнѣ и надо, потому-что мнѣ надо—изъ двухъ одну.

Андерсонъ. Желаю успѣха и тебѣ и твоей выдумкѣ... Чтожъ дальше?

Августъ. Да тутъ покамѣстъ и все. Да́, еще условіе—это ужъ въ отношеніи васъ самихъ. Если я догадаюсь—а я, надо вамъ знать, великій мастеръ на догадки — если увижу, что барышни предварены о моей невинной мистификаціи, въ тужъ секунду — мое вамъ глубочайшее уваженіе; только меня и видѣли.

Андерсонъ. Напротивъ; даже, если хочешь, я самъ готовъ помогать.

Августъ. Не трудитесь, не нужно. Теперь вы все знаете, и потому до свиданья... Да, чуть было не забылъ. Вотъ, возьмите, письмо. Я извѣщаю васъ о моемъ пріѣздѣ и о прочемъ. Вы передадите его содержаніе или прочтете сами вашимъ дочерямъ, какъ знаете, какъ найдете лучше. Во всякомъ случаѣ это необходимо, — вы увидите почему. Прощайте-же, до свиданія... Ахъ, еще слово, уговоръ лучше денегъ: помните: черезъ полчаса вы встрѣчаетесь со мной... *въ первый разъ въ жизни*; повторяю—*въ первый разъ*.

Андерсонъ. Понимаю, понимаю. Ты, напримѣръ, входишь вотъ въ эти двери; я, положимъ, стою вотъ здѣсь, и, лишь только завижу тебя, кричу: «А! племянникъ! дорогой, золотой, безцѣнный!... Сюда, ко мнѣ, на мою грудь, къ моему сердцу!...» И потомъ разъ, два, три... и потомъ и такъ, и этакъ, и снова такъ... (*цѣлуетъ и обнимаетъ Августа*) Вотъ какъ!...

Августъ. Прекрасно, прекрасно, только полегче обнимайте, не изомните моего горба.

Андерсонъ. Какого горба?

Августъ. Да вѣдь я уродъ—вы забыли.

Андерсонъ. А! да, да, хорошо, будь спокоенъ.

Августъ. И такъ до свиданія, дядюшка.

II.

АНДЕРСОНЪ одинъ.

Чудесный парень мой племянникъ! настоящій джентльменъ! но только, что̀ за индійская фантазія!... Уродъ, да еще бѣднякъ!... Помилуйте, Бога-ради, что̀ это такое? При такой обстановкѣ можно разсчитывать на однѣ развѣ нашмѣшки, а ужъ никакъ не на расположеніе, особливо, когда дѣвушка и хороша и богата. Впрочемъ, посмотримъ, что̀ изъ этого выйдетъ. Вѣдь го-

ворятъ же: понравится сатана лучше яснаго сокола. Да все, однакожъ, затѣя его какъ-то не клеится съ дѣломъ. Онъ малый-то, конечно, разсудительный; пожалуй станется, что въ его замыслахъ и кроется какая-нибудь ловкая штука... Э, да нѣтъ-ли чего въ письмѣ?! Пробѣгу его, пока не воротились еще мои шалуньи. *(За сценой слышенъ веселый смѣхъ дочерей и строгій голосъ воспитательницы).* А, вотъ и онъ! прочту пока у себя. (*уходитъ въ боковыя двери*).

III.

МАРГАРИТА, МАРІЯ, мадамъ ГРОМФУ. Маргарита вертитъ во всѣ стороны шляпку, кружась по сценѣ; а Марія, войдя на сцену, вынимаетъ изъ своей шляпки на преддиванный столъ разные полевые цвѣты, которые по порядку раскладываетъ.

Громфу (*запыхавшись*). Это ни на что не похоже, это изъ-рукъ-вонъ. Послушайте, мадмоазель Маргарита, уйметесь ли вы наконецъ! Настоящая вы стрекоза!... Чѣмъ больше говоришь, тѣмъ хуже. Перестаньте мучить мою шляпку: *я* вамъ говорю, *я*—слышите-ли?.. Подойдите ко мнѣ, мадмоазель Маргарита, подойдите къ вашей наставницѣ; слышите ли, попрыгунья?...

Маргарита (*смѣясь, дѣлаетъ реверансъ и отдаетъ шляпку*). Извольте, мадамъ Громфу... это было въ послѣдній разъ .. больше не стану.

Громфу. Это я слышу каждый Божій день и каждый день снова вижу ваши шалости. Вы совсѣмъ забываете, что я ваша наставница, воспитательница, учительница, гувернантка, словомъ все... Вы забываете...

Маргарита. Отчасти забываю—это правда.

Громфу. И вы еще сознаетесь! О, да вы... Я не знаю, наконецъ, что вы?...

Маргарита. Спросите у меня самой.

Громфу. Спросить?... Мнѣ?... У васъ?... О, мадмоазель Маргарита, вы совсѣмъ забыли, что я ваша гувернантка, учительница, наставница....

Маргарита (*съ реверансомъ*). Были, были, были...

Громфу. А теперь? а теперь?

Маргарита. А теперь... (*реверансъ*) мнѣ семнадцать лѣтъ, я ужъ кончила курсъ, выдержала экзаменъ; знаю географію, исторію, ариѳметику, умѣю вышивать, танцовать... и готова сама

идти въ гувернантки, наставницы, профессорши, во что угодно, да только...

Громфу. Продолжайте, что такое «только»?

Маргарита. Боюсь...

Громфу. Чего же?..

Маргарита (*реверансъ*). Сдѣлаюсь... ворчуньей, какъ другія...

Громфу. Благодарю васъ, модмоазель Маргарита... Нѣтъ, ваша сестрица этого бы не сказала.

Маргарита. О, моя сестрица умница... (*та на нее взглянула*). Ахъ Marie, не сердись, пожалуйста...

Марія. За что же? Вѣдь я называю же тебя вѣтренницей. — Перестаньте гнѣваться, мадамъ Громфу; лучше займемся сортировкой цвѣтовъ.

Маргарита. И въ-самомъ-дѣлѣ, займемся... А все-таки, мадамъ Громфу, я долго не позабуду, какъ вы меня жестоко обидѣли.

Громфу. Прошу покорно! я обидѣла! когда моя шляпка...

Маргарита. Я тысячу разъ васъ просила: не трогайте моихъ маргаритокъ, не срывайте, у меня каждый разъ болитъ сердце, когда вы даже дотронетесь до маргаритокъ. Эти милашки мои любимицы, я ихъ покровительница, между нами симпатія... вѣдь я и сама Маргарита... а вы не хотите понять... Такъ вотъ вамъ и шляпка ваша!..

Громфу. И вамъ не стыдно думать...

Маргарита. Я ничего не думаю... мнѣ не стыдно. Не рвите моихъ маргаритокъ, вотъ и все. Вашу шляпку я изомну, изорву, изтопчу... а мои маргаритки!.. Да вы только взгляните, какая прелесть! (*цѣлуетъ цвѣты*). О, мои чудные цвѣточки! Какъ я васъ люблю, берегу... Вы малы, нѣжны, беззащитны... но все-таки и вы созданіе Божіе, какъ и я... кто же смѣетъ обижать васъ!..

Громфу. Ха, ха, ха... ахъ вы проказница, проказница!..

Маргарита (*весело*). Вы разсмѣялись, мадамъ Громфу?.. Ахъ, какъ я рада; съ вами это такъ рѣдко бываетъ... О, теперь я разцѣлую васъ! Простите меня душечка, мадамъ Громфу... вѣдь вы знаете, какъ я люблю васъ... шляпку я куплю вамъ новую... двѣ, три, десять... только не сердитесь, душечка...

Громфу. Полноте, мамзель Маргарита, довольно, оставьте... вы задушили меня...

Маргарита. О нѣтъ, этого мало... вы веселы... я тоже, да-

вайте же скакать, прыгать... Вотъ такъ... (*кружитъ ее по сценѣ*). Тра-ла-ла, трала-ла ла (*Марія хохочетъ*)...

Громфу. Перестаньте, Бога ради... мамзель Маріе, помогите... освободите... я вся растрепалась... Охъ!.. Ухъ!..

Маргарита. Ну, довольны ли вы теперь, мадамъ Громфу? ха, ха, ха!..

Громфу. Охъ!... Ухъ!... Это невыносимо, безбожно... въ мои лѣта... въ моемъ званіи... Ухъ!... (*Бросается на диванъ*).

Марія. Послушайте, mesdames, неугодно ли приняться за цвѣты?

Громфу. Охъ, до цвѣтовъ ли тутъ!... нѣтъ... измучилась... Ухъ!..

Марія и Маргарита (*хохочутъ*).

IV.

ТѢ ЖЕ и АНДЕРСОНЪ, веселый, читаетъ письмо.

Марія и Маргарита. (*подбѣгая къ отцу и цѣлуя его*). Папа!.. Папаша!..

Марія. Какой ты веселый, папа!..

Маргарита. Въ самомъ дѣлѣ, папаша, ты что-то очень веселъ..

Андерсонъ. Да и есть-таки чему радоваться. Ну, ужъ только что за проказникъ этотъ племянникъ!

Маргарита. Кто проказникъ?

Марія. Какой племянникъ!

Андерсонъ. Догадайтесь-ка, шалуньи, отъ кого это письмо? Кто пріѣхалъ къ намъ... издалека?.. изъ-за морей?.. Не догадываетесь?.. Ну, да кого мы съ часу-на-часъ ждемъ не дождемся... напримѣръ... изъ Индіи?

Маргарита. Какъ? неужели?..

Марія. Нашъ женихъ!..

Маргарита. Двоюродный братецъ?

Громфу. Ахъ, это тотъ... интересный индѣецъ... принцъ Джальма...

Андерсонъ. Ну, да, да... братъ... женихъ... однимъ словомъ Августъ Андерсонъ... Нате, читайте... (*Марія и Маргарита теребятъ письмо, желая каждая прочесть прежде другой; но въ это дѣло вмѣшивается Громфу и отпираетъ письмо*).

Громфу. Позвольте мнѣ... въ качествѣ воспитательницы, я...

Андерсонъ. Читайте, читайте, мадамъ Громфу.

Громфу (*читаетъ*). «Почтенный дядюшка! Мнѣ минуло двадцать-пять лѣтъ. Исполняя волю моего покойнаго отца, я прекратилъ всѣ торговыя дѣла въ Индіи и переношу мою негоціацію въ Европу. Въ эту минуту я сижу на станціи вашей желѣзной дороги, и лишь только получу извѣстіе о моихъ корабляхъ, съ первымъ поѣздомъ поспѣшу къ вамъ, чтобъ обнять васъ и предложить свою руку и сердце прекрасной Мар...» (*повторяетъ, смотря въ письмо и перевертывая его*) Мар.... Мар....

Марія. Чтожъ вы остановились, мадамъ Громфу?

Громфу. Это странно; не Марія и не Маргарита, а просто *Мар*.. посмотрите сами.

Марія и Маргарита (*разсматриваютъ*).

Марія. Скажите, пожалуйста, въ-самомъ-дѣлѣ, одни только начальныя: *М. р. а*..

Маргарита. Да, да... а тамъ дальше ничего; да тутъ и уголъ оторванъ... ну, такъ вотъ почему...

Марія. Однакожъ; кѣмъ онъ оторванъ, съ какою цѣлью?

Маргарита. Что́ бы это значило, папаша?

Андерсонъ. Не знаю, не понимаю... я въ такомъ видѣ и получилъ.

Громфу. О, такъ это не безъ умысла... Надо подумать, сообразить...

Маргарита. Вотъ это мило! *Мар*... ха, ха, ха! ни Марія, ни Маргарита, ни я, ни сестрица... ха, ха, ха!

Марія. Это вовсе не смѣшно, это, напротивъ, очень, очень... неделикатно. Какъ вы находите, папа? Кого онъ разумѣетъ подъ этимъ *Мар*...?

Андерсонъ. Не знаю... уголъ оторванъ... всякая догадка безполезна... обстоятельство темное... Можетъ-быть это такъ, ничего... вздоръ... а можетъ-быть... кто его знаетъ!.. какая-нибудь хитрость заморская...

Громфу. Позвольте, позвольте... Да... такъ... очень можетъ-быть... Знаете ли, что́ я думаю?

Марія и Маргарита. Говорите, говорите...

Громфу. Это недописанное Мар... этотъ оторванный уголокъ— самая тончайшая осторожность.

Марія. Осторожность?..

Громфу. Да, и вмѣстѣ вѣжливость.

Марія. Какъ же такъ, объясните?

Громфу. Нашъ загадочный Джальма...

Андерсонъ (*всторону*). Что́ она тамъ городитъ: Джальма!

Громфу. Нашъ интересный индіецъ не знаетъ еще, какой сдѣлаетъ выборъ... написать полное имя... ваше ли, модмоазель Марія, или ваше, мадмоазель Маргарита... значитъ и поспѣшить и обидѣть одну изъ васъ... затронуть самолюбіе...

Марія (*перебивая*). Охъ, перестаньте...

Громфу. Конечно, онъ еще не знаетъ, что вы, подъ моимъ руководствомъ, получили самое тщательное образованіе... что вы воспитаны въ духѣ..

Маргарита (*перебивая скороговоркой*). Кротости и смиренія — знаемъ, знаемъ, но...

Громфу. Вы торопитесь, мадмоазель Маргарита, а дѣло это не такъ просто... И потому, вникнувъ хорошенько, я начинаю думать, что индѣйскій рыцарь нашъ...

Андерсонъ (*всторону*). Вотъ опять какой-то рыцарь!...

Громфу. Вооружась щитомъ осторожности, позволилъ себѣ начертить таинственное и односложное Мар... то есть, какъ хотите, такъ и думайте... во всякомъ случаѣ, на мои глаза, это прерванное Мар... показываетъ осторожность... а недостающій уголокъ...

Марія (*перебивая*). Вѣжливость?.. убѣдительно.

Маргарита. Ха, ха, ха!.. Мнѣ кажется, нашъ братецъ просто чудакъ, оригиналъ.

Андерсонъ. Это всего вѣрнѣе.

Марія. Извините, папа, онъ вѣрно ужасный гордецъ: важничаетъ своимъ богатствомъ, молодостью... можетъ-быть, онъ къ тому же недуренъ...

Маргарита. О, я воображаю, какъ онъ хорошъ! Въ Индіи, говорятъ, все красавцы.

Громфу. Вотъ, напримѣръ, принцъ Джальма..

Андерсонъ (*всторону*). Опять Джальма! (*къ Маргаритѣ*). Да, бываютъ удивительные красавцы, но случаются и удивительные уроды.

Маргарита. Ахъ, какія страсти! Я ни за что не пойду за урода.

Марія. Уродливость наружная—еще не большая бѣда.

Громфу. Разумѣется; напримѣръ... нѣкоторая полнота тѣла...

Андерсонъ (*всторону*). Намѣкаетъ, злодѣйка, на себя.

Маргарита. Ха, ха, ха!.. полнота!.. Какъ это должно быть красиво!..

Марія. Однакожъ, еслибъ такъ случилось, что нашъ братецъ,..

Маргарита. Все равно, братецъ или кто другой, я терпѣть немогу полныхъ, бери ихъ себѣ, если хочешь.

Марія. Покорно благодарю...

Маргарита. И я то же.

Андерсонъ (*всторону*). Эге! вотъ она, конкуренція-то, о которой намѣкалъ племянникъ.

Громфу. Ну, а если онъ... настоящій принцъ Джальма?

Андерсонъ (*особо*). опять! (*къ Громфу*). Да что вамъ дался какой-то Джальма!.. Джальма да Джальма!.. (*Дѣвицы хохочутъ*).

Громфу. Джальма—это молодой индѣецъ, принцъ, красавецъ, герой романа... но вы не читаете романовъ: слѣдовательно...

Андерсонъ. Слѣдовательно и не говорю пустяковъ...

Маргарита (*перебивая*). Постойте, папа, будемъ продолжать о таинственномъ братцѣ. Да, если онъ хоть крошечку похожъ на Джальму...

Марія Тогда что?

Маргарита. Тогда... я беру его для себя...

Марія. Да, конечно... ты вправѣ считать себя Адріэнной... ты такъ хороша!...

Маргарита. Если не такъ, какъ Адріэнна, за то у меня чудесные черные волосы, а у нее... ха, ха, ха...

Марія. Такіе же, какъ у меня?.. Прекрасно сказано!

Маргарита. Я этого не говорю... Впрочемъ, каковъ бы онъ ни былъ, нашъ индѣйскій братецъ, я не тороплюсь; я... подожду.

Марія. Какой нѣжный намекъ, что я старше тебя.

Маргарита. Цѣлымъ годомъ, сестрица... Слѣдовательно очередь не моя.

Марія. Я тоже не спѣшу... По-крайней-мѣрѣ я слишкомъ горда, чтобъ навязываться кому бы то ни было.

Маргарита. И я не навязываюсь, а признаюсь не прочь... ха, ха, ха!..

Андерсонъ (*всторону*). Конкуренція, конкуренція! не стану мѣшать... (*уходитъ*).

Громфу. Мадмоазель Маргарита! Я, какъ воспитательница, обязана васъ предостеречь, остановить, удержать... Вы сказали *не прочь*. Такіѣ слова, мысли въ устахъ семнадцати-лѣтней дѣвицы...

Маргарита. Совершенно приличны, вы то̀ хотѣли сказать?

Громфу. О, нѣтъ, извините, другое... И совѣтую вамъ, если вы еще не забыли моихъ правъ, какъ гувернантки, воспитательницы, наставницы... совѣтую вамъ...

Маргарита. Ха, ха, ха!.. Да, можетъ-быть, я сегодня же выйду замужъ; такъ на что̀ мнѣ ваши совѣты?

Марія. Какая скромность!..

Маргарита. Я говорю, что чувствую, и надѣюсь, сестрица, что мы не поссоримся изъ-за-человѣка, котораго не знаемъ, не видали... Въ доказательство моего миролюбія, я первая отказываюсь отъ нашего индѣйца и предоставляю его тебѣ...

Марія. Ахъ, Боже мой, какое смиреніе, когда не знаешь, кого еще онъ выберетъ!

Маргарита. Увѣряю тебя, сестрица, я говорю, что думаю, и когда братецъ пріѣдетъ, я уйду, спрячусь, запрусь, не покажусь...

Марія. Къ чему такое самопожертвованіе!..

Маргарита. А, сестрица! ты не вѣришь моей искренности! хорошо же, я остаюсь; первая покажусь на глаза кузену, буду съ нимъ любезна, ловка, умна и тогда посмотримъ...

Марія. Съ такими прекрасными мечтами я и оставляю *васъ*, сестрица...

Маргарита. Вотъ какъ! Ужъ между нами замѣшалось учтивое *вы*?..

Марія. Я иду къ себѣ, мадамъ Громфу...

Громфу. Что̀ вы дѣлаете, мадмоазель Маріе?

Марія. Скажите папенькѣ, что я... что у меня...

Громфу. Ничего не скажу, ничего, я...

Марія. Вдругъ... голова...

Громфу. Это нехорошо, негодится; вашъ папенька...

Марія. Я не выйду сегодня цѣлый день... пусть онъ не тревожится... (*Уходитъ*).

Громфу. Но это невозможно... я не допущу... слышите ли, мадмоазель Marie?.. Ушла. Что́ тутъ прикажете дѣлать! десять лѣтъ трудилась я неусыпно надъ образованіемъ ума и сердца этихъ двухъ горлицъ... десять лѣтъ—шутка сказать!.. Пришла минута, вышелъ случай и горлицы въ разсыпную. По неволѣ скажешь вмѣстѣ съ баснописцемъ (*вполголоса*) а только кинь имъ кость...

Маргарита. Пожалуйста, мадамъ Громфу, — не шепчите про себя тяжелой морали.—Что́ бы между нами ни произошло, все-таки сестра моя останется для меня сестрой... Я это сейчасъ вамъ докажу: пойду къ ней, разцѣлую ее и вы увидите, что мы совсѣмъ не то, что какія-нибудь *гамъ, гамъ*! (*уходитъ за сестрой*).

Громфу (*одна*). Вотъ тебѣ и разъ! Опять попалась на зубокъ къ этой вострушкѣ. Давича какія-то дрянныя маргаритки; теперь... О, гувернантство, гувернантство! Какъ много въ тебѣ и смѣшнаго и грустнаго!.. Но подождемъ... выдадимъ сперва одну за индійскаго набаба, а тамъ, можетъ-быть, и другую за какого-нибудь африканскаго льва, и тогда... о, тогда я спокойно убаюкаю себя на лаврахъ съ-хорошимъ пенсіономъ... (*слышенъ стукъ подъѣхавшей кареты*).

V.

АНДЕРСОНЪ, ГРОМФУ и потомъ АВГУСТЪ, въ рыжемъ курчавомъ парикѣ и съ горбомъ на спинѣ.

Андерсонъ (*вбѣгая*). Тссъ... тише... Подъѣхала карета!.. это онъ, навѣрное онъ...

Громфу. Кто? Джальма?

Андерсонъ (*всторону*). Тьфу ты пропасть, опять Джальма! (*къ ней*) онъ, я вамъ говорю, племянникъ изъ Индіи... Гдѣ дочери? а? подите, зовите, тащите... скорѣе (*суетясь, убѣгаетъ въ среднія двери*).

Громфу (*кричитъ сестрамъ въ отпертыя двери*). Мадмоазель Маріе, мадмоазель Маргарита! пожалуйте сюда, да проворнѣй; васъ требуетъ папа; пріѣхалъ Джальма...

Голоса дѣвицъ изъ-за кулисъ. Мы не выйдемъ... скажите папашѣ...

Громфу. Послушайте... это нехорошо... надо выйти... папа станетъ сердиться... (*слышны какіе-то невнятные съ обѣихъ сторонъ переговоры. А между-тѣмъ являются Андерсонъ и Августъ*).

Андерсонъ. Сюда, сюда, дорогой мой племянникъ изъ Индіи. Мадамъ Громфу! что́-же вы!..

Громфу (*оборотясь*) Сейчасъ... (*увидя гостя, она вскрикиваетъ и убѣгаетъ*).

Андерсонъ (*всторону*). Ну, теперь пойдутъ разсказы!

Августъ. А что, каковъ вашъ племянникъ?

Андерсонъ. Безподобенъ! Чудо! Геркулесъ! Самсонъ златокудрый!.. ха, ха, ха!.. (*оба хохочутъ; вслѣдъ затѣмъ раздается женскій хохотъ съ разными переливами*).

Андерсонъ. А!.. вотъ и они тамъ заливаются. Видишь, какъ быстро разнеслась молва о твоей красотѣ.

Августъ. Все это въ порядкѣ; такъ и быть должно. Однакожъ я желалъ бы поскорѣе кончить мое дѣло.

Андерсонъ. Сейчасъ, сію-минуту (*подходя къ дверямъ*). Дѣти! Марія, Маргарита! Я и гость давно васъ ждемъ... (*къ Августу*) Идутъ. (*между-тѣмъ за кулисами слышенъ новый хохотъ, полегче прежняго. Вскорѣ выходятъ Марія и Маргарита, а за ними Громфу. Дѣвицы дѣлаютъ реверансъ, потупя глаза въ землю.— Маргарита едва сдерживаетъ смѣхъ, прикрываясь платкомъ. Громфу, просто, поражена и стоитъ столбнякомъ, потомъ, пока молодые люди раскланиваются, она подходитъ къ авансценѣ, произнося*). «Ай-да красавчикъ! Ай-да принцъ Джальма! Бываютъ хуже, да рѣдко!..

Андерсонъ (*Августу*). Мои дочери—Марія и Маргарита (*къ нимъ*) Мой племянникъ и другъ, вашъ кузенъ... Августъ Андерсонъ...

Августъ. Прекрасныя сестрицы! позвольте мнѣ, по обычаю моей страны, пожать ваши прелестныя ручки (*пожимаетъ*). Вы меня извините, если я что-нибудь не такъ...

Андерсонъ. Но сядемте... (*всѣ садятся кромѣ Громфу, дѣвицы на диванъ*).

Августъ. Надо вамъ замѣтить, почтенный дядюшка, что я человѣкъ пунктуальный: точность, опредѣлительность—моя слабость. Въ распоряженіи у меня теперь не болѣе получаса. А какъ я долженъ поговорить и съ вами, прекрасныя сестрицы, и съ вами, почтенный дядюшка, по двумъ одинаково-важнымъ для меня предметамъ, то и раздѣляю это время по поламъ; для васъ, сестрицы, ¼ часа и для васъ, дядюшка, тоже... Вы подождите меня въ своемъ кабинетѣ.

Андерсонъ. Ухожу и ожидаю (*уходитъ*).

Августъ (*Громфу*). Вы, сударыня, тоже оставьте насъ однихъ на ¼ часа.

Громфу (*всторону*). Дерзкій Индѣецъ!.. уродъ съ береговъ Ганга!.. (*уходитъ*).

Августъ. Я не знаю, прекрасныя сестрицы, вашихъ Европейскихъ обычаевъ, но у насъ, въ Индіи, безцеремонность, откровенность—первая добродѣтель.—И потому, извините меня, если я, покоряясь этой добродѣтели и дорожа временемъ, спрошу васъ просто и прямо (*встаетъ*). Нравлюсь-ли я вамъ, прекрасныя сестрицы?.. Отвѣчайте по совѣсти; не бойтесь, я не оскорблюсь.

Марія. Вашъ вопросъ такъ неожиданъ...

Августъ. Смѣлѣе, смѣлѣе.

Маргарита. Признаться, вы не очень... привлекательны.

Августъ. Хорошо. Но еще короче: нравлюсь, или нѣтъ?

Марія. Вы сами должны догадываться...

Августъ. Въ послѣдній разъ: да, или нѣтъ?

Марія и Маргарита (*вмѣстѣ*). Нѣтъ.

Августъ. Прекрасно. Теперь дальше. По желанію моего покойнаго отца и съ согласія вашего батюшки, я долженъ на одной изъ васъ жениться. Вы обѣ прекрасны. Выборъ труденъ. Поэтому я предлагаю мою руку той изъ васъ, которая согласна принять ее по совѣсти, если не по сердцу. Итакъ...

Марія. Любезный братецъ!.. даже по совѣсти я не могу подать вамъ большой надежды. Позвольте мнѣ остаться лучше... вашей двоюродной сестрой.

Августъ. Безподобно! а вы, мадмоазель Маргарита?

Маргарита. Откровенность за откровенность. Вы... не нравитесь мнѣ. Я за васъ не выйду, хоть бы вы были въ десять разъ еще богаче.

Августъ (*садится*). Увы!.. Я вовсе не богатъ...

Марія и Маргарита. Какъ?.. что?..

Августъ. Полчаса тому назадъ я былъ милліонеръ, теперь—нищій!..

Марія. Можетъ ли это быть?

Маргарита. Что́ вы говорите?

Августъ. Такъ случилось.—Отправляясь къ вамъ, я получилъ извѣстіе, что корабли мои съ товарами погибли въ Океанѣ; въ нихъ заключалось все мое богатство: потерявъ его, я дочиста разорился.

Марія. И вы разсказываете объ этомъ такъ хладнокровно?

Августъ. Къ чему же горячиться?

Маргарита. Но это ужасное несчастіе!..

Августъ. Вы называете это несчастіемъ, а я—полезнымъ урокомъ, не болѣе. Впередъ не плошай.—Вспомните, вашъ батюшка былъ нѣкогда—даже не такъ еще давно—въ такомъже положеніи, какъ я теперь, однакожъ снова разбогатѣлъ.

Марія. Ему помогъ вашъ отецъ...

Маргарита. А также и вы: я это знаю.

Августъ. Помощь ничтожная. Ему помогли собственно трудъ и терпѣніе. Трудъ и терпѣніе все преодолѣваютъ. Я разорился, но это не бѣда. Я привыкъ трудиться, я молодъ, у меня есть цѣль, воля, познанія въ дѣлахъ, меня знаютъ и въ Европѣ и въ Индіи, какъ человѣка дѣятельнаго и честнаго. Слѣдовательно, вы видите, я не пропаду, не могу пропасть. Но, при всемъ томъ, мнѣ недостаетъ... (*съ чувствомъ*) только одного... бездѣлицы...

Марія. Денегъ?.. О, батюшка дастъ вамъ...

Августъ. Деньги? Я ни отъ кого ихъ не бралъ и не возьму безъ права. Деньги, по моему, — я уже сказалъ вамъ—трудъ и время.

Марія. Такъ чего же? говорите.

Августъ. О, этой бездѣлицы нельзя ни купить, ни пріобрѣсть силой... Она, эта бездѣлица, бываетъ часто невидима, незамѣчена, но она всегда благотворна; отъ этой бездѣлицы зависитъ иногда счастіе всей нашей жизни, не матеріальное счастіе, о нѣтъ! а то, къ которому стремится и юноша, и старикъ, и богачъ, и бѣднякъ...

Марія. Я не совсѣмъ васъ понимаю.

Августъ (*всторону*). Холодное существо!

Маргарита. А я догадываюсь, чего вамъ не достаетъ, братецъ...

Августъ. Говорите, да поскорѣй, потому-что (*смотря на часы*) у меня остается для васъ едва 5 минутъ.

Маргарита (*восторженно по мѣрѣ рѣчи*). Вы ѣхали сюда богатѣйшимъ негоціантомъ... ѣхали, покидая навсегда свою прекрасную родину, гдѣ были уважаемы, какъ человѣкъ дѣятельный и полезный... ѣхали для того, чтобъ соединиться съ вашими близкими, единственными родственниками... Мы—ваши сестры—занимали васъ болѣе, нежели ваши корабли... это я замѣтила изъ письма, хоть оно и черезъ-чуръ лаконическое... Не смотря на то, что разорились, вы предлагаете намъ вашу руку прямо и безусловно... Значитъ, вы полагаетесь на наше сочувствіе къ вашему горю, значитъ, вы довѣряете намъ... а встрѣчаете эгоизмъ... Вы вѣрили, можетъ-быть, въ судьбу, завѣщанную вамъ отцомъ вашимъ,—а находите двухъ дѣвушекъ, неспособныхъ оцѣнить васъ по достоинству... Да, да, братецъ... вы ищите привязанности... вы желаете согрѣть ваше растерзанное сердце родственнымъ участіемъ... участіемъ людей, къ которымъ вы спѣшили изъ чудной, родной вашей страны—и вдругъ... О! я угадала васъ, братецъ!..

Августъ (*вставая и цѣлуя ея руку*). Безцѣнная Маргарита! Вы списали мой портретъ во весь ростъ. Каждое ваше слово здѣсь, въ моемъ сердцѣ, и останется въ немъ вѣчно, клянусь вамъ! Но... (*смотритъ на часы*) срокъ кончился, я иду къ вашему батюшкѣ, а отъ него уѣзжаю прямо въ Индію. Прощайте... (*хочетъ идти*).

Маргарита. И такъ холодно, братецъ!? (*беретъ его за руку*). Чувствуете ли, какъ рука моя горяча!? Такъ вѣрьте же, что эта рука не трепетала бы въ вашей, еслибъ сердце мое не имѣло теплоты... Судьба ваша должна исполниться во что бы то ни стало!.. Идите къ батюшкѣ и скажите ему, что вы... не поѣдете въ Индію: такъ я хочу.

Августъ. Маргарита! вы—ангелъ благородства и доброты! (*убѣгаетъ*).

Марія. Что̀ съ тобою сдѣлалось, Маргарита? Что̀ это, комедія или трагедія?..

Маргарита. Ни то, ни другое, сестрица. Когда онъ говорилъ намъ о своемъ разореніи, просто, безъ претензій—онъ былъ въ моихъ глазахъ прекрасенъ. Я не видала его безобразія. Я тот-

часъ почему-то сообразила, что ему, этой благородной душѣ, нужна не денежная помощь, чтобъ ожить и возстановить себя; нѣтъ, ему нужно сочувствіе родственнаго сердца. Такъ пусть же я буду этимъ сердцемъ! Да, сдѣлаюсь для него тѣмъ солнечнымъ лучомъ, который согрѣваетъ и василекъ увядающій!.. Когда я угадывала его мысли, то вспомнила эту прекрасную басню... Ахъ, какъ все хорошо тамъ сказано...

Марія *(всторону)*. Сестрица моя пустилась въ идиллію, Богъ съ ней, на здоровье *(уходитъ)*.

Маргарита.

Въ глуши разцвѣтшій василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины,
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины.
Зефиру между-тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
Ахъ, если бы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть-можетъ, и меня оно бы оживило?
Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!
Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ:
Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,
И вянешь ты, или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты
На это нѣтъ.
Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ;
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы,
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ, жалѣя коситъ,
А ты ни пышенъ, ни пахучъ:
Такъ солнце ты своей докукою немучь!

Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго перестань,
Молчи и вянь!
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству Флорину разсыпало лучи,
И бѣдный василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.
О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно
Былинкѣ ль, кедру ли благотворитъ равно,
И радость по себѣ и счастье оставляетъ,
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.

(*При послѣднихъ строкахъ входитъ Андерсонъ и Августъ, переодѣтый во фракъ, безъ горба и парика, и съ ларчикомъ въ рукѣ. Они остановились у дверей*).

VI.

МАРГАРИТА, АНДЕРСОНЪ и АВГУСТЪ.

Андерсонъ. Маргарита!.. *Дочь моя!.. я благословляю тебя!...*

Маргарита. Батюшка!

Августъ. Примите и отъ меня чувство самой искренней благодарности! Вы меня воскресили; будьте же навѣкъ моею и я буду счастливъ.

Маргарита. Какъ?.. Это вы?.. братецъ?.. Августъ!?..

Августъ. Августъ Андерсонъ, вашъ кузенъ и женихъ, если позволите.

Маргарита. А! такъ вы насъ мистифировали!...

Августъ. Немножко.

Маргарита. И вы осмѣлились?..

Августъ. Съ согласія вашего батюшки.

Андерсонъ. Ха, ха, ха!.. вотъ такъ-то и надо съ вами, плутовки!

Маргарита. Очень хорошо. Вы свое кончили, а я начну. Сестра моя, Марія, старше меня цѣлымъ годомъ; она хороша,

умна и добра. Ей слѣдуетъ выйти замужъ прежде меня и вы должны жениться на ней.

Августъ. Я женюсь на васъ, Маргарита, или ни на комъ. Я такъ рѣшилъ. Рѣшите же и вы окончательно: долженъ ли я ѣхать въ Индію, или остаться въ Европѣ?

Маргарита *(нѣжно и кокетливо)*. Оставайтесь. *(Убѣгаетъ за сестрой)*.

Андерсонъ. Ну, дорогой мой племянникъ изъ Индіи, скоро же устроилось твое дѣло, а признаюсь, я отчасти сомнѣвался въ успѣхѣ.

Августъ. А я нисколько, лишь только взглянулъ на вполнѣ— открытое лицо вашей младшей дочери.

VII.

ТѢЖЕ и МАРГАРИТА, ведетъ за руку МАРІЮ, за нею ГРОМФУ.

Маргарита *(сестрѣ)*. Представляю тебѣ моего жениха.

Марія. Боже мой!... какая перемѣна!... Что̀ это значитъ?... Вы насъ дурачили?..

Августъ. Нѣтъ, я только испытывалъ... а это дозволительно, особенно въ такомъ случаѣ, когда дѣло идетъ о цѣлой жизни...

Марія. Но гдѣ вашъ...

Маргарита. Да, да, гдѣ же ваши интересныя кудри и...

Августъ. Парикъ брошенъ, а горбъ... Я его подношу вамъ, Маргарита *(подаетъ ларчикъ)*, возьмите его: въ немъ заключается пока все мое состояніе.

Маргарита и Марія *(разкрывъ ларчикъ)*. Бриллiанты!!... какое богатство!...

Марія. А ваши корабли? Вы говорили, что они...

Августъ. Дѣйствительно погибли. Но я оттого не раззорился: они были застрахованы. *(къ Маріи)* Здѣсь я долженъ прибавить собственно для васъ, сестрица,—что половина товаровъ принадлежитъ моему товарищу по торговлѣ. Онъ видѣлъ вашъ портретъ, ѣдетъ сюда, чтобъ ближе быть къ подлиннику и... остальное зависитъ отъ васъ...

Марія *(съ реверансомъ)*. Постараюсь, чтобъ не ошибиться въ другой разъ.

Маргарита. А зачѣмъ же вы, братецъ, прислали письмо безъ уголка?...

Августъ. Вотъ онъ, этотъ спорный уголокъ. Приложите его къ письму, и вы прочтете полное ваше имя—*Маргарита*. Я угадалъ васъ, находясь еще въ Индіи.

Маргарита. *Ахъ, сестрица, какъ я счастлива...*

Андерсонъ. Ну, слава Богу, обстоятетьства, кажется, всѣ объяснились удовлетворительно. Значитъ можно, да и время позавтракать. Я надѣюсь, что шалуньи мои угостятъ на славу своего двоюроднаго братца, а моего дорогаго племянника изъ Индіи. Что-же вы, мадамъ Громфу, ничего не скажете?

Громфу. О, вашъ племянникъ—настоящій принцъ Джальма!...